

Александр Васильевич РЕВЯКИН
СОЦИАЛИЗМ И ЛИБЕРАЛИЗМ ВО ФРАНЦИИ
В СЕРЕДИНЕ XIX ВЕКА

М.: Наука. 1999

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект №98-01-16181

Ответственный редактор: доктор исторических наук А.Э.ШТЕКЛИ

Рецензенты: доктор исторических наук Е.М.Макаренкова, кандидат исторических наук Е.И.Федосова

Аннотация издательства

Монография посвящена истории общественной мысли во Франции в 30-40-е годы XIX в. В центре внимания - бурная деятельность и эволюция общественно-политических воззрений Этьена Кабе, в молодости - либерала, видного деятеля республиканской оппозиции в период Реставрация Бурбонов и Июльской монархии, а в зрелом возрасте - известного теоретика и пропагандиста идей коммунизма в его утопическом "демократическом" варианте. Автор анализирует споры, которые велись в общественных кругах Франции по актуальным проблемам политики и экономики, прослеживает различия в подходе к ним социалистов и либералов. Рассматриваются также взгляды Луи Блана, Дюнуайе, Консидерана и других политиков и социальных реформаторов. Для историков, политологов и широкого круга читателей.

ВВЕДЕНИЕ

Глава 1. ОТ ЛИБЕРАЛИЗМА К СОЦИАЛИЗМУ: ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ КАБЕ

В защиту свободы и прав нации

Битвы за республику

"Путешествие в Икарию"

Демократический коммунизм

Бегство в утопию

Глава 2. ПОЛЕЗНЫЕ УРОКИ РЕВОЛЮЦИЙ

"Революция 1830 г."

"Народная история Французской революции"

"Восстание 23 июня"

Глава 3. КОММУНИСТ СРЕДИ ДЕМОКРАТОВ

Демократическое движение в начале 40-х годов

Старые друзья - новые враги

"Письма о кризисе"

Против "Насьональ"
Разрыв с "Реформ"

Глава 4. ОБЩНОСТЬ И НАСИЛИЕ

Возникновение коммунистического движения

Течения в коммунизме

Можно ли установить общность принуждением и насилием?

"Я прежде всего демократ!"

Противник расколов и поборник единства

Нет заговорам и восстаниям!

Глава 5. ПУТЬ ЛЕГАЛЬНОСТИ И ГРАЖДАНСКОГО МУЖЕСТВА

Кабе о гражданском мужестве и общественном сознании

Ультракоммунисты

Нужна ли коммунистам поддержка буржуазии?

Современный коммунизм

Глава 6. ПРИХОЖАЯ КОММУНИЗМА

Предшественники коммунизма

Нужно ли обожествлять Бабефа?

Икарийский коммунизм и социализм

Фаланстер - подготовка общности

Попытка объясниться

Политика и социализм

Глава 7. ЕДЕМ В ИКАРИЮ!

Общинные эксперименты

Самое совершенное равенство

Практическое братство

Реформа нравственности

Предчувствие "социального катаклизма"

Проект икарийской эмиграции

Глава 8. СВОБОДА ИЛИ ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА?

Революция 1848 г. и "социальный вопрос"

Социальная реформа

Безграничная свобода

Социальная организация

Единое владение

Самоотверженность и интерес

Коллективный интерес или тирания лодырей?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Веб-публикация: [Vive Liberta, 2012](#)

Полный перевод работы *Этьена Кабе* «Путешествие в Икарию» с комментариями
http://vive-liberta.narod.ru/doc/cabet_icarie.pdf
Вступительная статья *В.П.Волгина*:
http://narod.ru/disk/19222487000/volgin_cabet.pdf.html
Биографический очерк о Кабе (*Э.Гуревич*)
<http://vive-liberta.narod.ru/ref/cabet.pdf>

В нашей библиотеке также можно найти тематически связанные тексты
(искать и скачивать http://vive-liberta.narod.ru/biblio/biblio_1.htm)

Утопический социализм:

П.Луи. Французские утописты: Луи Блан, Видаль, Пекер, Кабе, с отрывками из их произведений
А.Иоаннисян. К истории французского утопического коммунизма первой половины XIX столетия
А.Иоаннисян. Революция 1848 года во Франции и коммунизм
А.Иоаннисян. Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1840-41 гг.
А.Иоаннисян. Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1842-47 гг.
В.Волгин. Французский утопический коммунизм: к 200-летию со дня рождения Гракса Бабефа
Г.Кучеренко. Сен-симонизм в общественной мысли XIX в.
В.Волгин. Сен-Симон и сенсимонизм
Изложение учения Сен-Симона (лекции Базара, Анфантена, Родрига)
Т.Дезами. Кодекс общности
С.Назарова. Проблема социальной революции в работах Т.Дезами.
П.Ткаченко. Восприятие революционными разночинцами идей западноевропейского утопического социализма

Либерализм

Французский либерализм в прошлом и настоящем
Либерализм Запада 17-20 вв.
М.Федорова. Классический французский либерализм

1848 год: «весна народов»: подборка литературы

Другие работы А.В.Ревакина:

Буржуазия после французской революции (первая половина XIX в.)
Французская революция и буржуазия
Революция и экономическое развитие Франции в первой половине XIX в.

ВВЕДЕНИЕ

В истории последних полутора-двух столетий трудно найти два других течения общественной мысли и политических движения, конкуренция которых, борьба за умы и души людей наложили бы столь глубокий отпечаток на мировое развитие. В зависимости от того, как мы – позитивно или негативно – оцениваем состояние современного мира, мы можем с равными основаниями поставить им как в вину, так и в заслугу то, как он выглядит сегодня.

Общепризнанно, что либерализм и социализм изначально исповедовали во многом противоположные системы общественно-политических ценностей. Либерализм отдавал предпочтение индивидуализму – инициативе, усилиям и преуспеянию отдельного человека, социализм, напротив, – коллективизму, акцентируя интересы целого – коллектива, общества – в противоположность интересам отдельной личности. Как незыблемую догму либерализм провозглашал преимущества частной собственности, свободного рыночного хозяйства. Столь же решительно социализм требовал перехода к коллективным формам хозяйственной деятельности, в основе которых лежит тем или иным образом обобществленная, т.е. утратившая индивидуального владельца, собственность. Либерализм и общество рассматривал главным образом как совокупность конкурирующих индивидов, групп и классов. Поэтому наилучшим принципом государственного устройства он считал разделение и баланс властей. Социализм стремился устранить конкуренцию и классовую борьбу и на этой основе обеспечить экономическое, социальное и политическое сплочение общества, формы которого, впрочем, могут быть различны. Разумеется, со временем острота противоречий между социализмом и либерализмом по этим и другим вопросам во многом сгладилась. Тем не менее они по-прежнему отдают предпочтение разным общественно-политическим ценностям.

Но нам хотелось бы привлечь внимание читателя к тому обстоятельству, что при всей их противоположности, либерализм и социализм имеют между собой много общего. Начнем хотя бы с того, что оба эти явления универсальны по своему характеру. Они исходят из представления о единстве мира. Из этого представления вытекает, что все человечество развивается по одним и тем же неизменным законам. Либерализм и социализм не признают государственных, расовых и этнических границ. Предполагается, что те идеи, которые они исповедуют, одинаково применимы для всех стран и народов, разве что с поправкой на местные особенности. И где бы они ни осуществлялись, везде они ведут к одинаковым результатам.

Общим является и происхождение либерализма и социализма. Как самостоятельные течения общественной мысли и в особенности как политические движения они возникли под влиянием социальных потрясений в мире на рубеже XVIII и XIX вв., в особенности Французской революции. Далеко не случайно, что долгое время они оперировали даже одинаковыми лозунгами “свобода, равенство и братство”, заимствованными из программ революции. Хотя, разумеется, чем дальше, тем больше они расходились в их истолковании. Этот удивительный симбиоз отчасти объясняется тем, что вплоть до середины XIX в. либерализм и социализм были вынуждены противостоять общему врагу – тем общественным силам, которые олицетворяли собой “старый порядок” в Европе и оказывали ожесточенное сопротивление происходящим переменам.

Разумеется, несмотря на универсальный характер, либерализм и социализм еще в XIX в. стали явлениями глубоко национальными. В каждой стране, где они получили распространение, они усваивали местные традиции, нравы и обычаи. Нет в мире стран с тождественным историческим опытом. Даже если взять только Европу, то помимо различий между ее Востоком и Западом, сколько своеобразия в каждом из этих регионов! Большим своеобразием отличалось в разных странах и развитие либерализма с социализмом, в частности, в России, где в последние годы они были предметом оживленных общественно-политических и научных дискуссий¹.

Темой настоящей работы и является история взаимоотношений либерализма и социализма во Франции в 30–40-х годах XIX в. Причем, в наши намерения не входило полное, обобщенное освещение этого вопроса. В истории как либерализма, так и социализма еще много “белых пятен”. И хотя, учитывая темпы исследований в этой области, время появления обобщающих исследований по истории общественной мысли и общественных движений XIX в. приближается, тем не менее оно, по нашему мнению, еще не пришло.

Главным героем нашего исследования является Этьен Кабе, общественная и политическая деятельность которого во второй четверти XIX в. проливает яркий свет на характер взаимоотношений между либерализмом и социализмом в то время. Он сам как бы воплощал их “единство и борьбу”. Начинал он свою политическую карьеру в период Реставрации как либерал, разделяющий все основополагающие ценности своей партии; заканчивал же он ее как социалист, один из самых известных пропагандистов коммунизма и

руководитель движения икарыйских коммунистов. Во избежание путаницы, отметим, что понятие “социализм” мы используем как общее по отношению к понятию “коммунизм”. Так же, кстати говоря, понимал их и сам Кабе, хотя вполне отдавал себе отчет в том, что социализмом и коммунизмом в его время называли разные социальные учения.

Но Кабе интересен не только тем, что переменял свои взгляды на противоположные. Разрабатывая коммунистическое учение, он попытался объединить, “синтезировать” некоторые важные принципы либерализма с социализмом. В конечном счете, он намеревался создать некую обобщенную теорию, преодолевающую ограниченность и крайности современных ему течений общественной мысли. Мы попытались выяснить, какими мотивами он руководствовался, с какими трудностями встретился и насколько преуспел в этом деле. С результатами нашего исследования мы и хотели бы ознакомить читателя.

Диссертация представляет собой не биографию Кабе, хотя в ней содержатся малоизвестные сведения биографического характера. Это исследование проблем, которые поставила предшествующая историография вопроса. Поэтому и построена она в основном не по хронологическому, а по проблемному принципу. При всех познавательных и дидактических достоинствах этого принципа у него, применительно к теме нашего исследования, имеется и недостаток: приходится вновь и вновь возвращаться к событиям жизни и деятельности Кабе, уже однажды затронутым ранее, чтобы взглянуть на них под новым углом зрения. Мы надеемся, что в данном случае читатели “войдут в положение” автора и не сочтут проявлением небрежности те мелкие повторы, которые, как нам представляется, продиктованы необходимостью.

Мы также считали бы своим долгом поблагодарить коллег из Института всеобщей истории РАН (директор А.О.Чубарьян), где была выполнена эта работа, за помощь и внимание, которые мы неизменно встречали с их стороны. В особенности же мы признательны коллективам центров истории общественной мысли и теоретических проблем исторического процесса (руководители Л.С.Чиколени и В.Л.Мальков), в которых обсуждалась эта работа частями или целиком. Большую помощь советами и консультациями оказал нам признанный специалист в области истории общественной мысли А.Э. Штекли. Мы благодарны парижскому Дому наук о человеке (администратор М.Эмар), неоднократно предоставлявшему нам возможность работать во французских архивах и библиотеках.

Нельзя не отметить также исключительно доброжелательную атмосферу московских библиотек, где нам приходилось подолгу работать: Государственной общественно-политической, Исторической, ИНИОН РАН. Мы признательны, наконец, Российскому гуманитарному научному фонду за финансовую поддержку издания этой книги.

¹ См.: Ромозер Г. Пути либерализма в России // Полис. 1993. № 1. С. 31–36; Социалистическое видение современности, или Современное видение социализма (обзор симпозиума) // Там же. 1994. № 5. С.50–63; Либерализм и демократия // Там же. № 3; Согрин В.В. Либерализм в России: перипетии и перспективы // Общественные науки и современность. 1997. № 1. С. 13–23; Российские исторические традиции и перспективы либеральных реформ. “Круглый стол” // Там же. № 6. С. 68–84; Риск исторического выбора России (материалы “круглого стола”) // Вопросы философии. 1994. № 5. С. 3–26; Евстигнеева И.П., Евстигнеев Р.Н. Неотвратимость либерализма в России // Там же. 1996. С. 158–163; и др.

Глава 1

ОТ ЛИБЕРАЛИЗМА К СОЦИАЛИЗМУ: ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ КАБЕ

Французская история середины XIX в. богата известными именами и яркими личностями. Некоторые из них по праву считаются олицетворением различных направлений в развитии идеологии и политики того времени.

Классическую доктрину либерализма воплощали Франсуа Гизо и Адольф Тьер. Они были последовательными защитниками политической и экономической свободы, собственности и индивидуального преуспеяния. Их политическим идеалом была конституционная монархия с цензовым избирательным правом. Во время Июльской монархии они сделали блестящую карьеру. Тьер назначался на посты министра финансов, внутренних дел и общественных работ. В 1836 и 1840 гг. он дважды возглавлял кабинет министров. Гизо последовательно служил в должности министра просвещения, французского посла в Лондоне, министра иностранных дел. Незадолго до революции 1848 г. он был назначен премьер-министром.

Идеологию демократического движения выражали Луи-Антуан Гарнье-Пажес, Арман Марраст, Александр Ледрю-Роллен и другие политики. Не подвергая сомнению классические ценности либерализма, они стремились дополнить их принципом народного суверенитета. Их политическим идеалом была демократическая республика, предоставляющая всем гражданам право избирать и быть избранными в представительные учреждения государства. Звездным часом демократов была революция 1848 г., но многим из них посчастливилось дожить до установления Третьей республики в начале 70-х годов.

Давно стали нарицательными имена французских социалистов Луи Блана, Огюста Бланки и Жозефа Прудона. Не менее столетия их на разные лады склоняли политические писатели и публицисты – “луиблановщина”, “бланкизм”, “прудонизм”. Блан предлагал создание общественных мастерских, которые, постепенно охватывая все новые отрасли производства, преобразуют общество. Скандальную известность принес ему провал всех его планов во время революции 1848 г., когда он возглавлял “правительственную комиссию для трудящихся”. Бланки вошел в историю как вечный заключенный. Призывая народ к социальной революции, чтобы установить строй подлинного равенства, он первый раз попал в тюрьму за участие в восстании 1839 г. Революция 1848 г. его сначала освободила, а потом снова бросила в заключение за попытку свергнуть Временное правительство. Проведя несколько лет на свободе, он в третий и последний раз попал в тюрьму

осенью 1871 г. за восстание против правительства “национальной обороны”, откуда вышел лишь незадолго до смерти. Прудон благоразумно предлагал ограничиться чисто экономической реформой кредита и обмена. Эта подлинная “социальная революция”, по его словам, не требовала крови, но обещала всех людей сделать полноценными гражданами и работниками, обменивающимися равными количествами труда.

Но фоне этих устоявшихся репутаций фигура Этьена Кабе лишена однозначности и определенности. Виной тому отчасти его собственное непостоянство, побуждавшее его часто менять область и направление приложения своих сил. С удивительной непринужденностью он бросался из крайности в крайность, опровергая самого себя и рискуя прослыть дилетантом. Так получилось, что Кабе, хотя и не в равной мере, но по праву, может претендовать на лавры всех трех отмеченных нами выше направлений политической мысли.

В ЗАЩИТУ СВОБОДЫ И ПРАВ НАЦИИ

По рождению Кабе принадлежал к поколению известных политиков, литераторов, журналистов, таких как Минье, Тьер, Гизо и другие, детство которых пришлось на революцию конца XVIII в., а пора возмужания – на годы Реставрации. Их политическая карьера началась приблизительно одинаково: все они получили хорошее образование, затем занялись профессиональной деятельностью, пока не увлеклись политической борьбой в рядах либеральной оппозиции легитимной монархии Бурбонов. Все они отдали дань увлечению историей, в особенности историей революции конца XVIII в. Лишь после революции 1830 г. их пути разошлись. Большинство соратников Кабе из числа либерал-революционеров, боровшихся с существующим порядком, превратилось в либерал-консерваторов, защитников существующего (начиная с 1830 г.) строя, тогда как у Кабе его неприятие принимало все более резкие и непримиримые формы.

Кабе родился 1 января 1788 г. в городе Дижоне в семье ремесленника-бочара – “рабочего-патриота”, как говорится в его официальной биографии, составленной в 40-х годах XIX в. Впоследствии он любил щеголять своим “пролетарским” происхождением, хотя современный социолог отнес бы его семью к кругу мелкой буржуазии, или среднему классу. Подростком он помогал отцу в его мастерской. В эпоху глубоких политических и социальных перемен конца XVIII – начала XIX в., когда все общество пришло в движение и социальные барьеры пошатнулись, людьми овладела жажда личного преуспеяния, повышения своего статуса. Отец Кабе не принуждал сына наследовать профессию и позволил ему получить хорошее образование. Он окончил лицей в Дижоне, а в мае 1812 г. защитил диссертацию по праву в очевидной надежде сделать академическую карьеру. Но вакансий в университете не оказалось, и Кабе занялся адвокатской практикой.

События 1814—1815 гг., связанные с реставрацией Бурбонов и “ста

днями" Наполеона, прерывают спокойное течение жизни нашего героя. Он становится одним из организаторов либерального кружка "Бургундская федерация", который насчитывал до тысячи членов и объединял выходцев как из буржуазных, так и простонародных слоев общества. Известно, например, что из 137 человек, первыми вступивших в эту федерацию, 42 были негоциантами, комиссионерами и коммерсантами¹. Во время "белого террора", последовавшего за повторным изгнанием Наполеона, Кабе защищает в суде высокопоставленных представителей бонапартистского режима, таких как военный комендант Бургундии генерал Антуан Во и мэр Дижона Пьюжи. "Начиная с 1814 г., — вспоминал он впоследствии, — смыслом моей жизни была полная опасностей борьба за свободу"².

Репутация противника легитимной монархии не только не помешала, но и — знамение времени! — помогла карьере молодого честолюбивого адвоката. В 1820 г. Кабе перебрался в Париж, где получил место в престижной адвокатской конторе. Перед ним открылись двери знаменитых либеральных салонов, в том числе и салона легендарного "героя Нового и Старого Света" генерала Лафайета, где он сводит знакомство с видными деятелями оппозиции Жаком Лафитом, Шарлем Дюпоном из Эры, Антуаном Манюелем и другими. Они вовлекают его в тайное общество карбонариев, членом верховной венты которого он становится в 1821 г.

Уже в ту пору среди карбонариев возникли разногласия между республиканцами и сторонниками конституционной монархии "британского образца" во главе с представителем династии Орлеанов. Эти разногласия свидетельствовали об усилении влияния во французском либеральном движении так называемых "идеологов". Члены этой группы, в том числе видный политик и философ П. Руайе-Коллар, Ф. Гизо и др., в отличие от таких деятелей либеральной оппозиции, как депутаты Ж. Лафайет, Ж. Лафит, А. Манюэль, Б. Констан, выступили за укрепление конституционной монархии на основе принципов Хартии 1814 г. Для этого, утверждали они, необходимо "отделить судьбу восстановленной королевской власти от судьбы старого порядка, а дело политической свободы — от революционных теорий и страстей"³. Принимая принципы и результаты революции конца XVIII в., они осуждали, однако, способы ее осуществления.

Имеются свидетельства того, что Кабе примкнул именно к орлеанистам⁴. Это, впрочем, не мешало ему поддерживать тесные отношения с республиканцами, в частности с Сент-Аманом Базаром. В известной мере Кабе играл роль связующего звена между обоими

течениями движения карбонариев. По отзывам современников, весьма преуспел он и в овладении сложным искусством конспиративной деятельности. Однажды во время выполнения ответственного задания Кабе был арестован полицией, но, судя по всему, отделался легким испугом. Учитывая его связи с неким англо-французским банком и крупным издателем Даллозом, можно предположить, что в 20-е годы Кабе обеспечил себе достаточно прочные позиции в либеральных кругах столицы.

Новый поворот в судьбе Кабе связан с революцией 1830 г. "Уже 27 июля, — писал он впоследствии, — я поверил в то, что революция началась, и подобно многим бросился ей на помощь, отнюдь не рассчитывая на ее скорое завершение". 29 июля Кабе был избран членом повстанческой муниципальной комиссии Люксембургского квартала 11 округа Парижа. Кабе с сознанием важности этого события вспоминал о том, как "при свете факелов и под бой барабанов" члены этой комиссии составили обращение к восставшему народу, которое "тотчас же было вывешено за нашими подписями". С тех пор он с гордостью называл себя "повстанцем июля" (*homme de juillet*)⁵.

Вслед за победой народного восстания Кабе был свидетелем и участником тех политических переговоров, которые определили характер будущего правления. В частности, он несколько раз встречался с герцогом Орлеанским, которого оппозиция еще задолго до революции прочила на королевский трон. Кабе никогда не скрывал, что попал тогда под обаяние этого "принца-гражданина", покоровшего вождей оппозиции своим демократизмом и готовностью принять все их требования. О своей первой встрече с ним Кабе оставил подробный рассказ. Утром 1 августа он участвовал в собрании "молодых людей, сторонников республики, которые сражались с оружием в руках и внесли вклад в победу". Они, по его словам, "были бы готовы согласиться на конституционную монархию, но при условии определенных гарантий". Между тем, один из приятелей Кабе, направлявшийся в Поле-Рояль, городскую резиденцию герцога Орлеанского, предложил пойти вместе с ним. Кабе принял предложение. Он воспользовался случаем, чтобы рассказать герцогу об "умонастроениях" тех молодых людей, собрание которых он только что покинул. В ответ герцог рассказал ему о своих взглядах, суть которых он сам обобщил словами "республиканская монархия", добавив: "Я — республиканец".

Впоследствии Кабе корил себя за наивность и доверчивость. Но в свое оправдание он говорил, что куда более опытные и искушенные люди, чем он, тоже дали себя провести коварному принцу. Например, Дюпон из Эры, близкий друг и покровитель Кабе, сначала отказался от предложенного ему Луи-Филиппом портфеля министра юстиции, заявив, что ему, как "старому плебею, выходцу из народа", претят монархические атрибуты новой власти. Но он снял свои возражения

¹ *Levêque P.* La Bourgogne de la Monarchie de Juillet au Second Empire : Méthodologie et statistique. Lille, 1990. P. 787.

² *Cabet E.* Révolution de 1830 et situation présente (septembre 1832) expliquées par les révolutions de 1789, 1792, 1799 et 1804 et par la Restauration. P., 1832. P. IV.

³ *Girard L.* Les libéraux français: 1814-1875. P., 1985. P. 69-79.

⁴ *Johnson Ch.* Utopian Communism in France: Cabet and the Icarians, 1839-1851. Ithaca; L., 1974. P. 22, 24.

⁵ *Cabet E.* Correspondance avec Louis-Philippe, Dupont de l'Eure ; Barthe, etc, sur la marche du Gouvernement depuis le 1er août 1830. P., 1833. P. 1.

после того, как герцог, по словам Кабе, “раздраженно ему заметил: “Т-н Дюпон, вы случайно не считаете себя большим патриотом, чем я сам?””⁶

Тем не менее, Кабе все-таки потребовал от герцога Орлеанского определенных политических гарантий. 3 августа он послал ему письмо, в котором призывал “не принимать корону до того, пока ее вам не предложит специально избранная национальная ассамблея на основании новой конституции”. Этим жестом герцог доказал бы, по словам Кабе, свою приверженность принципу национального суверенитета⁷. В ответ на это письмо Луи-Филипп через Лафита, также как и Дюпон согласившегося войти в новое правительство, пригласил Кабе для беседы. “Герцог Орлеанский принял меня исключительно ласково, – рассказывал потом он об этой встрече. – Я был с ним совершенно откровенен, и он подтвердил свою приверженность всем самым основным либеральным и народным принципам”⁸.

Однако к тому времени выяснилось, что большинство членов законодательных палат, сохранившихся от правления Карла X, готово к компромиссу с новой властью при условии минимальных корректировок существующего политического порядка. Обеспокоенный за будущее Кабе пишет в ночь с 6 по 7 августа новое письмо Луи-Филиппу, в котором умоляет его “распустить палаты, которые утратили свою легитимность, созвать национальное собрание, укрепить свой совет министров решительными и популярными людьми, наподобие Дюпона из Эры”. Но было уже поздно: 9 августа на объединенном заседании палаты депутатов и палаты пэров герцог Орлеанский был провозглашен королем французов. Два дня спустя он занял трон под именем Луи-Филиппа. Это огорчило Кабе, но не подорвало его веры в “принца-гражданина”. Уже после его избрания королем Кабе несколько раз с ним встречался, и всякий раз тот “оказывал ему исключительно любезный прием”⁹.

Это, в общем, и побудило Кабе принять назначение на должность генерального прокурора Корсики, которое выхлопотал для него новый министр юстиции, его покровитель Дюпон из Эры. 20 сентября, незадолго до своего отъезда к месту службы, он вновь пишет королю в надежде раскрыть ему глаза на горькие истины. “Ваше правительство, – говорилось в письме, – допустило многочисленные ошибки, которые, скорее всего, посеют к нему недоверие, вызовут недовольство его действиями, а, может быть, и отпор в грубых формах. Все это может бросить вас и нас в пропасть”. К письму был приложен “Мемуар”¹⁰, в котором Кабе анализирует допущенные ошибки и предлагает, как их исправить.

“Была ли у нас революция?” – вопрошает Кабе. Он в этом сомне-

вается, учитывая, что и правительство, и палаты, по его словам, “стремятся уверить нас, что произошла всего лишь смена министерства, смена правительственной системы; они... хотят продолжения Реставрации”. Он считает, что получив власть, королю следовало первым делом “образовать максимально популярное правительство”. Затем следовало осуществить меры, выдержанные в духе “умеренности, справедливости и твердости по отношению к противникам революции и к иностранным державам”, которые “обеспечили бы защиту интересов народа, свободу и доверие нации”. С этой целью правительство должно было, по мнению Кабе, “действовать диктаторскими методами”. Затем надо было издать избирательный закон или хотя бы указ, распустить палаты и созвать “великий национальный конвент”, который бы разработал новую конституцию в соответствии с желанием страны. Все эти меры должна была подкрепить посылка в департаменты комиссаров, которые смещали бы судей, меняли бы местную администрацию и национальную гвардию. И тогда бы король с чистой совестью мог бы отчитаться в своих действиях перед народными избранниками.

Ошибкой короля Кабе считает то, что он согласился оставить хартию 1814 г., хотя и с изменениями, сохранил палату пэров, фактически согласился с “узурпацией власти палатой депутатов”, составил новое правительство из “аристократических элементов и доктринеров”, издал временный избирательный закон в “антилиберальном и антинародном духе”, не отстранил от должности многочисленных сторонников Реставрации и тому подобные действия.

В особенности же Кабе считает ошибкой новых властей то, что поглощенные политикой, они забыли о народе, который, по его словам, “не получил ничего за свою самоотверженность, победу и бескорыстие”. Между тем народу не хватает работы (Июльская революция произошла в условиях, когда Франция еще не оправилась от экономического кризиса, разразившегося в конце 20-х годов), ему грозит нищета. К тому же его “раздражает то, что многие его враги по-прежнему выглядят преуспевающими людьми, занимая высокооплачиваемые должности”. Между тем стране грозит финансовая катастрофа, которая “одним ударом может уничтожить и без того парализованные кредит, торговлю и промышленность”. Все это предвещает, по словам Кабе, “гражданскую войну”.

Эти несчастья, однако, можно предотвратить, если правительство немедленно возьмется за выполнение той программы действий, которой оно столь легкомысленно пренебрегло ранее.

Уже на следующий день, 21 сентября, Луи-Филипп пригласил Кабе для длительной беседы. О ней потом Кабе вспоминал всю свою жизнь. “Мы с ним не пришли к единому мнению по основным вопросам, – рассказывает он об этой встрече. – Убеденный в том, что его взгляды могут навлечь на трон и страну большую беду, я не сдержал своих чувств. Он тоже был тронут тем, с какой энергией я выражал свои убеждения. Наш разговор с ним затянулся, так что министры, приглашенные к нему, должны были четверть часа дожидаться приема.

⁶ Ibid. P. 2.

⁷ Ibid. P. 3.

⁸ Ibid. P. 5.

⁹ Ibid. P. 7.

¹⁰ Ibid. P. 9–23.

Придерживая дверь, он на прощанье сказал мне: “Я никогда не забуду наш сегодняшний разговор””¹¹.

Вступая в должность прокурора Корсики, 30 октября 1830 г. Кабе произнес речь, которая ярко характеризует его политические настроения в тот момент. Он заявил, что “Июльская революция открыла во Франции новую эру”. Она свергла “абсурдный и оскорбительный” режим Реставрации, “узурпатора, полагавшегося во всем на границу”, “невежественного, сумасшедшего, лживого, трусливого и кровавого деспота”. Уточним, что все эти “лестные” эпитеты относились к Карлу X. Вместо него революция возвела на трон “принца-гражданина, заявившего, что он уступил пожеланиям страны [и занял трон] с единственной целью – завоевать и консолидировать *свободу*; что он почитает за честь принять корону из рук *своих сограждан*; что он признает и провозглашает *права нации*; что он... *привержен принципам свободного правления и заранее принимает все вытекающие из этого последствия*”. Кабе выражал надежду на то, что король Луи-Филипп, а именно его он имел в виду, “обеспечит Франции бесценное благо – создание подлинно представительной монархии, опирающейся на республиканские учреждения”. Вместе с политическими реформами Кабе рассчитывал и на проведение социальных реформ. Он, в частности, сказал, что “более либеральное, мягкое и справедливое законодательство по отношению к трудящимся классам, более соответствующее правам и даже добродетелям народа, облегчит соблюдение законов и приведет к сокращению преступлений”¹².

Должность, которую занимал Кабе, отнюдь не каждый назвал бы удачным началом административной карьеры. Корсика была далеко от столицы, где вершилась политика. К тому же ничего, кроме лишней головной боли, прокурору не приходилось ждать от своеобразных местных обычаев, например, вендетты. Тем не менее, первые впечатления Кабе от жизни на Корсике были вполне радужные. 12 ноября 1830 г. он писал Дюпону: “Я живу в прекраснейшем доме в Бастии, на берегу моря. У меня есть очаровательная терраса, об основании которой разбиваются пенные волны и с которой можно видеть остров Эльбу и Италию. По ней я каждый день вышагиваю не меньше одного лье, читая или раздумывая о моей родине. Словом, в обычное время я бы с удовольствием провел здесь несколько лет”¹³.

Но в том-то и дело, что Кабе не сиделось на месте. Во Франции, считал он, назревали крупные события: “Бездействие правительства, плохие законы... отвращение к народу, свободе, равенству и революции, которое демонстрирует власть, большое количество неправильных новых назначений на должности... повсюду вызвали недовольство, которое скоро перерастет в ярость. Напрасно говорят нам, что богатый

класс желает умеренности и спокойствия. Это правда. Любой, кто посещает лишь салоны, имеет дело лишь с богатейшей буржуазией или торговцами, подтвердит вам это мнение. Но пусть также послушают, что говорят народ, молодежь, энергичные патриоты в Париже, Дижоне, Лионе, Марселе, Тулоне, на Корсике и везде (как это сделал я), и тогда станет ясно, что раздражение повсюду крайнее. Те, кто совершили революцию, пока богатые прятались и высказывались в пользу сохранения реставрации и порядка, в настоящее время, вероятно, еще более раздражены, чем накануне 25 июля. Они полны решимости силой направить правительство на правильный путь. Ничто не сможет их остановить, когда они начнут. Словом, все может случиться, поскольку мы живем на вулкане”¹⁴.

Вскоре пришло известие о начале восстания в Польше, которое Кабе воспринял как сигнал о грядущих потрясениях мирового масштаба. 22 декабря 1830 г. он пишет Дюпону: “... Слух ... о восстании в Польше в настоящее время подтвержден газетами. Это неожиданное событие чревато гигантскими последствиями. Россия, а возможно и Пруссия с Австрией набросятся на эту страну”. Но французы не могут оставить в беде Польшу. “Франция и ее правительство,— продолжает Кабе, — уже сегодня должны хотеть войны. Несомненно, решение о войне уже принято”¹⁵.

В этом письме Кабе выражает твердое намерение стать депутатом. После того, как король уволил в отставку Дюпона и снял с командования национальной гвардией Лафайета, нарушил все прежние свои обещания демократических реформ, он считает себя свободным от обязательств по отношению к правительству. Поэтому, формально оставаясь на государственной службе, он выдвигает в родном Дижоне свою кандидатуру на выборах в палату депутатов от оппозиции.

БИТВЫ ЗА РЕСПУБЛИКУ

Либерализм был идейным знаменем оппозиции в годы Реставрации. В годы Июльской монархии он фактически превратился в официальную идеологию. Но именно в том истолковании, которое ранее ему дали “доктринеры”, в особенности, Ф. Гизо¹⁶, ставший одним из влиятельнейших сановников нового режима. Рассматривая Июльскую монархию как воплощение принципов 1789 г. и требований либеральной “партии”, этот видный политик, историк и публицист, игравший начиная с 1840 г. ведущую роль в кабинете Сульта, во многом сумел придать французскому либерализму середины XIX в. консервативную тональность¹⁷. Борьба за политические и социальные

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Ibid. P. 40.

¹⁶ Федосова Е.И. Франсуа Гизо: историк и государственный деятель // Новая и новейшая история. 1997. № 2. С. 57–68; Rémond R. Les droites en France. P., 1982. P. 89.

¹⁷ См.: Алпатов М.А. Политические идеи французской буржуазной историографии XIX в. М.; Л., 1949. С. 107. См. также: Rosenvallon P. Le moment Guizot. P., 1985.

¹¹ Ibid. P. 23–24.

¹² Discours prononcé par M. Cabet, procureur général, lors de son installation le 30 octobre 1830, P. 4–6, 7 // Les Archives Nationales de France, BB⁶ 188.

¹³ Cabet E. Correspondance avec Louis-Philippe. P. 34.

реформы во Франции в этих условиях неизбежно приобретала идеологическую окраску, т.е. сопровождалась критикой либеральных ценностей и принципов.

7 апреля 1831 г. Кабе подписал в Бастии обращение к избирателям Дижона, в котором не просто изложил свою политическую программу, но, как он определил суть этого документа, свой “символ веры”. Вот его основные слагаемые. Кабе считал, что “славная Июльская революция, закрепившая национальный суверенитет, несовместима с деспотической властью абсолютных монархов Европы” и что долг Франции поддержать “народы, которые с оружием в руках борются за свою свободу, и таким образом спасают и нашу свободу”. Разумеется, Кабе имел в виду восставших поляков. Далее, он выражал убеждение в том, что “представительная конституционная монархия, опирающаяся на народные учреждения, является такой формой правления, которая лучше всего подходит Франции”. Но необходимым ее условием он признавал такой порядок, при котором “вся нация была бы приемлемым образом представлена” в верхах государства, так, чтобы она “возможно более широко осуществляла самое первое и самое ценное из своих прав, а именно право выбирать своих представителей, и выбирать их полностью свободно”. Кабе не говорит еще о введении всеобщего избирательного права, но явно уже недоволен идеей ограничения избирательных прав, которую в то время разделяло большинство либералов¹⁸.

Кабе выражал также пожелание, чтобы “единственной целью законодательства и администрации стали, наконец, общий интерес общества и улучшение участи бедных и трудящихся классов”. Он призывал также к сплочению всех граждан вокруг Луи-Филиппа, подчеркивая при этом “необходимость осуществления *всех обещаний революции*, выполнение властью всех ее обязанностей и уважение прав страны”¹⁹.

Чтобы преодолеть цензовый барьер, друзья предоставили ему кое-какую собственность, налог с которой составлял 509 франков, что вполне удовлетворяло требованиям закона. Но когда избирательная кампания была уже в полном разгаре, Кабе был уволен с должности прокурора без объяснения причин. Сохранилось письмо, датированное 22 мая 1831 г., в котором Кабе выражал протест министру юстиции в связи с той грубой и оскорбительной формой, в которой это было сделано²⁰. Впрочем, что он мог ожидать от власти, которую сам же и презирал?

5 июля 1831 г. при поддержке республиканского общества “На бога надейся, а сам не плошай” Кабе победил своего соперника, правительственного кандидата, со значительным перевесом голосов избира-

телей. Большую помощь ему оказало и местное Общество прав человека, руководящий комитет которого почти сплошь состоял из коммерсантов, ремесленников и мелких предпринимателей, включая и Луи Кабе, его брата, богатого торговца уксусом²¹. В палате он занял место рядом с несколькими другими депутатами-республиканцами. К этому времени Кабе, подобно многим своим политическим друзьям, не только избавился от иллюзий в отношении Луи-Филиппа, но и пересмотрел свои политические взгляды. Хотя славы парламентского оратора и законодателя Кабе и не снискал, он стал одним из самых резких критиков “июльского предательства”, как он именовал политику нового правительства. В своем обращении к избирателям в октябре 1831 г. Кабе осуждал “камарилью во главе с Талейраном”, которая, по его словам, подменила Июльскую революцию “квазирестаурацией”, ибо “вся внутренняя и внешняя политика нового режима основана на принципах самой Реставрации”. Опираясь на поддержку Священного союза и сторонников легитимной монархии и аристократического строя, писал Кабе, правительство Июльской монархии подвергло преследованиям “патриотов”. Эта политика и являлась “истинной причиной народных восстаний, нищеты, всеобщего недовольства и кровопролития”. Кабе предостерегал, что рано или поздно она ввергнет страну “в гражданскую и внешнюю войну”²².

Вскоре властям представилась удобная возможность отомстить Кабе за его критические наскоки. Предлогом послужил разгром республиканского восстания, которое имело место в Париже 5-6 июня 1832 г. Хотя Кабе к нему был непричастен, у него дома полиция устроила обыск и захватила все его бумаги. Три месяца продолжалось следствие. В итоге с него были сняты все подозрения. Таким образом, считал Кабе, обыск и следствие были ничем иным, как “гнусными притеснениями”. Политическое положение во Франции в это время было, по его мнению, “хуже некуда”: “июньские события, нарушения хартии, попытка герцогини Беррийской поднять восстание в Вандее²³, ожидание скорой войны в Бельгии²⁴, персональное правление короля, его неоправданной отказ созвать заседание палат для утверждения бюджета – все это, вместе взятое, вызывало большую тревогу”²⁵. В этих условиях Кабе берет в руки перо и решает рассказать “всю правду” в книге об Июльской революции.

“Революция 1830 г.”, вышедшая в свет в мае 1833 г., принесла Кабе славу острого на язык, задиристого публициста. Гонорар от этого издания он израсходовал на помощь политическим заключенным.

В феврале 1833 г. Кабе встал во главе общественной организации, которая называлась Свободной ассоциацией. Она возникла вскоре после

²¹ Levêque P. Op. cit. P. 813.

²² Cabet E. Révolution de 1830 P. III.

²³ Речь идет о попытке силой вернуть власть династии Бурбонов.

²⁴ Основные державы Европы отказались признать независимость Бельгии, отделившейся в 1830 г. от Нидерландского королевства.

²⁵ Cabet E. Correspondance avec Louis-Philippe... P. 49.

¹⁸ Проект избирательно закона Дюпона из Эры предусматривал не отмену ценза для кандидатов в депутаты, но лишь снижение ценза для избирателей, так что их общее число возросло бы до 500 или 600 тыс. См.: Cabet E. Correspondance avec Louis-Philippe ... P. 35.

¹⁹ Ibid. P. 43–44.

²⁰ Discours prononcé par M. Cabet, procureur général... P. 7.

Июльской революции и занималась организацией бесплатных общеобразовательных курсов для населения. Ассоциация была связана с Обществом прав человека и фактически занималась легальной пропагандой республиканских идей. Она существовала на еженедельные взносы в размере 25 сантимов, которые регулярно платили 2,5-3 тыс. человек. Ее членами были 2 тыс. профессоров, преподавателей и лекторов. Своим слушателям она могла предложить до 50 различных лекционных курсов. Ассоциация издавала газету “Фондатёр”, главным редактором которой тоже был Кабе. А в июне 1833 г. он создал и возглавил другую газету – “Попюлэр”. Оправдывая свое название (“Народная”), она со временем достигла огромного по тем временам тиража – 27 тыс. экземпляров.

Официально издателем “Попюлэр” была некая “патриотическая ассоциация” во главе с Кабе. Ее акционерами числились два десятка депутатов, в том числе известные вожди леволиберального, республиканского движения д'Аржансон, Дюпон из Эры, Гарнье-Пажес, генерал Лафайет, Ламене и другие, врачи, инженеры, университетские профессора, рабочие, несколько землевладельцев, а также негодичник и мануфактурист. “Попюлэр” имела подзаголовок: “Газета политических, материальных и моральных интересов народа”. Ее девизом были три слова: “мораль – свобода – равенство”. О ее направлении свидетельствовали также два вынесенных на первую полосу и набранных жирным шрифтом высказывания, принадлежавшие без всякого сомнения самому Кабе. Первое выражало политическую линию газеты: “Народный суверенитет не подлежит сомнению: задача заключается лишь в том, чтобы последовательно претворить его в жизнь”. Второе высказывание характеризовало подход к социальным проблемам: “Мы хотим, чтобы народ возвысился и обогатился своим трудом, но при этом никто не должен пострадать, лишиться своего имущества или подвергнуться угнетению”.

Программу “Попюлэр” Кабе подробно изложил в статье “Цель и план газеты”, помещенной в номере от 1 сентября 1833 г.²⁶ Внимательно ознакомимся с этой статьей, ибо она дает отчетливое представление о воззрениях автора в один из поворотных моментов его жизни. Обращает внимание прежде всего ее “народнический” характер: благо, права и интересы народа рассматриваются в ней в качестве главной программной цели новой газеты. По определению Кабе, народ – это не только “самая многочисленная часть общества, большинство нации”, но также и его “самая полезная и самая необходимая часть, поскольку именно он своим трудом создает все богатства и мужественно их защищает и охраняет”. Народ как трудовое большинство нации Кабе противопоставляет ее “праздному меньшинству”. Без этого праздного меньшинства народ, по его мнению, вполне “может обойтись”, хотя само это меньшинство не может обойтись без “трудящегося и спражающегося народа”.

²⁶ Le Populaire. 1833. 1 sept.

Именно поэтому, считает Кабе, “народ должен получить доступ ко всем социальным правам и ко всем благам цивилизации”. Ибо никогда в истории народ не пользовался “никакими социальными или политическими правами”. По отношению к нему общество было не более чем “организованным угнетением”, а законы – средством “увечить его рабство и нищету”.

Надежду на то, что положение народа может измениться к лучшему, впервые подала “бессмертная революция 1789 г.”. Она провозгласила “народный суверенитет, права человека и гражданина, свободу и равенство”. Но, к сожалению, констатирует Кабе, “существует большая дистанция между провозглашением какого-либо принципа и его воплощением в жизнь”. Несмотря на революцию, народ остался в угнетенном, приниженном состоянии.

Причину этого Кабе усматривает в том, что законы по-прежнему принимаются “исключительно привилегированным *меньшинством*”. Выход из создавшегося положения очевиден: “Достаточно предоставить народу возможность избирать своих представителей и участвовать в выработке законов, чтобы покончить с этим злом”. Именно эту задачу — проведение избирательной реформы в интересах народа — поставила перед собой “филантропическая и патриотическая ассоциация”, издающая газету “Попюлэр”. Вместе с тем газета будет “защитить народ от наветов недоброжелателей”; “бороться за улучшение его материального положения и в защиту его *прав*, но не в расчете на немедленный успех и не путем насилия, а посредством дискуссии, убеждения и могущества общественного мнения”.

Кабе особо подчеркивает, что издатели газеты не помышляют о том, чтобы “отнять имущество у богатых”, а затем распределить его среди бедных. Мы не хотим, продолжает он, чтобы “ныне господствующий класс был принижен и оскорблен”. Наоборот, это народ “должен быть поднят на ту высоту, которой требует достоинство человека и гражданина”. Для этого нужно, пишет Кабе, “чтобы бедняки собственным трудом добились достатка и богатства”.

Соответственно Кабе отрицает, что он и его единомышленники хотели бы “парализовать промышленность, запретив в обществе *роскошь*”. Единственно, чего мы хотим, пишет он, так это “открыть новые и неограниченные возможности для применения труда, направив его на изготовление предметов, отвечающих общим и народным потребностям; пусть богачи строят столько дворцов, сколько пожелают, но при условии что каждый бедняк получит здоровый и удобный дом”.

В “Попюлэр” 1833 г. Кабе выступает решительным сторонником такого общественного института, как собственность. Отмечая, что он “не стремится к разрушению *машин и механизмов*”, он объясняет это тем, что признает “свободу промышленности, равно как и все другие свободы”, а также тем, что “уважает промышленную *собственность*, равно как и все другие виды собственности”. Кабе поддерживает технический прогресс и считает, что “количество машин и механизмов

не может быть чрезмерным не только на трудоемких, грязных или опасных работах, но и вообще в любой отрасли промышленности, поскольку удешевление производства выгодно самому народу". Он не опасается даже того, что вызывало в Европе всеобщую озабоченность в начале XIX в. – сокращения рабочих мест в результате применение машин. По его мнению, "народное правительство всегда найдет способ обеспечить *полную занятость*".

"Словом, – заключает Кабе свою программную статью в "Попюлэр", – нашей целью является улучшение положения народа и его счастье; средствами ее достижения служат воспитание народа и обращение к просвещенному общественному мнению посредством дискуссии. Причем, мы будем апеллировать не только к правительству и законодателям, но прежде всего к самому народу, который нуждается в просвещении, в ознакомлении с его правами, в том, чтобы его научили, как самому себя защищать. Следовательно, "Попюлэр" видит свою главную задачу в том, чтобы добиться улучшения положения народа и способствовать его просвещению с политической, материальной и моральной точек зрения".

О том, что Кабе в это время отнюдь не сочувствовал социалистическим идеям, свидетельствуют и другие материалы "Попюлэр". В частности, в виде приложения к этой газете была опубликована статья "О рабочих тарифах и предпринимателях", подписанная инициалами "F.D.". Автор этой статьи решительно возражает против мнения о том, что конфликты между рабочими и хозяевами из-за оплаты труда являются "симптомами болезни социального тела". Он с иронией отзывается о тех людях, кто призывает к "героическим усилиям" с целью "полного обновления общества" и кто считает, что "изменить его основы не только возможно, но даже легко". Впрочем, он не отрицает, что общество страдает "недугом" и что этот недуг "серьезен". Но автор утверждает, что его вполне можно вылечить, "ничего не меняя в социальной организации, в частности, не вмешиваясь в отношения между предпринимателями и наемными работниками". Совершенно в духе либеральной политической экономии своего времени он продолжает: "Им должна быть предоставлена полная свобода самостоятельно решать вопрос об оплате труда. Соглашение, к которому они придут, должно отражать относительные преимущества каждой из сторон. В задачи правительства входит лишь обеспечить им защиту, равно как и следить за тем, чтобы все другие подобные соглашения заключались без всякого принуждения и добросовестно выполнялись". По мнению автора, как раз с этой задачей правительство и не справляется. Это доказывает, заключает он, что причиной общественных недугов являются единственно "грубые ошибки политики, никуда не годна система администрации"²⁷.

Даже восстание лионских ткачей в апреле 1834 г. Кабе воспринял как свидетельство ошибочности только лишь политического курса

правительства Июльской монархии. "Вы убивали, проливали кровь в Лионе и Париже! – взывал он к правительству. – И что же? Что это доказывает? Доказывает ли это, что политика правительства безупречна? Нет! Поскольку результатом этой политики стали беспорядки, гражданская война, кровопролитие и разрушения"²⁸.

Публицистические выступления Кабе в "Попюлэр", несомненно, прибавили ему славы у читающей публики и повысили его авторитет в демократическом движении. Осенью 1833 г. он был избран в руководство Республиканской ассоциации в поддержку индивидуальной свободы и свободы печати наряду с такими видными политиками, как Марраст, Жоли, Дюпон, Мари, Корменэн, генерал Лафайет, Гарнье-Пажес, Каррель (в то время – директор газеты "Насьональ", влиятельного органа республиканцев), Вуайе-д'Аржансон и др.²⁹

Кто знает, какое политическое будущее ждало Кабе, если бы в 1834 г. он не был обвинен в оскорблении королевского величества и не предстал перед судом. Палата депутатов услужливо лишила его парламентской неприкосновенности и 28 февраля он был приговорен к максимальному наказанию, предусмотренному по этому обвинению – к двум годам тюрьмы, штрафу в 4,4 тыс. франков и поражению в правах сроком на четыре года. Воспользовавшись альтернативой, которую предоставлял закон, Кабе уехал на пять лет из Франции в изгнание. Сначала он направился в Брюссель, но вскоре был выслан оттуда бельгийским правительством. И тогда он поехал в Великобританию, где и провел годы изгнания.

"ПУТЕШЕСТВИЕ В ИКАРИЮ"

Здесь с ним и произошла самая удивительная метаморфоза из всех, что он испытал за свою жизнь. Он приехал сюда либералом, сторонником частной собственности и конкуренции, а уехал – коммунистом в духе полного и решительного отрицания частной собственности и "индивидуализма".

Справедливости ради нужно отметить, что он был предрасположен к такой перемене. Как участник либеральной оппозиции сначала Реставрации, а потом и Июльской монархии, Кабе отличался от многих своих политических друзей тем, что проявлял искреннее сострадание к низам общества. "Пусть все знают, – писала "Попюлэр", – что в настоящее время народ страдает от самой отчаянной нищеты, что в рабочих кварталах, в частности, в пригородах Парижа, не хватает работы и хлеба. Мастерские, в которых раньше трудилось большое число рабочих, в настоящее время стоят пустые"³⁰.

²⁸ Ibid. 1834. 27 avril.

²⁹ Ibid. 1833. 5 nov.

³⁰ Ibid. 1835. 8 févr.

²⁷ Ibid. 1833. 22 sept. Supplément No. 5.

Одновременно газета весьма критически отзывалась о “буржуазии”, считая, что от нее “происходят все несчастья”. “Этот класс, – писала “Попюлер”, – определяющий судьбу нашей страны после 1830 г., инстинктивно, по природной склонности придерживается демократических убеждений. Тем не менее он поддерживал злоупотребления младшей ветви легитимной династии и новоявленной аристократии и, таким образом, сжег за собой корабли. Теперь мы можем видеть его в замке Фонтенбло³¹ в одной компании со Священным союзом”. Чем, по мнению газеты, объясняется столь недостойное поведение буржуазии? Единственно ее “эгоизмом и невежеством”, которые властям удалось использовать в интересах нового правления³².

Социальные воззрения Кабе в начале 30-х годов были проникнуты “народничеством”, т.е. своеобразной разновидностью идеологии, или мифологии, сложившейся на почве романтического умонастроения в первой половине XIX в. Ее подверг анализу французский историк и социолог Ален Песэн, отмечавший, что она проявлялась в особом чувстве сострадания, которое испытывала к народу передовая интеллигенция, видевшая нищету его широких слоев; в ее представлении о том, что народ заслуживает лучшей участи, поскольку наделен высокими нравственными качествами и является хранителем лучших исторических традиций; в убеждении, что “социальный вопрос” является самой насущной проблемой современности, решать которую нужно безотлагательно. Вместе с тем “народники” испытывали своеобразный “комплекс вины” перед народом, в особенности свойственный поколению современников революции 1830 г. Все их усилия облегчить участь народа не приносили желаемого результата. Хуже того – иногда даже не встречали у него понимания. Отсюда двойственность их отношения к народу, который одновременно вызывал у них чувства гордости и жалости, восхищения и презрения, служил источником как надежд, так и разочарований. А.Песэн пишет, что для части интеллигенции “народ всегда оставался загадкой”. Это способствовало “мифологизации” ее представлений о нем, которые “при всем сходстве нельзя отождествлять с основными течениями общественно-политической мысли”, включая социализм. По мнению историка, наибольшее распространение “народническая” идеология получила во Франции в период между революциями 1830 и 1848 гг.³³

На почве этого своеобразного “народничества” Кабе еще тогда сошелся с последователями социально-эгалитаристских идей Гракха Бабефа – Филиппом Буонарроти, Марком-Рене Вуайе д’Аржансоном и др. Уже в годы изгнания Кабе вошел в кружок французских эмигрантов-республиканцев, разделявших в той или иной мере эти идеи. В особенности он сблизился с Камиллом Беррье-Фонтеном, с которым и впоследствии поддерживал дружеские связи. Наконец, в Лондоне Кабе

повстречал Роберта Оуэна, социальные воззрения которого произвели на него глубокое впечатление.

О жизни Кабе в Великобритании известно мало. Как и когда произошла перемена в его воззрениях, сказать трудно. Во всяком случае, брошюра, которую он подготовил в изгнании и опубликовал в Париже в феврале 1835 г., не содержит на них даже намека. Написанная в форме открытого письма Гизо, она посвящена вопросу о том, имеются ли во Франции “достаточные гарантии индивидуальной свободы”. Оспаривая мнение правительственного либерала, Кабе пишет, что по сравнению с Англией “во Франции просто нет гарантий свободы”. В английских тюрьмах нет политических заключенных, тогда как французские – переполнены ими. В Англии только независимый от правительства судья может выдать ордер на арест, во Франции – прокуроры, следователи, представители полиции, словом, государственные чиновники. Вот и получается, по мнению Кабе, что “англичане – свободные люди, хозяева сами себе и своего жилища... Французы тоже были свободными какое-то время после 1789 г., они хотят быть свободными и когда-нибудь обязательно станут”. Но пока они зависят от капризов власти, которая в любой момент может отнять их у семьи и оторвать от привычных занятий, свободными назвать себя они не могут³⁴.

Предположительно переоценка ценностей заняла более или менее продолжительное время – год-два. Но, учитывая импульсивный характер Кабе, не исключено, что озарение снизошло на него внезапно³⁵. Ему могло вдруг открыться, что главной причиной бедствий народа является не политика Июльской монархии, изменившей “великим принципам 1789 г.”, а частная собственность. И вот тогда уже постепенно из обрывков социальных, политических и экономических теорий, с которыми он был знаком и раньше, сложилась новая коммунистическая система. Достоверно известно лишь то, что в начале 1838 г. он завершил работу над крупным произведением, в котором более или менее законченное выражение получили его коммунистические воззрения.

Это было “Путешествие в Икарию”, жанр которого сам автор определил как “философский и социальный роман”. Он написан в форме путевого дневника от имени некоего лорда Керисдалля, друга Кабе, с которым тот якобы познакомился в Париже в салоне генерала Лафайета еще в 1834 г. Думается, сказано это было не случайно. Тем самым Кабе давал понять читателю, что сам он и вымышленный герой-рассказчик его произведения принадлежали к одному и тому же кругу политиков и общественных деятелей леволиберального толка. Об этом должна была свидетельствовать и краткая характеристика воззрений лорда Керисдалля той поры. По словам Кабе, “он часто с горечью повторял, что всюду на земле видел человека несчастным, даже там,

³¹ Одной из резиденций короля Луи-Филиппа.

³² *Le Populaire*. 1834. 2 nov.

³³ *Pessin A. Le mythe du peuple et la société française du XIX-e siècle*. P., 1992. P. 13–24.

³⁴ *Cabet E. La justice d'avril. Lettre à M. Guizot*. P., 1835.

³⁵ Так, в частности, считает К.Джонсон. См.: *Johnson Ch. Op cit*. P. 46.

где природа, казалось, все собрала для счастья; он жаловался на недостатки общественной организации в Англии, как и в других местах, и все же считал, что аристократическая монархия, наподобие монархии его страны, представляет форму правления и общества, более всего пригодную для человеческого рода”³⁶.

Очевидно, метаморфоза, случившаяся с лордом Керисдаллем, который вернулся из Икарии убежденным в преимуществах общей собственности над частной, являлась всего лишь аллегорическим выражением перемены, происшедшей в годы лондонской ссылки с самим Кабе. Поэтому обратим внимание на то, что автор датирует путешествие лорда Керисдалля 1836-1837 гг. Весьма вероятно, что эти годы тоже указаны не случайно и именно в этот промежуток времени и родилась коммунистическая система Кабе.

Что собой представляло это вымышленное государство, многократно описано в отечественной и зарубежной литературе³⁷. Поэтому мы воздержимся от подробного пересказа содержания романа Кабе, тем более что мы не раз еще будем на него ссылаться в нашем исследовании. Ограничимся лишь самой общей характеристикой того, что сам автор определил в романе как “поистине вторую землю обетованную, Эдем, Элизиум, новый земной рай”³⁸.

Икария изображена Кабе как демократическая республика, основанная на принципе народного суверенитета. Главным инструментом народовластия являются народные собрания в коммунах – низших административных подразделениях страны. Народные собрания заседают раз в неделю, принимают решения как по локальным, так и общенациональным вопросам, в обязательном порядке выносящимся на всенародное обсуждение и голосование. Кроме того, они обладают правом законодательной инициативы. Членами народных собраний являются все граждане, проживающие на территории соответствующей коммуны. Поэтому каждый гражданин непосредственно принимает участие в управлении обществом.

Высшим органом законодательной власти в Икарии является общепалатное национальное представительство, состоящее из 2 тыс. депутатов, избираемых всеобщим голосованием сроком на два года. Высшим органом исполнительной власти является экзекутива в составе 16 человек, избираемых также на два года. Возглавляет ее президент. Исполнительная власть подчинена законодательной и в ее компетенцию входит только исполнение законов.

³⁶ Cabet E. Voyage en Icarie. 2-ème éd. P., 1842. P. 1-2. См. также три русских перевода этого произведения: Кабэ Э. Путешествие в Икарию. М., 1924; Кабе Э. Путешествие в Икарию. М.; Л., 1935. Ч. 1-2, Кабе Э. Путешествие в Икарию. М.; Л., 1948. Ч. 1-2.

³⁷ Мещеряков И.Л. Этьен Кабе и его “Икария” // Кабе Э. Путешествие в Икарию. М.; Л., 1935. Ч. 1; Волгин В.П. Этьен Кабе // Кабе Э. Путешествие в Икарию. М.; Л., 1948. Ч. 1; Он же. Французский утопический коммунизм. М., 1979, Кузнецов К.Т. Критически-утопический коммунизм Этьена Кабе // Науч. докл. высш. шк. Науч. коммунизм. 1974. Вып. 6 и др.

³⁸ Cabet E. Voyage en Icarie... P. 3.

Такое устройство республики, по мнению Кабе, обеспечивает всем гражданам свободное участие в управлении государством. Однако подлинная свобода невозможна без соблюдения порядка и дисциплины. Поэтому Кабе подчеркивает, что “свобода... должна быть ограничена во всех случаях, когда этого требует интерес общества”³⁹. Обеспечивать первенство общественных интересов и призвано демократическое государство.

Гарантией свободы граждан в Икарии является их равенство не только в правах – по глубокому убеждению Кабе, недостаточное само по себе, – но и в возможности осуществления этих прав, прежде всего права на совершенное воспитание, на удовлетворение жизненных потребностей, на труд. Реальное равенство недостижимо в условиях “системы индивидуализма”, где господствуют частные интересы. Оно возникает только при переходе к строю общности, когда забота о благе всех граждан без исключения побеждает частные интересы. Поэтому в Икарии все – природные ресурсы, разнообразные средства труда, продукты производственной деятельности и т. д. – является общим достоянием.

Строй общности позволяет обеспечить рациональное управление всем хозяйством Икарии как одним гигантским предприятием. Граждане Икарии обязаны трудиться – мужчины в возрасте 18 – 65 лет, женщины 17–50 лет. Каждый человек имеет возможность выбрать ту специальность, которая ему больше по душе. Но государство, исходя из общественных интересов, регулирует распределение рабочих рук по профессиям. В соответствии с общественными потребностями государство организует промышленные мастерские. При этом в первую очередь предусматривается удовлетворение потребностей в предметах первой необходимости, затем – полезных и лишь в последнюю очередь – доставляющих удовольствие. Производство вредных или бесполезных предметов упраздняется. Общие законы, регулирующие деятельность мастерских, устанавливаются народным представительством, а внутренние правила распорядка – непосредственно работниками каждой мастерской.

Уделяя большое внимание проблеме эффективности производства, Кабе особо подчеркивает роль машин, которые в Икарии все более освобождают человека от тяжелых, опасных, либо непривлекательных работ. Именно с широким применением машин связывает он решение задачи возможно более полного удовлетворения материальных потребностей людей при строе общности.

Если промышленное производство в Икарии мыслится Кабе как крупное, основанное на применении машин и ориентированное на выпуск изделий в “громадном количестве”, то сельскохозяйственное производство, наоборот, является мелким, ведущимся на индивидуальных фермах. Но при этом и земельный участок, и инвентарь принадлежат обществу, а сами фермеры являются только должностными ли-

³⁹ Ibid. P. 405.

цами (лишь в сезоны больших работ им на помощь приходят горожане). Все, что производится икарийцами в мастерских и на фермах, поступает в общественные магазины, откуда и распределяется среди граждан согласно их потребностям, правда, с некоторыми ограничениями. Принцип распределения “по потребностям” в полной мере применяется лишь по отношению к тем предметам, которые производятся в изобилии. Учитывая высокий уровень производства, достигнутый в Икарии благодаря ее совершенной общественной организации, это относится к большому количеству материальных благ и услуг. Но есть и такие потребности, которые удовлетворить пока не удастся (они строго нормируются). Кроме того, Кабе, считая предметы роскоши вредными “излишествами”, предусмотрел в Икарии ряд направленных на их устранение мер. Жилища, мебель, одежда, предметы домашнего обихода икарийцев унифицированы так, чтобы, максимально соответствуя своему прямому назначению, они не могли бы использоваться для удовлетворения тщеславия, перестали бы служить причиной зависти.

В Икарии приняты лишь различные формы морального поощрения отличившихся работников – награждение венком, сооружение статуи, прославление в гимнах. Действенность моральных стимулов находится в прямой связи с нравственным обновлением общества в Икарии при переходе к строю общности. Замена индивидуализма как главного конституирующего принципа общественной морали братством привела к исчезновению таких пороков, как эгоизм, алчность, честолюбие и т.д. Восторжествовали новые нравственные нормы, в соответствии с которыми общественное уважение ценится людьми выше любых материальных преимуществ.

Если предпосылкой создания нового морального климата в обществе послужила ликвидация фактического неравенства людей, то основным инструментом – воспитание. В Икарии все дети до 17 – 18 лет получают наилучшее воспитание, благодаря которому они всесторонне готовятся к жизни в качестве полноценных граждан и полезных членов общества. По мере взросления они проходят физическое, моральное, интеллектуальное и гражданское воспитание. Лишь по завершении воспитания они вносятся в списки граждан, приобретая все права и приступая к исполнению обязанностей, налагаемых обществом.

Упрочению морали братства служат в Икарии наука, литература и искусство. Строй общности, как подчеркивает Кабе, способствует их небывалому расцвету, поскольку государство, которому принадлежат типографии, запасы бумаги, зрелищные учреждения, равно как и продукты творческой деятельности, заботится об их развитии. Все граждане имеют равный доступ к культурным ценностям, которые распределяются в соответствии с теми же принципами, что и материальные блага. При этом государство, руководствуясь общественными интересами, контролирует творческую деятельность в сфере науки, литературы и искусства, не допуская появления и распространения произведений, противоречащих принятой морали и целям общества.

В Икарии изжиты социальные пороки современного Кабе строя, такие как преступность, пьянство, уклонение от труда, не говоря уже о нищете, безработице и т. д. Продолжительность рабочего дня в промышленности составляет 7 часов летом и 6 – зимой, а в сельском хозяйстве – хотя и зависит от времени года, но тоже не чрезмерна. Необременительный труд является для икарийцев источником радости и удовольствия. Широкому вовлечению женщин в общественное производство в соответствии с их возможностями и склонностями способствует то, что государство освободило их от части бытовых забот. Завтракают икарийцы в мастерских, обедают в республиканских ресторанах и даже в выходные дни получают на дом приготовленные в ресторанах блюда. Брачные и семейные узы в Икарии не только сохраняются, но и укрепляются благодаря ликвидации социального неравенства. Граждане Икарии живут семьями в отдельных домах. Члены семьи заботятся о воспитании детей, которое до 6 – 7 лет проходит в семье. Придавая большое значение семье, быту, досугу, Кабе предусматривает детальную регламентацию государством их различных сторон.

Икария – страна больших городов, которые Кабе изображает очагами культуры и центрами крупного производства. Несмотря на сохранение, таким образом, различий между городом и деревней, в положении горожан и селян Икарии много общего. И те и другие трудятся для общего блага, а все свои материальные и духовные запросы удовлетворяют при одинаковых условиях. Нет особых препятствий и для перемены местожительства. Дети фермера могут выбрать городскую профессию, а горожанин стать земледельцем. Сельская местность для икарийцев является не только зоной сельскохозяйственного производства, но и местом проведения досуга. Живописные уголки природы служат источником наслаждения для всех граждан.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ КОММУНИЗМ

Сознавая, какой ересью мог показаться коммунизм его либеральным друзьям, Кабе не спешил раскрывать карты. Его ссылка закончилась в марте 1839 г. Но по возвращении во Францию он еще целый год медлил, совершая обходные маневры, пока не решился обнародовать свое литературное произведение. Да и то не без оглядки – вышло “Путешествие” первый раз в свет в 1840 г. анонимно. Долго он не решался публично объявить о своих коммунистических убеждениях. Лишь в октябре 1840 г. Кабе отбросил сомнения, и выступил с двумя программными произведениями – “Мое коммунистическое кредо” и “Какой я коммунист”. В них он в систематической форме изложил принципы своего коммунистического учения – так называемого икарийского коммунизма. В 1842 г. он повторно издал, уже под своим именем, “Путешествие в Икарию”.

С этого времени и началась его бурная деятельность в качестве публициста, теоретика и пропагандиста коммунизма. Несколько десятков брошюр и книг, порой внушительного объема, сотни статей и заме-

ток в газете “Попюлэр”, выпуск которой он возобновил в 1841 г., – итог его напряженного литературного труда.

Поскольку этот период его публицистической деятельности и является предметом нашего исследования, мы ограничимся здесь лишь самыми общими замечаниями, которые должны облегчить читателю знакомство с настоящей книгой.

Особенно прославила Кабе полемика, которую он в течение 40-х годов непрестанно вел против всех, кто не разделял его воззрений. Первыми под его горячую руку попали его вчерашние политические друзья-либералы, которых он в 1840-1841 гг. подверг критике за двойственность их политики. По его мнению, они недостаточно последовательно боролись против правительству Июльской монархии, потому что боялись народа и не доверяли ему. В особенности Кабе критиковал их за неприятие коммунизма, который считал воплощением всех человеколюбивых и освободительных идей современности.

В первой половине 1840-х годов Кабе титетно добивался сотрудничества с политическими демократами, основные требования которых – избирательная реформа, политические свободы, демократическая республика – он поддерживал. При этом он упрекал их за недооценку значения социальных реформ. Однако на почве неприятия ими коммунистических идей Кабе порвал и с ними в 1845 г. В середине 40-х годов обострился его конфликт и с влиятельнейшей социалистической группировкой, объединявшей последователей учения Фурье, – социэтариев. Социалистов он пытался убедить в необходимости признать “общность имуществ” как основы справедливого общественного строя.

Но больше всего от него досталось его же собратьям-коммунистам, готовившим новую революцию в целях упразднения частной собственности. Их он стремился убедить в том, что установление демократической республики обеспечит мирный, без войн и революций, переход к общности. Он призывал их включиться в общедемократическую борьбу за избирательную и другие политические реформы, которые позволили бы народу путем простого голосования решать коренные вопросы жизни. Их отказ последовать его советам привел к решительному разрыву Кабе и с революционными коммунистами.

В ходе этой полемики со всеми основными политическими партиями того времени Кабе шлифовал и корректировал свою программу борьбы за справедливый строй общности. В своем завершенном виде она предусматривала широкое объединение демократических сил, представляющих громадное большинство населения, включая рабочих и буржуазию, в борьбе сначала за установление демократической республики, а затем и за социальные реформы, постепенно ведущие к общности. Причем, Кабе ратовал за мирные, ненасильственные и строго легальные методы этой борьбы. С учетом этого обстоятельства систему воззрений Кабе, по нашему мнению, вполне можно было бы определить как демократический коммунизм.

Своеобразную характеристику бурной деятельности Кабе дали люди, неусыпно следившие за ним все это время. 14 января 1848 г. в

кабинете префекта полиции был подготовлен доклад о результатах обыска, произведенного на дому у Кабе. В ходе обыска полиция ознакомилась с его огромным архивом, размеры которого произвели впечатление на выдавших виды чиновников. “Деятельность Кабе в течение этих семи лет, – говорилось в докладе, – приобрела поистине фантастический размах: 160 папок с документами, которые в настоящее время находятся в руках органов юстиции, содержат историю его жизни, начиная с 1841 г.; когда вы перебираете огромные связки писем, которые он получил от своих корреспондентов и сторонников, ответы, которые он им всем посылал и черновики которых полностью написаны его рукой; когда вы думаете о всех тех книгах, которые он написал и опубликовал, чтобы пропагандировать свою доктрину, о работе по редактированию его газеты “Попюлэр”, о всех деталях администрации и бухгалтерии, которыми он занимался, чтобы отправить своим корреспондентам и подписчикам газеты и брошюры, вот тогда вы понимаете, что каждое мгновение жизни этого человека в течение всего этого времени было посвящено исключительно одной задаче – неустанной работе с целью пропаганды и конечного торжества его теорий”⁴⁰.

Постепенно общественно-политическая деятельность Кабе приобрела новое направление. Он организовал и возглавил движение икаррийских коммунистов – некий прообраз массовой коммунистической партии. В период своего подъема оно насчитывало десятки тысяч членов – подписчиков, распространителей и читателей, или, как их называли, “друзей” его газеты. В качестве теоретика коммунизма и вождя партии Кабе приобрел широкую известность. Ему спешили засвидетельствовать почтение многочисленные приверженцы идей социальной справедливости и равенства со всех концов Европы, в том числе и будущие авторы “Коммунистического манифеста”.

Однако, неудача, постигшая Кабе в попытках осуществить его политическую стратегию объединения всех демократических сил в борьбе сначала за демократическую республику, а затем и за общность, подготовила новую перемену в его судьбе. В 1847 г. неожиданно для друзей и врагов он решает отправиться со своими единомышленниками в Северную Америку, чтобы основать на ее просторах не больше не меньше, как “коммунистическую нацию”.

БЕГСТВО В УТОПИЮ

Местом проведения своего социального эксперимента⁴¹ Кабе выбрал один из самых глухих в то время штатов североамериканской республики, совсем недавно включенный в федерацию, – Техас. Там не было ни развитого производства, ни городов, ни культуры, т. е. всего того, что Кабе рассматривал как предпосылки строя общности. Зато были “свободные” земли, которые можно было приобрести практически

⁴⁰ Les Archives Nationales de France, BB¹⁸ 1451. Doss. 3598.

⁴¹ См.: *Prudhommeaux J. Icarie et son fondateur Etienne Cabet. P., 1907, Баталов Э Я Социальная утопия и утопическое сознание в США. М., 1982. С. 179-187.*

за бесценок, это главным образом и предельно Кабе. Культуру, полагал он, принесут с собой переселенцы-“икарийцы”, которые и построят своими руками города, создадут производство. Кабе надеялся, что по крайней мере 10 или 20 тыс. человек готовы немедленно последовать его призыву основать в Америке “Икарию” и что в скором времени ее население превысит миллион.

В январе 1848 г. Кабе заключил контракт на приобретение в Техасе 1 млн акров земли с обязательством вступить во владение не позднее 1 июля того же года. Немедленно были закончены приготовления к отправке первой партии переселенцев и уже 3 февраля она отбыла на судне “Рим” из Гавра под напутственные речи Кабе и пение специально сочиненного по этому случаю “икарийского” гимна.

По прибытии в Новый Орлеан будущие “икарийцы” обнаружили, что фактические размеры владения, приобретенного Кабе по контракту, составляли всего лишь 100 тыс. акров, что оно располагалось не вдоль полноводной Красной реки, как ожидалось, а в 250 милях в стороне от нее, наконец, что оно состояло из разрозненных участков, и поэтому своими силами переселенцы могли возвести кое-какие постройки, как того требовал американский закон для закрепления права собственности, лишь на участках общей площадью около 10 тыс. акров.

Планы основания “коммунистической нации” рушились при первом соприкосновении с действительностью. Тем не менее, переселенцы не отступили. Испытывая лишения, они добрались до своих владений, построили 32 хижины, закрепив за собой сколько было возможно земли, и приступили к ее обработке. Однако несчастья преследовали их: вспыхнула малярия, унесшая четырех человек, еще семеро умерли от изнурения, один погиб от удара молнии, а пятеро, не выдержав невзгод, подались обратно. Оставшиеся мужественно переносили испытания, ожива при прибытии следующей группы переселенцев.

Во Франции между тем произошла революция. 24 февраля 1848 г. пала монархия и была провозглашена республика. Февральская победа окрылила французских демократов и социалистов. Определенные надежды на осуществление “Икарии” во Франции пробудила она и у Кабе, который со всем пылом включился в политическую борьбу, встав во главе влиятельного демократического клуба “Центральное братское общество”. Но вскоре наступило горькое разочарование, особенно после восстания в Париже в июне 1848 г. Кабе вернулся к своему плану эмиграции, однако уже без того энтузиазма, что раньше, и, главное, в худших материальных и политических условиях. Впоследствии в одном из писем он писал: “Если бы революция не произошла так скоро, у меня было бы гораздо больше средств, в частности денег (поскольку деньги позволяют решать любые проблемы); но неожиданная и преждевременная революция почти опрокинула все мои планы, разрушила все мои комбинации, уничтожила все мои ресурсы и средства и сто крат увеличила трудности”⁴².

В июне 1848 г. удалось отправить вторую партию переселенцев численностью всего лишь 21 человек. Половина из них заболела в пути, и только десять измученных человек достигли цели своего путешествия. Колонисты, потеряв надежду на эффективную помощь извне, разделили между собой оставшиеся средства и небольшими группами стали пробираться в Новый Орлеан. Шесть человек погибли в дороге, остальные более или менее благополучно прибыли туда зимой 1848 г.

Получив тревожные известия из Америки, Кабе ускорил собственные сборы. В январе 1849 г. он прибыл в Новый Орлеан, где благодаря отправке очередных партий переселенцев к этому времени скопилось 450 икарийцев. Ограниченность в средствах (“икарийцы” располагали суммой в 17 тыс. долларов, явно недостаточной для успеха повторной попытки обосноваться в диких просторах Техаса) заставила Кабе поискать для продолжения эксперимента другое, более благоприятное место. Вскоре оно было найдено – город Науво в штате Иллинойс, где икарийцы арендовали 1,5 тыс. акров земли. Немаловажным достоинством Науво было то, что он стоял на берегу полноводной Миссури, несколько выше по течению от г. Сент-Луиса, крупного перевалочного пункта на транспортных путях американского Среднего Запада. В марте 1849 г. икарийцы обосновались на новом месте. К этому времени численность общины сократилась до 280 человек, поскольку многие предпочли вернуться на родину или же поискать счастья в Америке самостоятельно.

Так открылась самая любопытная страница в истории “икарийского” эксперимента. Ее летописцем стал сам Кабе, оставивший не только подробные отчеты о деятельности руководимой им общины, но и огромное количество посвященных ей статей и брошюр пропагандистского характера⁴³. Нелишне напомнить, что действительность в них весьма приукрашена. Но они содержат и достоверные сведения, проливающие свет на существенные стороны “икарийского” эксперимента.

В течение шести лет “икарийской общине” в Науво в целом удавалось поддерживать как достаточное материальное благополучие, так и определенное моральное единство. Все это достигалось главным образом благодаря энтузиазму ее членов, искренне веривших в свою миссию “освободителей человечества” и сознательно шедших на трудности и невзгоды эксперимента. Но коренящиеся в самой его сути неразрешимые противоречия со временем привели к острому конфликту между большинством членов общины и Кабе.

Основные черты внутреннего устройства “икарийской общины” были закреплены в “Конституции”, принятой единогласно 21 февраля 1850 г. В соответствии с ней высшим органом власти являлось общее

⁴² La Bibliothèque Nationale de France. Papiers Cabet ; Naf 18148. F. 303v.

⁴³ Cabet E. Réalisation de l'Icarie. Nouvelles de Nauvau. Livres 1 – 6. P., 1849 – 1850; *Idem*. Colonie Icarienne aux Etats-Unis. P., 1856 etc.

собрание всех совершеннолетних мужчин колонии, которому был подотчетен комитет управления в составе шести человек. Один из членов комитета носил титул президента общины, пять других возглавляли отделы, ведающие той или иной сферой общественной жизни – продовольствием, жильем, воспитанием и здравоохранением, промышленностью и сельским хозяйством и т. д. Комитет назначал и смещал всех должностных лиц общины. И хотя формально был ограничен в действиях функцией исполнения законов, принимавшихся общим собранием, фактически все органы власти были послушны воле самого Кабе, который неизменно избирался президентом, но опирался не столько на конституционные prerogatives, сколько на свой моральный авторитет.

Следовательно, своим политическим устройством община в Науво напоминала Икарию. Но если последняя была задумана Кабе как крупное государство, то ее экспериментальное воплощение происходило в более чем скромных масштабах. Это несоответствие между крохотными размерами общины и ее претензиями на роль “коммунистической нации” не обошлось без серьезных издержек. Привычные к атмосфере парижских политических клубов, члены общины часто прибегали к демагогии, устраивали многочасовые прения по отвлеченным вопросам. Явно раздутой была законодательная деятельность общего собрания. Вот несколько примеров: 22 июля 1854 г. принимается закон о посетителях, насчитывающий 16 статей; 30 июля – закон об икарийской библиотеке из 10 статей; несколько дней спустя принимается новый регламент поведения детей, в котором около трех десятков статей⁴⁴. Наконец, есть основания говорить и об определенной бюрократизации самой системы управления, в которой все более стал обособливаться, приобретать самодовлеющую роль аппарат.

Со временем проявилось и расхождение между декларированным в конституции “суверенитетом общины” и непрерываемой единоличной властью, которой фактически пользовался Кабе. Первое время его моральный авторитет среди общинников был настолько очевиден, что Кабе отказался от законодательного закрепления этой власти. Но когда начали раздаваться голоса недовольных его руководством, он прямо потребовал для себя особых полномочий. 3 декабря 1855 г. Кабе открыто заявил о притязаниях на полную “материальную и моральную ответственность” в управлении общиной. Правда, обращаясь к общинникам, он отрицал стремление к “диктатуре”, подчеркивая: “...Я требую только применения принципов американской конституции: избираемый на 4 года президент, облеченный высшей властью, высшим управлением и исполнением законов, под свою ответственность назначающий и смещающий всех должностных и уполномоченных лиц, все комиссии, какие он сочтет необходимым образовать”⁴⁵. Тенденция к авторитаризму свидетельствовала о возрастании трудностей в управ-

лении общиной, преодолеть которые “конституционными” методами Кабе не мог.

Эти трудности в конечном счете были обусловлены хрупкостью экономического положения общины, которое было далеким от радужных картин, нарисованных в романе.

Хотя конституция и ориентировала на промышленное процветание, на “беспределенное” использование машин, которые “однажды позволят человеку стать уже только создателем и властителем машин”⁴⁶, в действительности основой хозяйственной деятельности общины было рутинное сельское хозяйство, подобное тому, которое вело парцеллярное крестьянство Франции того времени. В окрестностях Науво общинники эксплуатировали две фермы площадью 160 – 180 акров. Пахотные земли были заняты в основном кукурузой – 109 акров в 1854 г. Имелось также 25 акров лугов, 30 акров огородов и некоторые другие угодья. Животноводство было развито слабо. Молочное стадо насчитывало только около 20 голов, от которых получали в среднем 80 литров молока в день при потребности самое меньшее 150 литров. Рабочее стадо состояло из 14 лошадей и 25 быков. Продовольственным подспорьем была рыбная ловля, дававшая от 3 до 4 тыс. фунтов рыбы в месяц. Выручало и свиноводство, выход продукции которого ежегодно достигал 5 – 6 сотен голов, причем до двухсот голов реализовывалось за пределами общины⁴⁷.

Собственно промышленное производство ограничивалось винокурней, занимавшей по стоимости продукции второе место после сельского хозяйства, а также лесопилкой и мельницей. Все они размещались в одном строении и использовали единственную в общине паровую машину мощностью 16 лошадиных сил. В этом производстве было занято 15 рабочих, а выпуск продукции в 1854 г. составил 140 тыс. фунтов муки и 1030 баррелей виски. Кроме того, в общине трудились рабочие и ремесленники других специальностей, которые обслуживали главные отрасли хозяйства или бытовые нужды общинников: десять бочаров, пять механиков, три кузнеца, слесарь, семь столяров, пять плотников, три каменщика, кровельщик, два булочника и т. д. Наконец, нельзя не упомянуть о типографии. Хотя о ней отсутствуют детальные сведения, но, учитывая масштабы издательской деятельности Кабе в первой половине 1850-х годов, можно заключить, что ее экономическая роль была велика. В разное время в ней печатались четыре икарийские газеты и журнал, не считая многочисленных брошюр и официальных документов. Широкого сбыта, однако, эта литература не нашла, и поэтому можно предположить, что расходы на издательскую деятельность обернулись финансовыми потерями⁴⁸.

В целом продуктивность хозяйства икарийской общины была

⁴⁴ Prudhommeaux J. Icarie et son fondateur Etienne Cabet. P. 1907. P. 361–362.

⁴⁵ Cabet E. Colonie Icarienne. P. 230.

⁴⁶ Constitution de la Communauté Icarienne votée à l'unanimité le 21 février 1850, révisée le 4 mai 1851.

⁴⁷ Prudhommeaux J. Op. cit. P. 306–307.

⁴⁸ Ibid. P. 308–310.

невысока. За четыре года (с 1 января 1852 г. по 1 января 1856 г.) доходная часть ее бюджета возросла за счет производственной деятельности самих общинников лишь (приблизительно) на 36 тыс. франков⁴⁹. Это было явно недостаточно не только для осуществления смелых планов теоретика “икарийского коммунизма”, но даже для сколь-нибудь значительного обновления производственной базы и повышения материального благосостояния общинников. Если их существование чем-либо выгодно и отличалось от жизни других “пионеров” американского Запада, то вряд ли было намного лучше положения среднего французского крестьянина. Таким образом, обещанного чуда не случилось. С точки зрения экономических результатов эксперимент больше напоминал банкротство. Причину этого следует искать прежде всего в системе социальных отношений, которую Кабе хотел привить в икарийской общине.

В соответствии с конституцией вся собственность в общине объявлялась “социальной, общей, неделимой”. “Нет больше, – говорилось в ней, – индивидуальной, или личной, или исключительной собственности одного человека: собственником является только община”. Ее члены получали право лишь на “употребление и использование” этого общего достояния⁵⁰. Конституция определила и главный принцип, в соответствии с которым должны распределяться все блага, – равенство. Причем уточнялось, что это “равенство является относительным и пропорциональным: каждый пользуется равным правом на получение выгод общины согласно своим потребностям, но каждый несет и равную обязанность разделить ее бремя согласно своим способностям”⁵¹.

Налицо явное стремление Кабе ускорить осуществление заветной мечты об обществе “реального равенства”, немедленно привести свой маленький народ в ту обетованную гавань, которая ждет все человечество. Его нетерпение озадачивает: годами этот искушенный в политических битвах человек твердил, что “переход к общности – самое длительное из всех преобразований, потому что материально невозможно осуществить общность до истечения более или менее продолжительного времени”⁵². Он постоянно подчеркивал необходимость особого переходного периода между строем “индивидуализма” и “общностью”. Мог ли Кабе, достаточно трезво судивший о трудностях коренного преобразования общества, быть столь оптимистичным?

Намерение основать икарийскую общину на уже “готовых” принципах “общности” и “реального равенства” было у Кабе не случайной фантазией, а продуманной мерой. Необходимость переходного периода в существующих государствах он объяснял прежде всего трудностями перевоспитания людей, испорченных строем “индивидуализма”. В проведении же своего социального эксперимента он делал ставку на тех избранных, кто даже в неблагоприятных общественных условиях сумел

сохранить относительную нравственную чистоту и, проникшись идеалами “икарийского коммунизма”, был готов личным примером доказать их преимущества. Поэтому Кабе с самого начала выдвинул суровые требования отбора кандидатов на эмиграцию в Америку. Со временем они детализировались, расширялись, пересматривались, пока не были 22 января 1850 г. официально приняты собранием общины в Науво. С этого времени любой кандидат должен был удовлетворять 48 (!) условиям приема. Первейшее из них гласило: хорошо знать икарийскую литературу, полностью одобрять икарийскую систему. Многие другие также касались идеологических вопросов: полностью разделять принципы равенства, братства, единства, подлинной свободы. Но подавляющее большинство относилось к личности кандидата, регламентировало его будущее поведение. Так, каждый кандидат должен был обладать каким-либо профессиональным навыком; выполнять любую работу; быть трудолюбивым; поручиться, что ни сам он, ни его жена или дети не больны и не имеют порочных наклонностей; не курить, не употреблять крепкие напитки и не сквернословить; быть чистоплотным, тихим, заботливым, любить организацию и порядок, соблюдать дисциплину и т.д.⁵³

Столь суровые требования к кандидатам на участие в эксперименте позволили Кабе получить в свое распоряжение хороший человеческий материал. Благодаря этому удалось не только ввести в действие некоторые принципы “икарийского коммунизма”, но и добиться функционирования основанной на них общины в течение нескольких лет. Разумеется, было бы наивно полагать, что все принятые в общину кандидаты действительно удовлетворяли выдвинутым условиям. Очень многие, оказавшись в общине, быстро вступили в конфликт с введенными в ней порядками и либо по доброй воле, либо вынужденно покидали ее. Достаточно сказать, что в период с 1849 по 1855 г. в нее было принято около 2 тыс. человек, тогда как в среднем население общины колебалось в пределах 400⁵⁴. Они-то и составляли то ядро, которое обеспечивало относительную стабильность общины в течение ряда лет.

Но признаки неудовлетворенности проявляла и эта наиболее “сознательная” часть членов общины. Причиной было то, что введение икарийского принципа “равного распределения по потребностям” на практике привело к мероприятиям грубо уравнительного характера. Чтобы получить из общественных магазинов необходимые им предметы потребления, общинники должны были обращаться с просьбой в специальную комиссию, которая, лишь признав ее обоснованность, выдавала разрешение. Необходимость жесткого контроля за мерой потребления была обусловлена скудостью материальных ресурсов общины, которая не всегда могла удовлетворить даже насущные потребности в одежде, обуви и т. д. Что же касается предметов “полезных и доставляющих удовольствие”, то многие из них были просто изъяты из

⁴⁹ Ibid. P. 288

⁵⁰ Constitution de la Communauté Icarienne ..

⁵¹ Ibid

⁵² Cabet E. Comment je suis communiste et mon crédo communiste. P., 1845. P. 6.

⁵³ Cabet E. Colonie Icarienne... P. 130–170.

⁵⁴ Prudhommeaux J. Icarie et son fondateur... P. 291.

обихода. Согласно правилам приема переселенцы обязаны были сдавать общине все принадлежащие им ценности и другое имущество, которое не относилось к разряду предметов первой необходимости. Они должны были даже отказываться от личных часов, чтобы не вызвать зависти общинников, не обладавших этим предметом.

Неудовлетворенность грубоуравнительными порядками внешне проявлялась слабо. В своей массе члены общины открыто не выражали недовольства многочисленными ограничениями и предписаниями. За всю историю общины в Науво не обнаружилось ни одного случая серьезного срыва трудового регламента⁵⁵. О внешнем благополучии свидетельствовала и практика единогласной поддержки общим собранием всех основных законодательных актов. Эта неудовлетворенность проявлялась главным образом в мелких нарушениях правил поведения, недобросовестном исполнении общинниками разнообразных предписаний. Например, весьма распространено было уклонение от сдачи украшений, нарядной одежды и других предметов, расценивавшихся Кабе как “роскошь”, запрещенная в общине. Но всего наглядней она проявилась в снижении трудовой активности общинников, распространении среди них таких форм экономического поведения, которые свидетельствовали о стремлении компенсировать отсутствие личной заинтересованности в общественном труде разного рода корыстными действиями, формально запрещенными в общине.

Сам Кабе был вынужден в 1854 г. признать наличие “антиобщественных” отклонений в поведении своих подчиненных: “Управляющие мастерскими плохо руководят; работники слишком вольны и непослушны в исполнении обязанностей. Еще слишком увлекаются разговорами и критикой, когда необходимо действовать; некоторые еще слишком настроены требовать, брать, использовать в своих собственных интересах или в интересах своих друзей орудия и сырье, принадлежащее общине; другие еще не вполне испытывают необходимость в порядке, аккуратности, бережливости”⁵⁶.

От экономического краха общину в Науво спасали только постоянные денежные пожертвования сторонников “икарийского коммунизма” во Франции и самих переселенцев. Так, на 1 августа 1850 г. ее бюджет составлял 146 тыс. франков, из которых 116 тыс. поступило из двух указанных источников⁵⁷. А с 1 января 1852 г. по 1 января 1856 г. на них приходилось 112 тыс. франков из 148 тыс. всех поступлений⁵⁸. Эти цифры не дают полной картины финансового положения общины, поскольку основная часть продуктов труда икарийцев распределялась и потреблялась на месте. Но очевидно, что собственное производство обеспечить тот уровень сравнительного благополучия, который удавалось поддерживать в общине, не могло.

Сокращение в начале 1850-х годов поступлений пожертвований из

Франции обусловило постоянно возрастающую экономическую зависимость общины от притока новых членов. Это заставляло Кабе неоднократно пересматривать условия приема, облегчая те из них, которые вызывали наибольшие затруднения. Так, в 1850 г. вступительный взнос был снижен с 600 до 400 франков на человека, а в 1854 г. до 300. Одновременно облегчались и условия выхода из общины как мера, призванная рассеять сомнения колеблющихся. Если сначала общинник, пожелавший вернуться на родину, мог рассчитывать самое большее на мизерное выходное пособие, то начиная с 1850 г. для переселенцев был установлен испытательный срок в четыре месяца, по истечении которого можно было покинуть общину, получив обратно 4/5 своего взноса. Добиться массового притока переселенцев этими мерами Кабе так и не удалось, зато община все более стала напоминать постоянный двор, куда на время прибывала разношерстная публика, будоража покой новостями большого мира.

Противопоставить подспудно зреющему недовольству Кабе мог кроме собственного авторитета и власти еще только “икарийское воспитание”, которое в условиях “реального равенства” должно было, согласно его представлениям, творить чудеса. Основными инструментами идеологического воздействия на членов общины были школа и различные формы организованного культурного досуга. Школе, детскому воспитанию Кабе придавал особенно большое значение. Но именно поэтому, наверное, его никак не могли удовлетворить учителя, которые не задерживались на своем посту. Что касается культурного досуга, то он, хотя и отличался сравнительным разнообразием – имелись театр, оркестр, библиотека на 4 тыс. томов, – все же вряд ли отвечал задачам “икарийского воспитания”: в театре ставились главным образом пьесы Вольтера и Скриба, а книжное собрание состояло большей частью из популярных романов Поля Феваля, Фредерика Сулье и Эжена Сю. Пробелы не могли восполнить лекции по “икарийскому коммунизму”, читавшиеся самим Кабе по воскресениям.

Ни собственный авторитет и влияние Кабе, ни отдельные воспитательные меры не могли обеспечить успеха эксперимента, проводящегося по произвольно сконструированной программе. Не смогли они и предотвратить назревший кризис, который потряс общину летом 1856 г., когда во время очередных выборов комитета управления победили три враждебно настроенных по отношению к Кабе кандидата. Отказавшись признать результаты выборов, Кабе вместе со 180 сторонниками покинул Науво и переселился в Сент-Луис, чтобы на новом месте продолжить свой эксперимент.

Научила ли его чему-нибудь неудача? Есть основания в этом сомневаться. Кабе всегда относил свои поражения на счет недостатков организации, ошибок в расчетах. Скорее всего, и на этот раз он упрекал себя главным образом в том, что не проявил достаточной предусмотрительности. Интересно, что еще в 1851 г., размышляя о причинах трудностей, с которыми столкнулось проведение эксперимента, Кабе писал: “Если бы я мог... отложить икарийскую колонизацию 1848 г., то

⁵⁵ Ibid. P. 202.

⁵⁶ Ibid. P. 304

⁵⁷ Ibid. P. 278.

⁵⁸ Ibid. P. 288.

я бы посвятил четыре или пять лет подготовке умов к мельчайшим деталям всего, что касается питания, жилья, мебелировки и т.д., так что переселенец еще до отправки был бы уже избавлен от чего-либо непредусмотренного и неизвестного. Он добавлял "Вот так поступил бы я сегодня, если бы мог начать другую колонизацию по своему разумению"⁵⁹ По-видимому, именно это стремление и руководило неустанным "реформатором общества" и в 1856 г

Примечательно, что, готовясь к возобновлению своего эксперимента, Кабе заключил 13 октября 1856 г со своими последователями "обязательство", которое содержало обещание не только возратить со временем каждому члену общины его первоначальный взнос, но и вознаграждать его из будущих прибылей⁶⁰. По существу, это вело к восстановлению индивидуальной собственности, превращая общину в некое подобие акционерной компании

Кабе не успел увидеть плоды осуществления нового принципа 8 ноября 1856 г. его настиг апоплексический удар и через день он скончался.

Дальнейшая история "икарийской общины" – это история трудного выживания в неблагоприятной среде, а точнее говоря – затянувшейся агонии. Сторонники Кабе, прибывшие с ним в Сент-Луис, спустя полтора года обосновались неподалеку от местечка Челтенхем. Когда в 1864 г. их община окончательно распалась, в ней насчитывалось лишь пятнадцать человек. Те же, кто остался в Науво, в 1862 г переехали в штат Айову, где близ Корнинга приобрели 3 тыс акров земли. В 1863 г. их было только 35 человек и на них лежали 15 тыс. долларов долга. Правда, поставки в армию во время гражданской войны позволили несколько поправить дела, но в 1878 г. в общине произошел раскол. Часть членов переехала в Калифорнию, где в 1887 г. прекратила деятельность. Другие остались на прежнем месте, продолжая совместно трудиться до 1898 г.

Глава 2

ПОЛЕЗНЫЕ УРОКИ РЕВОЛЮЦИЙ

Сочинения на исторические темы по сей день являются наименее изученной частью литературного наследия Кабе. Некоторые из них так и остались в рукописи ("Краткое изложение всемирной истории", "Краткая история Англии"). Но другие были изданы и имели успех. В их числе "Революция 1830 г."¹, "Народная история Французской революции"², введением к которой служил "Очерк истории французов", а также брошюра "Восстание 23 июня"³, посвященная событиям революции 1848 г.

Об этих сочинениях, которые большей частью следует отнести к жанру исторической публицистики, в научной литературе встречаются лишь скудные (за редким исключением) упоминания. Это тем более удивительно, что сам Кабе придавал им большое значение, называя их "практическим курсом философии, морали и политики"⁴, а на свои исторические занятия указывал как на решающий фактор перехода к коммунизму "Изучая и излагая историю, – писал он, – я был поражен зрелищем разыгрывающихся всегда и повсюду стольких гражданских волнений, революций, всегда столь разделенного смутой общества, всегда столь несчастного человечества. Я стал искать их причину, чтобы найти от них спасительное средство..."⁵ Если мы, следовательно, хотим проникнуть в "творческую лабораторию" Кабе и проследить процесс рождения его коммунистической теории, то нам нужно в первую очередь обратить внимание на его исторические сочинения.

Они представляют интерес и по ряду более конкретных причин. Кабе всегда высоко ценил революцию конца XVIII в. Он рассматривал ее как центральное событие истории Франции. Ей он посвятил самое крупное из своих исторических сочинений – "Народную историю Французской революции". Можно безошибочно утверждать, что размышления об опыте и уроках этой революции занимали важное место в жизни Кабе. Тем не менее, историки расходятся во мнениях о

¹ *Cabet E Révolution de 1830 et situation présente (septembre 1832) expliquées par les révolutions de 1789, 1792, 1799 et 1804 et par la Restauration* P, 1832 (Далее *Cabet* 1830)

² *Cabet E Histoire populaire de la Révolution française de 1789 à 1830 précédée d'une introduction contenant le Précis de l'histoire des français depuis leur origine jusqu'aux Etats — Généraux* P, 1839—1840 T 1—4 (Далее *Cabet* HPRF)

³ *Cabet E Insurrection du 23 juin avec ses causes son caractère et ses suites, expliquée par la marche et les fautes de la Révolution du 24 février* P, 1848 (Далее *Cabet* 23 juin)

⁴ *Cabet E Comment je suis communiste et mon credo communiste* P, 1845 P 2.

⁵ *Ibid* P 2—3

⁵⁹ *Le Populaire* 1851 28 février

⁶⁰ Engagement du 13 octobre 1856 proposé par le citoyen Cabet

том, как увлечение историей повлияло на его общественно-политические взгляды. Еще Ж. Прюдому называл коммунистическую теорию Кабе “эманацией и как бы запоздалым плодом Французской революции”⁶. В своей книге, посвященной “социальному эксперименту” Кабе, он даже посвятил несколько страниц анализу “Народной истории Французской революции”⁷. Но с его выводом не согласился В.П. Волгин, который утверждал: “Социальная философия Кабе не отражает... уроков Французской революции...”⁸ Кто прав в споре обоих историков? Ясность в этом вопросе необходима. Ответ на него существенно влияет на наше понимание роли революций конца XVIII и первой половины XIX в. в истории возникновения социалистических и коммунистических учений⁹.

Написанные в разное время между началом 1830-х и концом 1840-х годов, исторические сочинения Кабе дают нам также возможность проследить перемены, происшедшие в представлениях автора за это время о путях осуществления прогрессивных перемен в обществе. В социалистическом движении середины XIX в. он прослыл решительным противником революций. Едва ли не каждый биограф цитирует его знаменитое высказывание из “Путешествия в Икарию”: “...если бы я держал в руке революцию, я не выпустил бы ее, даже если бы мне пришлось из-за этого умереть в изгнании”¹⁰. Но повторяя эту фразу, биографы и историки удивительным образом не придают значения тому примечательному обстоятельству, что она прозвучала в устах старого заговорщика и карбонария, который в свое время участвовал в подготовке Июльской революции и возлагал на нее большие надежды. Закономерен вопрос: что же побудило Кабе позднее столь решительно отвергнуть путь революций? Очевидно, что ответ могут подсказать его исторические сочинения.

Они позволяют уточнить отношение Кабе и к теории классовой борьбы, которая стала достоянием французской общественной мысли со времени появления в 20-х годах XIX в. исторических трудов Ф.Минье, А.Тьера и О.Тьерри. Эти историки одними из первых попытались объяснить происхождение и бурный характер революции конца XVIII в. непримиримой борьбой больших общественных групп. В науке давно сложилось мнение, что в отличие от них Кабе был очень далек от признания важности классовой борьбы. В частности, В.П. Волгин отмечал: “Среди социальных мыслителей первой половины XIX в. немало наивных утопистов. Но рационалистический утопизм Кабе резко выделяется даже на этом фоне. Трудно понять, как мог писатель 40-х годов до такой степени игнорировать рост классовых противоречий и

обострение классовой борьбы в окружающем его обществе”¹¹. Лишь в последнее время эта точка зрения подверглась критике. Кристофер Джонсон утверждает, что подход Кабе “к социальному вопросу был не столь “утопичен”, как следует из существующей историографии. В 1845 – 1847 гг. его оценка классового антагонизма и сопутствующих ему явлений демонстрирует довольно ясное, если не сказать проницательное, понимание меняющихся реальностей 1840-х годов”¹². Насколько вескими являются основания для подобного рода оценок, нам и предстоит выяснить.

“РЕВОЛЮЦИЯ 1830 г.”

Ко времени создания своего первого историко-публицистического произведения Кабе был уже зрелым политиком, известным деятелем левого крыла либерального движения. Приняться за работу над “Революцией 1830 г.” его побудило глубокое разочарование итогами “трех славных дней” и первыми шагами Июльской монархии. В этой книге он подверг резкой критике политику правительства короля Луи-Филиппа, не пощадив при этом и своих старых друзей и единомышленников, перешедших на службу новому режиму. Но выясняя причины того, почему Июльская революция не оправдала надежд демократов и республиканцев, Кабе обращается к истории ее великой предшественницы XVIII в. “В самом деле... – пишет он, – сколько полезных уроков и предостережений можно было бы почерпнуть из ее опыта как для народов, так и для правительств!”¹³

По выходе своего сочинения в свет, Кабе с гордостью писал: “это не простая брошюра, это *история* объемом в большой том ин-октаво, содержащая материал на два обычных тома. Это результат огромной исследовательской работы и более восьми месяцев труда”¹⁴. Однако биографы Кабе скептически оценивают достоинства “Революции 1830 г.” “Слишком пространная для памфлета, слишком страстная и пристрастная для исторического сочинения”, – пишет, в частности, Прюдому. По его словам, она “написана небрежно, без поправок и порядка”¹⁵. Тем не менее, эта работа дает отчетливое представление об идейно-политических позициях Кабе в оценке прошлого Франции. “Руководящим” для него является принцип “суверенитета нации”. С его осуществлением Кабе связывает надежды на установление во Франции демократии. Необходимым дополнением этого принципа он считает “улучшение участи народа”¹⁶. Обращает на себя внимание и то обстоя-

⁶ Prudhommeaux J. Icarie et son fondateur Etienne Cabet. P., 1907. P. 143.

⁷ Ibid. Op. cit. P. 100–125.

⁸ Волгин В. П. Этьен Кабе // Кабе Э. Путешествие в Икарию. М., Л., 1948. Ч. 1. С. 11. Он же Французский утопический коммунизм. М., 1979 С. 181

⁹ Важность и актуальность изучения этого вопроса подчеркивается в работе Кучеренко Г.С. Исследования по истории общественной мысли Франции и Англии: XV – первая половина XIX в. М., 1981 С. 211–236.

¹⁰ Cabet E. Voyage en Icarie. P., 1842. P. 565.

¹¹ Волгин В. П. Этьен Кабе. С. 28–29.

¹² Johnson Ch. Etienne Cabet and the Problem of Class Antagonism // International Review of Social History. 1966. № 3. P. 407.

¹³ Cabet 1830. P. IV

¹⁴ Cabet E. Réquisitoire, arrêté par défaut, autorisation de la Chambre. P., 1833. P. 1.

¹⁵ Prudhommeaux J. Op. cit. P. 52.

¹⁶ Cabet 1830. P. 92.

тельство, что историю революций XVIII в. и 1830 г. Кабе рассматривает, исходя из признания борьбы общественных классов. Вероятно, в этом проявилось влияние одного из “отцов” теории классовой борьбы Франсуа Минье, основной исторический труд¹⁷ которого Кабе часто цитирует.

Французскую революцию XVIII в Кабе понимает как столкновение трех основных сил – аристократии, ожесточенно цепляющейся за свои привилегии, буржуазии и народа, добивающихся удовлетворения законных требований. Поворотные моменты ее истории он связывает с резкими изменениями в соотношении этих сил. “Революция 1789 г., – пишет он, – привела к триумфу буржуазии, а революция 1792 г. – к триумфу народных масс” Но “с разоружением предместий” в 1795 г. народ становится жертвой “дворян, аристократов и буржуа”, объединившихся против него¹⁸. Кабе дает социальную характеристику революционных партий. Так, конституционалистов-фельянов он упрекает в стремлении “сосредоточить всю власть в руках буржуазии, боящейся народа”¹⁹. Опорой жирондистов он считает “буржуа” и “торговцев”²⁰. И только монтаньяры, по его мнению, последовательно выступают от имени “народа”²¹.

Причем, если борьбу буржуазии и народа против аристократии он считает справедливой и необходимой, то вражду между буржуазией и народом он расценивает как трагическую случайность, нелепое заблуждение революционеров и чаще всего следствие происков аристократии. В борьбе с революцией она использовала, по словам Кабе, “дьявольскую систему хитрости, вероломства, подкупа и макиавеллизма”, стремилась посеять сомнение, неверие, страх, раздоры и хаос... с целью ослабить революцию и умножить ряды ее внутренних и внешних врагов”²². Мыслью о единстве “высших интересов” буржуазии и народа проникнуты его представления о Французской революции. Основной причиной ее поражения Кабе считает именно политический раскол между буржуазией и народом.

В истории Французской революции Кабе обнаруживает неиспользованные возможности примирения обеих социальных сил. Так, возможность скрепить их политическое единство давала, по его мнению, конституция 1791 г. Кабе отзывается о ней в самых восторженных выражениях: “Как итог опыта философии восемнадцатого века, она получает одобрение всей Франции и заслуживает того, чтобы перед ней почтительно преклонили колени, как перед священной скрижалей, из которой будущие поколения станут черпать истинные принципы свободы”²³. Ее главным достоинством, полностью искупающим все “несо-

вершенства”, наш автор считает то, что она была добровольно и искренне принята всей нацией. В этом он видит ее бесспорное преимущество перед якобинской конституцией 1793 г., которая, по его словам, “предоставляя народу прямое участие в управлении, была, быть может, слишком демократической для своего времени” и, следовательно, не могла “примирить права и интересы всех классов общества”²⁴.

И все-таки монархическую конституцию 1791 г. республиканец Кабе одобряет только как наименьшее зло. Исходя из убеждения в том, что “теоретически республика, несомненно, является наиболее рациональной, совершенной и привлекательной формой правления”²⁵, он все же связывает свой общественный идеал с правлением не конституционалистов, а якобинцев, которым уделяет особое внимание. Правда, под влиянием Минье он ценит якобинцев не столько за их социальные реформы, сколько за решительную и непримиримую борьбу против контрреволюции. Кабе и характеризует их прежде всего как “людей действия, убежденных в том, что только сила может победить столькоких внешних и внутренних врагов и что сам принцип человечности требует отказаться от снисходительности, грозящей обернуться гибелью”²⁶. В этой связи он одобрительно отзывается об установлении революционного правления и отмене действия конституции 1793 г.²⁷ Полностью одобряет он и революционный террор. “Меры против эмигрантов, дворян, мятежных священников, контрреволюционеров были ужасны, – отмечает Кабе. – Но... не были ли они в общем необходимы... не спасли ли эти меры Францию?”²⁸

Тем не менее, Кабе как бы предчувствует в якобинской диктатуре некий образец гармонического единства нации, одухотворенной высокими патриотическими идеалами. Франция этого времени рисуется ему “не чем иным, как гигантской военной мастерской... Все граждане являются либо рабочими, либо солдатами; мужчины, женщины, дети, старики – все участвуют в общем деле обороны. Ничто не может противостоять Конвенту, вдохновляемому бесстрашным Комитетом общественного спасения и опирающемуся на народные общества и народ, которому он выдает жалованье и умеет заинтересовать в обороне отечества”²⁹.

С положительной оценкой якобинской диктатуры связано у Кабе представление о решающей роли “народа” в истории революции. Именно на гребне его “триумфа” в 1792 г. приходят якобинцы к власти. Именно народ после переворота 9 термидора пытается остановить нарастание “реакции, еще более кровавой, чем сама революция”³⁰. Одна-

¹⁷ Mignet E. Histoire de la Revolution française. P., 1825.

¹⁸ Cabet 1830. P. 161.

¹⁹ Ibid. P. 17.

²⁰ Ibid. P. 32.

²¹ Ibid.

²² Ibid. P. 16.

²³ Ibid. P. 8.

²⁴ Ibid. P. 94.

²⁵ Ibid. P. 40, 41.

²⁶ Ibid. P. 32.

²⁷ Ibid. P. 33.

²⁸ Ibid. P. 37.

²⁹ Ibid. P. 34.

³⁰ Ibid. P. 35.

ко поражение восстаний 12 жерминаля и 1 прерияля привело к тому, что, по словам Кабе, народ, “истощивший свои силы в обороне территории, вынужденный заняться исключительно трудовой деятельностью, чтобы обеспечить себя и своих детей, не имея ни времени, ни места для проведения собраний... по-видимому, отстранился от политики”³¹.

Уход народа с арены политической борьбы в ответственный момент рассматривается Кабе как неизбежное следствие его приниженого положения. Кабе приходит к выводу об органической неспособности низов общества, постоянно озабоченных поиском средств существования, на последовательную борьбу за отвлеченные цели. А недостаток просвещения и связанная с этим политическая наивность делают народ игрушкой в руках ловких интриганов или демагогов, преследующих корыстные цели. “Как народ восприимчив к славе! – восклицает Кабе. – ... Как он доверчив и вместе с тем как он легковверен и подвержен обману со стороны честолюбцев, скрывающихся под маской патриотов!”³² Характеризуя значение государственного переворота 1799 г., он с горечью замечает, что “народ, ослепленный славой Бонапарта, рукоплещет 18 брюмера” в то время как “пламенные республиканцы оплакивают одновременно и республику и свободу”³³. Опыт Французской революции, по мнению Кабе, доказывает, что народ нуждается в политическом руководстве со стороны более просвещенной буржуазии и что поэтому он жизненно заинтересован в союзе с ней. Будучи несокрушимой силой, народная стихия непредсказуема и своенравна в своих действиях. Вырвавшись на свободу, она становится опасной не только для врагов народа, но и для его друзей.

В своих оценках Июльской революции Кабе прямо исходит из уроков прошлого. В правомерности судить ее по критериям и шаблонам революции конца XVIII в. он ничуть не сомневается, потому что рассматривает ее не более, чем продолжение процесса, начавшегося в 1789 г. “...Контрреволюция, которую совершила Реставрация, – пишет он, – была истинной причиной революции 1830 г., возврат к принципам 1789 г. – ее истинной целью, а установление подлинного суверенитета нации должно было стать ее истинным следствием”³⁴.

В Июльской революции Кабе видит столкновение трех партий – карлистской (т. е. легитимистской, партии сторонников свергнутого короля Карла X), народной и партии “золотой середины”. Нетрудно догадаться, что они представляют собой общественные силы, уже известные нам по его анализу истории революции XVIII в. – аристократию, народ и буржуазию. Аналогичным образом он оценивает расстановку этих сил в Июльской революции. Кабе не подвергает сомнению справедливость и необходимость восстания буржуазии и народа в защиту своих прав против Реставрации. Именно поэтому он горячо отстаивает идею их единства в совместной борьбе и решительно

осуждает распри, вновь вспыхнувшие между ними. “Раскол везде, – пишет он, – старые друзья стали врагами, отец в одном лагере, сын – в другом... гражданская война повсюду”³⁵. Он потрясен тем, что ошибки революции XVIII в. с какой-то роковой неизбежностью повторяются почти спустя полстолетия.

Ответственность за раскол нации Кабе всецело возлагает на “главарей” партии “золотой середины”, которая за спиной народа “овладела революцией”, чтобы воспользоваться ее плодами. Он называет их “душителями революции и народного дела”³⁶. Вместе с тем, характеризуя социальный облик новой правящей элиты, он дает ей поистине убийственную характеристику. Он определяет ее как “финансовую и буржуазную аристократию, ненасытную и скупую, более ограниченную, мелочную, заносчивую и бесчеловечную, чем аристократия крови”³⁷; как “денежных воротил... не имеющих иной родины, кроме биржи”³⁸.

Вину “главарей” партии “золотой середины” Кабе усматривает в равнодушном отношении к нуждам и запросам народа. По его мнению, Июльская революция остановилась как бы на полпути между старым аристократическим порядком Реставрации, отвергнутым народом, и новым демократическим, к которому он стремился. Общественный и политический строй Июльской монархии Кабе называет “системой золотой середины”. Это половинчатая, неустойчивая система, она неизбежно обрекает Францию на внутренние конфликты и раздоры. Ее сущностью Кабе считает “сохранение аристократического принципа путем *сопротивления* прогрессивному и народному движению, революции, духу свободы и равенства”³⁹. Поэтому правительство Июльской монархии вынуждено “опираться на всех сторонников Реставрации, легитимизма и аристократии, составляющих большинство в палатах и на государственной службе”. Что касается народа, участников революции и республиканцев, то в силу той же необходимости это правительство “не может не рассматривать их как своих врагов”⁴⁰.

Между тем, по убеждению Кабе, Июльская революция должна была “в первую очередь обеспечить права народа и гарантировать интересы этого самого многочисленного и, следовательно, самого грозного, самого полезного и, следовательно, наиболее заслуживающего благосклонность законодателя класса”⁴¹. Такова принципиальная задача революции. “...Разве может страна, – вопрошает он, – где народ не получает надлежащего *питания, одежды и образования*... где нищета соседствует с роскошью и насчитываются миллионы людей, влачащих жалкое существование... гордиться какой-то

³¹ Ibid. P. 161.

³² Ibid. P. 46

³³ Ibid.

³⁴ Ibid. P. IV.

³⁵ Ibid. P. 163.

³⁶ Ibid. P. 145.

³⁷ Ibid. P. 162

³⁸ Ibid. P. 377.

³⁹ Здесь и далее в цит. подчеркнуто Кабе. См.: Ibid. P. 153.

⁴⁰ Ibid. P. 154

⁴¹ Ibid. P. 97

славой, справедливостью, нравственностью или хотя бы цивилизованностью?"⁴²

Возникшую во Франции после Июльской революции политическую и социальную напряженность Кабе объясняет в конечном счете с конфликтом между "буржуазией" и "народом". Он предвидит дальнейшее ухудшение положения, если правительство Июльской монархии не уступит народным требованиям. Корни этого конфликта он усматривает в злонамеренных происках легитимистской реакции, тесно связанной с зарубежными дворами и правительствами, которая сумела подчинить своему влиянию верхушку партии "золотой середины" и таким образом внести раскол в ряды "патриотов". "Это Карл X, это заграница..., вот кто нас разделяет!" – утверждает Кабе, говоря от имени "патриотов"⁴³. Но все же Кабе считает, что у этого конфликта имеется и определенная социальная подоплека. Он предупреждает власть имущих, что народ, "обреченный на политический илотизм" и "доведенный до отчаянной нищеты", не станет бесконечно терпеть издевательства и что грядет новая "борьба между аристократией и демократией"⁴⁴. Эта борьба затронет уже не только форму государства, как все прежние революции, но и самые основы общества. "...Соппротивление аристократии народу, – указывает он, – представляет собой настоящую язву, которая разъедает общество; это не только *политическая язва*, это еще и *язва социальная*"⁴⁵. Примечательно, что Кабе с симпатией отзывается о "бесстрашных лионских рабочих", восставших в 1831 г. под лозунгом: "Жить работая или умереть сражаясь!"⁴⁶ Но пугая правящие верхи такой альтернативой, сам же Кабе ее отвергает. Случайный, преходящий характер размолвки между буржуазией и народом не подлежит для него сомнению.

Судя по всему, в понимании половинчатости, односторонности результатов Июльской революции Кабе в целом оставался в рамках представлений, довольно широко распространенных вскоре после Июльской революции в левых политических кругах Франции. Например, Пьер Леру, который, как и Кабе, в годы Реставрации был карбонарием и активным участником оппозиции, тоже воспринял победу народного восстания во время "трех славных дней" как начало "новой эры", но вскоре разочаровался в новом режиме. Уже в сентябре 1830 г. он писал в газете "Глоб", что как ни важны политические права сами по себе, они "недостаточны для спасения народа от нищеты и страданий". Он выступал за то, чтобы демократические реформы сочетались с реформами социальными, отвергая при этом, подобно Кабе, всякие "чудодейственные средства", не учитывающие "политической реальности". Как показал французский историк Ж.-Ж. Гобло, разоблачение

"буржуазной аристократии" становится одной из главных тем газеты "Глоб", превратившейся вскоре после Июльской революции в официальное издание сенсимонистов во главе с Проспером Анфантенном. Впрочем, как отмечает этот историк, с осуждением буржуазной аристократии выступали в ту пору все противники "половинчатой реставрации", как называли Июльскую монархию республиканцы и демократы^{46а}.

Впрочем, далеко не все критики Июльской монархии исключали целесообразность новой революции. Некоторые из них прямо призывали к восстанию против господства буржуазной, или финансовой аристократии. Среди них был друг и давний покровитель Кабе, видный деятель либеральной оппозиции Реставрации, член палаты депутатов Вуайе д'Аржансон. Июльскую революцию он приветствовал как завершающий этап тех политических и социальных реформ, которые были начаты в 1789 г. Так же как и другие демократы, он был разочарован в ее результатах. Но, в отличие от Кабе, он считал, что народ проявит "малодушие" и "невежество", если не отнимет у богатей "право делать законы", т.е. не сметет олигархический режим и не установит всеобщее избирательное право. Смысл этого заявления был безошибочно понят властями, которые привлекли Вуайе д'Аржансона к судебной ответственности за призыв к антиправительственным действиям⁴⁷.

Кабе волнует вопрос: можно ли еще исправить ошибки, допущенные во время Июльской революции, и переломить неблагоприятный ход событий? Отвечая на него утвердительно, Кабе вместе с тем выражает несогласие с теми республиканцами и демократами, которые призывали к новой революции. Личный опыт, приобретенный в 1830 г., укрепляет его скептицизм относительно революционных методов борьбы. Снова, как и полстолетия тому назад, народ, сражавшийся на баррикадах, был принесен в жертву своекорыстным интересам. Поэтому Кабе заявляет: "Революции всегда являются опасным лекарством, применять которое следует лишь в том случае, если страдания становятся невыносимыми"⁴⁸. Предпочтение он отдает мирным, легальным формам борьбы. Он даже выражает уверенность в том, что "если бы Бурбоны лояльно выполняли хартию" в период Реставрации, то "нация смогла бы ее усовершенствовать и восстановить принцип суверенитета легальным путем"⁴⁹. Тем более нельзя отказываться от возможности мирного совершенствования законов после Июльской революции. При всех своих недостатках она все же представляет шаг в правильном направлении.

Во многом опираясь на опыт обеих революций, Кабе выдвигает программу мирных демократических преобразований. В основу ее он

⁴² Ibid. P. 97–98.

⁴³ Ibid. P. 163.

⁴⁴ Cabet. 1830. P. 161–162.

⁴⁵ Ibid. P. 162.

⁴⁶ Ibid. P. 382.

^{46а} Goblot J.-J. Pierre Leroux après les "Trois glorieuses" (juill.— nov., 1830) // La Pensée. 1976. Mars-avr. P. 46–47, 52–56.

⁴⁷ Волгин В.П. Французский утопический коммунизм. С. 104, 110–111.

⁴⁸ Cabet. 1830. P. 386.

⁴⁹ Ibid. P. 147.

кладает несколько идей, характерных для его мировоззрения в это время. Прежде всего Кабе убежден в том, что новый, демократический порядок, который должен возникнуть в результате полного осуществления “принципов 1789 г.”, абсолютно противоположен старому аристократическому порядку. Поэтому он и не принимает результатов Июльской революции, считая установленный ею буржуазно-олигархический режим не закономерным итогом истории, а случайным следствием заблуждений и ошибок революционных вождей, не сумевших – или не захотевших – довести борьбу с аристократией и деспотизмом до логического конца.

Кабе безусловно признает наличие глубоких противоречий как между старой родовой аристократией, с одной стороны, и буржуазией и народом – с другой, так и между самими буржуазией и народом. Но если противостояние между малочисленной аристократией и большинством “нации” представляется ему обоснованным и неизбежным, то конфликта внутри “нации” между буржуазией и народом, по его мнению, можно было бы избежать, если бы не ошибки и заблуждения революционеров и козни их врагов.

Наконец, он убежден в том, что реакционные монархи Европы обязательно предпримут интервенцию в целях восстановления на троне “законной” династии Бурбонов. “Революция во Франции и принцип легитимности несовместимы” – пишет он⁵⁰. Перед лицом революции, даже такой половинчатой, как Июльская, “сама судьба”, полагает Кабе, обрекает на войну против Франции все легитимные монархии, стоящие перед выбором – либо уступить дорогу прогрессу и тем самым подписать себе смертный приговор, либо задушить в зародыше любую попытку перемен.

Неизбежность интервенции и вытекающая из этого необходимость сплочения всех “патриотических” сил в интересах обороны и должны были, по мысли Кабе, способствовать восстановлению политического единства буржуазии и народа. Когда народ поднимется на защиту родины, пишет он, “противники народа еще смогут присоединиться к нему. Это в их интересах!”⁵¹ Кабе считает непреложной истиной, что “громдное большинство золотой середины... настроено также патриотически”, как и народ, как республиканцы и демократы, и что при виде иностранных армий эти “обманутые патриоты вернутся в наши ряды”⁵². Он провозглашает лозунг: “Братья-французы, объединяйтесь!”⁵³ и призывает республиканцев и демократов отказаться от намерения свергнуть правительство Июльской монархии силой: “Никаких мятежей, никаких заговоров! Наберемся терпения! Час обороны пробьет!”⁵⁴

Как мы видим, Кабе судит Июльскую революцию по аналогии с революцией конца XVIII в., которую он рассматривает прежде всего

как конфликт двух больших общественных сил – старой родовой аристократии, цепляющейся за привилегии и абсолютизм, и большинства населения страны, стремящегося к демократическим переменам. Кабе признает классовую борьбу применительно к истории обеих революций. Но он истолковывает ее в духе либеральной историографии первой четверти XIX в., и прежде всего труда Минье, который цитирует с явным одобрением на протяжении всей своей книги. Впрочем, в отличие от Минье, Кабе подчеркивает также существование противоречий между буржуазией и народом, отмечая их социальную природу – конфликт интересов. В этом, несомненно, проявилась известная новизна его исторической концепции по сравнению с предшественниками.

То, что Кабе сумел дать более глубокое истолкование классовой борьбы, во многом объясняется его пристальным вниманием к так называемому “социальному вопросу”. В начале 30-х годов XIX в. этот вопрос едва ли не впервые заинтересовал широкие общественно-политические круги Франции⁵⁵. Это произошло под впечатлением торгово-промышленного кризиса конца 20-х годов, обострившего проблемы безработицы и нищеты в рабочих пригородах и поселках. Как и в случае с Июльской революцией, по отношению к социальному вопросу мнения либеральных политиков и экономистов разделились. Часть из них, не отрицая остроты социальных проблем, считала, что его решение напрямую зависит от успехов капиталистического развития, роста крупной индустрии, торговли, предпринимательства, которые в перспективе всем предоставят возможность “обогащения посредством труда и бережливости”. Другие, в том числе и Кабе, явно склонялись к мнению, что решение “социального вопроса” не может быть пущено на самотек. Они требовали, чтобы правительство приняло меры к смягчению неблагоприятных последствий роста крупной индустрии и конкуренции для населения. Подробнее о спорах по социальному вопросу мы расскажем ниже.

Несмотря на признание противоречий между буржуазией и народом и убеждение в необходимости социальных реформ, в книге Кабе тем не менее нет ничего, что давало бы нам основание заподозрить его в сочувствии идее “антагонизма” рабочих и капиталистов. Напротив, вся его книга проникнута убеждением в необходимости избежать разрыва между буржуазией и народом, в совпадении конечных интересов обеих общественных сил.

Из этого следует, что неудовлетворенность Кабе результатами революций имеет своим источником в сущности унаследованную от просветителей мечту о новом разумном миропорядке, который соответствовал бы высоким идеалам справедливости, добра и благосостояния и воплощал революционные принципы свободы, равенства и братства. Он мыслит не категориями возможного или целесообразного,

⁵⁰ Ibid. P. 171–172.

⁵¹ Ibid. P. 383.

⁵² Ibid. P. 377, 384.

⁵³ Ibid. P. 385.

⁵⁴ Ibid. P. 383.

⁵⁵ См.: Заборов М.А., Хасина Г.В. К предистории Марксовой концепции пролетариата: “Рабочий вопрос” в науке и публицистике 30 – 40-х гг. XIX в. // Из истории марксизма и международного рабочего движения. М., 1977.

но идеального. Поэтому ему не понятен переход некоторых из его либеральных друзей и соратников по борьбе с Реставрацией на сторону Июльской монархии, так похожей на свергнутый режим. Кабе расценивает это как измену демократическим идеалам. Он выражает свое "горестное возмущение" тем, что "карбонарии вдруг оказались ренегатами, предателями, перебежчиками и гонителями своих старых друзей (т. е. республиканцев и демократов. — А.Р.)"⁵⁶. Кабе прямо заявляет о разрыве с ними, несмотря на "чувства уважения и привязанности", которые он к ним лично питает⁵⁷.

"Революция 1830 г." сыграла немаловажную роль и в судьбе Кабе. Эта книга настолько рассердила власти Июльской монархии, что они решили, наконец, приструнить не в меру словоохотливого депутата. Они обнаружили в ней основание для обвинения Кабе по крайней мере в пяти различных преступлениях. Обвинения звучали одно другого серьезней: ущерб достоинству короля, оскорбление личности короля, разжигание ненависти и неуважения к правительству, клевета и оскорбления по отношению к двору, судьям, палатам, властям и администрации, а также публичное оскорбление должностных лиц⁵⁸. Учитывая депутатскую неприкосновенность Кабе, генеральный прокурор вынес заочное определение по его делу, предусматривающее максимальную меру наказания по соответствующим статьям уголовного кодекса.

Вероятно, этим бы дело и ограничилось, поскольку власти по всей видимости хотели лишь приструнить строптивого депутата. Но Кабе резко повысил ставки в игре и сорвал этот замысел. Предчувствуя ту политическую выгоду, которую оппозиция могла бы извлечь из скандала, затеянного властями, он сам обратился к министру юстиции Барту, между прочим, своему старому политическому товарищу, перешедшему на сторону Июльской монархии, с просьбой поручить генеральному прокурору дать ход его делу (письмо было получено в канцелярии министра 6 апреля 1833 г.). Можно не сомневаться, что как адвокат Кабе просчитал возможные последствия своего шага. Этим и объясняется смелость и напористость его действий. В его письме на имя министра говорилось: "...Ничто не препятствует тому, чтобы генеральный прокурор попросил согласия палаты депутатов на мое преследование в суде с целью вынесения окончательного приговора. Поскольку он *может* это сделать, то он *должен* это сделать. В этом заключается его долг по отношению к правительству, обществу, ко мне и к палате депутатов, членом которой я являюсь. Если я виновен, то почему никто не препятствует свободной продаже моего труда (поскольку его можно изъять только на основании окончательного приговора). Если же я не виновен, то почему против меня выдвигают ложные и несправедливые обвинения?" Фактически Кабе провоцировал

власти на более решительные шаги, рассчитывая впоследствии выставить их на посмешище. Настаивая на передаче дела в суд, он издевался над министром, вопрошая его: "Что вам мешает обратиться в палату? Неужели вы боитесь выступлений депутатов? Или вы боитесь получить отказ на ваш запрос? Или старые воспоминания г-на Барта мешают ему подвергнуть преследованию г-на Кабе?"⁵⁹

В конце концов суд состоялся. Его почтил своим присутствием цвет республиканской оппозиции, включая таких ее видных деятелей, как д'Аржансон, Глэ-Бизуен, Лабурсьер, Дюпон из Эры, Гарнье-Пажес, Жоли, Корменен, Лафайет и другие. Некоторые из них в 1848 г. стали членами Временного правительства Второй республики. А сегодня они пришли в суд, чтобы поддержать своего коллегу, ставшего, как они считали, жертвой преследований со стороны несправедливой власти.

Защитником по делу Кабе выступал Мари (тоже, между прочим, министр Временного правительства в 1848 г.). Его речь была не только образцом красноречия, но и по сути дела декларацией принципов республиканской оппозиции. Она содержала апологию революций, как "последнего слова народа в борьбе против общественной организации, потерявшей его симпатии", как "осуществления морального прогресса, отправной точки движения цивилизации к новым прогрессивным достижениям", наконец, как "закона провидения, вечного как правда, неизбежного как фатальность, против которого человек бессилён, если бы он захотел помешать его действию или вообще отменить его"⁶⁰. Значение Июльской революции 1830 г., по словам Мари, заключалось в том, чтобы восстановить национальный суверенитет, впервые учрежденный во Франции конституцией 1791 г., причем, подчеркивал он, "не абстрактный суверенитет, лишенный реального наполнения, а фактический".

В своей речи Мари сделал замечание, очень важное для понимания характера республиканской оппозиции первых лет Июльской монархии, к которой принадлежал Кабе. "...Когда мы говорим о суверенитете, — продолжал Мари, — мы имеем в виду не этот грубый индивидуализм, который ведет к варварству". Его проповедовали, по мнению оратора, так называемые доктринеры — группа либеральных политиков и мыслителей, по праву считавшихся духовными отцами цензовой либеральной монархии во Франции, в том числе Ройе-Колар, Шарль де Ремюза, Гизо⁶¹. "Я готов согласиться с мнением доктринеров, — продолжал Мари, — что единственно легитимным является суверенитет разума. Но вопрос в том, кто является его носителем. Кучка людей, обладающих привилегиями богатства и знания? Ни в коем случае — только массы. Пусть образованные гордецы знают, что в нынешнем положении Франции, здравый смысл выше образования и что только на этом основании может покоиться порядок и собственность". Такое

⁵⁶ Cabet. 1830. P. 203.

⁵⁷ Ibid. P. 204.

⁵⁸ Cabet E. Réquisitoire, arrêt par défaut. P. 3.

⁵⁹ Les Archives Nationales de France, BB¹⁸ 1214. Doss. 8792.

⁶⁰ Cabet E. Procès devant la Cour d'assise de Paris contre Cabet, ex-procureur général en Corse, député de la Côte-d'Or. P., 1833. P. 35.

⁶¹ Girard L. Les libéraux français, 1814-1875. P., 1985. P. 69-79.

понимание национального суверенитета защитник Кабе и считал главным завоевание Июльской революции. Это нашло выражение в популярном лозунге “народной монархии”⁶².

В чем обвиняют Кабе? – вопрошает Мари. В том, что он, взяв за основу заявление правительства о “суверенитете народа”, попытался вывести из этого положения все вытекающие из него последствия. Если суверенитет принадлежит народу, сказал якобы себе Кабе, “следовательно, именно ему принадлежит выбирать форму правительства, республиканскую или монархическую”, “определять конституционные законы страны” и пр. Кабе, по словам Мари, “не мог поступить иначе. Изучая историю палаты после 1830 г. он обнаружил факт и рассуждал, исходя из этого факта”⁶³.

Можем добавить, что того же метода своей защиты придерживался и Кабе, причем не только в суде. Он опубликовал брошюру под красноречивым названием: “Защита и оправдание Кабе судом в составе его величества Луи-Филиппа, господ министров де Бролья, Тьера, Сульта и др., Депутатов Персилья, Мадье-Монжо, Вьенне и др.”⁶⁴ В ней он привел цитаты из газет и речей видных политиков, которые должны были убедить общественное мнение, что ничего “крамольного” в его сочинении о революции 1830 г. не содержалось. Что в своих выводах он исходил из идей, которые широко обсуждались в обществе, в том числе и на официальном уровне.

Из этой судебной схватки с властями Кабе вышел победителем. Но спустя год они взяли реванш и добились осуждения его за нарушение закона о печати.

“НАРОДНАЯ ИСТОРИЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ”

В 1834 г. преследования французских властей заставили Кабе уехать на пять лет в Англию. Пребывание в этой стране он использовал для создания серии доступных народу книг по истории. Во время этой работы и произошел переворот в воззрениях Кабе. Это нашло отражение в самом крупном из написанных им сочинений на исторические темы – “Народной истории Французской революции”. “В первых частях, – пишет В.П. Волгин, характеризуя эту книгу, – он выступает еще как буржуазный демократ; лишь начиная с IV части сказываются его новые коммунистические взгляды”⁶⁵.

Как историческое исследование, книга Кабе и сейчас производит благоприятное впечатление. Увесистый четырехтомный труд, насыщенный фактическим материалом, взятым из революционной прессы, стенограмм заседаний законодательных палат и опубликованных к тому

времени воспоминаний и дневников участников революции, он заслужил похвальный отзыв даже такого придирчивого биографа Кабе, как Прюдомо. Взвесив все его достоинства и недостатки, этот историк назвал “Народную историю Французской революции” не более не менее как “серьезной заявкой Кабе на почетное звание историка”⁶⁶. И хотя по своим профессиональным и литературным достоинствам книга Кабе заметно уступает ранее опубликованным работам Минье и Тьера, тем не менее, в историографии революции она является одним из первых произведений демократического направления. Подчеркивая новизну своего вклада в изучение революции, Кабе писал, что до него с демократических позиций осветили это событие только Бюше и Ру. Но их “Парламентская история Французской революции” представляет собой “скорее сборник документов, чем собственно историю революции, а кроме того ее размеры делают ее недоступной для народа”⁶⁷.

Вместе с очерком “Истории французов с древности до созыва Генеральных Штатов”, занимающим без малого полторы сотни страниц, или четверть объема первого тома, труд Кабе фактически охватывает всю историю Франции. Разумеется, наиболее подробно в нем описаны события самой революции, начиная с 1789 года и до падения Робеспьера в 1794 г. Но обратим внимание, как Кабе датирует революцию. Полное название его труда гласит: “Народная история Французской революции от 1789 до 1830 г.” Следовательно, по мнению Кабе, переворот 9 Термидора не означал конца революции. Он лишь положил “начало контрреволюционной реакции”⁶⁸. По его мнению, вторая половина 90-х годов была периодом “продолжения революционного кризиса, длительной войны, которую революция вела против коалиции иностранных государств, республика – против контрреволюции, демократия – против буржуазии”⁶⁹.

Революционный кризис разрешился в 1799 г. переворотом 18 брюмера. Наполеона Бонапарта, установившего “контрреволюционную систему”, Кабе называет “неблагодарным сыном революции”. “Все его действия, – пишет наш автор, – сводились к войне против революции. Он упразднил все, что она создала, – Декларацию прав человека и гражданина, народный суверенитет, право выбора формы правления, национальное представительство, избирательное право, политическую свободу, свободу печати... свободу ассоциаций, класс моральных и политических наук при Институте, республиканский календарь, Пантеон, наконец, Французскую и дочерние республики, а также братство между народами. Напротив, он восстановил все, что революция упразднила – монархию, коронацию, божественное право, деспотизм, двор, гробницы в Сен-Дени⁷⁰, отношения с папой римским и католицизм, права

⁶² Cabet E. Procès devant la Cour d'assise... P. 40.

⁶³ Ibid.

⁶⁴ Cabet E. M. Cabet défendu et justifié par S.M. Louis-Philippe, MM. de Broglie, Thiers, Soult et autres ministres, MM. Persil, Madier-Montjau, Viennet et autres députés. P., 1833.

⁶⁵ Волгин В.П. Этьен Кабе... С. 9.

⁶⁶ Prudhommeaux J. Op. cit. P. 100.

⁶⁷ Cabet HPRF. T. 1. P. VI.

⁶⁸ Ibid. T. 4. P. 144, 146, 150.

⁶⁹ Ibid. P. 420.

⁷⁰ Усыпальница французских королей в базилике Сен-Дени близ Парижа, оскверненная во время революции.

эмигрантов, дворянство, аристократию, лейб-гвардию, награды, гербы, ливреи, привилегии, монополии, неравенство в правах, феодальный порядок, тайны двора, произвол полиции, государственные тюрьмы и прочее”⁷¹. В сравнении с наполеоновскими конституциями периода Консульства и Империи, замечает Кабе, королевские Хартии 1814 и 1830 гг. кажутся “воплощением свободы”⁷².

Но и переворот 18 брюмера Кабе не считает концом революции. Не потому, что он находит хоть слово в оправдание наполеоновского деспотизма. Наоборот, Кабе решительно оспаривает мнение о том, что генерал Бонапарт якобы “спас” революцию, во всяком случае, то, что от нее еще представлялось возможным спасти. Нет, утверждает Кабе, этот деспот “ненавидел” революцию, он делал все, чтобы ее задушить, “он тысячу раз предавал ее смерти, и если он все же не убил ее, то только потому, что она бессмертна, что даже гиганты перед ней кажутся карликами и пигмеями, не способными поразить ее в сердце”⁷³. Выраженное в этих словах мистическое представление о “бессмертии” революции отчасти объясняет нам, почему Кабе устанавливает для нее непомерно широкие временные рамки.

О том, что революционный дух был жив, по мнению Кабе, свидетельствует крах первой Реставрации в 1815 г. И только вторая Реставрация после знаменитых “ста дней” и поражения Наполеона в битве при Ватерлоо дает ему основание для констатации: “Революция потерпела поражение”⁷⁴. Но поражение – еще не конец. Реставрация не смогла вернуть Францию в прошлое. Бурбоны в течение всего этого длительного времени были обречены на то, чтобы править страной при помощи “насилий” и в ответ терпеть от нее “унижения”, а страна – “протестовать” против их власти⁷⁵.

Завершая свою книгу описанием “трех славных дней”, Кабе считает, что революция – Революция с большой буквы, в том отчасти мистическом, отвлеченном от конкретной истории смысле, в каком он зачастую использует это слово, – по-прежнему далека от завершения. Народное восстание в июле 1830 г. вызывает у него восхищение. Но то, что из этого получилось, оставляет его в недоумении. Воцарился представитель династии Орлеанов, сохранивший “Хартию, некогда навязанную стране при помощи иностранных штыков Людовиком XVIII, – и это называется революцией?” – вопрошает Кабе⁷⁶.

Но и спустя 6-7 лет после указанных событий, излагая на бумаге эти мысли, он по-прежнему питает надежду на возможность продолжения дела, начатого в 1789 г. Что для этого нужно? План Кабе предельно прост. Нужно, чтобы “Луи-Филипп встал на защиту независимости нации и призвал французов к оружию с целью добиться пересмотра

несправедливых договоров 1815 г., всеобщего разоружения и прочного, длительного мира”. Реакционные монархи Европы, несомненно, будут возмущены такой дерзостью. Ведь в их глазах Луи-Филипп – такой же узурпатор, как и Наполеон. “Если короли, – продолжает Кабе, – захотят задушить новую революцию, то все народы, обманутые в 1814 и 1815 гг., сами поднимутся на революцию и предотвратят войну”. “Какое несчастье, если мы упустим эту уникальную возможность!” – восклицает наш автор в завершение своих рассуждений⁷⁷.

Эта своеобразная концепция революции “без границ” выражает политическое кредо автора, другие элементы которого изложены более систематическим образом на первых страницах его книги. Здесь Кабе прямо признается в своем намерении написать “демократическую по духу и народную по предназначению и цели” историю революции. Соображения, высказанные им по этому поводу, весьма близки еще идеям “Революции 1830 г.”

“Демократию, – пишет он, – я понимаю не как насильственное господство класса трудящихся бедняков над богатыми классами; я понимаю ее как власть *всего* народа, осуществляемую в интересах всех; я понимаю ее как воплощение принципов братства и равенства в полном объеме, без изъятия; я понимаю ее как улучшение материального, интеллектуального и морального положения самых обездоленных классов... вплоть до границ возможного, предпочтительно путем возвышения одних без унижения других, предоставления достатка бедному без разорения богатого; словом, я понимаю ее как такую социальную и политическую систему, которая бы в наибольшей мере соответствовала достоинству и потребностям человека, общественному порядку, уважению законов и счастью всех граждан и в основе которой лежали бы воспитание и труд”.

Под такой декларацией принципов, очевидно, подписалось бы громадное большинство демократов “образца 1831 года”. Не встретило бы с их стороны возражений и “народничество” Кабе. Излагая свой символ веры, он продолжает: “...недостатки аристократии мне представляются не столь простительными, как недостатки народа; но главным источником зла, на мой взгляд, являются пороки социальной организации и воспитания; и вина за это лежит не столько на людях, сколько на нигде не годных учреждениях”⁷⁸.

Но уже начиная со второго тома взгляды Кабе меняются. Здесь он утверждает, что коренного улучшения положения народных масс не добиться лишь путем предоставления богатому и бедному равных прав, поскольку “для того, кто умрет от голода, если откажется от жалованья... никогда нет *подлинной свободы!*”⁷⁹ При этом Кабе отвергает путь частичных реформ, направленных на улучшение благосостояния малоимущих. Он

⁷¹ Ibid. Т. 4. Р. 575.

⁷² Ibid. Р. 514.

⁷³ Ibid. Р. 581–582.

⁷⁴ Ibid. Р. 617.

⁷⁵ Ibid. Р. 629.

⁷⁶ Ibid. Р. 631.

⁷⁷ Ibid. Р. 632.

⁷⁸ Ibid. Р. VI–VII.

⁷⁹ Ibid. Т. 2. Р. 233.

прямо пишет, что даже повышения заработной платы “было бы недостаточно для надлежащего улучшения судьбы рабочего”, поскольку, полагает он, “выигрывая на повышении собственной заработной платы, он терял бы на повышении заработной платы других рабочих” в связи с неизбежным ростом цен на их продукцию. “Чуть позже” Кабе обещает изложить некую, как он еще неопределенно выражается, “целостную систему” преобразования общества, которая ему представляется “наиболее подходящим способом обеспечить счастье всем членам общества”⁸⁰.

Наконец, в четвертом томе Кабе прямо заявляет: “...единственным средством покончить со всеми пороками, преступлениями, раздорами и революциями, единственной гарантией порядка, мира и всеобщего счастья” является “доктрина общности”⁸¹. Он не излагает ее подробно, отсылая читателей к “Путешествию в Икарию”, вышедшему из печати одновременно с “Народной историей Французской революции”. Однако характеризует ее суть – идею “реального равенства” между людьми на основе общности имущества как предпосылки подлинных свободы и братства.

Как раньше демократию и республику Кабе выводил из опыта и уроков Французской революции, так теперь он выводит из них доктрину общности, или подлинного равенства. “Когда мы видим, – пишет он, – что начиная с 89 года столько революций оставили народ в рабстве и нищете и только подготовили почву для новых заговоров и революций; когда мы видим столько лицемерия, предательства, безнравственности, массовых убийств, которые все имеют своим источником эгоизм, корыстолюбие, жажду наживы и власти, мы невольно думаем, что именно неравенство является на самом деле причиной всех беспорядков, а возможно более совершенное равенство – единственным средством борьбы с ними”⁸². В сущности, последние тома “Народной истории Французской революции” посвящены тому, чтобы историческими фактами и аналогиями обосновать коммунистическую теорию, систематически изложенную им в других работах, включая и роман “Путешествие в Икарию”.

Содержание нового исторического труда свидетельствует как о переменах, так и о преемственности в воззрениях автора. Подчас уже знакомые по раннему произведению наблюдения и оценки приобретают в ней лишь новые акценты. Революция XVIII в. рассматривается, по-прежнему с позиций признания классовой борьбы – как между аристократией и “демократией”, так и между буржуазией и народом внутри “демократии”. Но второй конфликт изображается на этот раз рельефней. Гораздо резче критикует автор и своекорыстную политику буржуазии, “присвоившей себе целиком” плоды революции⁸³. Более яркими красками рисует он бедственное положение народа, которому

“революция не обеспечила ни политических прав, ни собственности, ни постоянной работы, ни лучшего жалованья, ни даже хлеба вдоволь”⁸⁴. Да и сам “народ”, выглядевший прежде у Кабе аморфной массой, теперь иногда уступает в его тексте место “рабочим”, “пролетариям”.

Примечательно другое. Если в “Революции 1830 г.” Кабе почти-точно цитировал Минье, придерживаясь в целом его исторической концепции, то в “Народной истории Французской революции” он подвергает либеральных историков резкой критике. Особенно достается Тьеру, труд которого в свое время имел большой успех⁸⁵. Критикуя его за тенденциозность, Кабе подчеркивал: “...ведь именно буржуазную революцию защищает в ней автор и защищает против нововведений демократии... Почти то же самое я сказал бы и об истории Минье”⁸⁶.

В целом рисуемая Кабе картина социальных противоречий Франции конца XVIII в. проникнута драматизмом, отражающим обостренное восприятие современной действительности. “Если буржуазия, – пишет он, – упрямо желает превратить народ в раба, то возмущенный народ с каждым днем набирается решимости вернуть свои права и свободу силой: отсюда – война между буржуазией и народом; и эта война еще более жестока, чем та, которую они вместе ведут против аристократии, потому что буржуазия боится народа больше, чем аристократии, равно как народ упрекает буржуазию в большей несправедливости и неблагодарности, чем дворянство и духовенство”⁸⁷.

Как справедливо отмечают немецкие историки И.Хёпнер и В.Зайдель-Хёпнер, Кабе “относится к революционному движению масс с нескрываемой симпатией”⁸⁸. Он изображает народ главным действующим лицом и основной движущей силой революции, показывает его решающую роль в углублении процесса преобразований. А революцию он изображает как решающую схватку больших общественных сил, отстаивающих свои права и интересы. В кратком “Очерке истории французов”, открывающем его “Народную историю Французской революции”, Кабе резюмирует свой взгляд на историю рубежа XVIII и XIX вв. следующим образом: “...Буржуазия будет смело бороться против аристократии и сама превратится в аристократию... Пусть буржуазия завоюет все свои права, нимало при этом не заботясь о простом народе..., но каждый дождется своей очереди... мы увидим, что пролетарии также сумеют завоевать свои естественные права!”⁸⁹

Воспринимая конфликт между буржуазией и народом как бесспорную реальность, Кабе даже склонен драматизировать его в своей истории Французской революции. И делает он это, по-видимому, не без расчета. Он стремится во что бы то ни стало убедить читателей, что

⁸⁴ Ibid. T. 2 P. 102.

⁸⁵ Thiers A. Histoire de la Révolution française. P., 1823—1827. T. 1–8.

⁸⁶ Cabet HPRF. T. 1. P. VI.

⁸⁷ Ibid. T. 2. P. 107.

⁸⁸ Hoppner J., Seidel-Höppner W. Von Babeuf bis Blanqui: Französische Sozialismus und Kommunismus vor Marx. Leipzig, 1975 S. 332.

⁸⁹ Cabet HPRF. T. 1. P. 74–75.

⁸⁰ Ibid. P. 234

⁸¹ Ibid. T. 4. P. 333.

⁸² Ibid.

⁸³ Ibid. T. 1. P. 344.

именно раскол между этими социальными силами привел к поражению революции. Как мы покажем ниже, в “Народной истории” Кабе по-прежнему выступает горячим поборником единства буржуазии и народа. Мысль о закономерности и тем более неизбежности конфликта между ними совершенно противна его убеждениям. “...Эти распри между буржуазией и народом, – пишет он, – влекут неизмеримые несчастья для обоих, поскольку очевидно, что в их интересах сохранить единство, и нет таких жертв, на которые они не должны были бы пойти, чтобы восстановить между собой мир”⁹⁰.

Источником разногласий в стане “демократии” он, как и прежде, считает “макиавеллизм” аристократии, прибегающей в борьбе с революцией к “обману, расколу, оболыщению, подкупу”⁹¹. Сурово судит Кабе и политические нравы вождей буржуазии, которые, по его словам, “тайком завидуют, вредят друг другу и открыто борются между собой – на словах всегда по долгу совести и в интересах общественного блага, а на деле часто ради удовлетворения собственных прихотей”⁹². Но Кабе связывает их уже не только с политической “системой” и даже не с “плохим воспитанием”, которому, впрочем, придает большое значение, а с устройством самого общества, “социальной организацией”, закрепляющей фактическое, материальное неравенство людей. Именно социальная организация, по его словам, “порождает эгоизм и алчность, делает неизбежными подкуп и продажность, создает чернь, обрекая ее на нищету и невежество, и развращает власть...”⁹³

То, что Кабе уделяет первостепенное внимание “социальной организации”, прямо связано с его новыми коммунистическими убеждениями. Переворотом в мировоззрении обусловлен и радикальный пересмотр некоторых оценок революционной истории. Прежде всего меняется его взгляд на политическую основу единства буржуазии и народа. Ранее он считал, что такой основой могла послужить конституция 1791 г. Теперь он ее решительно не приемлет, главным образом потому, что она закрепила ограничения избирательных прав. “...Право избирать и быть избранным, – пишет Кабе, – это абсолютное право, основное, священное, без которого не остается ничего, кроме суверенной и деспотической аристократии и народа, являющегося подданным и в некотором смысле рабом аристократии избирателей”⁹⁴. То, что буржуазия, господствовавшая в Учредительном собрании, принесла это право в жертву своекорыстным интересам аристократии, он расценивает как измену народу. Если бы “большинство депутатов Учредительного собрания были преданы демократии, – продолжает Кабе, – то они приняли бы подлинно республиканскую конституцию, несмотря на сохранение королевского трона... и демократия восторжествовала бы, не прибегая к

цареубийству...” Но этого не произошло, и в итоге конституция 1791 г. учредила, по выражению Кабе, “буржуазную демократию, или демократическую буржуазию, – в противовес старой аристократии и буржуазную аристократию, или аристократическую буржуазию, – в противовес пассивному народу: отсюда все несчастья”⁹⁵.

Кабе критически оценивает законотворческую деятельность Учредительного собрания в 1789-1791 гг. Депутаты, по его словам, “испугались последствий, вытекающих из Декларации прав человека и гражданина, им не хватило мужества, чтобы ввести социальное и политическое равенство, равное образование и равное благосостояние [l'égalité d'aisance] с целью в дальнейшем уничтожить нищету и невежество”. Однако Кабе старается быть объективным. Он считает, что принятые ими законы, включая и конституцию, нужно соизмерять не только с желаемым, но и с действительным. “Ведь все могло быть гораздо хуже, – замечает он, – и это великое счастье, что они приняли так мало плохих и так много хороших законов”. К числу достижений Учредительного собрания Кабе относит упразднение королевского деспотизма, феодального порядка, аристократии, теократии, привилегий, монополий, парламентов, сеньориальной юстиции, корпораций и многих других старинных учреждений, которые казались вечными. В особенности он подчеркивает значение отмены феодальных прав и десятины, считавшихся собственностью сеньоров и священников, а также национализации церковных имуществ. В результате, подчеркивает Кабе, из всех видов собственности сохранилась только “гражданская”, а из все видов неравенства – только “имущественное”⁹⁶.

С точки зрения Кабе, не требует доказательств, что от всех этих мероприятий выиграла буржуазия. Важнее для него показать, что и народ получил кое-что от “благодетелей” Учредительного собрания. Разве не в интересах народа то, что Декларация прав человека и гражданина провозгласила принцип равенства и братства? Разве он не выиграл от учреждения индивидуальной свободы, свободы совести, ассоциаций, собраний и печати? А свобода торговли и промышленности, упразднение привилегий и монополий, корпораций и феодальных прав, распродажа и раздел церковных имуществ, увеличение числа мелких землевладельцев и многое-многое другое, включая введение всеобщего и бесплатного образования – все это, по убеждению Кабе, способствовало улучшению положения народа. “Будучи приверженцами совершенной демократии и полного равенства, – пишет он в заключение своих рассуждений, – мы, однако, не можем не выразить нашего восхищения тем, как много полезного сделало Учредительное собрание, – больше, чем можно было от него ожидать и чем смогут сделать те, кто придут ему на смену. Оно выполнило для них самую тяжелую работу... расчистило дорогу бесконечному прогрессу и совершенствованию”⁹⁷.

⁹⁰ Ibid. P. 328.

⁹¹ Ibid. P. 153.

⁹² Ibid. P. 319.

⁹³ Ibid. T. 2. P. 406.

⁹⁴ Ibid. T. 1. P. 344.

⁹⁵ Ibid. T. 2. P. 443.

⁹⁶ Ibid. P. 445.

⁹⁷ Ibid. P. 446.

Однако конституция 1791 г., которая неплохо выглядела на бумаге, оказалась, по мнению Кабе, невыполнимой. Вина за это лежала не только на Людовике XVI и его дворе, продолжавших интриговать против революции, но и на вождях буржуазии – Лафайете, Байи, Мирабо, Сийесе, а впоследствии и Ламете, Барнаве, Дюпоре и других. Они доверились королю и двору и образовали “буржуазную систему” “сопротивления” народу и его законным требованиям⁹⁸. Народ, обманутый буржуазией, отвернулся и от буржуазной конституции. Ее достоинства не смогли перевесить в глазах народа недостатков, а главное – народ потерял веру в буржуазных вождей.

Убедившись, что на основе конституции 1791 г. невозможно добиться тесного сплочения буржуазии и народа, Кабе ищет теперь “формулу” их союза в идеологии и политике якобинцев. Именно эта партия в период своего правления в 1793–1794 гг., полагает он, сумела объединить нацию. Характеризуя якобинцев и их союзников в революции, Кабе пишет: “Якобинцы и Коммуна являются избранными, просвещенными, вдумчивыми и рассудительными буржуа, тогда как секции представляют преимущественно народ, в большинстве пролетариев, тяжело переживающих свою нищету, бедствия и несправедливость общества, способных скорее на энергичные действия, чем на рефлексию”⁹⁹.

Что обеспечило якобинцам поддержку народа? Во многом, считает Кабе, их искренность, отсутствие у них, как партии, своекорыстных интересов, вынуждающих их жертвовать интересами народа. “Мы увидим, – сообщает Кабе своим читателям, – что они провозгласят царство *морали*, отмену нищеты, благополучие и счастье для всех и начнут создавать новую систему, целью которой является осуществление надежд Просвещения посредством радикального обновления Франции и всего человечества”¹⁰⁰. Как и раньше, важной предпосылкой сплочения нации вокруг якобинцев Кабе считает также то, что якобинцы приняли “систему народной и революционной войны” против внутренней и внешней контрреволюции¹⁰¹.

И все же решающее преимущество якобинцев перед другими буржуазными партиями Кабе усматривает в том, что они последовательно руководствовались принципом равенства. Его осуществление в разных областях жизни ускорилось после победы восстания 10 августа 1792 г., упразднившего деление граждан на активных и пассивных¹⁰². Но именно в период правления якобинцев с 31 мая 1793 г. по 9 термидора Францию охватило, по словам Кабе, “великое движение социальных и политических преобразований, глубоких реформ в направлении великой филантропической цели, огромного прогресса в осуществлении равенства, великих принципов морали,

справедливости, честности и добродетели, в духе подлинного возрождения”¹⁰³.

Характеризуя достижения якобинцев, Кабе придает значение не столько принятой ими республиканской конституции 1793 г., бесспорное преимущество которой над конституцией 1791 г. для него не подлежит сомнению, сколько их практическим делам. Ведь реальные дела намного важнее деклараций. А кроме того, якобинская конституция так и не была введена в действие. Война против коалиции и внутренней контрреволюции заставила их, как считает Кабе, поступиться собственными демократическими принципами и ввести диктаторское правление. Выражая “сожаление” по поводу “ошибок и эксцессов”, допущенных якобинцами во время террора, наш автор тем не менее убежден в целесообразности этой меры. В своей книге он даже полемизирует с Тьером, осудившим диктатуру как “самую свирепую тиранию”. “Разве крайние меры, к которым прибегали революционеры, не являлись зачастую прямым или косвенным следствием происков коалиции, эмигрантов, контрреволюционеров всякого рода?” – вопрошает Кабе¹⁰⁴.

Но главное для Кабе – это реальные реформы, проведенные якобинцами в целях осуществления принципа равенства. Он с воодушевлением перечисляет в своей книге некоторые из этих мер: “постоянную реквизицию всего населения”, “постоянную реквизицию всех припасов”, принудительный заем в размере миллиарда франков, таксацию цен на продукты питания и пр. О регламентации хлебной торговли, введенной Коммуной по предложению Шометта, Кабе отзывается с восторгом: “Ведь это почти что общность имуществ, при которой правительство сеет, производит, все свозит на свои склады и все распределяет среди граждан!”¹⁰⁵

Среди вождей революции Кабе явно отдает предпочтение Максимилиану Робеспьеру, называя его “самым верным глашатаем революции, истинным представителем народа... воплощением революции и народа”¹⁰⁶. При этом он рисует чрезмерно благостный портрет этого политика-революционера. По его словам, Робеспьер – “истинный философ, неутомимый в труде, глубоко образованный, рассудительный, высокоодаренный и исключительно проникательный, соединяющий трезвость мысли с пылкостью сердца. Это человек непоколебимого мужества, преисполненный любви не только к народу, но и ко всему человечеству, думающий только о благе будущих поколений. Он идет на неминуемую смерть, и капли пролитой им крови указывают его родине путь к свободе”¹⁰⁷. Еще более пристрастны другие оценки Робеспьера, которых в книге Кабе встречается изрядное количество. Например, он считает этого революционера не больше не

⁹⁸ Ibid. P. 443.

⁹⁹ Ibid. T. 3. P. 329.

¹⁰⁰ Ibid. T. 4. P. 6.

¹⁰¹ Ibid. T. 3. P. 515.

¹⁰² Ibid. T. 3. P. 458.

¹⁰³ Ibid. T. 4. P. 289.

¹⁰⁴ Ibid. T. 3. P. 534.

¹⁰⁵ Ibid. T. 3. P. 525.

¹⁰⁶ Ibid. T. 4. P. 108.

¹⁰⁷ Ibid. T. 2. P. 540.

меньше как “главной причиной всего хорошего, что сделало правительство [якобинцев]”. “Нет такой великой идеи, какую бы он не предложил, не принял или не защищал, – продолжает эту мысль Кабе, – как нет другого такого человека, как он, который бы в такой степени отождествляется с революцией и реформами...”¹⁰⁸ В одном месте своей книги он даже сравнивает мученическую смерть Робеспьера на эшафоте с подвигом Христа¹⁰⁹. Всех “главных противников” этого революционера наш автор безапелляционно называет “эгоистами, честолюбцами и интриганам”¹¹⁰. Тех, кто критиковал его слева, обвиняя в “модерантизме”, например, эбертистов, руководителей Коммуны, “террористов” из числа будущих термидорианцев, Кабе клеймит как “ультрареволюционеров”, по сути дела невольных пособников контрреволюции¹¹¹.

Кабе раздражают те нападки и обвинения, объектом которых стал Робеспьер в либеральной историографии. И он уделяет в своей книге немало места для их опровержения. В частности, Кабе решительно не согласен с мнением Тьера, что его герой “был беспощадным и жестоким” человеком. Он, пишет автор, “даже погиб потому, что всегда предпочитал *мягкость* насилию”¹¹². Что из того, что Робеспьер поддерживал революционное правление и террор против “аристократов, заговорщиков и иностранных агентов”? Диктатура и террор были оправданны. Главное, утверждает Кабе, что Робеспьер стремился избежать “эксцессов, несправедливости и жестокости”¹¹³. Автор выражает убеждение в том, что если бы 9 Термидора Робеспьер одержал верх над заговорщиками, то “он тотчас же отменил бы террор и постепенно восстановил, избегая реакции и потрясений, царство мягких и гуманных законов. Мы не сомневаемся в том, что он окончательно организовал бы демократию и заложил бы прочные основы всеобщего счастья в соответствии с теми принципами, которые он провозглашал – равенства, чести, морали, справедливости, религии и добродетели”¹¹⁴.

То обстоятельство, что якобинцы и сам Робеспьер, как пишет Кабе, не только не поддерживали идею общности, но даже осуждали ее как “химеру”, ничуть его не смущает. Якобинцы, утверждает он, поступали так лишь по причине ее “несвоевременности”, считая необходимым подходить к ее осуществлению “постепенно”, “теми путями, которые, по их суждению, наиболее благоприятствовали успеху”¹¹⁵. Но в том, что якобинцы рано или поздно приняли бы доктрину общности, Кабе убежден непоколебимо. Если бы Робеспьер

не погиб, пишет он, то “нет сомнения, что... победоносная революция обеспечила бы переустройство мира на благо человечества”¹¹⁶.

Считая якобинцев (заметим: без достаточных на то оснований) своими предшественниками в борьбе за строй общности, Кабе со всей серьезностью пытается извлечь для себя уроки из их опыта. Важнейший из них заключается в том, что идея подлинного равенства, основанного на общности имуществ, обладает громадной притягательной силой, способной увлечь за собой большую часть как народа, так и буржуазии. По мнению Кабе, об этом бесспорно свидетельствует история якобинской диктатуры. Не замечая собственной непоследовательности, он даже критикует якобинцев за то, что они не оценили по достоинству эту силу, чем невольно способствовали своему поражению. “Если бы Робеспьер и Сен-Жюст, – пишет Кабе, – приняли социальную систему общности, составили развернутый план коммунитарной организации и опубликовали для сведения всего народа (а в этом бы они легко преуспели, потому что в их руках была власть), то, по нашему убеждению, народ, Комитет общественного спасения и Конвент поддержали бы их. И строй общности был бы постепенно осуществлен, тем более что революция, Учредительное и Законодательное собрания, а также Конвент осуществили тысячи других проектов, дотоле казавшихся несбыточными”¹¹⁷. По мнению Кабе, опыт якобинской диктатуры лишь подтверждает, только “от противного”, старую идею Просвещения о том, что “мнения правят миром”. К этому уроку революции он отнесся особенно внимательно и, возвратившись во Францию из ссылки, как мы увидим, развил беспримечную по масштабам и энергии деятельность по пропаганде коммунистических идей.

Вместе с тем опыт якобинской диктатуры служит Кабе примером того, что великий идеал сам по себе не может уберечь людей, сражающихся за него, от пагубных последствий несовершенства общества и отдельных людей. А именно таковы, по его представлению, были корни всех ошибок, всех трагедий революции. Он уличает в безнравственности членов Комитета общественного спасения, чрезмерно, по его мнению, потакавших собственным “гордыне, тщеславию, мелким и дурным человеческим наклонностям”¹¹⁸. Он даже признает недостатки самого Робеспьера, которого, как мы убедились выше, откровенно идеализирует в своей книге. Даже этот, по его словам, “наиболее способный” и “преданный делу народа” вожак, “истинный философ”, виноват в том, что в критический момент поддался настроению и не сумел пойти “на любые личные жертвы, необходимые для сохранения единства”¹¹⁹. Именно с последствиями человеческих пороков и даже простительных при иных обстоятельствах слабостей связывает Кабе раскол среди якобинцев, падение их диктатуры, да и поражение революции в целом. Описывая события, предшествовавшие

¹⁰⁸ Ibid. Т. 4. Р. 119.

¹⁰⁹ Ibid. Р. 137.

¹¹⁰ Ibid. Т. 2. Р. 540.

¹¹¹ Ibid. Т. 3. Р. 561, 571; Т. 4. Р. 34, 90.

¹¹² Ibid. Т. 4. Р. 117.

¹¹³ Ibid. Р. 89.

¹¹⁴ Ibid. Р. 136.

¹¹⁵ Ibid. Р. 330–331.

¹¹⁶ Ibid. Р. 136.

¹¹⁷ Ibid. Р. 329.

¹¹⁸ Ibid. Р. 34.

¹¹⁹ Ibid. Р. 33.

9 термидора, он восклицает: “Следовательно, после стольких жестоких сражений, опасностей и побед, когда корабль революции успешно избежал столько бурь и достиг заветной гавани, именно *себялюбие ревность и зависть* . погубят революцию! Бедное человечество!”¹²⁰

Все это объясняет скептическое отношение Кабе к революциям, как ненадежному и к тому же связанному с неизбежными издержками для народа средству борьбы за изменение общества. Он утверждает “Необходимость прибегать к ужасному лекарству революций из-за предательства королей всегда является огромным несчастьем для народов”¹²¹. Он заявляет о приверженности “мирному пути отмены притеснительных законов”¹²², подчеркивая, что и сам народ всегда “предпочитал мирную реформу новой насильственной революции”¹²³. Это правительства, упрямо сопротивляясь законным требованиям народов, вынуждают их прибегать к насилию. “Если происходит революция, – заключает Кабе, – то это всегда по вине королей”¹²⁴.

Разъясняя причины своего скептицизма, Кабе пишет: “.. ловкость всегда свойственна врагам народа, а неосторожность, безрассудство, слепая доверчивость – народной партии”. В этом, по его словам, прежде всего заключается “полезный урок” для всех истинных друзей народа¹²⁵. По существу, Кабе сводит все трудности революционной борьбы к факторам этического порядка. Он считает, что народу изначально присущи высокие нравственные качества, обуславливающие его моральное превосходство над верхами общества. “...Именно в народе, – пишет он, – встречается больше всего естественных, гуманных и великодушных чувств и меньше всего – несправедливости”¹²⁶. Но это, согласно Кабе, и делает народ особенно уязвимым для врагов, далеко не так щепетильных в выборе средств. Следовательно, в интересах народа лучше не прибегать к революции как средству борьбы за народное благо

Все приведенные выше суждения Кабе относятся лишь к тем революциям, которые направлены против политической “системы” аристократии, т.е. таких режимов, какими были, по его представлению, французская монархия до 1789 г., Реставрация 1814 – 1830 гг. и даже в какой-то мере Июльская монархия. Но в “Народной истории Французской революции” проблема революционной борьбы рассматривается и в другом плане – как средства изменения социальной “организации”. Если Кабе допускает выбор между революцией и “мирным путем реформ”, когда речь идет о борьбе с аристократическим или деспотическим режимом, признавая при определенных условиях даже неизбежность революции, то он категорически отвергает ее в

качестве способа перехода к строю общности. Об этом он со всей определенностью заявляет в “Народной истории Французской революции”, рассказывая о заговоре Бабефа.

Кабе показывает, что целью руководителей заговора было установление строя равенства и общности. Подробно характеризует он и избранные ими методы борьбы: создание тайного общества, подготовка восстания. В конечном счете, пишет Кабе, вся их деятельность свелась к “заурядному заговору, направленному на подготовку революции”¹²⁷. Учитывая тайный характер организации, продолжает автор, даже большинство участников заговора не были посвящены в планы руководителей. Люди были уверены, что целью заговора является борьба с Директорией и восстановление якобинской конституции 1793 г. Коммунистическое учение Бабефа оставалось для них тайной за семью печатями. Тем более ничего не слышал о нем народ. Это помешало бабувистам заручиться его сколько-нибудь широкой поддержкой. Их промахом воспользовалось правительство и без труда расправилось с горсткой заговорщиков.

История неудачи бабувистского заговора вызывает у Кабе двойственные чувства. С одной стороны, он вполне одобряет его цели. “Что до общей оценки доктрины Бабефа, а точнее – доктрины общности, то, по нашему мнению, нет ничего более достойного интереса, чем она, поскольку ее предлагают нам как единственное средство избавления от всех пороков, преступлений, беспорядков и революций, как единственную гарантию порядка, мира и всеобщего счастья. И когда мы видим, что несмотря на столько восстаний, имевших место после 89 года, народ по-прежнему остается в рабстве и нищете и по-прежнему сохраняется почва для новых заговоров и революций; когда мы видим в таком масштабе коварство, предательство, безнравственность и гибель людей, имеющих своим источником эгоизм, алчность, жажду наживы и власти, мы поневоле приходим к мысли, что именно неравенство является *причиной* всех неурядиц в обществе и что возможно более совершенное равенство только и позволит от них избавиться”¹²⁸.

С другой же стороны, Кабе решительно возражает против тех методов, при помощи которых бабувисты стремились установить строй совершенного равенства. Делает он это в витиеватых выражениях, предлагая читателям “Народной истории” ознакомиться с сочинением якобы неизвестного автора “Путешествие в Икарию” (впервые опубликованным действительно анонимно). “Это произведение, – продолжает Кабе, – основные положения которого мы полностью разделяем, убедило нас в том, что общность, к которой стремились Бабеф и его друзья... отнюдь не является химерой и вполне осуществима в той стране, которая ее примет; но в то же время мы глубоко убеждены, что меньшинство народа не сможет установить ее посредством насилия; что

¹²⁰ Ibid

¹²¹ Ibid Т 2 Р 233.

¹²² Ibid Р 207

¹²³ Ibid Р 89

¹²⁴ Ibid

¹²⁵ Ibid Т 4 Р 234

¹²⁶ Ibid Р 231.

¹²⁷ Ibid Р 331.

¹²⁸ Ibid Р 323.

она осуществима только силой общественного мнения... и что насилие не только не поможет ее скорее установить, но, наоборот, только помешает". Причем последствия применения насилия революционерами могут быть просто катастрофическими. "Мы думаем, что следует учиться на уроках истории, — утверждает Кабе. — А она показывает, что, собственно, как и предвидели сам Бабеф со своими товарищами, их заговор явился *смертельным ударом* по демократии. Она больше не подавала признаков жизни ни при Директории, ни при Консульстве и Империи, ни при Реставрации"¹²⁹

Между трактовкой Кабе общественных противоречий и его отношением к революции, на наш взгляд, прослеживается определенная симметрия. Как уже говорилось выше, он признает непримиримый характер борьбы между аристократией и третьим сословием (буржуазией и народом). Из этого признания логически вытекает его вывод о возможности и даже необходимости политической революции, направленной против господства аристократии и совершаемой совместно буржуазией и народом. Напротив, конфликт внутри бывшего третьего сословия, между буржуазией и народом, он считает случайным, ошибочным, лишенным сколько-нибудь разумных оснований. Поэтому, хотя его симпатии целиком на стороне народа, Кабе гонит прочь саму мысль о социальной революции, целью которой является изменение всего общества на принципах совершенного равенства, или общности. Забегая вперед, отметим примечательное обстоятельство: стоит только Кабе в дальнейшем усомниться в возможности примирения буржуазии и народа, как он с сочувствием отзовется о восстании парижских рабочих в июне 1848 г.

Таким образом, размышления над уроками революции если не навели Кабе на мысль, то во всяком случае укрепили его в убеждении, что существуют два типа общественных переворотов, несопоставимых по масштабу, целям и средствам. Судя по отрывочным высказываниям и намекам, разбросанным там и сям на страницах его книги, Кабе рассуждает приблизительно так. Политические революции связаны преимущественно с изменением государственного устройства. Они носят верхушечный характер, не затрагивая глубины общества. Они принимают зачастую форму восстаний, государственных переворотов, гражданских войн. К этому типу общественных переворотов принадлежат, например, антимонархические восстания 14 июля 1789 г. и 10 августа 1792 г. Иное дело преобразование всего общества, начиная с лежащих в его основе форм собственности. Такой переворот представляет не только большую трудность, но требует совершенно иных, мирных по характеру средств, потому что затрагивает привычки, нравы, быт, элементарные жизненные условия людей. Поэтому он неизбежно принимает характер ненасильственной реформы.

Весьма примечательно, что Кабе осуждает призывы вроде "грабь награбленное", звучавшие в устах народных вожakov во время рево-

люции. В частности, он упрекает за это Марата, признавая, впрочем, его правоту во многих других отношениях. Одно из высказываний этого "друга народа" в начальный период революции побудило Кабе изложить свою точку зрения по данному вопросу. "Несомненно, — пишет он, — если бы судьбе было угодно, чтобы большинство депутатов Учредительного собрания состояло из демократов и защитников народа, то оно должно было бы в интересах общественного спокойствия обеспечить рабочим труд и хлеб и, сэкономив на других расходах, принять меры к улучшению положения народа..." "Но, — продолжает он, — как ни тяжелы страдания народа, вероятно ничто в большей степени не противоречит философии, принципу братства и подлинным интересам обездоленных, чем подстрекательство к полному разграблению имущества богатых и счастливых классов, поскольку это насилие лишь порождает насилие, не способствуя порядку; оно лишь меняет местами бедных и богатых, не уничтожая нищету..."¹³⁰ От этой мысли, высказанной незадолго до признания в симпатиях к коммунизму, Кабе не отрекается и впоследствии.

Следовательно, "Народная история Французской революции" не только фиксирует момент, когда произошло обращение Кабе в коммунистическую веру (напомним, это случилось во время работы над вторым томом данного сочинения), но и объясняет происхождение некоторых важных элементов его социалистического учения. Даже если принять на веру замечание Кабе, что идея общности впервые "поразила" его и заставила "серьезно задуматься" в лондонском изгнании лишь при чтении "Утопии" Т. Мора¹³¹, то и тогда совершенно очевидно, что критическое осмысление опыта революции оказало большое влияние на формирование его воззрений.

Бесспорным тому подтверждением является "Путешествие в Икарию", в котором Кабе описывает, как в этой вымышленной стране возник строй общности. После всего, сказанного нами выше, нужно ли удивляться, что это произошло в результате демократической революции? Причем, судя по ее описанию, она представляла собой своего рода исправленную версию французской революции конца XVIII в. — то, какой бы ее хотел видеть Кабе в идеале¹³².

До революции в Икарии существовал строй неравенства, при котором 25 тысяч богатей владели большим имуществом, чем 24 825 тысяч бедняков. Страной правил тиран Ликсдокс, защищавший интересы аристократии. Когда чаша народного терпения переполнилась, в 1782 г. произошла революция, которую возглавил просвещенный вождь народа Икар. Ненавистная тирания была свергнута, а Ликсдокс и его приспешники преданы суду и приговорены к смертной казни. Однако по предложению Икара министрам смертную казнь заменили тюремным заключением. Ликсдокс же был посажен в железную клетку и выставлен напоказ народу.

¹³⁰ Ibid Т. 2 Р. 105

¹³¹ Cabet E Voyage en Icarie. P. 547–548.

¹³² Ibid P. 39–40, 210–219, 305–357.

¹²⁹ Ibid. P. 323–324

Икара в результате революции провозгласили диктатором. Заботясь о благе отечества, он предложил своим согражданам установить строй социального и политического равенства, учредить демократическую республику и ввести общность имуществ, но не сразу, а через пятьдесят лет. Две тысячи народных представителей обсудили этот план и подавляющим большинством голосов приняли его. Однако Икар настоял, чтобы это решение считалось предварительным, и чтобы через несколько лет законодатели вновь вернулись к этому вопросу. Несколько месяцев, даже несколько лет, говорил Икар, не имеют большого значения в столь важном деле. Зато икарийцы смогут избежать раскола общества, предоставив несогласному меньшинству время и возможность самим убедиться в правильности принятого ранее решения.

Тем временем монархи соседних стран образовали коалицию и стали грозить Икарии войной. Икар желал мира, но не боялся и войны. Поэтому он объявил о создании армии и народной гвардии. Одновременно он призвал к всеобщему разоружению и пригрозил, что если в течение 45 дней не получит ответа, то будет считать Икарию в состоянии войны с недружественными государствами. Его худшие опасения подтвердились, армии интервентов вторглись в пределы Икарии. Началась народная и национальная война. При одобрении народа Икар вновь был провозглашен диктатором. Он принял решительные меры для борьбы против как внешних, так и внутренних врагов. Ценой огромных усилий икарийцы победили. Их победа послужила сигналом для восстаний и революций в других странах, где к власти пришли демократические правительства. Они созвали конгресс, который провозгласил мир, всеобщее разоружение, братство народов, свободу торговли, а также принял решение об образовании конфедерации дружественных государств.

После победы Икар сложил с себя диктаторские полномочия. Народное представительство, вновь обсудив принцип общности, одобрило его и учредило переходную и политическую систему сроком на 50 лет.

С этой программой Кабе и вернулся во Францию в конце 30-х годов, став одним из общепризнанных вождей коммунистического движения в этой стране. Как мы видели, она, бесспорно, была пропитана идеями и образами революции конца XVIII в. Но ей в целом был чужд апологетический дух, который мы находим в воззрениях многих революционеров, республиканцев и социалистов первой половины XIX в. Наоборот, она исходила из достаточно критической интерпретации этой революции. Во всяком случае, она свидетельствовала, что Кабе собирался отнюдь не повторять или копировать ее для достижения своих целей, а лишь использовать ее опыт, так сказать, с учетом критических замечаний.

Но уже в начале 40-х годов Кабе был вынужден подвергнуть ревизии эту программу. Как мы увидим в дальнейшем, в своих публицистических произведениях этого времени он считает нужным отмежеваться от той ее части, которая предусматривает демокра-

тическую революцию и диктатуру в качестве предпосылки перехода к строю общности. Он “всерьез и надолго” делает ставку на мирный путь политических и социальных реформ, предполагающих лишь в отдаленном будущем (может быть, через 100 лет!) установление полной общности.

Когда и этот план не выдержал испытания жизнью, Кабе выбирает своего рода “третий путь” – согласно удачному выражению Пьера Анграна, “бегство в утопию”¹³³.

“ВОССТАНИЕ 23 июня”

В мае 1847 г. Кабе призвал своих многочисленных сторонников к организованному переезду в Америку, чтобы основать там коммунистическую общину. Это намерение означало, по существу, отказ Кабе от намерения осуществить строй общности в масштабах всей Франции, и подробнее об этом мы расскажем в 7 главе. Здесь же нас интересует, как Кабе воспринял революцию 1848 г., спутавшую все его планы. Естественно, она задержала эмиграцию “икарийцев”. А кроме того, на короткое время она вернула ему надежду на возможность осуществления общности по первоначальному плану, разработанному еще в лондонской ссылке.

Кабе с самого начала поддержал революцию и принял в ней активное участие, встав во главе влиятельного демократического клуба “Центральное братское общество”. Однако его энтузиазм вскоре сменился разочарованием, а кровавый разгром парижских рабочих в июне 1848 г. развеял последние надежды. Осенью того же года Кабе опубликовал брошюру “Восстание 23 июня”, в которой попытался осмыслить уроки поражения революции.

Падение Июльской монархии Кабе воспринял как начало новой политической революции. Ее задачу он видел в установлении “переходного режима, который будет сохраняться более или менее долго и окажется ничем иным, как демократической и социальной республикой, последовательно и постепенно ведущей к режиму полного братства, равенства и общности”¹³⁴. Условием создания такой республики Кабе считал восстановление “мира и порядка” в стране путем “примирения интересов” всех классов¹³⁵.

Фактическое развитие революции, однако, опровергло прогнозы Кабе. Согласно его собственному определению, содержанием революционных событий весны и лета 1848 г. явилась “социальная война между народом и буржуазией”¹³⁶. В оценке революции 1848 г. Кабе, по существу, отходит от старых шаблонов, основанных на опыте революции конца XVIII в., которыми он руководствовался на протяжении многих лет. Он сбрасывает со счетов конфликт между арис-

¹³³ *Angrand P. Etienne Cabet et la république de 1848* P., 1948 P. 29, 74.

¹³⁴ *Cabet* 23 juin. P. 23.

¹³⁵ *Ibid.* P. 24.

¹³⁶ *Ibid.*

тократией и “демократией”, которому раньше отводил определяющую роль. “Во Франции, – пишет теперь Кабе, – можно различать четыре крупные партии: легитимистов, орлеанистов, бонапартистов и республиканцев. То, что мы сегодня называем реакцией, представляет собой разнородное объединение трех первых партий против четвертой. Следовательно, мы можем различать только буржуазию, находящуюся в состоянии борьбы с народом”¹³⁷.

Центральным, критическим моментом революции Кабе считает июньское восстание рабочих, анализу которого в брошюре уделено основное место. В этом восстании он видит битву “труда против нищеты, революции против контрреволюции, республики против монархии, народа против буржуазии, права против произвола и насилия”¹³⁸. Он ясно отдает себе отчет в том, что цели восстания выходят за рамки чисто политической революции. “Это, – пишет Кабе, – не столько политическое, сколько социальное восстание, восстание в защиту труда и существования”¹³⁹. В устах убежденного противника насильственных методов борьбы за коммунистический строй – это поистине ценное признание. Более того, Кабе открыто солидаризуется с повстанцами, выражая сожаление о допущенных ими промахах, лишивших их не только возможной, как он считает, но и законной победы, в которой “история увидела бы не большее преступление, чем в победе 24 февраля”¹⁴⁰.

Кабе действительно допускал, что при определенных условиях повстанцы могли рассчитывать на успех. Прежде всего, благоприятно для них складывалось соотношение сил с их непосредственными противниками. “Если бы народ, – пишет Кабе, – имел дело только с национальной гвардией, т.е. если бы борьба завязалась только между демократической, или народной, партией и буржуазно-аристократической партией, к которой и принадлежала национальная гвардия, то можно было бы не сомневаться в ее исходе; собственно говоря, никакой борьбы бы и не было. Исход сражения решили армия и мобильная гвардия, которые послужили орудием реакции против республики и буржуазии – против их братьев рабочих”¹⁴¹.

В том, что армия и мобильная гвардия выступили на стороне буржуазии, Кабе усматривает следствие крупной, можно сказать – стратегической, ошибки повстанцев. Они не позаботились о том, чтобы предстать в глазах солдат и мобильных гвардейцев, да и всего общественного мнения, серьезной политической силой, отстаивающей интересы большинства населения. “...Можно с уверенностью утверждать, – отмечает Кабе, – что если бы повстанцы вырабатывали план пропаганды, выбрали себе известных стране и внушающих доверие руководителей и образовали временное правительство, которое

выдвинуло бы твердую и умеренную республиканскую программу, то восстание победило бы”¹⁴².

Помимо того, повстанцы совершили много тактических, на первый взгляд, мелких ошибок. Каждая из них в отдельности не могла привести к трагической развязке. Но взятые вместе, они обрекли повстанцев на поражение. “Можно утверждать также, – продолжает Кабе, – что если восстание закончилось неудачей, то повинны в этом сами повстанцы”. И он дотошно перечисляет их ошибки и оплошности. В вину повстанцам он ставит то, что они “прибегли к оружию” несвоевременно, когда “демократическое общественное мнение предпочитало дискуссию и пропаганду, а в клубах и газетах обсуждались планы реформ и преобразований, которые позволили бы мирным путем добиться поставленных ими целей”. Кроме того, для восстания “отсутствовал повод, который показался бы важным и убедительным одновременно для всех граждан”. Поэтому события застали врасплох абсолютно всех, за исключением разве что властей. Впрочем, те “несколько рабочих”, которые стали зачинщиками восстания, вряд ли могли рассчитывать на поддержку общественного мнения. Их “никто не знал за пределами национальных мастерских”. Они были “неопытны и неспособны” руководить восстанием. К тому же на выступление они решились, движимые сугубо “профессиональными и личными интересами”.

Вопреки здравому смыслу зачинщики скрыли свои планы от “более влиятельных людей, способных на самом деле возглавить” восстание. Они не потрудились даже составить его план и не приняли никаких мер для того, что “дезорганизовать и парализовать противника”. Не позаботились они также о том, чтобы распространить “прокламацию, в которой бы известили весь Париж о причинах, целях, средствах восстания, его руководителях и силах”. Вместо этого они позволили проникнуть в свои ряды монархистам, связи с которыми могли их только “скомпрометировать”. Наконец, повстанцы напрасно с самого начала заняли оборону. Они, пишет Кабе, “спрятались за баррикадами вместо того, чтобы развернуть наступление”. Все это, по его словам, было не чем иным, как “грубыми ошибками, вследствие которых сражение было проиграно”¹⁴³.

Ознакомившись с этими оценками и суждениями, можно подумать, что Кабе изменил свое отношение к классовой борьбе. Раньше он хотя и признавал противоречия между буржуазией и народом, но отрицал их закономерность и тем более необходимость. Теперь же он с сочувствием отзывался о вооруженном восстании рабочих, направленном против буржуазии. Он даже досадует на то, что повстанцы действовали слишком робко и неловко. Некоторые высказывания Кабе о революции 1848 г. и июньском восстании поразительно созвучны мыслям К. Маркса¹⁴⁴. Возникает вопрос: не свидетельствует ли все это о том,

¹³⁷ Ibid. P. 27

¹³⁸ Ibid. P. 48

¹³⁹ *Cabet* 23 juin. P. 17.

¹⁴⁰ Ibid P. 45

¹⁴¹ Ibid P. 48–49.

¹⁴² Ibid. P. 49.

¹⁴³ Ibid. P. 50.

¹⁴⁴ См., например, брошюру Маркса “Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г.” (Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т.7. С. 5–110).

что Кабе признал, наконец, не только наличие, но и правомерность классовой борьбы между буржуазией и рабочими?

Некоторые основания для того, чтобы утвердительно ответить на этот вопрос, действительно имеются. Но не более того. Потому что, несмотря на резкие оценки и горестные признания, в душе Кабе по-прежнему не мог расстаться с мечтой о великом примирении буржуазии и народа. Поэтому в конфликте между обоими классами он встал “над схваткой”. В самый разгар восстания, 24 июня Кабе, скрываясь в тайном убежище от террора, свирепствовавшего в рассматриваемой политической заведомости. Его текст опубликован в Париже, пишет брошюре. Начинается завещание проникновенными словами: “Я ни к кому не испытываю ненависти... Я люблю человечество и готов посвятить ему жизнь; но я ненавижу плохие установления, которые обрекают его на несчастья”. Кабе сочувствует простому народу. “Меня в первую очередь интересуют пролетарии, – пишет он, – потому что они самый многочисленный, угнетенный и нищий класс; я забочусь о них, несмотря на то, что они невежественны, несправедливы и неблагодарны; ведь их пороки – не столько их вина, сколько преступление общества...” Но не обделяет он своим вниманием и заботой и “все другие классы без исключения, потому что их собственные пороки также являются следствием плохой социальной организации, потому что они тоже являются жертвами плохих установлений”. Поэтому единственно приемлемым для себя решением Кабе считает “встать над всеми партиями и не поддаться пагубным страстям, разделяющим человечество”¹⁴⁵.

В правильности этих слов Кабе не усомнился и в дальнейшем, когда страсти, вызванные июньским восстанием, улеглись. Отдавая брошюру в печать (она датирована 25 октября 1848 г.), он лишь подтвердил неизменность своей позиции. “...Как преданного слугу человечества, – заявил он, – меня народ, в общем, интересуется не больше, чем буржуазия, а буржуазия не меньше, чем народ”¹⁴⁶.

Словом, “социальную войну”, вспыхнувшую между буржуазией и народом в 1848 г., Кабе совершенно в духе своих прежних идей расценивает как трагическую случайность. В этом нас лишний раз убеждают его рассуждения о виновниках ее возникновения. По мнению Кабе, ответственность за нее, как и всегда в таких случаях, несут вожди буржуазии и аристократия. “Верхушка республиканской партии”, по его словам, меньше всего была готова возглавить и привести к победе народную революцию, потому что “состояла из слишком эгоистичных, любящих удовольствия, честолюбивых и неспособных людей”¹⁴⁷. Поделив между собой портфели во Временном правительстве, они организовали “систему буржуазного сопротивления” народным требованиям¹⁴⁸.

¹⁴⁵ Cabet 23 juin P 21–22

¹⁴⁶ Ibid P 26

¹⁴⁷ Ibid P 23, 34, 36.

¹⁴⁸ Ibid P 35

В событиях революции 1848 г. Кабе находит подтверждение своего давнего наблюдения, известного нам еще по “Народной истории Французской революции”, а именно, что буржуазия если и стремится установить демократию и республику, то только для себя. Он с сожалением констатирует, что “Временное правительство отталкивает социалистов”, тогда как “социалисты, в особенности же коммунисты, являются подлинными демократами и республиканцами, самыми прогрессивными, передовыми и народными республиканцами, т.е. такими республиканцами, которые хотят осуществить братство, равенство и свободу и в особенности же стремятся искоренить нищету, обеспечив народу работу, существование и благосостояние”¹⁴⁹.

Чтобы республика и демократия были подлинными, чтобы они отвечали народным интересам, необходимо было, чтобы Временное правительство не отталкивало социалистов, а пошло им навстречу. В настоящее время, продолжает Кабе, единственным социалистом во Временном правительстве является Луи Блан. А лучше всего было бы, если бы все правительство “состояло пусть не из коммунистов, то хотя бы из социалистов. Объяснив себя республиканским и демократическим, оно действительно станет таковым, если будет состоять из социалистов”¹⁵⁰.

Кабе выражает готовность лично возглавить такое правительство, роняя при этом загадочную фразу: “Если бы я захотел, то мог бы стать членом Временного правительства или занять какой-нибудь другой важный пост”. Значит ли это, что его пригласили туда вместо Блана (или вместе с ним)? Если так, то Кабе напрасно возлагает всю ответственность за недееспособность правительства на “верхушку республиканской партии”. Но скорее всего он лишь выдает желаемое за действительное: им движет уязвленное самолюбие, да еще не слишком приятные воспоминания о том, как он домогался административной должности после Июльской революции 1830 г. Как бы то ни было, Кабе самоуверенно заявляет: “Если бы я был членом Временного правительства, то, уверен, я бы спас положение”. И далее он излагает в общих чертах политику, которую, по его мнению, должно было бы проводить социалистическое правительство “Прежде всего, – заявляет он, – я бы полностью успокоил общественное мнение по поводу коммунизма, дав возможность ознакомиться с этой доктриной, понять и оценить ее по достоинству. С этой целью я отложил бы его осуществление, и говорил бы только о демократии и республике, как будто ничего другого и в помине не существует. Я предложил бы установить демократическую и социальную республику, которая обеспечила бы порядок и спокойствие, примирение интересов и осторожные постепенные реформы. Я бы сделал все необходимое, чтобы восстановить доверие и кредит, торговлю и промышленность, единство и согласие”¹⁵¹.

Однако этим намерениям не суждено было осуществиться. Вре-

¹⁴⁹ Ibid P 36

¹⁵⁰ Ibid

¹⁵¹ Ibid. P 24

менное правительство не позвало Кабе, о чем он пишет с сожалением. А главное, оно “проявило такое бессилие, совершило столько ошибок”, что почти “погубило” демократию и республику”¹⁵².

На этом фоне коварную роль, по мнению Кабе, сыграли монархические круги. “Еще с 1789 г., – пишет он, – тактика легитимистов заключалась в том, чтобы, преследуя свои цели, подстрекать народ к восстаниям и крайним мерам. После 1830 г. они, чтобы свалить Луи-Филиппа, провоцировали республиканские восстания. После изгнания Луи-Филиппа они, чтобы уничтожить республику и посадить на трон Генриха V¹⁵³, провоцируют столкновения, расколы, беспорядки и гражданскую войну”. В полемическом увлечении Кабе обвиняет легитимистов даже в том, что они сознательно “разрушают торговлю и промышленность, ограничивая свои расходы и сокращая рабочие места”. “Да, – утверждает он, – именно происки легитимистов являются причиной нищеты, которую они приписывают республике!” Изымая капиталы из обращения, легитимисты, по мнению Кабе, получают двойное преимущество. С одной стороны, растет число “бедняков, которых нищета вынуждает продаваться” первому встречному. С другой – легитимисты получают в свое распоряжение большие суммы денег, ранее находившихся в обороте. “Вот они и раздают широкой рукой золото и серебро, вербуя будущих повстанцев”, – заключает Кабе. Точно то же делают орлеанисты и бонапартисты¹⁵⁴.

Считая себя настоящим республиканцем и демократом, Кабе убежден, что монархическая реставрация – худшее, что может грозить Франции и в особенности народу. Отсюда двойственность его отношения к июньскому восстанию, которая нет-нет, да и проскользнет в его рассуждениях. Он подозревает, что повстанцами манипулировали монархисты, рассчитывая тем самым подорвать изнутри республику. Он разрывается между сочувствием к восстанию, как проявлению крайнего отчаяния, в котором находился народ, и категорическим осуждением подобных действий.

Кабе убежден также в том, что только объединив свои усилия, буржуазия и народ могут сорвать планы монархической реставрации. Поэтому он призывает обе стороны забыть об обидах и протянуть друг другу руки. Его призыв обращен прежде всего к победителям – правительству, буржуазии. “Следует, – пишет он, – сойти с пагубного пути реакции, даже вернуться назад, чистосердечно принять революцию, равно как и демократическую и социальную республику, и начать с того, что объявить всеобщую амнистию без всякого исключения. Следует распустить Учредительное собрание, предварительно передав власть на достаточно продолжительное время директории или диктатуре, которые бы пользовались всеобщим доверием. Их первой обязанностью было бы примирить между собой партии, оживить

экономику и обеспечить всем возможность существования. Следует непредвзято подойти к реорганизации национальной гвардии, созвать новое учредительное собрание, которое бы действительно представляло нацию”¹⁵⁵.

Впрочем, понимая, сколь беспочвенны его надежды на осуществление этих требований, Кабе прерывает свою мысль на полуслове. “Следует – печально замечает он. – А в ответ мы слышим, что это только мечты... что реакция на это никогда не согласится. Что ж, если это действительно так, то нам остается только выразить нашу глубокую скорбь и тревогу”. Разумеется, правящие круги не обратили никакого внимания на советы Кабе. Огорченный их равнодушием, Кабе по всей видимости был близок к отчаянию. “В будущем, – пишет он, – мы видим только расколы, ненависть, жажду мщения, разруху, войны, возможно, иностранное вторжение, восстания и революции... А какую зиму предстоит пережить пролетариям!.. Не пройдет и двух месяцев, как разорятся последние предприятия, ведь если никто не получает доходов, то некому и платить; промышленность окончательно остановится и деградирует; прекратится и внешняя торговля... Да, мы приближаемся к распаду общества, к социальному катаклизму”¹⁵⁶.

Не видя разумного выхода из сложившегося положения, Кабе принимает решение ускорить массовый отъезд “икарийских коммунистов” в Америку. Но сам он, прежде чем покинуть французскую землю, уходит в своего рода внутреннюю, интеллектуальную эмиграцию. В брошюре “Восстание 23 июня” мы находим подтверждение тому, в каком глубоком разладе с реальной жизнью оказался Кабе осенью 1848 г. Может быть, впервые он отзывается о событиях на родине, как о чем-то постороннем, не имеющем лично к нему прямого отношения. “Мы находимся, – пишет он, – в исключительном положении, которое обеспечивает нам непредвзятость и беспристрастность; поскольку мы уезжаем в Икарию, мы можем судить о восстании 23 июня и даже о революции 24 февраля так же, как о древних восстаниях и революциях, происшедших несколько тысяч лет тому назад в Риме или Китае”¹⁵⁷.

3 декабря того же года Кабе отправляется за океан вслед за первыми группами переселенцев. Спустя неделю происходит событие, которое подтвердит правильность его прогнозов о грозящей реставрации монархии, – избрания президентом Французской республики принца Луи-Наполеона Бонапарта. Спустя три года он осуществит государственный переворот и упразднит конституцию, а в 1852 г. – восстанавливает империю. Не порывая связей с Францией, Кабе в это время уже всецело поглощен заботами о руководимой им за океаном коммунистической общине.

Мы убедились, что историко-публицистические произведения Кабе отмеряют важные этапы эволюции его мировоззрения. “Революция 1830 г.” свидетельствовала о радикализации его либерально-демокра-

¹⁵² Ibid.

¹⁵³ Внук короля Карла X, после его смерти – глава дома Бурбонов во Франции.

¹⁵⁴ Ibid. P. 45–46.

¹⁵⁵ Ibid. P. 58.

¹⁵⁶ Ibid.

¹⁵⁷ Ibid. P. 26.

тической программы (начало 1830-х годов); “Народная история Французской революции” отразила переход к коммунизму (вторая половина 1830-х годов); “Восстание 23 июня” – новую переоценку ценностей, совершившуюся вследствие крушения его надежд на осуществление строя общности на родине, во Франции (конец 1840-х годов).

Они вместе с тем обнаруживают определенную преемственность в воззрениях автора на протяжении всего этого длительного времени. Многие из идей, разделявшихся им в молодости, когда он еще всецело принадлежал либерально-демократическому движению, органически вписались в его коммунистическую теорию.

Кабе был и остался решительным сторонником демократии и республиканского строя, с которыми связывал воплощение “великих принципов” свободы и в особенности равенства и братства. Основным содержанием истории последних десятилетий и современной ему эпохи он считал переход от монархии и деспотизма к республике и демократии. Смена нескольких политических режимов при его жизни, две крупные революции: Июльская и 48-го года, – свидетелем и участником которых он был, больших коррективов в это представление не внесли. Соответственно и его понимание классовой борьбы особенно тоже не изменилось. Правомерной и необходимой Кабе признавал лишь борьбу третьего сословия, включая буржуазию и народ, против аристократии. К конфликтам же между буржуазией и народом он относился отрицательно, считая, что от них выигрывает только аристократия. Неизменным в течение всего этого времени оставалось и его сочувствие обездоленным низам общества. Республику и демократию Кабе понимал как такие формы государства и общества, которые в наибольшей мере соответствуют интересам чизов. Наконец, важнейшей точкой отсчета в его политических построениях неизменно являлась революция XVIII в. В ее истории он постоянно черпал доводы в подтверждение своих взглядов. Это особенно бросается в глаза в двух первых исторических сочинениях Кабе, но неявным образом присутствует и в “Восстании 23 июня”.

Поскольку значительное число идей благополучно перекочевало из либеральной программы Кабе в его коммунистическую теорию, мы вправе заключить, что между политическим либерализмом и социализмом в первой половине XIX в. существовала преемственная связь. И как мы увидим в дальнейшем, Кабе не только отдавал себе в том отчет, но даже не стыдился этой связи и не стремился ее порвать, подобно некоторым другим социалистам своего времени.

Вместе с тем исторические сочинения Кабе, начиная со второго тома “Народной истории Французской революции”, отразили и перемены в его мировоззрении в связи с переходом к коммунизму. Разумеется, самой яркой декларацией новых принципов и идей явились не эти сочинения, а “Путешествие в Икарию”. Но исторические работы Кабе интересны тем, что дают нам представление о внутренней логике этого процесса, в частности о мотивах его выбора. Если идея общности привлекла внимание Кабе благодаря чтению книг Буонаротти и Томаса

Мора или общению с Робертом Оуэном, а образ благословенной Икарии был уж точно навеян ему бессмертным произведением этого английского утописта (в чем он сам чистосердечно признался¹⁵⁸, и у нас нет оснований ему не верить), то представление о путях, способах и этапах осуществления общности бесспорно сложилось у него под впечатлением изучения революции конца XVIII в. и личного опыта участия в революциях 1830 и 1848 гг.

Кабе принял идею общности лишь после того, как разочаровался, сначала на собственном опыте в 1830 г., а потом благодаря изучению истории, в итогах революций, которые осуществляет буржуазия в своих интересах. Реконструируя ход его мысли, можно предположить, что он рассуждал приблизительно таким образом. Буржуазные революции не приносят народу ощутимой выгоды. Необходимо, чтобы он сам взял в свои руки заботу о собственном благе. Но как это сделать, если народ невежествен, неорганизован и простодушен? История убедила Кабе в том, что когда народ в одиночку пытается защитить свои права, он неизменно терпит поражение. Выход один: народ нуждается в мудром и просвещенном руководстве со стороны буржуазии. Но разве та же история не показывает, что буржуазия лишь использует народ в своих целях, не делясь с ним плодами победы над аристократией? Кабе кажется, что он нашел ответ и на этот вопрос. Нужно, чтобы во главе революции встали социалисты – искренние, бескорыстные люди, вроде Робеспьера и его единомышленников, которые считают своей целью строй подлинной свободы, равенства и братства. Общность как раз и является таким строем, поскольку предполагает не формальное, а реальное осуществление этих принципов.

Придя к такому заключению, Кабе отныне видит свою задачу в том, чтобы убедить буржуазию в необходимости принять социалистическую программу революции (народу, в общем, ее преимущества и так понятны). Он доказывает, что у буржуазии все равно нет другого пути: без народа ей никогда не победить аристократию. А кроме того, принятие принципа общности ничем не грозит буржуазии. Новый строй будет установлен не раньше, чем все люди, в том числе и самые неисправимые скептики, не убедятся в его бесспорных преимуществах. Кабе предлагает различать кратковременную (несколько дней) политическую революцию, целью которой может быть изменение политической системы, установление демократии и республики, а также гораздо более продолжительную (многие годы и десятилетия) социальную реформу, задачей которой является изменение социальной организации, т.е. осуществление общности.

¹⁵⁸ Cabet E. Voyage en Icarie... P. 550.

Глава 3

КОММУНИСТ СРЕДИ ДЕМОКРАТОВ

В апреле 1839 г. Кабе вернулся во Францию из пятилетней ссылки не только вполне убежденным приверженцем идеалов общности, но и автором “Путешествия в Икарию”. Еще в 1838 г. этот роман был напечатан в парижской типографии. Однако автор не рискнул указать на обложке свое имя. Это поначалу ввело в заблуждение часть читателей, не ожидавших такой метаморфозы от известного деятеля республиканской оппозиции Июльской монархии, каким Кабе покинул Францию в 1834 г. Как свидетельствует Приюдомо, даже редактор солидного библиографического указателя не сумел разгадать инкогнито автора¹. Да и выход своего романа в свет Кабе задержал до 1840 г. Что побудило его, всегда впоследствии гордившегося главным трудом своей жизни, прибегнуть к подобным уловкам?

ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В НАЧАЛЕ 40-х ГОДОВ

На рубеже 30—40-х годов во Франции набирало силу движение в поддержку избирательной реформы. Оно выражало недовольство широких слоев населения олигархическим характером Июльской монархии.

Придя к власти при поддержке демократов и республиканцев, король Луи-Филипп обманул их ожидания. Он и не помышлял не только о введении всеобщего избирательного права (которого, впрочем, не существовало в то время ни в одной европейской стране; лишь в 1828 г. в США президент впервые был избран всеобщим голосованием), но и о сколько-нибудь глубокой избирательной реформе. Закон 19 апреля 1831 г. снизил ценз, дававший во Франции право избирать и быть избранным в палату депутатов, соответственно с 300 до 200 фр. и с 1 тыс. до 500 фр. Эта мера приблизительно вдвое — со 100 тыс. до 200 тыс. — расширила корпус избирателей, что, конечно, не могло удовлетворить демократическую общественность.

Парламентскими методами вести борьбу за реформы во Франции было исключительно трудно, почти невозможно. Слишком слабы были в палате депутатов позиции сторонников реформ. Группировка республиканцев (с 1835 г., после запрета на это название, они именовали себя радикалами) насчитывала в 1840 г. всего лишь несколько членов. Она представляла собой левый фланг непримиримой, антидинастической

оппозиции правительству, тогда как 22 депутата-легитимиста являлись ее правым флангом. Остальные депутаты принадлежали к различным династическим группировкам. Консервативное орлеанистское большинство насчитывало 253 депутата. Среди них король, как правило, и выбирал министров, должностных лиц. Другие орлеанистские группировки — “третья партия” (22 депутата), “левый центр” (43 депутата), “левая династическая” (104 депутата) — вместе составляли династическую оппозицию.

Оппозиционных группировок в палате было много, но не стоит преувеличивать политические различия между ними. Кроме радикалов и легитимистов сколько-нибудь четкую политическую программу выдвигала только “левая династическая” оппозиция, главным образом ее левое крыло, возглавлявшееся Ж. Лафитом, Жоржем Лафайетом, адвокатом А. Глэ-Бизуэном. Остальные династические группировки заботились лишь о степени “министериабельности” своих членов. Во всяком случае, “третья партия” и “левый центр” готовы были поддерживать почти любой кабинет в обмен на министерские портфели, административные должности, удовлетворение каких-либо запросов своих избирателей и т.д. Своеобразная “деполитизация” палаты депутатов сделала ее ареной столкновений групповых интересов, личного соперничества парламентских ораторов. При этом большую часть времени она была поглощена вопросами частного или регионального значения, которые несли печать местных или групповых влияний. Дебаты по крупным политическим вопросам были редкостью и не вызывали, как правило, глубоких противоречий в рядах политической элиты. В 1837 г. Руайе-Коллар констатировал: “В настоящее время политика лишена всякого величия; ее подчинили так называемые материальные интересы”².

В этих условиях предложения об избирательной реформе имели незавидную судьбу. Даже самые скромные из них, вносимые “левой династической” группировкой. Они, в частности, предусматривали незначительное расширение избирательного корпуса, приблизительно на 10 %, путем предоставления избирательных прав лицам, которые, не обладая достаточным цензом, могли подтвердить университетскими дипломами свою “способность” к управлению государством наравне с крупными собственниками. Тем не менее консервативное большинство палаты не давало им хода.

В 1837 г. французские демократы предприняли попытку объединить сторонников реформы в целях подготовки к новым выборам в палату депутатов, назначенным на октябрь. Они организовали встречу с представителями “левой династической” оппозиции, на которой присутствовали Араго, Лафит, Дюпон из Эры, главный редактор газеты “Насьональ” Тома, Луи Блан и другие, менее известные деятели реформистского движения. Блан, которому мы обязаны подробным рассказом об этом событии, сообщает, что Лафит, председателст-

¹ Priudhommeaux J. Icarie et son fondateur Etienne Cabet. P., 1907. P. XVIII.

² Girard L. Les libéraux français, 1814—1875. P., 1985. P. 131.

вовавший на собрании, предложил “соединить силы” радикалов и династической оппозиции “против общего врага”, не допуская при этом “двусмысленных компромиссов, затрагивающих принципы”. Каждый из отрядов оппозиции, по его словам, должен был идти под своим “знаменем”. Эта идея и вызвала решительные возражения представителей династической оппозиции. Шамболь и Леон Фоше утверждали, что политика радикалов приводит избирателей в “ужас” и должна быть отвергнута. Лерминье обвинил радикалов в том, что они “отрываются от среднего класса”. Некоторые из них покинули собрание. Оставшиеся объявили об образовании Центрального комитета, целью которого, как говорилось в официальном сообщении, было “объединить все течения национальной оппозиции в интересах избрания независимой палаты”. Однако среди его членов явно преобладали радикалы и вообще “левые”, в том числе Дюпон из Эры, Араго, Лафит, Гарнье-Пажес, Кормен, Луи Блан, Тома, Мари, Ледрю-Роллен и др. Это побудило Одилона Барро, общепризнанного вождя династической оппозиции, публично отмежеваться от комитета, в состав которого, по его словам, “республиканская партия вошла с развернутыми знаменами”³.

Неудача не обескуражила демократов, и спустя короткое время они предприняли новую попытку добиться своего от палаты депутатов. На этот раз они избрали другую тактику – тактику внепарламентских действий с целью давления на власти. Очевидно, что подобная идея им пришла в голову не без влияния извне. Во второй половине 30-х годов в соседней Великобритании возникло массовое чартистское движение, выдвинувшее лозунг “народной” избирательной реформы. Выработало оно и методы борьбы за эту реформу, а именно – всенародный сбор подписей под петицией в ее поддержку. Французские демократы в 30-е годы были тесно связаны с Великобританией. Многие из них, подобно Кабе, находили там убежище от преследования властей на родине. Поэтому ничего удивительного в том не было, что их увлек пример чартистов.

К опыту своих британских коллег они оказались тем более восприимчивыми, что разочаровались в насильственных методах борьбы с Июльской монархией. Неоднократные попытки свергнуть ее, предпринимавшиеся в 30-е годы республиканцами, бонапартистами и даже роялистами (сторонниками свергнутой в 1830 г. династии Бурбонов) неизменно терпели поражение. К началу 40-х годов Июльская монархия выглядела как никогда прочным и устойчивым режимом, вполне преуспевшим в науке побеждать своих врагов. Поэтому французские демократы отказались от попыток сокрушить ненавистное правление Луи-Филиппа прямым штурмом и решили прибегнуть к его планомерной осаде, рассчитывая добиться желаемых перемен путем частичных реформ, среди которых наибольшую важность для них представляла реформа избирательная.

В 1840 г. в Париже был образован Комитет в поддержку избирательной реформы. Он объединил комитеты двенадцати административных округов французской столицы. В его состав вошли публицисты Луи Блан и Ламене, философ (в будущем – автор знаменитого “Словаря французского языка”) Эмиль Литтре, ведущие сотрудники газеты “Насьональ” вместе с ее главным редактором Арманом Маррастом, главный редактор другой республиканской газеты “Журналь дю пепль” Дюпоти, а также адвокаты, ученые, инженеры, писатели, врачи, фабриканты, издатели – всего первоначально около полусотни человек. Возглавляли Комитет известные деятели республиканской и демократической оппозиции банкир Жак Лафит, Дюпон из Эры, а также ученый-физик, член Института Франсуа Араго (все трое – депутаты). В составе Комитета в поддержку избирательной реформы был образован корреспондентский комитет, в задачу которого входило организовать сбор, обобщение и передачу в палату депутатов петиций граждан⁴.

Корреспондентский комитет подготовил образец подписного листа. Он представлял собой обычный листок бумаги, расчерченный в крупную клеточку с лицевой и оборотной стороны. В клеточках должны были расписываться граждане, поддерживающие петицию. На лицевой стороне сверху был помещен текст обращения к депутатам: “Господа! Мы хотим привлечь ваше внимание к вопиющему противоречию между основополагающим принципом власти во Франции – вечным и неизменным принципом народного суверенитета – и ныне действующим избирательным законом. Мы хотим, чтобы ничтожное меньшинство перестало представлять всю страну”. В обращении отмечалось, что принцип народного суверенитета давно уже применяется при формировании национальной гвардии. Еще закон 25 марта 1831 г. установил, что в нее мог вступить каждый добропорядочный гражданин. “Следовательно, – говорилось в конце этого коротенького обращения, – мы хотим, чтобы каждый гражданин, имеющий право вступить в национальную гвардию, стал избирателем и чтобы каждый избиратель мог быть избран депутатом!”⁵

30 августа 1840 г. подписной лист был опубликован в газетах “Насьональ” и “Журналь дю пепль”. Вслед за тем Комитет в поддержку избирательной реформы начал рассылать его чистые экземпляры на места. Об этом сообщалось в специальном циркуляре Комитета, выпущенном 3 сентября. Со ссылкой на заявление Араго в палате депутатов, в нем также выражалась уверенность в том, что петицию подпишет миллион граждан⁶.

Спустя короткое время, 12 сентября, был опубликован новый циркуляр, в котором сообщалось об открытии сбора денег для “покрытия расходов на пропаганду реформы”. Парижский Комитет

⁴ Les Archives Nationales, BB¹⁸ 1387. Dos. 1054.

⁵ Ibid.

⁶ Ibid.

³ Blanc L. Révolution française. Histoire de Dix ans. 1830–1840. P., 1844. T. 5. P. 278–282.

выступал за уплату ежемесячных взносов членами местных реформистских комитетов. Таким образом, говорилось в циркуляре, можно будет “не только обеспечить постоянное возобновление средств, но и установить более прочную связь между сторонниками реформы”. Впрочем, выбор способов решения этой задачи парижане целиком оставляли на усмотрение местных комитетов⁷.

Деятельность парижского и провинциальных комитетов в поддержку избирательной реформы не на шутку встревожила власти Июльской монархии. 18 ноября 1840 г. министр внутренних дел пишет встревоженное письмо министру юстиции⁸: “...В Париже действует Комитет избирательной реформы... Этот Комитет выразил намерение создать под своим руководством местные комитеты в каждом округе Парижа и в пригородах. Он также разослал в департаменты отпечатанные в типографии или литографированные циркуляры с призывом создавать в округах и кантонах комитеты и подкомитеты, которые состояли бы в переписке с центральным комитетом и организовали бы денежную подписку для покрытия его расходов. Наконец, он напечатал большим тиражом подписные листы петиции, каждый из которых рассчитан на 240 подписей. Эти листы были в большом количестве экземпляров отправлены в департаменты, где уже существуют и проявляют активность окружные и кантональные комитеты”.

Министр внутренних дел посчитал нужным привлечь внимание своего коллеги и к сообщением, поступившим из подведомственных ему инстанций. Так, префект полиции Парижа, по его словам, усмотрел в деятельности парижского Комитета признаки создания политической организации. Об этом якобы свидетельствовало его намерение взять в свои руки общее руководство движением в поддержку избирательной реформы и обеспечить постоянное движение в поддержку избирательной реформы и обеспечить постоянный приток денежных средств путем сбора ежемесячных взносов. А префект департамента Алье, сообщая о создании реформистского комитета в городе Лапалис во главе с президиумом и секретарем, прямо запрашивал министерство, не противоречат ли эти действия статье 291 уголовного кодекса и положениям закона 10 апреля 1834 г.

Итак, по мнению министра, вопрос заключается в том, законны ли действия руководителей движения в поддержку избирательной реформы. Если они выходят за рамки “законного права подачи петиций и свободы печати”, то виновные “подлежат судебному преследованию за создание недозволенной организации”. Но, как полагает сам министр, это – “деликатный вопрос”, решать который нужно, учитывая его “конституционные последствия” и депутатскую неприкосновенность руководителей парижского Комитета. Вместе с тем, продолжает он, “явная враждебность большинства членов этого Комитета и их последователей, а также моральный эффект, производимый ими в

департаментах, не позволяет правительству оставаться безучастным”. Министр внутренних дел просит своего коллегу, министра юстиции, безотлагательно решить этот вопрос.

И реакция властей оказалась весьма жесткой. Уже 4 декабря на стол министра юстиции легло заключение генерального прокурора, датированное 1 декабря⁹. На основании имеющихся документов прокурор пришел к выводу о том, что под предлогом сбора подписей под петицией в поддержку избирательной реформы фактически возникла политическая организация, “не получившая разрешения на законное существование” И это является не чем иным, как нарушением действующих законов.

Но генеральный прокурор не ограничился констатацией этого факта. Он счел своим долгом отметить обстоятельство, отягчающие вину организаторов петиционной кампании. “Сегодня уже ясно, – пишет он, – что избирательная реформа стала точкой притяжения всех анархических страстей, что под ее флагом происходит воссоздание тайных обществ, которые набирают силу и угрожают безопасности страны”. Чтобы убедиться в этом, считает прокурор, достаточно взглянуть на имена, фигурирующие в списках реформистских комитетов: “Как в Париже, так и в провинции эти имена принадлежат лицам, которые всегда с наибольшей яростью нападали на наши установления, за что и подвергались политическим преследованиям”.

В особенности же прокурора тревожит то, что реформистская пропаганда порождает бунтарские настроения в народных низах. “Все сочинения, – пишет он, – которые распространяются в рабочих классах, все улики, которые попадают в руки правосудия, доказывают, что избирательная реформа является не чем иным, как маскировкой планов общественных переворотов”. Прокурор утверждает, что реформисты, не таясь, признают, что стремятся к “социальной революции, упразднению собственности и разрушению промышленности”. В подтверждение своих слов он ссылается на данные следствия по делу о рабочих забастовках (“коалициях”) в Париже в сентябре 1840 г. “Недавние беспорядки рабочего класса, – пишет он, – по-видимому, представляли собой не что иное, как пробу сил этой новой организации. Большинство лиц, задержанных по подозрению в том, что они были их главными зачинщиками... сознались в принадлежности к реформистской ассоциации”.

О “подрывном” характере движения в поддержку избирательной реформы, по мнению прокурора, свидетельствуют и тосты на банкетах, организованных реформистами в Париже летом 1840 г. Отметим, что банкеты во времена Июльской монархии являлись едва ли не единственной, разрешенной законом, формой многолюдных собраний, на которых можно было обсуждать политические вопросы. Во время банкета, состоявшегося 1 июня под председательством директора

⁷ Ibid.

⁸ Ibid

⁹ Ibid.

“Насьональ” Тома, были подняты тосты за “общность имуществ”, а также за “будущую революцию, упразднение монархии и победу республики”. А на банкете 29 июня, проходившем под председательством управляющего газетой “Журналь дю пёпл” Дюпоти, был оглашен следующий тост: “За политическую реформу, дающую толчок второй реформе – социальной, без которой первая, необходимая как переходный этап, была бы недостаточной как окончательный результат”.

Настаивая на принятии надлежащих мер для запрещения деятельности реформистских комитетов, генеральный прокурор писал: “Не осталось никого, кто бы не понимал, что, может быть, никогда раньше нашему обществу не угрожала столь серьезная опасность и что сегодня главную опасность для него представляет реформистская ассоциация”.

СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ – НОВЫЕ ВРАГИ

Вернувшись во Францию после долгого отсутствия, Кабе не сразу сориентировался в обстановке. Какие настроения царят в политических кругах столицы? Чем живут, чем дышат его соратники-республиканцы, с которыми он не виделся пять лет? В особенности его беспокоило то, как ими будет принято “Путешествие в Икарию”, идеи которого выходили далеко за рамки старой, традиционной программы республиканской партии. Это беспокойство объяснялось не болезненным самолюбием – он обычно не колеблясь делился в печати подробностями своей карьеры, – а заботой об успехе его “общей политической стратегии”¹⁰, выработанной за годы ссылки. Как мы выяснили в предыдущей главе, эта стратегия была направлена на то, чтобы объединить усилия буржуазии и народа, всех демократов и социалистов в борьбе сначала за установление демократического строя, а в дальнейшем – и общности.

Но здесь его ждало разочарование. Когда “Путешествие в Икарию” было напечатано, Кабе еще до выхода книги в свет разослал несколько ее экземпляров старым друзьям. В фонде бумаг Кабе в парижской Национальной библиотеке сохранилась копия ответного письма Вуайе д'Аржансона. В изысканных выражениях тот давал понять автору “Путешествия”, что это сочинение его не заинтересовало. “Прислав мне свой труд, – писал д'Аржансон, – вы засвидетельствовали мне вашу добрую память и доверие. Не могу выразить, как я тронут вашим вниманием... Те несколько страниц, которые я прочитал, внушают мне уважение к принципам, которые на них изложены...”¹¹ Иначе говоря, д'Аржансон не считал нужным даже дочитать “Путешествие” до конца.

Более содержательный отклик на свою книгу Кабе получил от Ламене. В письме¹², датированном 29 апреля 1839 г., тот сообщал

автору, что “с большим вниманием прочитал” его труд. Понимая тревогу Кабе, уже раз испытывшего на себе тяжелую руку правосудия Июльской монархии, Ламене писал ему, что не нашел в “Путешествии” ничего, что грозило бы автору новым “судебным преследованием”. Но главное, он поделился с ним своими размышлениями по существу идей, изложенных в этом сочинении.

Прежде всего Ламене скептически отозвался о той литературной форме, в которую Кабе облек изложение своей социальной системы. Роман, как литературный жанр, по мнению Ламене, обладает определенными достоинствами: “лучше других жанров он позволяет описать какое-либо явление”. Но столь же бесспорны и его недостатки. Роман “труднее обсуждать” и кроме того он “менее убедителен”. Впрочем, Ламене выражает полное согласие с мнением Кабе о том, что “великие принципы равенства и братства всех людей должны сплотить разделенное ныне человечество в единую семью и что для этого должны произойти глубокие перемены как в материальном положении, так и в организации общества”. Но с тем, как Кабе представляет себе эту совершенную организацию общества и переход к ней, Ламене согласиться не может. Наоборот, он утверждает, что вопросы о том, “какой должна быть форма этой новой организации, как и каким образом она должна быть осуществлена”, по-прежнему далеки от решения.

В отличие от автора “Путешествия” Ламене не считает, что вопрос о коренном переустройстве общества можно решить простым голосованием граждан на выборах и изданием соответствующих законов. Такие крупные перемены, по его мнению, “происходят только постепенно и под влиянием скорее силы вещей, чем силы законов, роль которых по существу сводится лишь к констатации и оформлению уже достигнутого прогресса в развитии идей и нравов”. Не разделяет Ламене и веры Кабе в здравомыслие народа, его готовность принять новую, справедливую социальную организацию. “Чтобы люди, – пишет он, – принесли свои эгоистические интересы в жертву новой социальной организации, основанной на равном разделе благ, предоставленных в наше распоряжение Провидением, от них потребуются такая сила религиозного рвения, которую и представить нам сегодня трудно”. Впрочем, Ламене надеется, что когда-нибудь такая сила, “несомненно, появится”.

Не совсем верно, по мнению Ламене, представляет себе Кабе и то, какие социальные преграды стоят на пути к осуществлению более справедливой организации. “Авторы такого рода проектов – пишет он, – весьма озабочены сопротивлением богачей, которое, несомненно, будет энергичным. Но ведь и сопротивление бедняков будет не менее решительным и упорным, поскольку их нынешнее представление о благе во многих отношениях полностью отличается от того, что берется за основу в проектах новой организации, которые им предлагают как единственный способ осуществления их желаний”.

И уж совсем неудовлетворительно, считает Ламене, решается в “Путешествии” вопрос о “соотношении новой социальной организации и

¹⁰ Johnson Ch. Utopian Communism in France: Cabet and the Icarians, 1839–1851. Ithaca: L., 1979. P. 109–110.

¹¹ La Bibliothèque Nationale de France. Papiers Cabet. Naf 18151. P. 197–198.

¹² Ibid. P. 194–196.

свободы, которая также является законом человеческой природы и необходимым условием прогресса". "Ваши размышления на эту тему, — обращается он к Кабе, — как бы вам это ни показалось обидным, совершенно не развеяли моих сомнений".

Среди лиц, кому Кабе послал экземпляры своего "Путешествия", он впоследствии упоминал Араго¹³. О том, что ответил ему этот высокопоставленный деятель республиканской оппозиции, мы не знаем. Но сам Кабе следующим образом охарактеризовал реакцию своих старых друзей на его новое сочинение: «Один из наиболее ревностных [демократов], Н..., который организовывал и собирал подписку¹⁴, столь резко осудил издание, что я едва не порвал с ним всякие отношения и наша дружба с тех пор заметно охладела; другой из них вследствие этого неодобрения фактически вынудил моего издателя отказать в издании моего труда, и одной из самых огорчительных неприятностей моей жизни, столь насыщенной испытаниями, была невозможность обнародовать в 1838 г. мою уже напечатанную "Икарию"»¹⁵.

После этой осечки Кабе еще долго не мог решиться на то, чтобы публично, открыто объявить о своих коммунистических убеждениях. Впоследствии эту нерешительность он поставит себе же в заслугу: "Отсрочка моей публикации была жертвой, которую я принес, руководствуясь благоразумием и интересами общности..."¹⁶

Как бы то ни было, он не ослабил усилий по осуществлению своей общей политической стратегии и продолжал поддерживать самые тесные контакты с вождями демократической и республиканской оппозиции. Спустя несколько лет он сам расскажет в печати о своих с ними взаимоотношениях на рубеже 30–40-х годов. Послушаем его рассказ¹⁷.

Вернувшись из ссылки, сообщает Кабе, он поспешил повидаться "с главными политическими деятелями, нашими старыми друзьями", с которыми он не виделся столько лет, чтобы расспросить их о "трудностях и пожеланиях". Оказалось, что все они возмущены "общей дезорганизацией" жизни, стремятся к единству всех оппозиционных сил и мечтают о "реорганизации" страны. Почти все собеседники Кабе указали на Франсуа Араго, как на самого авторитетного вождя оппозиции, который был бы способен объединить всех демократов. "Таково было с давних пор и наше мнение", — замечает Кабе.

По результатам этих встреч и бесед у Кабе сложился окончательный план того, как "объединить и организовать оппозицию вокруг Араго, а все демократические силы — вокруг оппозиции путем создания некой универсальной организации. Приверженная мирным методам, разрешенная властями и соблюдающая законы, она

боролась бы за осуществление политических и социальных реформ, начиная с реформы избирательного права, без всякой задней мысли". Эта организация издавала бы газету. Ее возглавлял бы представительный комитет, членами которого стали бы депутаты, писатели, национальные гвардейцы и рабочие. В комитете и в газете обсуждались бы все важнейшие вопросы внутренней и международной политики, так что со временем они стали бы рупором французской демократии.

Кабе изложил этот план Ламене, который его одобрил, с той лишь оговоркой, что на Араго лучше не рассчитывать. Тем не менее он поделился с Араго своим планом и тот его принял. Принял его и другой видный деятель оппозиции Мартен, депутат от Страсбурга. Несколько раз они встречались вчетвером, чтобы обсудить детали плана. Во время этих встреч было решено приобрести газету "Насьональ", поручив руководить ею от имени комитета Бастиду и Тома. Кабе пишет, что лично вел переговоры с этими господами, завершившиеся полным успехом. После этого всю необходимую информацию он передал Араго, целиком отдавшись подготовке к печати "Народной истории Французской революции".

Каково же было его возмущение, когда он узнал, что Араго, "прекрасный ученый, но плохой политик", имея на руках все карты, ничего не сделал, чтобы осуществить согласованный план. Хуже того, не предупредив Кабе, он подменил первоначальный план создания широкой демократической ассоциации проектом организации кампаний в поддержку избирательной реформы. Этот проект не предусматривал ни объединения оппозиции в палате депутатов, ни издания официальной газеты, ни создания комитета, представляющего все классы общества. Затем, снова не поставив Кабе в известность, Араго поручил Ламене образовать центральный Комитет, а также низовые комитеты в Париже и департаментах для сбора подписей под петицией. В тайне от Кабе и были подобраны члены центрального Комитета. Следовательно, заключает он, рассказывая о себе во множественном числе, "мы оказались *изолированными* от демократии, но не потому, что мы сами себя от нее изолировали, но потому что изолировали нас".

Кабе пишет, что если бы Комитет в поддержку избирательной реформы был хорошо организован, то он, несмотря на обиду, поддержал бы его. Но все было как раз наоборот. Кабе ссылается на мнение известного деятеля республиканской оппозиции Гарнье-Пажеса, который с трибуны палаты депутатов назвал этот Комитет "мертворожденным". Расчеты его руководителей собрать под петицией миллионы подписей оказались завышенными: в действительности удалось собрать не больше 300 тыс. "Никогда еще, — замечает Кабе, — такая большая гора не рождала такую маленькую мышь".

Именно тогда, в середине 1840 г., завершает свой рассказ Кабе, видя, что замысел объединения всех демократических сил провалился, что в рядах демократов царят "раскол и анархия", что "тайные

¹³ Cabet E. 12 lettres d'un communiste à un réformiste sur la communauté. P., 1845. P. 128.

¹⁴ Речь идет о денежной подписке в пользу Кабе, которая была организована в 1834 г., чтобы обеспечить его средствами для жизни в ссылке.

¹⁵ Cabet E. Toute la vérité au peuple, ou réfutation d'un pamphlet calomnieux. P., 1842. P. 94.

¹⁶ Cabet E. Ibid. P. 94.

¹⁷ Cabet E. Le salut est dans l'union; la concurrence est la ruine. P., 1845. P. 39–41.

общества, мятежи и покушения могут окончательно все погубить", он решил не медлить больше с публикацией своего "Путешествия в Икарию" и объявить наконец себя коммунистом.

Эту версию Кабе обнародовал в 1845 г., когда прошла горечь личных обид и разочарований в старых друзьях и когда эти события уже стали просто историей. Мы не ставим ее под сомнение и не пытаемся уличить Кабе в неточностях, без которых, наверное, тоже не обошлось. Вместе с тем мы задаемся вопросом: так ли уж безоблачны были отношения между Кабе и вождями республиканской оппозиции в 1839 и начале 1840 г. и так ли уж внезапен был разрыв с ними, как он это изображает?

Напомним читателю, что задолго (как минимум за год) до возвращения Кабе из ссылки его репутация в кругах республиканской оппозиции уже была серьезно подмочена неблагоприятным впечатлением от "Путешествия в Икарию". Идеи этого сочинения показались его старым друзьям неприемлемыми. Уловки Кабе, приостановка им распространения своего сочинения вряд ли могли кого-нибудь обмануть. Республиканцы перестали ему доверять, и этим, очевидно, объясняется та политическая "изоляция", в которой он оказался уже в начале 1840 г.

В коллекции бумаг Кабе Национальной библиотеки сохранился поразительный документ, позволяющий оценить всю глубину разочарования и даже унижения, которые перенес Кабе, отвергнутый прежними коллегами. 25 июня 1840 г. он обратился к Жаку Лафиту с просьбой одолжить 6 тыс. или хотя бы 3 тыс. франков сроком на три месяца. Эту просьбу он сопроводил следующей припиской: "Если вы сделаете это, то окажете мне огромную услугу. В противном случае, ваш отказ поставит меня в весьма затруднительное положение. Я не могу обратиться с этой просьбой к другим. Мне известно, что вы часто говорили обо мне с интересом; мне известно также, что вы самый богатый человек среди тех, кто называет себя моими друзьями. Я не сомневаюсь в вашей готовности сделать мне одолжение; и я даже не могу представить, к кому бы еще я мог обратиться с просьбой о деньгах, кроме вас"¹⁸.

В тот же день ему доставили записку секретаря Лафита. В ней говорилось: "Г-н Лафит получил ваше письмо в тот самый момент, когда он уезжал в свой загородный дом. Иначе бы он ответил вам сам. Он поручил мне сообщить вам, что, к его глубокому сожалению, он вынужден вам отказать"¹⁹.

Судя по всему, этот эпизод поставил точку не только в дружеских, но вообще в приятельских отношениях между Кабе и вождями республиканской оппозиции. Разрыв с ними имел для него далеко идущие последствия. Отныне он не мог рассчитывать на то, что влиятельные друзья примут его в свой круг, предоставят ему ту же

роль, которую он играл в руководстве республиканской оппозиции в начале 30-х годов. Все исхоженные пути политической карьеры перед ним закрылись. Он должен был пойти непроторенными путями, наиболее соответствующими его убеждениям и темпераменту.

“ПИСЬМА О КРИЗИСЕ”

Не добившись признания как автор утопического романа, отвергнутый своими старыми друзьями, Кабе оседлал любимого конька. Во второй половине 1840 г. он выступил с серией полемических брошюр, в которых подверг критике политику правительства, а заодно и действия своих неверных друзей-республиканцев. Кабе явно рассчитывал на то, чтобы о нем снова заговорили как об одном из общепризнанных вожаков демократического движения.

Поводом напомнить публике, что за годы ссылки его журналистское перо не притупилось, послужило Кабе обострение внутренних и международных политических противоречий в связи с так называемым Восточным вопросом. Кризис был вызван противоречиями держав из-за Турции и ее владений. В растянувшемся на многие годы турецко-египетском конфликте Франция приняла сторону Египта, поддерживая его стремление к независимости от султана. В ответ на ее действия Великобритания, Россия, Австрия и Пруссия подписали 15 июля 1840 г. соглашение, направленное на сохранение территориальной целостности Османской империи. Тьер, возглавлявший французское правительство, счел Францию обиженной стороной и выступил с воинственными заявлениями в адрес европейских держав. Он также провел через палату депутатов закон о строительстве оборонительных сооружений вокруг Парижа.

Общественное мнение Франции было взбудоражено этими событиями. Демократы, настроенные весьма патриотично, забили тревогу. Договор четырех держав они расценили как попытку реанимировать коалицию, которая в прошлом противостояла революционной Франции. Они увидели в том опасность иностранного вмешательства во внутренние дела их страны с целью восстановить власть Бурбонов, свергнутых Июльской революцией. Демократы выражали готовность принять этот вызов.

Грядущая война должна была стать, по их мнению, решающей схваткой между новым и старым миром, между аристократией и демократией.

Воинственность французов в 1840 г. во многом объяснялась особенностями идеологии либерального и демократического движения первых десятилетий XIX в., которую густо окрашивало революционное мессианство. Это своеобразное умонастроение возникло на рубеже XVIII—XIX вв. и выражало веру демократов и революционеров того времени в особую историческую миссию Франции, призванную освободить народы, угнетенные феодализмом и абсолютизмом.

¹⁸ BNF, Papiers Cabet. Naf 18151. P. 112.

¹⁹ Ibid. P. 115.

обеспечить им силой своего оружия свободу, равенство и братство²⁰. И впоследствии либералы и демократы в значительной мере отождествляли государственные и национальные интересы Франции с успехом революционных и демократических преобразований у себя в стране и за рубежом. Совершенно не случайно одна из самых известных газет леволиберальной оппозиции, основанная незадолго до революции 1830 г., приняла название “Национальной” (“Le National”). Столь же закономерно и то, что когда Реставрация пала, то один из видных деятелей демократического движения Годфруа Кавеньяк определил это событие как “национальную революцию”²¹.

Внешнеполитическая программа патриотической, или национальной, партии, как иногда именovali себя либералы и демократы первой половины XIX столетия, состояла из двух пунктов: ревизии договоров 1815 г. и освобождении народов Европы, “угнетенных” собственными или чужими “реакционными” правительствами. В 1831 г. Арман Каррель писал: “Правительство предаст интересы Франции, причем, самым бессовестным, преступным и трусливым образом, если позволит, чтобы левый берег Рейна принадлежал кому-нибудь другому, кроме него самого”²². Жюль Мишле в 1846 г. к этому добавлял: “Франция является не только нашей досточтимой матерью, но и матерью свободы всех других народов!”

Патриотический подъем, охвативший широкие слои населения Франции, старались использовать в своей пропаганде и организаторы петиционной кампании в поддержку избирательной реформы. В циркуляре парижского Комитета 3 сентября 1840 г. говорились: “...Сегодня, когда оставшись один на один со Священным союзом, страна вновь подвергается оскорблениям и нападкам иностранных правительств, необходимо немедленно воплотить в жизнь принцип народного суверенитета. Все граждане, кто разделяет патриотические чувства, кто стремится к торжеству права, разума и справедливости, должны понять, что реформа является самым надежным и в то же самое время исключительно мирным способом обеспечить как внутренние, так и внешние условия процветания нашей родины и предотвратить упадок ее могущества”²³.

Во второй половине 1840 г. Кабе опубликовал серию брошюр под общим названием “Шесть писем о нынешнем кризисе”²⁴. В них он разоблачал “происки и насилия” коалиции иностранных держав, якобы терзавших Францию не больше не меньше, как на протяжении

полувека – с 1791 по 1840 гг. Эта коалиция, по словам Кабе, “не пренебрегает никакими мелочами готовя войну; она создает торговую и таможенную лигу²⁵, строит железные дороги, чтобы быстрее перебрасывать свои войска”. Общее впечатление Кабе о ходе международных событий таково: “...Положение Франции и Европы никогда не было таким серьезным... Война непосредственно угрожает Франции, в этом может убедиться каждый”²⁶. Его мнение разделяли многие политические и общественные деятели Франции того времени, а также парижские газеты. Обширную подборку их высказываний на темы международной политики Кабе опубликовал в конце 1840 г. отдельной брошюрой, которую подготовил совместно с Т.Дезами²⁷.

Однако Кабе решительно осуждал правительство Тьера за намерение построить вокруг Парижа оборонительные сооружения. Он считал “недопустимым” осуществление этого плана по целому ряду причин. Прежде всего, новые “бастилии” навсегда похоронили бы мечту о свободе и демократии. Поэтому ему была не приемлема позиция ряда леволиберальных газет, выступивших в поддержку планов правительства. В частности, он подверг резкой критике газету “Насьонал”, считая, что она “приносит свободу в жертву независимости”²⁸. Кроме того, оборонительные сооружения придали бы грядущей войне “чисто профессиональный характер и помешали бы ей стать национальной и народной войной”, которая только и устроила бы демократов²⁹. Представьте себе, обращается к своим читателям Кабе, что было бы, если бы “Людовик XVI располагал 20 бастилиями... Стали бы тогда возможны 10 августа, 6 октября, 14 июля, клятва в зале для игры в мяч, революция?” А если примеру Тьера последовали бы правительства других стран и тоже соорудили бы вокруг своих столиц неприступные укрепления? Разумеется, замечает Кабе, “тогда можно было бы осуществить всеобщее разоружение; и его следствием был бы мир, но мир, увековечивающий рабство”³⁰.

Тьера Кабе считает “самым опасным человеком” во Франции³¹. Наряду с планом строительства “бастилий” он ставит в вину главе правительства постоянные уступки реакции на международной арене. В частности, он обвиняет Тьера в том, что тот “постоянно заискивал

²⁵ Явный намек на создание Германского таможенного союза в 1836 г.

²⁶ *Cabet E. Six lettres...* P. 12, 15.

²⁷ *Cabet E., Dézamy Th. Patriotes français, lisez et rougissez de honte, ou opinions des journaux français et étrangers sur la question d'Orient, le traité du 15 juillet et la guerre, discours de la Couronne, pièces diplomatiques, etc.* P., 1840.

²⁸ *Cabet E. Suite de la brochure “Le National nous perd par son aveuglement sur les bastilles”.* P., 1841. P. 78. Генрих Гейне, живший в то время в Париже, в одной из своих корреспонденций в немецкую “Аугсбургскую газету” писал: “Республиканская фракция, представителем которой служит “National”, всего деятельнее защищала проект укрепления Парижа”. См.: *Гейне Г. Лютеция* // Собр. соч. в 10 тт. М., 1958. Т. 8. С. 123.

²⁹ *Cabet E. Six lettres...* P. 14.

³⁰ *Ibid.* P. 19.

³¹ *Ibid.* P. 52.

²⁰ Р. Жирарде, характеризуя французский революционный национализм начала XIX в., отмечает такие его черты, как “воинствующий шовинизм и гуманистическое мессианство” (le chauvinisme cocardier et le messianisme humanitaire). См.: *Girardet R. Le nationalisme français. Anthologie 1871-1914.* P., 1983. P. 13.

²¹ Не путать, разумеется, с фашистской “национальной революцией” первой половины XX в.

²² *Girardet R. Op. cit.* P. 13.

²³ *Les Archives Nationales. BB¹⁸ 1387. Dos. 1054.*

²⁴ *Cabet E. Six lettres sur la crise actuelle.* P., 1840.

перед иностранной коалицией”, “принес ей в жертву всех наших союзников, включая Бельгию, Польшу и Италию” и “поссорил Францию с испанской и швейцарской демократией”³². Тем не менее Кабе обращается к согражданам с призывом восстановить единство нации (т.е. буржуазии и народа), поколебленное социальными и политическим конфликтами минувших десятилетий. Ибо, подчеркивает он, предстоящая война будет “войной аристократии против демократии, войной королей против Французской революции и против всех революций вообще”. В случае победы, утверждает Кабе, “...аристократия... восстановит старый порядок; нет ни одного класса, принадлежащего ранее к третьему сословию, включая нынешнюю буржуазию и народ, который бы от этого не пострадал”. Кабе адресует свой призыв солдатам, жителям пригорода и деревни, протестантам, рабочим типографий, библиотекарям, словом, “всем-всем”.

В частности, негоциантам и промышленникам он объясняет, что их интересам полностью противоположны цели, которые ставила бы перед собой в этой войне английская аристократия. “Она стремится не больше не меньше, – пишет он, – как уничтожить нашу промышленность, захватить нашу торговлю, разрушить наш флот, отобрать наши колонии и восстановить у нас средневековые порядки, корпорации, привилегии, монополии...” Рабочих Кабе предупреждает, что в случае победы аристократии им нечего и думать об “освобождении или хотя бы улучшении участи”, потому что их хозяева тогда “смогут безнаказанно увеличивать продолжительность рабочего дня, уменьшать заработную плату”, а “всякое неповиновение [им] будет беспощадно пресекаться”³³.

Кабе развивает мысль о том, что в предстоящей войне будет решаться судьба не только Франции, но и народов Европы. Ведь поражение Франции увековечит господство аристократии во всем мире. Напротив, ее победа обеспечит торжество демократии и справедливости. Это прекрасно понимают противники Франции, “короли и аристократы”, у которых, по словам Кабе, “нет выбора”. Если они не хотят добровольно уйти со сцены истории, – а этого они как раз и не хотят, – то им не остается ничего другого, как задушить революцию в ее колыбели. Предстоящая война будет войной не на жизнь, а на смерть. И поэтому она, заключает Кабе, должна быть “всеобщей, как в 1792 и 1815 гг.”³⁴

Война достигнет поставленных целей, обеспечит победу демократии, по его мнению, если народные и патриотические силы сумеют придать ей истинно демократический характер. Нужно объявить: “Франция будет вести национальную, народную и революционную войну!... Франция будет сражаться за все человечество!...” Кабе не сомневается, что эти цели отвечают интересам народа и всей демокра-

тии. Но согласятся ли с ними правительство и король? Кабе уверен, что они не смогут уклониться от лежащей на них ответственности за судьбу страны. В сложившихся условиях, пишет он, власти должны выбрать одно из двух: “либо Луи-Филипп уступает желанию всей нации и сам руководит войной, либо он отрекается от трона и предоставляет своему сыну возможность защищать страну”. “Можно надеяться, – добавляет Кабе, – что правительство пойдет на войну, если нация этого потребует”³⁵.

Вот как будущая война рисуется в воображении Кабе: “...Речь пойдет не об обычной и регулярной войне, а о войне национальной; не о войне одних только солдат, а о войне народов, крестьян, гверилье... войне, в которой дети и женщины вполне будут достойны мужчин, войне на испанский, русский и английский манер, подобно той, которую Англия готовила в 1803 г.; войне баррикад, взорванных мостов, разрушенных дорог; войне без сна и отдыха для захватчика; войне руин, выжженной земли и голода, забоя скота и массового уничтожения”³⁶. Но вместе с тем это будет подлинно освободительная война, в результате которой навсегда будет покончено с рабством и несправедливостью. К солдатам этой будущей войны Кабе обращается с напутствием: “Принесите соседним народам знамя освобождения людей, спасения рода человеческого, равенства и братства!”³⁷

Воинственные настроения Кабе разделяли некоторые демократические газеты. В брошюре, подготовленной совместно с Дезами, он ссылаясь на мнение “Капитоль”, которая в еще более резких выражениях, чем он, угрожала врагам Франции революционной войной. Союзниками Франции в этой войне, утверждала газета, будут все угнетенные народы Европы. “Франция, – писала “Капитоль”, – это не только великая нация, но и великий принцип; Францию готовы защищать не тридцать три миллиона человек, а сто миллионов. Франция – это все честные люди земли, объединившиеся против лжи; все сторонники свободы, готовые сражаться против угнетения. Франция – это знамя, под которое готовы встать народы; это символ их непреодолимого стремления к социальному и политическому прогрессу”. Указанная газета выражала уверенность в том, что “не только ирландцы, итальянцы, венгры и поляки с надеждой думают о нас – все немцы только и ждут нас, чтобы объявить себя Германией (Germanie) и прогнать мелких деспотов, этого позора их страны”³⁸.

Международный кризис 1840 г. оказался непродолжительным. Тьер, выступая с воинственными заявлениями, на самом деле “блефовал”. Ни он, ни король Луи-Филипп не собирались подвергать себя и страну риску большой европейской войны³⁹. Столкнувшись с проти-

³⁵ Ibid. P. 2-3.

³⁶ Ibid. P. 17.

³⁷ Ibid. P. 19.

³⁸ Cabet E., Dézamy Th. Op. cit. P. 85.

³⁹ Histoire des relations internationales. / Sous la dir. de P. Renouvin. P., 1994. Vol. 2. De 1789 à 1871. P. 431-432.

³² Ibid. P. 16.

³³ Ibid. P. 12.

³⁴ Ibid. P. 7.

действием иностранных держав, они быстро дали отбой. В итоге, Тьер был уволен в отставку. И в октябре 1840 г. новым министром иностранных дел был назначен Франсуа Гизо, который поспешил заверить иностранные державы в миролюбии Франции.

Дипломатическое отступление правительства, назначение Гизо и “смена курса” внешней политики вызвали глубокое разочарование Кабе. Он откликнулся на эти события брошюрой “Эмиграция Гизо в Гент: слава или бесчестие?”⁴⁰ В названии речь шла о весьма спорном поступке этого государственного деятеля, который он совершил во время “ста дней” Наполеона в 1815 г. В отличие от многих демократов и либералов, таких как Бенжамен Констан, оказавших тогда императору поддержку, хотя и условную, Гизо продемонстрировал верность Бурбонам. Вместе с ними он отправился во вторую эмиграцию в бельгийский город Гент. Об этом полузабытом поступке он сам с гордостью упомянул, выступая в палате депутатов в октябре 1840 г. Кабе усмотрел в его словах прямой вызов патриотам, всегда презрительно относившимся к Бурбонам как ставленникам “заграницы”.

Как явствует из брошюры, и тот давний поступок, и новое заявление Гизо представляются Кабе весьма многозначительными. По его мнению, они выражают одну из тенденций политического развития Франции минувших десятилетий. Он и начинает свою брошюру издаелека – с “краткого обзора контрреволюции 1815 г. и даже революции”. При этом по сравнению с ранее опубликованным трудом “Народная история Французской революции” в его суждениях о революционной истории появляются некоторые новые акценты. Это лишний раз свидетельствует о том, насколько серьезно Кабе рассматривал возможность войны в 1840 г. и какое большое влияние политика оказывала на его мировоззрение.

Напомним читателям, что в “Народной истории” Кабе изображал революцию преимущественно как конфликт между общественными классами – аристократией, буржуазией и народом. От социальной ее интерпретации Кабе не отказывается и в полемической брошюре против Гизо. Так, объясняя причины революции, он пишет: “...При старом порядке дворянство и духовенство, иначе говоря, аристократия, были всем; третье сословие, иначе говоря, буржуазия (рантье, адвокаты, врачи, учителя, ученые, писатели, мануфактуристы, негоцианты) и рабочие, были ничем...”⁴¹ Но в целом революция представлена в этой брошюре скорее не как социальное, а как национальное и патриотическое движение, направленное против враждебных происков иностранных держав и их пособников внутри страны.

Дело в том, считает Кабе, что интервенция “реакционных монархий” привела к резкому размежеванию политических сил во Франции. Общество раскололось на истинных патриотов, превыше всего ставивших интересы отечества, его свободу и независимость, и пособников

интервентов, готовых ради своекорыстных интересов пожертвовать его благом. Это обусловило необычайно высокий накал и бескомпромиссность политической борьбы. “...Заграница [l'étranger], – пишет он, – вот с кем народ боролся в лице эмиграции, аристократии, фейянов, жирондистов и золотой середины, готовых пойти на сделку с коалицией”⁴².

Вместе с тем, как подчеркивает Кабе, иностранная интервенция стимулировала проведение важных социальных и политических реформ в духе равенства и братства. “В момент наибольшей опасности, – пишет он, – национальное представительство, состоящее из буржуа, направляет в гущу народа своих комиссаров, взывавших к его чувству самоотверженности, убеждавших, умолявших, заклинавших его встать на защиту отечества. Именно тогда законодатели отдают впечатляющую дань признательности народу, его бескорыстию, храбрости и патриотизму. Именно тогда они обещают предоставить ему права, равенство и даже национальные имущества стоимостью в миллиард франков, чтобы помочь ему выбраться из нищеты. И в ответ народ, откликнувшись на призыв к массовой мобилизации, отдает в распоряжение отечества четырнадцать армий. Они прикрывают ее границы и повсеместно обращают в бегство армии Европы”. Важнейшей предпосылкой этих побед, по мнению Кабе, было непоколебимое единство народа, проникнутого “общим чувством ненависти к коалиции, особенно к эмигрантам, дезертирам и предателям”⁴³.

Почему в 1814 г. коалиция все же победила? Причину этого Кабе усматривает в том, что Наполеон Бонапарт, к тому времени забравший в свои руки огромную власть, изменил духу революции, отказавшись от бескомпромиссной борьбы с внутренними и внешними врагами Франции. “Если бы Бонапарт, – пишет он, – продолжал сокрушать королевские троны, провозглашать республики, защищать и распространять принципы революции; если бы он повсеместно вводил демократию, братство и союз народов, боролся против эмиграции, коалиции и контрреволюции, то ничто не могло бы сравниться с растущим энтузиазмом народа и армии, их самоотверженностью и его собственным могуществом...” Но Наполеон выбрал другой путь. Он, по словам Кабе, “отталкивает республиканцев, возвращает эмигрантов, дворян, священников, аристократов, контрреволюционеров, представителей золотой середины, ренегатов, предателей, словом, всех пособников внешнего врага”. Естественно, это не могло не подорвать энтузиазм народа и боевой дух армии.

В той же мере, в какой император не сумел оправдать надежд французских патриотов, обманул он ожидания и “угнетенных” народов за рубежом. “Этот несчастный Бонапарт, – пишет Кабе, – подменил духом завоевания, эгоизма, гордыни и алчности политику распространения среди наций братства”. Поэтому, продолжает наш автор, “народы, которые должны были бы быть друзьями французской рево-

⁴⁰ Cabet E. L'émigration de M. Guizot à Gand, est-elle gloire ou infamie ? P., 1840.

⁴¹ Ibid. P. 1.

⁴² Ibid. P. 5.

⁴³ Ibid. P. 6.

люции, стали ее врагами". По существу, их пример лишь подтверждает ту истину, что "нет более пылкого чувства, чем любовь к независимости, и нет более законной ненависти, чем ненависть к иностранным захватчикам"⁴⁴.

Крах наполеоновской империи означал вместе с тем и поражение революции, которая погибла, как пишет Кабе, вследствие "бесчисленных ошибок ее вождей, макиавеллизма ее врагов, а также предательства эмигрантов, золотой середины, генералов и в особенности этого ненавистного Талейрана". Заклятые враги – "коалиция, эмиграция и аристократия" – навязали Франции в 1814 г. монархическую реставрацию. Это был сугубо антинародный, антинациональный режим. Стоило только Наполеону в 1815 г. вернуться во Францию, как народ и армия восстали против Бурбонов. Сделали они это "не из-за любви к императору, а из-за ненависти к загранице". В лице Бонапарта, подчеркивает Кабе, патриоты "приветствовали защитника национальной независимости"⁴⁵.

По аналогии с событиями 1815 г. Кабе оценивает и характер Июльской революции. "Когда в июле 1830 г., – пишет он, – народ и армия восстали против Карла X, они лишь выражали свой протест против реставрации, буржуазии, аристократии и эмиграции, против сообщников и друзей заграницы, против коалиции, предательств и несчастий 1815 г., в особенности против договоров, которые и по сей день напоминают нам об этой печальной истории"⁴⁶.

Возвращаясь к Гизо, Кабе усматривает определенную логику в его действиях на протяжении всей его политической карьеры. Отправившись в 1815 г. вслед за Бурбонами в Гент, он, несмотря на свою репутацию либерального политика, наглядно продемонстрировал, по словам Кабе, "преданность эмиграции, реставрации и коалиции в ущерб интересам Франции и революции". А в 1840 г. он вопреки мнению патриотической общественности "принимает требования коалиции", фактически предавая французские интересы на Востоке, за что, как язвительно замечает Кабе, удостоивается "похвалы заграницы"⁴⁷. Кабе бросает в лицо Гизо обвинение в предательстве: "В 1815 г. вы предпочли победе национальной партии иностранное вторжение и интервенцию заграницы [l'invasion étrangère et l'intervention de l'Étranger]... Сегодня победе народной партии вы предпочитаете победу коалиции. Вы поступаете вопреки тому, что всегда хотела Франция!"⁴⁸

Кабе считал, что по вине правящих кругов была упущена благоприятная возможность не только взять реванш за поражение в 1814-1815 гг., но и осуществить решающий прорыв к свободе и демократии. Его мнение разделяли другие демократы. В частности, А.Ледрю-Роллен, выступая в июле 1842 г. перед своими избирателями,

так оценил исход международного кризиса 1840 г.: "При воспоминании о пирамидах⁴⁹, времени славных, но преходящих побед, вся Франция помолодела. Армия вскипела мужеством, моряки лишь ждали приказа, чтобы сжечь английский флот. Но правительство впало в задумчивость, затеяло переговоры, потеряло время... и в результате мы видим Францию, склонившую голову перед заграницей, изгнанную из тесного круга монархов, растерявшую былую славу и влияние!"⁵⁰

И в последующие годы вплоть до революции 1848 г. многие демократы не упускали случая, чтобы заявить о своей солидарности с "угнетенными" народами и ненависти к реакционным монархам. Тот же Ледрю-Роллен, выступая в ноябре 1847 г. на одном из банкетов в поддержку избирательной реформы, напомнил своим слушателям о "поучительном примере" народов, борющихся за свою свободу, в том числе о Польше, Италии и Швейцарии⁵¹. Спустя месяц на другом реформистском банкете он призвал "демократов всех стран... объединиться во имя права". "Демократы всех стран, – заявил он, – соберемся на общий конгресс, поскольку абсолютистские монархи не могут ни о чем договориться сами! Решим за них их проблемы, поскольку они собирались решать за нашей спиной наши! Они вступили в тайный сговор, чтобы разделить или продать нас; расквитаемся с ними за наше рабство!"⁵²

Впрочем, справедливости ради нужно сказать, что далеко не все демократы призывали к революционной войне. Накал политических страстей в 1840 г. заставил взяться за перо В.Консидерана, главу влиятельной "Социетарной школы", последователя Ш.Фурье. Он опубликовал брошюру "Об общей политике и роли Франции в Европе", в которой рекомендовал чисто мирные способы решения "всех политических, торговых, промышленных и пр. вопросов" между государствами в целях установления "всеобщего мира и ассоциации народов". Осуждая призывы к войне, Консидеран утверждал: "Дух господства и завоевания чужд Франции. Франция стремится к свободе, развитию и братству народов; она не желает их угнетения". Вместе с тем он подчеркивал: "Даже те из ее детей, кто встал под военные знамена, считают войну необходимой только потому, что верят, будто Франция должна мечом основать федерацию наций и привести все народы к единству"⁵³.

При этом Консидеран полностью разделял общедемократическое представление об особой освободительной миссии Франции. Он объяснял это уникальными свойствами национального духа французов, "характером их национальности". "Никакой другой народ в мире, – писал он, – не может сравниться с французами в том дружелюбии, космополитизме, политической терпимости, либеральности, которые они

⁴⁴ Ibid. P. 7–8.

⁴⁵ Ibid. P. 8–9.

⁴⁶ Ibid. P. 11.

⁴⁷ Ibid. P. 11, 13.

⁴⁸ Ibid. P. 15.

⁴⁹ Явный намек на египетскую экспедицию Наполеона Бонапарта в 1798–1799 гг.

⁵⁰ Lédru-Rollin A Discours Le Mans, 1848. P. 6.

⁵¹ Ibid. P. 338.

⁵² Ibid. P. 360.

⁵³ Considérant V De la politique générale et du rôle de la France en Europe. P., 1840 P. 72

проявляют к другим народам, в той легкости, с которой они привязываются к ним, в том чувстве справедливости и человечности, которое побуждает их приходить на помощь слабому и угнетенному, словом, любому народу, борющемуся в защиту своих национальных прав и свободы". Эту свойственную французам "живую симпатию к справедливой борьбе других народов" Консидеран определял как "социальное донкихотство". Где, вопрошал он, вы еще найдете на земле правительство, которое, как во Франции, подвергалось бы со стороны своего народа таким нападкам и обвинениям только за то, что не пожелало "проливать его кровь на полях сражений" в войне, ведущейся "не в целях господства и завоевания, но в целях помощи народам, борющимся за свою независимость"? "Истинно национальной политикой Франции", выражающей характер народа, являлась, по убеждению Консидерана, "политика, направленная на обеспечение блага всего человечества"⁵⁴.

Охлаждающе действовала на французских демократов и реакция общественного мнения зарубежных стран на воинственные заявления Тьера. Например, в германских землях в 1840 г. наблюдался небывалый со времени освободительной войны 1813 г. подъем патристических настроений. Немцы, невзирая на различия в политических воззрениях между собой, проявляли готовность дать отпор французским армиям в случае, если они перейдут через Рейн. Раздавались с их стороны и откровенные угрозы. Король Баварии, например, выражал пожелание, чтобы Страсбург снова стал "немецким городом"⁵⁵.

Все это, несомненно, повлияло на настроения Кабе, который даже счел нужным отмежеваться от наиболее воинственных заявлений французских политиков. В частности, он осудил выступления газеты "Насьональ", которая, по его словам, в разгар кризиса "оскорбляла и настраивала против Франции патриотов Германии, Швейцарии и Бельгии"⁵⁶.

Многие общественные деятели Франции, в особенности либерального направления, в этих условиях твердо высказывались в пользу "переоценки ценностей" французской внешней политики. Дискуссию по ее вопросам развернул на своих страницах влиятельный журнал "Ревю де дё монд". Один из его постоянных авторов, Л. де Карне, подводя итоги дипломатическим событиям 1840 г., писал: "Одни увидели в них благоприятную возможность вмешаться в дела Бельгии, Испании, Италии и других стран. Но другие, и таковых было большинство, отнеслись к Восточному кризису как вопросу чисто национальной политики, которая должна быть полностью свободна от революционных страстей и не преследовать цель столкновения с объединенной Европой". Мы все должны понять, продолжал Карне, что "роль Франции в мире отнюдь не сводится к тому, чтобы служить воплощением рево-

люции: четырнадцать столетий ее истории не сводятся к одной-единственной дате, и какой бы страх она не внушала Европе, старый континент не может обойтись без нее, исходя из собственных интересов"⁵⁷.

Тем не менее, патристические заявления Кабе по всей видимости, были замечены и по достоинству оценены демократической общественностью. Во всяком случае, именно в конце 1840 г. он получил предложение принять участие в издании новой демократической газеты "Реформ".

Его настойчиво, "несколько раз" звали войти в совет директоров этого издания. Но он отклонил лестное приглашение. Впоследствии он объяснит свое решение стремлением "сохранить свободу действий". Впрочем, не скроет он и того, что некое влиятельное лицо воспротивилось его вступлению в совет директоров, по словам Кабе, «именно потому, что я коммунист, а также потому, что моя "История революции" ему показалась чрезмерно резкой»⁵⁸.

Об этом эпизоде Кабе еще долго будет вспоминать с сожалением. "Несмотря на то, что я был коммунистом, — писал он в июле 1842 г., — я бы вошел в совет директоров "Реформ", я бы пожертвовал для этого всем личным. Если бы я видел хоть малейшую возможность принести пользу народу, будучи в "Реформ" связующим звеном между реформистами и коммунистами, то я скоро стал бы самым влиятельным членом совета директоров, потому что намного превосходил опытом и энергией господ Лафита, Дюпона из Эры, Араго, Корменена и Ламене, с которыми мне ранее приходилось сотрудничать"⁵⁹.

Впрочем, попытка основать газету "Реформ" закончилась осенью 1840 г. неудачей, причину которой Кабе усматривал в пассивности ее организаторов, а также в разногласиях между Гарнье-Пажесом, осуждавшим "бастилии", и Араго, их поддерживавшим. Эту идею удалось осуществить лишь в 1843 г., когда "Реформ" действительно вышла в свет. Но об отношении Кабе к новой газете мы расскажем чуть ниже.

Острые публицистические выступления Кабе во второй половине 1840 г. привлекли внимание не только демократической общественности, но, как и в случае с Комитетом в поддержку избирательной реформы, властей. 5 ноября министр внутренних дел направил министру юстиции брошюру Кабе "Письма о нынешнем кризисе" для проверки их соответствия закону о печати. Тот переадресовал их генеральному прокурору, который, как выяснилось, уже был в курсе дела. Еще 31 октября префект полиции обратил его внимание на это "крамольное" сочинение. "Внимательно" ознакомившись с ним, генеральный прокурор переслал 11 ноября свое заключение министру юстиции. "Хотя это сочинение, — писал он, — и свидетельствует о дурных намерениях автора, нет оснований подвергать его преследованию". Обосновывая

⁵⁴ Ibid. P. 73–74.

⁵⁵ Histoire des relations internationales... P. 431–432.

⁵⁶ Cabet E. Nouvelle réponse de M. Cabet aux nouvelles attaques de National. P., 1841. P. 16.

⁵⁷ La Revue des deux mondes. 1841. T. XXV. P. 112.

⁵⁸ Cabet E. Toute la vérité au peuple, ou Réfutation d'un pamphlet calomnieux. P., 1842. P. 94.

⁵⁹ Ibid. P. 95.

свое мнение, он продолжал: “Действительно, можно обнаружить в нем несколько высказываний, которые можно было бы представить как апологию деяний, подпадающих под определение преступлений... Однако заключительная часть труда, в которой автор подчеркивает, что насильственные столкновения, мятежи и покушения могут лишь повредить той борьбе, которую он ведет, была бы с успехом использована как средство защиты от обвинений, предъявленных на основании инкриминируемых высказываний”. Генеральный прокурор был вынужден констатировать: “К сожалению, суд не вынес бы по этому делу обвинительного приговора, а оправдательный приговор имел бы гораздо более тяжкие последствия”⁶⁰.

Многое в поведении Кабе после возвращения из ссылки свидетельствует, что его не покидало ощущение нависшей над ним опасности новых судебных преследований. Рассказанный нами выше инцидент доказывает, до какой степени он был прав, проявляя осторожность в своих публичных высказываниях и поступках и призывая к осторожности других.

ПРОТИВ “НАСЬОНАЛЬ”

Еще в “Письмах о нынешнем кризисе” Кабе подверг резкой критике планы правительства построить вокруг Парижа мощные оборонительные сооружения, прозванные в демократической прессе “бастилиями”. В виде отдельной брошюры это письмо появилось в печати в октябре 1840 г. С тех пор многое изменилось. Завершился международный кризис, вызванный противоречиями держав на Востоке. Вместе с ним отпала и угроза внешней войны, которой правительство Тьера мотивировало необходимость строительства оборонительных сооружений. Между тем Гизо, глава нового правительства, не собиравшись отказываться от грандиозных строительных планов своего предшественника. После одобрения палатой депутатов соответствующий законопроект был передан на рассмотрение палатой пэров. Парламентские прения по этому законопроекту сопровождались энергичной кампанией в печати в его поддержку. Причем, особой активностью отличалась номинально оппозиционная властям Июльской монархии газета “Насьональ”.

Ее энергичные выступления в поддержку “бастилий” побудили Кабе вернуться к этому вопросу. Впоследствии он категорически опровергал роль личных мотивов своего решения. Но можно предположить, что он принял его с легким сердцем, ибо “Насьональ” была знаменем той политической группировки, которая причинила ему острую боль, оторгнув, исключив его из своих рядов, как он считал, незаслуженно⁶¹.

В феврале 1841 г. Кабе публикует брошюру «“Насьональ” губит нас слепой поддержкой бастилий»⁶². Проанализировав в ней различные аргументы за и против строительства оборонительного пояса вокруг Парижа, он приходит к выводу о полной несостоятельности этого проекта с военной точки зрения. Тогда почему правительство и поддерживающая его пресса настаивают на его осуществлении, не считаясь с затратами? – задает он вопрос. И находит, как ему кажется, единственно правильный ответ: страх перед народной революцией заставляет аристократию и даже часть буржуазии (правительственной и оппозиционной) ускорить строительство “бастилий” как последнего оплота существующего порядка. Вольно или невольно, считает Кабе, “Насьональ” льет воду на мельницу аристократической реакции. Причем, выдвигая это обвинение против оппозиционной газеты, он отдает себе отчет в том, что провоцирует усиление и без того чрезмерных разногласий в рядах демократической оппозиции. Но он сознательно идет на это, поскольку “бастилии”, по его убеждению, представляют собой еще “большее несчастье”, чем раскол демократов.

Чтобы усилить общественный резонанс от своего критического выступления, Кабе разослал экземпляры этой брошюры в 44 либеральные газеты в провинции. И он добился того, что его конфликт с “Насьональ” привлек внимание демократической общественности. Такие газеты, как “Коммерс” и “Трибюн дю пёпл”, прокомментировали его брошюру в доброжелательном для него духе. Впрочем, “некоторые искренние демократы”, как сообщал Кабе его доверенный человек в провинции, напротив, решили, что он просто “сошел с ума”, и “окончательно потеряли к нему доверие”⁶³. Словом, шуму получилось много. А что же “Насьональ”? В ответ на брошюру Кабе она ограничилась короткой репликой, суть которой сводилась к тому, что “все это мы уже слышали”.

Раздосадованный таким невниманием, Кабе, явно стремясь подхлестнуть общественный интерес к своей персоне, публикует с короткими промежутками времени одну за другой еще несколько брошюр. Они чем дальше, тем больше посвящены уже не столько критике политической позиции “Насьональ”, сколько мелочному разбору взаимных упреков и обвинений, накопившихся за время конфликта, а также истории самого этого конфликта. Вместе взятые, по объему они (две с половиной сотни страниц печатного текста!) составляют существенную часть публицистики Кабе 40-х годов. По содержанию же они представляются настолько незначительными, что исследователи до сих пор просто обходили их молчанием. Во всяком случае, эти брошюры не идут ни в какое сравнение с более поздними полемическими сочинениями Кабе, например, посвященными критике враждебных ему течений в коммунизме (которые мы рассмотрим в следующей главе).

⁶⁰ Les Archives Nationales, BB¹⁸ 1387. Dos. 1054.

⁶¹ История этого конфликта с “Насьональ” подробно описана Кабе в ряде брошюр, в том числе: *Cabet E Procès de M. Cabet contre Le National au sujet des Bastilles*. P., 1841; *Idem Le National traduit devant le tribunal de l'opinion publique*. P., 1841.

⁶² *Cabet E Le National nous perd par son aveuglement sur les basilles*. P., 1841.

⁶³ *Johnson Ch Utopian Communism in France*. P. 77.

Тем не менее, мы не можем оставить без внимания эту часть публицистического наследия Кабе, поскольку именно она проливает свет на характер взаимоотношений, сложившихся у него в начале 40-х годов с вчерашними друзьями из леволиберального крыла республиканской оппозиции. Разобраться в этом важно, поскольку это может объяснить нам, как происходило политическое “самоопределение” Кабе, не мыслившего себя вне “большой политики”, но внезапно из нее грубо вытолкнутого. Небесполезно это и для понимания его идейной эволюции. Как человек, склонный к теоретическим обобщениям, он, и мы уже это знаем, всегда стремился из накопленного опыта извлечь полезные уроки на будущее.

В продолжение полемической брошюры, посвященной критике “Насьональ”, Кабе выпустил новую под трудно переводимым названием – что-то вроде: “Бастилии погубят Париж и Францию”. В ней он попытался ответить на вопрос, почему немало истинных патриотов, которых раньше трудно было заподозрить в симпатиях к аристократической реакции, вдруг вняли доводам Тьера и поддержали его план строительства “бастилий”. Их непоследовательность Кабе отчасти объясняет заблуждениями, сознательно распространяемыми Тьером на свой счет. “Понимая, – пишет Кабе, – что на патриотов он может повлиять, только представ перед ними в облике революционера, Тьер из кожи лезет вон, чтобы заставить их поверить, что он действительно революционер”. И, добавляет Кабе, встречаются же наивные люди, которые ему верят, например, редакторы “Насьональ”⁶⁴.

Но факты – упрямая вещь. На деле Тьер оказывается таким же псевдореволюционером, как его учитель Талейран, который сначала “принес Людовика XVI в жертву республике, потом республику – Бонапарту, герцога Энгиенского и всех Бурбонов – империи, Наполеона – Людовику XVIII, Францию – коалиции, а Карла X – герцогу Орлеанскому”. Недалеко от него ушел и Тьер, продолжает Кабе, высказывая, между прочим, поразительно точное пророчество: “Подобно своему учителю, ученик в один прекрасный момент принесет королевство в жертву империи, а монархию – республике, как он уже однажды всем пожертвовал ради монархии”. Именно на совести Тьера, по словам Кабе, преследования против героев Июльской революции, против республиканцев и демократов. Именно его репутация запятнана кровью жертв Лиона и улицы Транснонен⁶⁵.

К чему стремятся Тьер и другие столпы Июльской монархии – более или менее понятно. Они стремятся, по словам Кабе, к “абсолютной власти”. Как только они построят свои “бастилии”, они тотчас же “запретят свободную печать, объявят государственной монополией типографии, порох, табак и почту; восстановят королевскую гвардию,

лейб-гвардию и швейцарцев⁶⁶, а также наследственное пэрство и феодальную аристократию, вышвырнув вон этих мужланов, получивших дворянство во время империи... и сохранят палаты лишь как удобную машину для введения новых налогов и удобных им законов”⁶⁷.

Труднее понять, на что рассчитывают господа из “Насьональ”. Но и они, по мнению Кабе, поддерживают план строительства “бастилий” не без “задней мысли”. Ему не раз приходилось слышать из их уст следующий довод: “Мы хотим превратить Париж в крепость, чтобы потом беспрепятственно менять конституцию, правительство, а если потребуется, то и выгнать Луи-Филиппа, не опасаясь иностранной интервенции”⁶⁸.

Но все же верхом политического цинизма политиков, группирующихся вокруг “Насьональ”, в том числе Араго, Кабе считает часто повторяемый ими довод в пользу “бастилий” – о допустимости “принести свободу в жертву независимости”. Кабе категорически отвергает этот довод, в особенности же “при нынешних обстоятельствах”. “Ни в коем случае нельзя жертвовать свободой ради независимости, – твердо заявляет он, – и то, и другое следует защищать одновременно, поскольку они неразделимы, поскольку не может быть подлинной независимости без свободы... тогда как великая свободная нация всегда сумеет добиться независимости”⁶⁹.

Описывая впоследствии всю эту историю обмена колкостями с “Насьональ”, Кабе с явным удовольствием отмечал, что его новая брошюра вызвала доброжелательные отклики в демократической печати. “Трибюн дю пёпл” “рекомендовала” ее своим читателям, а журнал “Ревю дю прогресс”, выходивший под редакцией Луи Блана, “одного из наиболее сознательных демократов”, как представил его своим читателям Кабе, захлебываясь от восторга, писал: “От имени большинства радикальной партии, мы должны поблагодарить г-на Кабе за те усердие, мужество и непоколебимую стойкость, которые он проявил... в борьбе против сколь безрассудного, столь же и пагубного проекта”⁷⁰.

“Насьональ” на этот раз долго отмалчивалась, пока, наконец, 10 апреля 1841 г. не разразилась большой статьей против Кабе, который ее целиком воспроизвел в очередной полемической брошюре⁷¹, опубликованной месяц спустя. Ответ “Насьональ” был выдержан в подчеркнуто издевательском тоне. Называя Кабе “честным человеком, не способным сознательно совершать зло”, эта газета вместе тем отмечала, что с тех пор, как прервалась его политическая карьера, “он впал в мрачное расположение духа, стал угрюмым и подозрительным до

⁶⁴ Cabet E. Suite de la brochure “Le National nous perd par son aveuglement sur les bastilles”. L’Embastillement est la ruine de Paris et de la France. P., 1841. P. 56.

⁶⁵ Ibid. P. 56–57.

⁶⁶ Привилегированные воинские формирования, упраздненные революцией в конце XVIII в.

⁶⁷ Ibid. P. 79.

⁶⁸ Ibid. P. 93.

⁶⁹ Ibid. P. 78.

⁷⁰ Cabet E. Procès de M. Cabet contre Le National... P. 5.

⁷¹ Ibid. P. 6–9.

такой степени, когда это уже граничит с манией преследования". Все обвинения и упреки, выдвинутые Кабе против нее, "Насьональ" отвергла как чистый "вымысел" и в свою очередь обвинила его в "легкомыслии". Она даже не стала оспаривать то истолкование событий, которое ранее предложил своим читателям Кабе, ограничившись весьма карикатурным его изложением. Получалось, что будто бы Тьер заключил с королем сделку, предложив понастроить в столице новых "бастилий" в обмен на министерский портфель. Затем он договорился с Пальмерстоном, чтобы тот оскорбил чем-нибудь Францию. Когда же в воздухе запахло войной, Тьер заручился обещанием Араго и "Насьональ", что республиканцы поддержат его план строительства "бастилий". Спасибо Кабе, язвительно замечала газета, что он еще не обвиняет нас в том, что мы "продались" правительству.

Сменив затем тон на более серьезный, "Насьональ" напомнила Кабе, что еще в 1832 г. она и другие демократические газеты, равно как и "большинство патриотов", требовали укрепления столицы на случай возможной агрессии. "Мы не ждали договора 15 июля, — утверждала она, — чтобы заявить о необходимости строительства защитных сооружений вокруг Парижа". И чтобы развеять последние сомнения насчет своих отношений с Тьером, она заявила: "Вряд ли найдется еще газета, которая в такой мере изводила Тьера критикой как мы... Мы первыми осудили его за одобрение договоров 1815 г., за слабость, проявленную в восточных делах, за сомнительное использование секретных фондов" и т.д. В заключение "Насьональ" выражала надежду, что "успокоившись немного", Кабе "сам пожалеет о публикации" своих брошюр.

Прочитав ответ "Насьональ", Кабе был взбешен. "Очевидно, — писал он, — что эта статья преследует цель не дискуссии, не обоснования своей позиции, а единственно *нападки*; причем, *нападкам* подверглись не мои *брошюры*..., а я сам, мой *характер*, моя *карьер*а... статья представляет собой объявление войны, обвинительное заключение"

Он садится за работу, и уже 5 мая 1841 г. из печати выходит толстенная (на 7 печатных листов, 112 страниц) брошюра «"Насьональ" перед судом общественного мнения», в которой тщательным образом разбираются малейшие детали конфликта между ним и этой газетой. Со скрупулезностью дотошного адвоката Кабе опровергает фактами своей биографии, ссылками на газетные статьи, официальными документами, каким-то чудом сохранившимися в его архиве, все порочащие его или просто неточные утверждения "Насьональ". И столь же старательно он разоблачает неблагоприятные факты и неприглядные истории, относящиеся к этой газете. Читать это действительно утомительно.

Одновременно Кабе требует, чтобы "Насьональ" поместила

написанное им опровержение на статью 10 апреля. После некоторых проволочек, 7 мая, письмом за подписью Жюль Бастиды газета сообщает ему, что отказывается публиковать опровержение. Что только и нужно было Кабе! Основываясь на действующем законодательстве (знаменитом законе 7 сентября 1835 г., между прочим, существенно ограничившем свободу печати), он обратился в суд, который 10 июля 1841 г. вынес решение: подвергнуть "Насьональ" штрафу в размере 100 фр. и обязать ее опубликовать опровержение. 13 июля многострадальное письмо Кабе, наконец, появилось в очередном номере "Насьональ".

Судебное решение отнюдь не исчерпало конфликт между Кабе и "Насьональ". Публикацию письма Кабе эта газета сопровождала столь оскорбительными для него комментариями, что вполне можно было предсказать его новый ответный ход. И все это могло продолжаться до бесконечности. В частности, газета писала, что ее нежелание добиваться пересмотра решения суда, которое она все же считала несправедливым, было мотивировано единственным желанием оградить себя от "неиссякаемого потока красноречия оратора, который, по-видимому, до такой степени пользуется покровительством властей, что не стоит и надеяться на честный исход дела". Возмущенный этой фразой Кабе тотчас же известил "Насьональ", что будет добиваться опровержения и на этот "клеветнический" комментарий⁷³.

Однако уже летом 1841 г. стало очевидно, что Кабе потерял интерес к продолжению своего спора с "Насьональ". Основной причиной перемены его настроения явилось возникновение одновременно нескольких коммунистических изданий, в которых он усмотрел крайне нежелательных конкурентов своей газете "Попюлэр", первый номер которой вышел из печати не далее, как в марте. Борьба течений в коммунистическом движении на какое-то время поглотила его внимание.

Вместе с тем, нельзя не признать, что к лету 1841 г. конфликт Кабе с "Насьональ" себя полностью исчерпал. Обе стороны успели не только высказать друг о друге все, что думали, и добавить им было больше нечего. Но спор с "Насьональ" позволил Кабе окончательно определить свое место в яркой палитре политических партий, движений и группировок Франции. И это место к его немалому, надо полагать, изумлению, оказалось не среди его старых друзей республиканцев, на что он еще недавно рассчитывал, даже не рядом с ними, а напротив них. Таким образом, сами они вдруг оказались, с его точки зрения, в опасном соседстве с "аристократической реакцией".

Из конфликта с "Насьональ" Кабе извлек и немалую пропагандистскую пользу. Отмежевываясь от этой газеты, он стал восприниматься общественным мнением не как представитель буржуазии, подобно его старым друзьям, а как защитник народа, посмеявшийся

⁷² Ibid. P. 9–10.

⁷³ Cabet E Nouvelle réponse de M. Cabet aux nouvelles attaques de National. P., 1841. P. 1–2.

публично и наперекор буржуазным партиям назвать вещи своими именами. Этому способствовал широкий общественный резонанс, которого Кабе сумел добиться не в последнюю очередь своими искусными действиями – бесплатной рассылкой брошюр по редакциям газет, саморекламой, судебным иском и пр. Вообще весь этот конфликт сопровождался эффектными сценами, в том числе вызовом Кабе на дуэль, который ему послал один из многочисленных редакторов “Насьональ” (Кабе так и не назвал его имени, равно как не раскрыл имен двух секундантов, вручивших ему картель). Все это ему пригодилось в борьбе за лидерство в коммунистическом движении, в которой он принял самое активное участие.

О том, что время и силы на споры с “Насьональ” были потрачены Кабе недаром, свидетельствуют его полемические брошюры середины 1841 г. В них он сумел концептуализировать, выразить яркой и доходчивой формулой сущность противоречий между собой и этой газетой.

В брошюре «“Насьональ” перед судом общественного мнения» Кабе, выхватив из контекста посвященной ему статьи этой газеты от 10 апреля, на первый взгляд, совершенно невинную фразу (“по слухам, вы являетесь республиканцем и коммунистом”); речь шла о переменчивости его политической карьеры), придал ей иной, более глубокий смысл, который, по всей видимости, анонимный автор в нее не вкладывал. Да, с пафосом подхватил эту фразу Кабе, “я республиканец и КОММУНИСТ”, выделив, по своему обыкновению, наиболее важные в содержательном отношении слова. И хотя в упомянутой статье “Насьональ” его коммунистические убеждения никоим образом прямо не затрагивались, он продолжал: “Вот и вырвалось у вас это слово! С его помощью вы хотите окончательно добить меня, привычно уповая на предубеждения и предрассудки народа, отвергая общность, даже не разобравшись, что она собой представляет, питая к коммунистам больше ненависти, чем на то способны сами власти! Но не обольщайтесь, меня вы не испугаете...”

Итак, вот он, сокровенный смысл противостояния Кабе и “Насьональ”: речь идет не более и не менее, как об “обыкновенном” антикоммунизме редакторов этой газеты, неприятии ими на дух нового учения и в особенности людей, открыто его проповедующих. Правда, самого слова “антикоммунизм” Кабе здесь не употребляет.

Однако в упомянутой брошюре логика этого противостояния прочерчена еще слабо. Кабе с гордостью заявляет: “Да, я коммунист, поскольку общность, по моему мнению, является единственным средством избавиться от эгоизма, алчности, жадности, которые являются антагонизмом, эксплуатации человека человеком, которые являются конечной причиной порчи нравов, всех пороков и преступлений, всех неурядиц и конфликтов, всех восстаний и революций, сотрясающих землю от начала мира...” В этом духе он излагает свой коммунистический “символ веры” почти на двух страницах. Но в заключение этой тирады невпопад утверждает: “Тем не менее, никто

не может превзойти меня в непримиримости к *бастилиям*, которые я ненавижу как палачей свободы...”⁷⁴

Все же идея оказалась Кабе плодотворной, и уже в одной из следующих брошюр он развивает ее с блеском, вполне достойным его пера. Прямо, через голову редакторов “Насьональ”, обращаясь к ее читателям, он дает им понять, что водораздел между демократией и реакцией проходит по линии отношения к коммунизму. А именно – антикоммунисты суть враги демократии и пособники аристократии. И поскольку правда непобедима, их излюбленным приемом в борьбе с коммунизмом является клевета. Жертвой этой клеветы он себя и объявляет. “Неужели, – вопрошает Кабе, – можно допустить, чтобы эта газета поразила кинжалом клеветы честного человека, самоотверженного патриота? И если я себя не чувствую в безопасности, то какой патриот сможет утверждать обратное? ...И разве не мой долг защищаться и защищать в своем лице всех патриотов, которых тиранят журналисты и которые, может быть, не располагают достаточными возможностями для защиты от этой тирании?”

И на все эти вопросы Кабе дает ясный и четкий ответ: “Несомненно, с помощью наветов хотят уничтожить солдата, преданного свободе против бастилий, гражданам против журналистов, человечности против дуэлей, системе общности против никудышной социальной организации. Я должен защищаться от клеветы, чтобы до последнего дыхания бороться против бастилий, сентябрьских законов, монополизации прессы и дуэлей; чтобы, наконец, внести свою лепту в борьбу за народное дело, за демократию, реформу и общность”⁷⁵.

В дальнейшем, когда бы и по какому бы поводу речь ни заходила о его взаимоотношениях с республиканцами из “Насьональ”, он неизменно придерживался этого объяснения причин конфликта и разрыва с ними. Уже в октябре 1841 г. в одной из своих самых известных брошюр “Моя прямая линия”, в некотором роде подводящей итог начального периода его деятельности в качестве коммунистического публициста, Кабе прямо поставил в упрек “газетам старой оппозиции” то, что они “пребрегали социальными вопросами и осуждали коммунизм, совершенно его не зная”. В особенности он выражал недовольство газетой “Насьональ”, которая проявила “слепоту” по вопросу о “бастилиях” и, по его словам, “совершила почти столь же серьезную ошибку, проявив враждебность к коммунистам”⁷⁶.

И даже спустя годы Кабе, вспоминая об этих событиях, повторял по сути то же самое: «За исключением бастилий, самая большая ошибка, которую могла совершить “Насьональ”, заключалась в том, что она начала войну против коммунизма». Правда, и тогда Кабе не смог поставить ей в вину ничего более существенного, чем заявления,

⁷⁴ Cabet E. Le National traduit devant le tribunal de l'opinion publique. P. 102–103.

⁷⁵ Cabet E. Nouvelle réponse de M. Cabet. P. 16.

⁷⁶ Cabet E. Ma ligne droite, ou le vrai chemin de salut pour le peuple. P., 1841. P. 60.

будто бы «“Попюлэр” никто не читал и не выписывал». Тем не менее, он утверждал, что именно нападки “Насьональ” “положили начало преследованиям против коммунистов”⁷⁷.

РАЗРЫВ С “РЕФОРМ”

Об антикоммунизме “Насьональ” Кабе вспомнил в 1845 г. в связи с разногласиями, которые у него возникли с другой демократической газетой – “Реформ”. В свое время он, как мы показали выше, возлагал большие надежды на ее создание. В конце концов она начала издаваться в 1843 г.

Проспект “Реформ”⁷⁸, опубликованный 29 июля, так определял ее цели. Газета должна была стать “центром притяжения и органом сторонников реформ по всей Франции”. Одна должна была обеспечить им “единое руководство” и собрать их всех под “одним знаменем, на котором будет начертано: национальный суверенитет и национальная независимость”. Газета ставила перед собой главным образом политические задачи: заниматься “подготовкой парламентских выборов, назначать кандидатов и обсуждать их достоинства”, участвовать в кампаниях по подаче петиций в палаты, предлагать меры, направленные на “совершенствование организации национальной гвардии, сухопутных и военно-морских сил, народного образования, культуры, юстиции” и проч., обсуждать вопросы “общей политики, действия правительства и администрации” и т.д.

Вместе с тем проспект “Реформ” обещал также “пропагандировать принципы социальной организации Франции в соответствии с велениями и потребностями современной эпохи”. Отдельным пунктом программы значилось обязательство “всеми силами способствовать углубленной дискуссии об истинных и естественных принципах социальной организации и их применении”. Вдобавок к этому говорилось, что новая газета “рассматривает социальные реформы как конечную цель политических реформ”.

Известие о выходе новой демократической газеты Кабе принял с энтузиазмом. “Попюлэр” в очередном номере “с удовольствием” сообщила читателям об этом, подчеркнув, что “Реформ”, не только “исповедует принципы демократии, равенства и народного суверенитета”, но также “отрицательно относится к закону о строительстве бастилий”⁷⁹. Следовательно, она должна была усилить партию противников “бастилий” и, соответственно, ослабить партию их сторонников, которую по-прежнему возглавляла “Насьональ”. Впоследствии Кабе откровенно писал, что с самого начала ему представлялось «очевидным: “Реформ” была создана с единственной целью убить “Насьональ” и объединить против нее всех ее врагов»⁸⁰. Он надеялся, что «новая газета составит

конкуренцию “Насьональ”... честно, открыто и смело выступит против нее, объявит ее своим противником и подвергнет ее критике за то, что она предлагала и поддерживала строительство бастилий»⁸¹.

Разумеется, Кабе приветствовал “Реформ” не только потому, что видел в ней союзника в борьбе с “Насьональ”. С новой демократической газетой он связывал далеко идущие политические планы. Разумеется, он уже не стремился войти в состав ее редакции, как в 1840 г. Изменились обстоятельства, изменился и сам Кабе. Возглавляя движение икарийских коммунистов и газету “Попюлэр”, он теперь являлся самостоятельной фигурой на арене политической борьбы. “Реформ” его интересовала отныне как партнер и участник широкой коалиции демократических сил, за создание которой он ратовал все минувшие годы.

В необходимости такой коалиции Кабе по-прежнему был глубоко убежден. Он и в середине 40-х годов повторял в своих сочинениях, что в 1789 и 1830 гг. революции совершались только потому, что “все течения оппозиции тогда объединились в одну большую революционную партию”, которой не могла противостоять реакция. После осечки с республиканцами из “Насьональ” в 1840 г., самыми подходящими кандидатами на роль политических союзников ему представлялись политики, группировавшиеся вокруг “Реформ”.

Вот как Кабе представлял себе расстановку политических сил Франции в середине 40-х годов, выделяя при этом разные уровни политической жизни, соответствовавшие делению граждан на разные цензовые и социальные категории. “В стране, – считал Кабе, – насчитываются следующие партии: абсолютисты (сторонники монархии старого порядка. – *А.Р.*) и конституционалисты, филипписты (орлеанисты, по имени Луи-Филиппа. – *А.Р.*), карлисты (легитимисты, по имени короля Карла X. – *А.Р.*), а также демократы и республиканцы”. Столь же широк был и политический спектр законодательных палат, в которых кроме различных течений орлеанистов, занимавших господствующее положение, были представлены правая и левая оппозиции. “В палатах, – продолжал Кабе, – мы видим центр, левый центр и правый центр, а также левых, правых и крайне левых депутатов”.

Расколотым в политическом отношении, по мнению Кабе, была и буржуазия, которая, по его мнению, “подразделялась на множество противоборствующих группировок – партию газет “Деба”, “Пресс”, “Глоб”; партию “Конститусьоннель”, “Курье франсэ”, “Сьекль”, “Коммерс” и пр.; партию “Насьональ”, партию “Реформ”, партию “Демокраси пасифик”. Причем, значительную часть буржуазии Кабе бесспорно относил к демократическим слоям общества. “Демократические партии, – отмечал он, – разделяются на политических демократов, или реформистов, и социалистических демократов”. К первым, политическим демократам, он относил партии “Насьональ” и “Реформ”. Ко вторым, социалистическим демократам, – сенсимонистов,

⁷⁷ *Cabet E. Le salut est dans l'union. P. 15.*

⁷⁸ *Les Archives Nationales. BB¹⁸ 1387. Dos. 1054.*

⁷⁹ *Le Populaire. 1843. N 4; 1843. 19 août.*

⁸⁰ *Cabet E. Le salut est dans l'union. P. 19.*

⁸¹ *Ibid. P. 15.*

фурьеристов, социэтариев и коммунистов. При этом, добавлял он, «каждая из этих партий в свою очередь распадается на более мелкие образования и секты»⁸².

От «Реформ» Кабе надеялся получить то, чего ему не удалось добиться от «Насьональ». Он рассчитывал, что эта газета проявит «терпимость и доброжелательность» по отношению как к коммунизму вообще, так и к «Попюлэр» и лично к нему в особенности. Кабе не требовал, чтобы она публично признавалась в своих симпатиях к коммунизму. Он не возражал бы даже против того, чтобы «Реформ» «обсуждала и дружески критиковала» коммунизм. Но при условии, конечно, что между обеими газетами, «Реформ» и «Попюлэр», установилось бы «взаимопонимание» наподобие того, какое существовало между буржуазной «Насьональ» и газетой рабочих «Ателье». Это позволило бы реформистам и коммунистам совместно выдвинуть «официальный и развернутый план создания широкой демократической организации»⁸³.

Расчеты Кабе строились не на пустом месте. Надежду на возможность взаимопонимания с ними должны были внушать ему заявления демократов, объединившихся вокруг газеты «Реформ». Как и коммунисты, они в самых красноречивых выражениях объяснялись в любви к народу и клялись защищать его законные права и интересы. Выступая главным образом за политические реформы, прежде всего за введение всеобщего избирательного права, они не забывали упомянуть и о социальных реформах, направленных на улучшение благосостояния народных низов. В газете «Реформ» сотрудничал видный социалист, автор широко известного проекта «организации труда», направленного на устранение нищеты, Луи Блан, которого Кабе весьма ценил и которому отводил в своих планах значительное место. Идеи, весьма близкие взглядам этого социалиста, публично высказывали и другие авторы и руководители газеты.

В частности, весьма обнадеживающе, с точки зрения Кабе, звучали речи депутата Ледрю-Роллена, также принадлежавшего к «партии» газеты «Реформ». В «Исповедании веры», с которым он выступил перед своими избирателями в июле 1842 г., Ледрю-Роллен так определял задачи «демократической партии»: «Постоянно напоминать с трибуны палаты депутатов о бедствиях народа, о правах обездоленных классов, добиваться их участия в управлении государством посредством распространения избирательного права на всех граждан». Он утверждал, что демократы в отличие от других партий (очевидно, имелись в виду только парламентские партии) понимают важность как политических, так и социальных реформ и стремятся обеспечить «легальными и мирными средствами решение великих социальных проблем» современности. Первым шагом на этом пути, по мнению Ледрю-Роллена, должна была стать «радикальная избирательная

реформа». Без нее, считал он, «невозможен никакой мирный прогресс». Но, подчеркивал он, избирательная реформа была бы «пустым звуком», если бы за ней не последовали социальные реформы. «Политическое обновление, – утверждал Ледрю-Роллен, – не может быть не чем иным, кроме как предпосылкой и средством справедливых социальных преобразований»⁸⁴.

И в дальнейшем Ледрю-Роллен не упускал случая напомнить о внимании реформистов к социальным проблемам. 2 ноября 1844 г. газета «Реформ» опубликовала подготовленный им «Манифест к трудящимся», обличавший всевластие «частного капитала». Как указывалось в этом документе, частный капитал «владеет всем». Он «захватил производство, заменив мелкие предприятия крупными; торговлю, заменив мелких розничных торговцев гигантскими магазинами; скоро он захватит и крупнейшие транспортные пути, установив над ними контроль железнодорожных компаний». Еще немного и, предостерегал Ледрю-Роллен, «частный капитал станет хозяином политических учреждений и правительства нашей страны»⁸⁵.

Предлагавшиеся Ледрю-Ролленом реформы не шли дальше пересмотра налогов, демократизации системы набора солдат в армию, позволявшей богатым уклоняться от воинской службы, и повышения заработной платы рабочим⁸⁶. Но общий пафос заявлений этого депутата вполне соответствовал умонастроениям Кабе. Ледрю-Роллен считал государство «естественным защитником трудящихся» и призывал противопоставить могуществу капитала «законную и суверенную волю публичной власти и трудящегося большинства народа»⁸⁷.

Неспроста Кабе поверил слухам о том, что некоторые из редакторов и сотрудников «Реформ» «тайно называли себя коммунистами или принимали у себя коммунистов, выражая им свои симпатии». Кроме того, по его сведениям, «многие коммунисты подписались на новую газету или активно работали, чтобы найти для нее акционеров и подписчиков, поскольку надеялись, что она решительно выступит против «Насьональ» и бастилий и со временем выскажется в поддержку социализма и коммунизма»⁸⁸.

Однако уже первые шаги новой газеты разочаровали Кабе. Вместо того, что подвергнуть «Насьональ» бескомпромиссной критике за ее позицию по вопросу о «бастилиях», объявить ей настоящую «войну», которая бы имела большое политическое значение, «Реформ» ограничилась методами конкурентной борьбы. Она перехватила у своей соперницы часть подписчиков и клиентов в лице провинциальных газет, а также переманила к себе Араго и Ледрю-Роллена, которые из «Насьональ» перешли в редакцию «Реформ». В результате оказалось,

⁸⁴ *Ledru-Rollen A* Op. cit. P. 3.

⁸⁵ *Ibid.* P. 119–120.

⁸⁶ *Ibid.* P. 5.

⁸⁷ *Ibid.* P. 120.

⁸⁸ *Cabet E* Le salut est dans l'union... P. 20.

⁸² *Ibid.* P. 5–6.

⁸³ *Ibid.* P. 16.

что большинство руководителей “Реформ” в прошлом тесно сотрудничали с “Насьональ”, причем именно в период активной поддержки ею закона о “бастилиях”. Поэтому когда “Реформ” все-таки решилась объявить “войну” своей сопернице, когда она отважилась обвинить “Насьональ” в поддержке “бастилий”, было уже поздно. Никто серьезно к этому обвинению не отнесся, поскольку газета не сумела придать ему “характер решительного выступления в защиту демократии”⁸⁹

Постепенно у Кабе накопились и другие претензии к “Реформ”. Он обратил внимание, что эта газета занимается “гораздо больше политикой, чем социализмом” и что в особенности она одержима “революционным духом”. Во всяком случае, писал Кабе, она «больше озабочена борьбой, чем [социальной] организацией, и поэтому она отталкивает от себя икарийских коммунистов и “Попюлер” и, наоборот, привлекает к себе ультракоммунистов⁹⁰, которые являются не организаторами, а революционерами». Но даже в политике “Реформ”, по мнению Кабе, нарушает принципы демократии. Он упрекает ее в том, что, выступив в сентябре 1843 г. с инициативой сбора подписей под петицией против “бастилий”, она не пожелала привлечь к этой кампании “Попюлер” и другие демократические газеты. Игнорировала она “Попюлер” и в других аналогичных случаях.

Но главное обвинение, которое предъявил ей Кабе, заключалось в том, что “Реформ” вслед за “Насьональ” также впала в антикоммунизм. В том, что это произошло, он не видит ничего неожиданного или удивительного. «“Реформ” никогда, — пишет он, — не проявляла благосклонности к коммунизму и никогда им не занималась; наоборот, она зачастую бездумно повторяла за другими нападки, измышления и оскорбления против коммунистов, молчаливо их одобряя». И можно ли этому удивляться после вступления в “Реформ” Араго и Ледрю-Роллена, «объявивших войну коммунизму еще тогда... когда они поддерживали “Насьональ”»⁹¹.

Впрочем, Кабе считает, что враждебность “Реформ” к коммунизму объясняется в конечном счете социальными причинами — интересами тех “невежественных и эгоистичных буржуа, которые мечтают о революции для себя, а не для народа”. Посмотрите, обращался он к своим читателям, кто заседает в редакционном совете. Все четырнадцать его членов представляют собой “антикоммунистическую буржуазию или ее верхушку”. Депутаты Араго, Жоли и Ледрю-Роллен, по его мнению, являются “буржуа, прошедшими в палату при поддержке буржуазии”. Гинар, Лемасон, Шельшер и Ледрю-Роллен к тому же относятся к “богатым и очень богатым буржуа, имеющим, по

слухам, от 20 до 40 тыс. фр. ренты; именно эти господа и являются самыми известными антикоммунистами”⁹².

В чем же проявляется антикоммунизм “Реформ”? Несколько страниц брошюры Кабе “Спасение в единстве, гибель в соперничестве” посвящены детальному разбору того, в чем провинилась перед коммунистами эта газета. Но длинный перечень ее прегрешений оставляет двойственное впечатление. Несомненно, каждый из инкриминируемых “Реформ” проступков мог серьезно испортить настроение Кабе. Однако злой умысел в действиях этой газеты все же, на наш взгляд, прослеживается с трудом. Кабе сознательно сгущает краски, когда усматривает в них некий коварный замысел.

Прежде всего, Кабе обвиняет “Реформ” во враждебных действиях по отношению к газете “Попюлер”. В частности, он расценивает как «стремление убить “Попюлер”» намерение “Реформ” издавать специальный выпуск газеты для рабочих. Его возмущает, что “Реформ” «никогда не цитирует “Попюлер”». Более того, за неимением прямых улик он обвиняет “Реформ” в том, что она «зачастую косвенно нападает на “Попюлер” и мирный коммунизм в целом». В доказательство он ссылается на то, что “Реформ” «не упускает ни малейшей возможности, чтобы похвалить конкурентов, противников и врагов “Попюлер”»⁹³, и что она «привечает всех врагов “Попюлер”, в частности ультракоммунистов». В вину “Реформ” Кабе ставит и то, что она “устраивает в каждом квартале Парижа многочисленные собрания рабочих, на которые приходят ее самые влиятельные руководители... чтобы обеспечить поддержку своей газете за счет других”. А масштабную акцию, связанную с рассылкой во все 40 тыс. коммун Франции циркуляра, содержащего просьбу к гражданам оказать газете материальную поддержку, Кабе расценил как «еще более серьезную угрозу самому существованию “Попюлер”»⁹⁴.

Затем Кабе приводит сведения, свидетельствующие, по его мнению, о враждебном отношении реформистской газеты к его сочинениям и к нему лично. Но и здесь речь скорее идет о допущениях и предположениях, чем о конкретных фактах. Так, он обвиняет “Реформ” в “заговоре молчания” против его сочинений. «Мы, — пишет Кабе, — всегда посылали в “Реформ” два экземпляра каждого из наших сочинений сразу после выхода их из печати, но никогда она о них не писала», хотя и посвящала “длинные статьи произведениям других писателей”⁹⁵. Аналогичным образом она замалчивала и имя автора этих сочинений. «Хоть раз упоминала “Реформ” мое имя? — вопрошает Кабе. — И разве ее выразительное умолчание о нашей “Попюлер”, наших сочинениях, о нас самих не является реальным и очевидным выражением враждебности?»⁹⁶ В подтверждение своего предположения

⁸⁹ Ibid P 19

⁹⁰ Об ультракоммунистах см след главу нашей книги.

⁹¹ Ibid P 20–21

⁹² Ibid. P 22

⁹³ Ibid. P. 25–26.

⁹⁴ Ibid P 30

⁹⁵ Ibid P 31.

⁹⁶ Ibid. P. 32.

Кабе ссылается на высказывание «одного из руководителей “Реформ”» (он не называет его имени), к которому обратились с просьбой выразить свое отношение к икарийским коммунистам. “Мы отнюдь не отлучаем коммунистов от демократии, — заявил он. — Но мы сожалеем, что мирные коммунисты, будучи храбрыми и достойными гражданами, остаются в стороне от политического движения, хотя их вклад был бы полезен... Что касается Кабе, то я считаю его безусловно честным человеком, с твердыми убеждениями, смелым и искренним. Но его убеждениям не хватает широты, он чрезмерно недоверчив и слепо верит в свою правоту. Если же коммунисты подвергнутся преследованиям, мы будем защищать их, а в их лице — мысль, прогресс и право свободно выражать наше мнение”⁹⁷.

Думается, именно замечание анонимного руководителя “Реформ” об узости убеждений Кабе, его подозрительности и слепой вере переполнило чашу терпения нашего героя. Годами копившееся раздражение против этой газеты, не оправдавшей его надежд, вырвалось наружу. Кабе объявляет ей “войну” и публикует в ноябре 1845 г. упомянутую выше брошюру, в которой откровенно высказывает все, что о ней думает. Он делает это в убеждении, что “скрытая война”, которую “Реформ” вела длительное время против “Попюлэр”, “опаснее, чем война открытая”. Разумеется, в первую очередь, Кабе старается опровергнуть высказывания, бросающие тень на его репутацию.

Объяснившись с “Реформ” начистоту, Кабе выражает готовность восстановить с ней мир, который, по его словам, “продиктован задачей нашего общего спасения”. Но мир не любой ценой, а на четко оговоренных условиях. «Мы не требуем, — пишет Кабе, — чтобы “Реформ” объявила себя коммунистической газетой, хотя мы этого и желали бы. Но мы требуем, чтобы по отношению к нам она была справедливой и беспристрастной, терпимой и доброжелательной; чтобы в стремлении убедить друг друга мы могли с ней обсуждать коммунизм и другие социальные вопросы. Мы требуем, чтобы она не отделялась несколькими туманными и растяжимыми принципами в своем манифесте, но изложила свою программу, или план, организации труда, а также социальной и политической организации. В особенности же мы требуем сообщить, как она поведет себя по отношению к коммунизму и коммунистам в случае, если в один прекрасный момент власть окажется в ее руках»⁹⁸.

Впрочем, Кабе не скрывал своего опасения, что “Реформ” не примет его мирного предложения. Ему горько было сознавать, что такой поворот событий означал бы окончательный крах его общей политической стратегии, основанной на идее единства буржуазии и народа, всех демократов. Но внутренне он уже был готов смириться с неизбежным. Сначала разрыв с “Насьональ”, теперь вот конфликт с “Реформ” вплотную подвел его к мысли о том, что на идее единства буржуазии и народа пора поставить крест. Отныне и впредь в борьбе за

свое счастье и счастье всего человечества народ, т.е. рабочие, трудящиеся, все, кто живет трудом своих рук или умов, должны полагаться только на свои силы.

“Мы всегда заявляли, — пишет он в заключение упомянутой брошюры, — что народ ни на что не способен без буржуазии, подобно тому, как буржуазия ни на что не способна без народа; и мы всегда предлагали буржуазии братский союз”⁹⁹. Эта политика принесла определенные плоды: “Некоторая часть буржуазии побраталась с народом и коммунистами”. Однако значительно большая часть буржуазии, по признанию Кабе, по-прежнему “отталкивает коммунистов”. Он считает такое поведение “безумием, поскольку коммунисты — это сам народ”, и выражает надежду на то, что буржуазия одумается, преодолет свои “предрассудки и предубеждения” и станет “нашим союзником и другом”.

“Но если буржуазия будет по-прежнему нас отталкивать, — заявляет Кабе, — то мы должны будем с этим смириться. И тогда мы еще теснее сплотим наши ряды и пойдем отдельно своей дорогой. Но вместо того, чтобы быть авангардом [революционной армии] и погибать или подвергаться увечьям ради буржуазии, станем ее арьергардом и резервной армией. Предоставим буржуазии возможность ввязаться в сражение, но сами вступим в него лишь для того, чтобы обеспечить победу для нашей и ее пользы”¹⁰⁰.

Следовательно, конфликт Кабе с республиканцами и демократами старой закалки, отказавшимися принять его идеи общности, в течение первой половины 40-х годов непрерывно углублялся. Как нам представляется, в своем развитии он прошел несколько ступеней, связанных во многом с различной интерпретацией его содержания и значения самим Кабе. На первых порах, в 1840 и первой половине 1841 г., Кабе прилагал усилия для установления тесных партнерских отношений с республиканцами и демократами. Он готов был идти с ними на компромиссы (о чем говорят хотя бы приостановка публикации “Путешествия в Икарию”, а затем ее анонимный выход в свет). В это время разногласия затрагивали главным образом вопросы текущей политики, наиболее острым из которых был вопрос о строительстве “бастилий”.

Когда Кабе стал издавать газету “Попюлэр”, а затем и возглавил движение икарийских коммунистов, он придал своему противостоянию с республиканцами и демократами идеологический характер. Он обвинил их в сознательном и целенаправленном антикоммунизме. Вопрос даже не в том, имелись ли у него убедительные основания для этого. Хотя, по нашему мнению, он таковых не представил. Сделать это его заставила логика политической борьбы. Если оппоненты, расположения которых он добивался, отказались увидеть в коммунизме хоть что-нибудь, заслуживающее внимание, Кабе не оставалось ничего другого,

⁹⁷ Ibid. P. 34.

⁹⁸ Ibid. P. 48.

⁹⁹ Подробнее о взглядах Кабе по этому вопросу — в следующей главе.

¹⁰⁰ Ibid. P. 49.

кроме как либо признать, что он не прав, либо обвинить своих оппонентов в злом умысле. Так он и сделал.

На следующем этапе он объяснил свой конфликт с республиканцами и демократами в дополнение к уже объявленным еще и социальными причинами. Ничего оригинального в такой постановке вопроса не было. Ниже мы увидим, что революционные коммунисты уже давно говорили о противоположности буржуазии и народа, буржуазии и рабочих. Учитывая резкие имущественные и прочие социальные различия, существовавшие в обществе середины XIX в., этот вывод как бы напрашивался сам собой. Удивительно скорее то, что коммунист и "народник" Кабе так долго отказывался его принять. Но и он не выдержал. Для него это было горьким признанием: Кабе был убежден, что без политического опыта, знаний, культуры буржуазии народ никогда не сможет улучшить свое положение.

Драма Кабе заключалась в том, что, придав своему конфликту с республиканцами и демократами, который начинался, напомним об этом еще раз, как сугубо тактический, идеологическое и "классовое" измерение, он фактически отказывался от какого-либо соглашения с ними в будущем. Кабе, разработавший некогда стратегию единства всех демократических сил, тем самым обрекал движение икарийских коммунистов на одиночество.

Глава 4

ОБЩНОСТЬ И НАСИЛИЕ

Не придя к согласию с прежними друзьями и единомышленниками, отказавшимися привлечь его к кампании в поддержку избирательной реформы, Кабе осенью 1840 г. меняет тактику. До сих пор он намеревался играть роль "связующего звена" между демократами и коммунистами, оставаясь в рядах республиканской партии. Теперь же он объявляет себя коммунистом, и уже в новом качестве ратует за единство с демократами. Эта перемена в тактике Кабе ознаменовалась выходом в свет в октябре 1840 г. брошюр "Какой я коммунист"¹ и "Мое коммунистическое кредо"².

Что побудило Кабе осенью 1840 г. круто изменить политическую тактику? Сам он неоднократно в своей публицистике пытался объяснить мотивы этого решения, приводя все новые и новые доводы в его пользу. В частности, мотивировал он это решение тем, что республиканцы не оправдали его надежд. Его разочаровали их междоусобные распри, пассивность вождей, отсутствие у них боевого духа и программы, способной увлечь общественное мнение. Вот как он отзывался о газете "Реформ", в создании которой собирался было принять участие в конце 1840 г.: это "был прекрасный и удачный замысел, и он мог бы дать чудесные результаты, но по вине руководителей гора родила мышь". Объяснял Кабе свой поступок и совсем уж странной причиной – преимуществами коммунизма, — как будто они не открылись ему раньше, еще во время лондонской ссылки. «Убедившись в том, — писал он, — что коммунизм представляет собой гораздо более разумное, истинное, совершенное и полезное народу учение... я объявил себя коммунистом, опубликовав брошюру "Какой я коммунист" и известив об издании "Попюлэр"»³.

Очевидно, в той или иной мере сыграли свою роль все эти мотивы. Вместе с тем, имела и еще одна веская причина, побудившая Кабе осенью 1840 г., не мешкая, объявить себя коммунистом. Эта причина была настолько важна, что, на наш взгляд, скорее именно она побудила Кабе изменить свою политическую окраску, чем все постигшие его неудачи в попытках наладить отношения со старыми политическими друзьями, демократами и республиканцами. Что это была за причина?

¹ *Cabet E* Comment je suis communiste. P., 1840 (Цит. по 3-му изд. P., 1845).

² *Cabet E* Mon crédo communiste P., 1840. (Цит. по 4-му изд. P., s a)

³ *Cabet E* Toute la vérité au peuple, ou Réfutation d'un pamphlet calommateur P., 1842. P. 95.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Согласно данным исследований, именно в 1840 году обнаружилась серьезная перемена в положении коммунизма во Франции. До этого, продолжая традицию ренессансной и просветительской мысли, он являлся преимущественно литературно-философским течением. И “Путешествие в Икарию”, которому автор придал форму утопического романа, фактически следовало этой традиции. Но уже во второй половине 30-х годов идеи общности распространились среди членов тайных республиканских обществ, ставивших целью низвержение Июльской монархии. Именно в рядах республиканского движения происходит “политизация” французского коммунизма, усвоение им известных и доступных в ту пору форм и методов политической борьбы. А на рубеже 30-х и 40-х годов XIX в. коммунизм быстро, отчасти даже неожиданно для современников, отделяется от республиканского движения и превращается в самостоятельную политическую силу.

Очевидцем этой перемены был сам Кабе, который и рассказал о ней в своих публицистических сочинениях, в том числе в брошюре под названием “Моя правильная линия”. Как нам представляется, в ней он дал наиболее достоверное объяснение причин внезапной перемены им своей политической тактики осенью 1840 г. Ему мы сейчас и предоставим слово⁴.

По свидетельству Кабе, во Франции впервые заговорили о коммунизме еще в начале 30-х годов, после того как Буонарроти, возвратившись на родину из эмиграции в Бельгии, привез свою “Историю заговора равных”⁵. Однако первоначально это учение получило распространение лишь среди участников апрельского восстания 1834 г. в Париже, оказавшихся в тюрьмах. Оно было известно под названием бабуизма и, как пишет Кабе, “отождествлялось с идеей заговора, революции, немедленного и насильственного осуществления общности”. В течение пяти лет ссылки Кабе был оторван от родины. Но когда в апреле 1839 г. он вернулся во Францию, то, по его словам, «застал там все тех же бабуистов и все ту же “Историю заговора Бабефа”».

Через месяц после возвращения Кабе, 12 мая 1839 г. в Париже вспыхнуло восстание, подготовленное тайным “Обществом времен года”. Среди его участников было много бабуистов. Однако представ перед судом после подавления восстания, обвиняемые отрицали свою причастность к этому учению. Тем не менее генеральный прокурор сделал все, чтобы опорочить коммунизм, не позволив никому сказать хотя бы слово в его защиту. Именно тогда, считает Кабе, широкая общественность впервые услышала о бабуизме. До этого лишь газета “Энтеллижанс”, издаваемая Лапонере, Лаотьером и Шороном, изредка упоминала об идеях общности, хотя и непонятно было, одобряет она их

или осуждает. Кроме того, Лаотьер и Шорон опубликовали маленький катехизис, в котором попытались изложить некоторые принципы общности. Они же подготовили проспект ежемесячного демократического журнала “Эгалите”, в котором объявляли Бабефа и Буонарроти своими учителями. Выход в свет этого журнала был намечен на конец 1839 г., но он так и не родился. Тогда же после размолвки Лапонере и Лаотьера прекратила существование газета “Энтеллижанс”.

Между тем, свидетельствует Кабе, именно после неудачного восстания 12 мая об общности заговорили как среди демократов, так и в особенности в народе. Из Бельгии было доставлено большое количество экземпляров “Истории заговора Бабефа”. Некоторые из наиболее пылких коммунистов объединились в тайные общества. В начале 1840 г. Пийо, Дезами и еще несколько человек решили издавать газету, точнее – четыре разные газеты, которые выходили бы по очереди каждую неделю и в действительности представляли бы собой единое целое. Но им не удалось преодолеть разногласий о составе редакции. Тогда Дезами самостоятельно взялся за издание газеты “Эгалитэр”. Первый ее номер вышел в мае, второй – в июне, но на этом издание прекратилось. А Пийо, который, между прочим, шесть месяцев просидел в тюрьме как участник восстания 12 мая, опубликовал сочинение “Ни дворцов, ни хижин, или Положение социального вопроса в 1840 г.”⁶, а спустя короткое время – первую часть “Истории равных”⁷.

Сочинение Пийо “Ни дворцов, ни хижин” произвело на Кабе удручающее впечатление. Оно, по его словам, было проникнуто “такими горечью и ненавистью”, которые, может быть, и естественны для человека, подвергнутого жестоким преследованиям, но “чрезвычайно опасны у писателя, пытающегося вести за собой народ”. Автор заканчивал его, по выражению Кабе, “немыслимыми словами”: “Но, скажут нам, а если человечество не захочет принять вашу систему?... – Но, отвечу я, как будто у пациентов Бисетр⁸ спрашивают, хотят ли они принять душ...”⁹.

Тем временем нарастала волна публичных банкетов в поддержку избирательной реформы. Как свидетельствует Кабе, коммунисты хотели принять в них участие, но требовали, чтобы реформисты предоставили им возможность свободно излагать свои взгляды. На банкете близ заставы Мон-Парнас, на котором председательствовали управляющие газетами “Насьональ” Тома и “Журналь дю пёплъ”

⁶ Pillot J.-J. Ni châteaux ni chaumières, ou Etat de la question sociale en 1840. P., 1840. См. русс. пер.: Пийо Ж.-Ж. Ни дворцов, ни хижин, или Положение социального вопроса в 1840 году // Пийо Ж.-Ж. Избр. соч. М., 1961. С. 43–89.

⁷ Pillot J.-J. Histoire des égaux, ou Moyen d'établir l'égalité absolue parmi les hommes. P., 1840. См. русс. пер.: Пийо Ж.-Ж. История равных, или Средства установить безусловное равенство среди людей // Пийо Ж.-Ж. Указ. соч. С. 91–133.

⁸ Известная психиатрическая лечебница близ Парижа.

⁹ Cabet E. Ma ligne droite... P. 43. См. также: Пийо Ж.-Ж. Ни дворцов, ни хижин... С. 89.

⁴ Cabet E. Ma ligne droite, ou le Vrai chemin du salut pour le peuple. P., 1841. P. 41–46.
⁵ Buonarroti Ph. Conspiracy pour l'égalité, dite de Babeuf, suivie du procès auquel elle donne lieu, et des pièces justificatives. Bruxelles, 1828 T. 1–2. См. русский пер.: Буонарроти Ф. Заговор во имя равенства. М., 1963 Т. 1–2.

Дюпоти, коммунистам удалось взять слово и сорвать аплодисменты. Но на банкете близ заставы Мэн, которым руководили Лафит, Араго и другие реформисты, выступления коммунистов бесцеремонно пресекались.

И тогда 1 июля коммунисты сами организовали банкет в Бельвиле, на котором председательствовал Пийо. В нем участвовало 1200 граждан, и все выступавшие выражали точку зрения коммунистов. Кабе иронически отзывается о стремлении организаторов бельвийского банкета, в том числе Пийо и Дезами, представить его как событие большой важности. Но в результате этого банкета «разногласия и вражда между “Насьональ” и реформистами, с одной стороны, и коммунистами, с другой, еще больше усилилась». Затем, по его словам, произошел “инцидент” во время траурной церемонии похорон Карреля на кладбище Сен-Манде, когда несколько коммунистов выступили с речами, враждебными по отношению к редакторам “Насьональ”. И война между реформистами и коммунистами, пишет Кабе, “приняла еще более ожесточенный характер”. Банкет в Шатийоне, на который собралось около 6 тыс. демократов, уже не мог восстановить единства. Вскоре после этого волна рабочих забастовок, прозванных “коалициями”, дала правительству повод обвинить коммунистов в подстрекательстве. Преследования усилились после покушения Дармеса на жизнь Луи-Филиппа. “Вся печать, — пишет Кабе, — набросилась на коммунистов: это была настоящая травля”.

Рассказывая о своей роли в этих событиях, Кабе пишет, что с момента возвращения из ссылки он неизменно прилагал усилия к восстановлению единства между буржуазией и народом, демократами и коммунистами. Он предпочитал держаться в тени, заявляя, что “если нужно, он готов завязывать шнурки на туфлях того, кто добьется сплочения демократов”. Но столкнувшись с безразличием “самых влиятельных лиц” и поняв, что его “усилия напрасны”, Кабе занялся публикацией своих сочинений. Он доработал и издал сначала “Народную историю Французской революции”, которая “вызвала резкие протесты авторов длинного письма, направленного к нему от имени бабувистов”. Лишь в январе 1840 г. он опубликовал “Путешествие в Икарию”, а в мае стал распространять его среди коммунистов. Но он “категорически отказывался принимать участие не только в каких-либо обществах или собраниях, но и в коммунистических или реформистских банкетах, куда его несколько раз официально приглашали”.

Летом 1840 г. Кабе, по собственному признанию, “всецело отдался политической борьбе”, которая разгорелась в связи с англо-французским договором, Восточным кризисом и развернувшимся строительством оборонительных крепостей вокруг Парижа, прозванных в демократических кругах “бастилиями” из-за опасения, что правительство сможет использовать их против оппозиции. Исходя из того, что по причине угрозы войны, усилившейся в связи с Восточным кризисом, “встали более неотложные и важные задачи, чем коммунизм”, Кабе написал и опубликовал серию брошюр на злобу дня, в том числе и

против главного издания демократов газеты “Насьональ”, защищавшей “бастилии”. Ему казалось тогда, что «нанести поражение “бастилиям” и “Насьональ” было более срочной и насущной задачей, чем поддержать коммунизм».

Тем временем тираж романа “Путешествие в Икарию” разошелся и, как замечает Кабе, снискал автору симпатии большого числа читателей. Они и предложили ему основать “газету, чтобы возглавить коммунистов и восстановить среди них единство”. Они, как пишет Кабе, мотивировали свою просьбу тем, что «при покровительстве и под тайным руководством “Насьональ” некие рабочие только что основали новую газету “Ателье”, которую должны были редактировать сами рабочие и которая ставила целью возглавить широкие массы рабочих, привлекая их к поддержке “Насьональ” и бастилий и настраивая их против коммунизма». Настойчивость просителей объяснялась одновременно и их “возмущением”, что молодой рабочий-коммунист Мейер, опубликовавший «некое подобие газеты под названием “Унитарная система”»¹⁰, сам выражал намерение “руководить рабочими и разъяснить в ней систему общности, выводя ее из материализма”.

Кабе указывает, что лишь уступая этим просьбам, он и опубликовал обе вышеназванные брошюры “Какой я коммунист” и “Мое коммунистическое кредо”, а также большой и малый проспекты будущей газеты “Попюлер”.

Таким образом, из рассказа Кабе явствует, что пропаганда идей общности, еще совсем недавно представлявшая собой во Франции невосделанное поле, в короткое время превратилась в высококонкурентную область общественно-политической деятельности. В соперничество за внимание публики, проявлявшей интерес к новомодной теории общности, или коммунизма, вступили различные группировки, печатные издания и отдельные пророки. Эта конкуренция во многом и заставила Кабе осенью 1840 г. понять неизбежность выбора: или уступить пальму первенства новоявленным мессиям, людям, как правило, молодым и малоизвестным; или открыто отстаивать свой приоритет в соответствии с прошлыми заслугами и реальным вкладом, который воплощало “Путешествие в Икарию”. Кабе принял поистине судьбоносное решение.

Впоследствии недруги упрекали Кабе в том, что он, руководствуясь честолюбивыми побуждениями, поспешил пристроиться к коммунистическому движению, когда оно явно пошло на подъем. Вздорность, полемический переხлест этого упрека, очевидно, не нуждаются в доказательстве. Но интересно, что сам Кабе, опровергая это обвинение, тоже прибегает к натяжкам и сомнительным допущениям. Это косвенно свидетельствует о том, что некоторые практические расчеты ему все же не были чужды. “Если бы я руководствовался корыстными

¹⁰ Загадочная личность, о которой даже такой знаток французской коммунистической литературы 40-х годов, как А.Р. Иоаннисян, затрудняется сказать что-либо определенное. См.: Иоаннисян А.Р. Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1840–1841 гг. М., 1983. С. 92–93.

интересами, — писал Кабе, — я бы объявил себя реформистом... я бы сохранил тогда дружбу Араго, Ламене и других, я бы завоевал симпатии 200 000 реформистов (и я взял бы на себя обязательство довести их число до двух миллионов)... Разве могут с этим сравниться те выгоды, которые мне могла бы предоставить малочисленная, бедная, недисциплинированная коммунистическая партия...» Что, спрашивается, служило Кабе основанием для столь оптимистического прогноза, если всего лишь несколькими строками выше он называет газету “Реформ” “мертворожденным ребенком”, способным вызвать лишь “разочарование и отвращение общественного мнения”?¹¹

ТЕЧЕНИЯ В КОММУНИЗМЕ

Принимая решение объявить себя коммунистом, Кабе рассчитывал, что в признание его возраста, имени и заслуг все те, кто взял на себя смелость говорить от имени коммунизма, добровольно подчинятся его моральному авторитету. Человек, добродушный по натуре, он готовился сыграть роль этакго патриарха французского коммунизма, отчески опекающего молодежь, которая отвечала бы ему сыновним уважением и послушанием.

Однако уже первые месяцы его деятельности на новом поприще показали, что он ошибся в своих ожиданиях. Буквально единицы среди тех, кто высказывался в печати о проблемах общности или прилагал усилия к созданию коммунистической организации, встали под его знамена. Да и то, как показали события, Кабе не нашел в их лице настоящих единомышленников. Большинство же принялось наперебой оспаривать его притязания на первенство, считая его истолкование коммунизма неверным. Едва родившись, коммунистическое движение во Франции таким образом раскололось на течения и группировки, которые не желали иметь между собой ничего общего. Поставленный перед свершившимся фактом, Кабе счел своим долгом демократа и социалиста определить отношение к различным течениям коммунизма, возникшим во Франции в начале 40-х годов.

Борьба течений во французском коммунизме того времени издавна привлекала внимание исследователей¹². Тем не менее изучена она еще

недостаточно. В литературе мы находим весьма противоречивые оценки характера этой борьбы. Так, С. Бернштейн выдвигает на первый план ее мировоззренческий аспект и соответственно выделяет в коммунистическом движении три “главные фракции — мистиков, материалистов и икарійцев”¹³. Напротив, А.Р. Иоаннисян делает упор на политических разногласиях: «Основной водораздел между коммунистами тех лет проходил не по признаку их принадлежности к материалистам или “спиритуалистам”, а обуславливался их принадлежностью к икарійскому или революционному коммунизму»¹⁴.

Между тем этот вопрос заслуживает самого пристального внимания, поскольку его изучение проливает свет на происхождение современного коммунизма. В начале 40-х годов XIX в., как мы отметили выше, коммунизм преодолел важный рубеж в своем развитии. Из умозрительной литературно-философской утопии, форму которой принимали прежние теории общности, он превратился в общественно-политическое движение, нацеленное на практические результаты. Это хорошо понимали сами коммунисты, с гордостью заявлявшие: “Общность больше не утопия!” Именно так Ж.-Ж. Пийо, один из организаторов бельгийского банка коммунистов, назвал свою брошюру, опубликованную в 1841 г.¹⁵ Эта формула выражала его уверенность в том, что пришло, наконец, время, не откладывая на будущее, осуществить великую мечту. Подобного же мнения придерживались и другие коммунисты. Но предлагали они разные, иногда взаимоисключающие пути и способы замены существующего строя общностью. Это и явилось причиной споров в коммунистическом движении. Они охватывали не только вопросы политической организации и тактики коммунистов, но и их отношение к религии, морали, философии, текущей политике, пропаганде, организации будущего общества.

Споры наложили глубокий отпечаток на коммунистическое движение середины XIX в. Прежде всего, они породили обширную полемическую литературу, которая способствовала популяризации идей и воззрений, являвшихся предметом разногласий. Их отзвук слышится даже в “Коммунистическом манифесте” Маркса и Энгельса, публикация которого была важной вехой в истории социализма. Но главное, в результате дискуссий определился круг идей и представлений, ставших со временем своего рода визитной карточкой коммунистического учения и движения. Многие из того, что в более поздние времена было воспринято социалистическим движением в “классических” формулировках

¹¹ Cabet E. Toute la vérité au peuple. P. 95.

¹² См.: Волгин В.П. Французский утопический коммунизм. М., 1960; Иоаннисян А.Р. Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1840–1841 гг. М., 1983; Он же. Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1842–1847 гг. М., 1986; Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. М., 1976. Т. 1; История марксизма-ленинизма. М., 1986. Т. 1; Бернштейн С. Необабувистская печать 1837–1848 гг. // Французский ежегодник, 1960. М., 1961; Назарова С.М. Проблема социальной революции в работах Т. Дезами // Там же, 1975. М., 1977; Теодор Дезами и проспект журнала (“Коммюнотер”) / Пер. с фр., вступ. ст. С.М. Назаровой // История социалистических учений. М., 1984; Кожокин Е.М. Пролетариат и утопический социализм 30–40-х годов XIX в. во Франции // Социальные движения и борьба идей. М., 1982; Машкин М.Н. Французские социалисты и демократы и колониальный вопрос, 1830–1871. М., 1981; Morange G. Les idées communistes dans les sociétés secrètes et dans la

presse sous la monarchie de Juillet. P., 1905; Sencier G. Le babouvisme après Babeuf, 1830–1848. P., 1912; Johnson Ch. Utopian Communism in France: Cabet and the Icarians, 1839–1851. Ithaca; L., 1974; Höppner J., Seidel-Höppner W. Von Babeuf bis Blanqui: Französische Sozialismus und Kommunismus vor Marx. Leipzig, 1975; 1848. Les utopies sociales: Utopie et action à la veille des journées de février. P., 1981, etc.

¹³ Bernstein S. Storia del socialismo in Francia. Roma, 1963. Vol. 2. P. 113.

¹⁴ Иоаннисян А.Р. Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1842–1847 гг. С. 224.

¹⁵ Pillot J.-J. La communauté n'est plus une utopie! Conséquences du procès des communistes. P., 1841.

Маркса, обсуждалось в публицистике задолго до появления “Коммунистического манифеста”. Например, французский историк Анри Дерош еще у Кабе находит те “три пункта”, на которых Маркс настаивал в известном письме к И. Вейдемейеру 5 марта 1852 г. как на своем оригинальном вкладе в коммунизм¹⁶.

В освещении споров, которые велись в начале 40-х годов XIX в. в коммунистическом движении, мы будем опираться преимущественно на публицистику Кабе. Но не только потому, что он является главным героем нашего исследования. Его полемические сочинения, при всей их запальчивости и односторонности, обладают важным достоинством. Как бы резко ни отзывался Кабе о своих оппонентах, он всегда следовал правилу: опровергая неприемлемые взгляды, не искажать их и тем более не умалчивать о них. “...Когда я опровергаю или нападаю сам, – признавался Кабе, – я всегда цитирую критикуемые отрывки и сопровождаю их своими рассуждениями, чтобы каждый мог сравнить и судить со знанием дела; даже самые непримиримые враги не могут не отдать мне справедливость”¹⁷. Мнение известного специалиста подтверждает искренность его слов. А.Р. Иоаннисян указывает: “...все многочисленные публикации Кабе являются важным и совершенно незаменимым источником при изучении истории революционно-коммунистического движения этих лет”¹⁸.

В политико-идеологических спорах не только раскрылся полемический талант Кабе, но были существенно уточнены, а в чем-то и развиты его представления об общности и путях ее осуществления. Это обстоятельство мы особенно хотели бы подчеркнуть, потому что о Кабе часто судят лишь на основании его системы, изложенной в утопическом романе “Путешествие в Икарию”. Хотя автор и называл его “теоретическим трактатом”, по сути он был рассчитан на невзыскательного читателя из малообразованных слоев населения. Сам Кабе подчеркивал: “...чтобы меня лучше поняли, чтобы можно было, как говорится, попробовать общность на вкус и цвет, я дал описание организованной общности. Чтобы все классы общества, в особенности женщины, могли прочитать мое описание, я взял смелость придать ему форму романа или путешествия...”¹⁹ Многие свои идеи Кабе излагал в нем нарочито упрощенно. Эту, по выражению Ж. Прюдомо, “грубоватую простоту”²⁰ системы в том виде, как изложена в романе, и ставят в упрек Кабе историки, считая его в целом слабым и неоригинальным теоретиком коммунизма.

В немалой степени такому истолкованию способствовал сам Прюдомо. Он первый сформулировал вывод о том, что теоретическая

мысль Кабе нашла в “Путешествии в Икарию” свое полное выражение, а в произведениях, написанных позже, лишь “объяснялась и подтверждалась, но оставалась идентичной”²¹. И хотя на этот вывод часто ссылались впоследствии, фактически он ничем не подтвержден. Прюдомо довольно подробно рассмотрел взгляды Кабе до 1840 г., зато совершенно опустил первую половину 40-х годов. Между тем признано, что это было временем “самой интенсивной литературно-пропагандистской работы” Кабе, “наибольшей его популярности”²². Лишь ограничившись анализом популярного романа Кабе, Прюдомо мог говорить о “вторичности вклада” Кабе в развитие социалистической мысли²³, о “посредственности” его теоретических воззрений, якобы не идущих ни в какое сравнение с его ролью “смелого социального экспериментатора”, основавшего в конце 40-х годов “икарийскую общину” в Америке²⁴.

Между тем задолго до Прюдомо была высказана и прямо противоположная точка зрения на то, что же в литературно-публицистическом творчестве этого социалиста заслуживает большего внимания. Уж на что придирчивыми критиками Кабе в середине 40-х годов были молодые и дерзкие Маркс и Энгельс, но и те в “Немецкой идеологии” призывали своих читателей судить о нем, “как о главе партии... не по его системе, а по его полемическим произведениям и вообще по всей его деятельности”²⁵. Содержание их работ свидетельствует: они хорошо знали публицистику Кабе. Установлено, что некоторые из его брошюр имелись тогда в библиотеке Маркса²⁶.

Прежде чем приступить к анализу споров, разгоревшихся между коммунистами разных направлений, отметим еще одну их своеобразную черту, на которую ранее обратил внимание С. Бернштейн. Это крайность и нетерпимость оценок, свойственная высказываниям друг о друге представителей конкурирующих течений коммунизма. “Разногласия, – отмечал он, – существовали фактически по всем вопросам, и ни одна группа не видела ничего ценного в учениях других групп”²⁷. Причем, добавим мы, в пылу полемики спорящие стороны нередко заходили так далеко, прибегали к столь оскорбительным личным нападениям, что возникает вопрос: где пролегает грань между содержательным и личным в этих спорах? Во всяком случае, думается нам, ошибочно принимать на веру те суровые оценки, которые давали друг другу противники. Фактически их позиции часто были не так уж несовместимы, как они сами считали или пытались убедить других.

¹⁶ Desroche H. Des socialismes utopiques au socialisme scientifique... et réciproquement // 1848. Les utopismes sociaux... P. 275. См. также: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 28. С. 424, 427.

¹⁷ Cabet E. Ma ligne droite, ou le Vrai chemin du salut pour le peuple. P., 1841. P. 9.

¹⁸ Иоаннисян А.Р. Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1842–1847 гг. С. 5.

¹⁹ Cabet E. Comment je suis communiste. P., 1845. P. 5.

²⁰ Prudhommeaux J. Icarie et son fondateur Etienne Cabet. P., 1907. P. VII.

²¹ Ibid. P. 150.

²² Волгин В.П. Указ. соч. С. 209.

²³ Prudhommeaux J. Op. cit. P. VII.

²⁴ Ibid. P. IX.

²⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 463.

²⁶ Далин В.М., Непомнящая Н.И. Исторические книги в библиотеке Маркса // Маркс – историк. М., 1968. С. 614.

²⁷ Бернштейн С. Указ. соч. С. 201.

Нельзя не согласиться с С. Бернштейном, который решительно отделял форму этих споров от их реального содержания. Так, по поводу конфликта между Кабе и Дезами (о котором речь пойдет ниже) он писал: “Не имеет смысла вспоминать... те нелестные эпитеты, которыми они награждали друг друга в своих памфлетах. Все это было характерно для атмосферы тайных обществ 40-х годов”²⁸. Такие отношения Бернштейн рассматривал как свидетельство “разобщенности общественного движения 40-х годов”²⁹. Они, на наш взгляд, характеризуют скорее политическую культуру того времени, чем существо разногласий.

В том, насколько разобщены были политические силы, вполне отдавал себе отчет сам Кабе. Он писал: “В настоящее время народ, нация, партии, оппозиция являются не более, чем звуком, иллюзией, заблуждением и обманом... Не существует ни нации, ни народа, имеются только граждане; нет и партий – только сочувствующие; нет даже оппозиции – только оппозиционеры”. В том-то и кроется, указывал он, “тайная причина могущества правительства”, что “в его лице отдельным гражданам противостоят сплочение, организация, централизация, дисциплина и согласованность”. Впрочем, в разобщенности граждан он усматривал злой умысел правительства, которое сознательно стремилось “помешать гражданам объединиться, организоваться, сгруппироваться, создать партию, образовать народ и нацию”. Вся “ловкость” правительства, “весь его гений, все его усилия”, писал Кабе, “направлены на то, чтобы разделять, дробить, изолировать...”³⁰

МОЖНО ЛИ УСТАНОВИТЬ ОБЩНОСТЬ ПРИНУЖДЕНИЕМ И НАСИЛИЕМ?

Обе вышеупомянутые брошюры “Какой я коммунист” и “Мое коммунистическое кредо” посвящены преимущественно систематическому изложению основных положений учения Кабе. В них с афористической четкостью формулируются мысли и доводы, изложенные ранее в “Путешествии” в более пространной и непринужденной форме. Таковы же по своему содержанию и первые из “Двенадцати писем коммуниста реформисту об общности”, публиковавшиеся отдельными выпусками с 26 мая 1841 по 18 февраля 1842 г.³¹ Но уже последние из этих “Писем”, а также появившиеся вслед за ними работы носят подчеркнуто полемический характер. Вопросы коммунистического учения затрагиваются в них в связи со спорами, которые в то время разгорелись среди сторонников общности. Впрочем, и в ранних брошюрах Кабе явственно различимы элементы полемики. Так, само

название брошюры “Какой я коммунист” свидетельствовало о стремлении Кабе обозначить дистанцию, отделявшую его учение от других течений в коммунизме.

В брошюре “Какой я коммунист” он пишет: “Прежде всего я спешу исполнить то, что давно собирался сделать – открыто отмежеваться от некоторых мнимых или подлинных коммунистов, которые недавно привлекли к себе внимание своими сочинениями и поступками”³². Кабе пока не называет имен. Но можно предположить, что его слова относятся по крайней мере к Ж.-Ж. Пийо, Мейеру и участникам бельвилевского банкета, взгляды которых, как мы уже знаем, он осуждал. Существо своих разногласий с этими “несколькими коммунистами” Кабе видит в различных подходах к “главному вопросу” коммунистической теории – “как нынешнее общество может превратиться в общность”³³.

Не вступая в прямую полемику, он четко определяет основные спорные моменты. На вопрос: “Можно ли установить общность принуждением и насилием?” – он отвечает: “Нет. Я убежден, глубоко убежден, что подобно тому, как когда-то было установлено христианство, ее можно установить только могуществом общественного мнения, внушением, убеждением. Партия, мужественное меньшинство сами по себе, даже придя к власти, тщетно пытались бы навязать ее большинству; это было бы несправедливостью, тиранией, безумием”. Только тогда, “когда общественное мнение примет общность, ее будет легко установить; и я не сомневаюсь, что общественное мнение когда-нибудь ее обязательно примет... потому что *разум* всегда *прав*”³⁴.

На другой вопрос: “Можно ли установить общность мгновенно, одним махом?” – Кабе также дает отрицательный ответ: “Нет; и напрасно бы к этому стремились правительство, национальное представительство и даже нация, потому что осуществление общности является самым крупным из всех преобразований, потому что нельзя материально осуществить общность до истечения более или менее продолжительного времени, возможно двадцати или даже пятидесяти лет, до тех пор, пока воспитанием к нему не будет подготовлено новое поколение. Пытаться поступить иначе было бы столь же неразумно, как пробовать собрать урожай, не вспахав землю и не посеяв зерно, родить ребенка до истечения девяти месяцев, прыгнуть на луну, заставить землю вращаться быстрее или медленнее”³⁵.

К общности, считает Кабе, можно перейти только постепенно. И первым шагом на этом пути должно стать, по его мнению, принятие большинством населения страны “принципа общности” и установление “переходного и подготовительно порядка”. Переходный порядок нужен для того, чтобы “постепенно, сначала частично, а потом полностью”,

²⁸ Там же. С. 200.

²⁹ Там же. С. 201.

³⁰ Cabet E. Ma ligne droite... P. 36.

³¹ Cabet E. 12 lettres d'un communiste à un réformiste sur la communauté. P., 1842. (Цит. по 3-му изд.: P., 1845).

³² Cabet E. Comment je suis communiste. P. 1.

³³ Ibid. P. 5.

³⁴ Ibid. P. 6. Конец цитаты представляет собой непереводимую игру слов: *la raison finira toujours par avoir raison*.

³⁵ Ibid.

осуществить общность. В течение всего этого времени можно будет, считает Кабе, “без особых неудобств сохранять собственность в руках ее нынешних владельцев” Он выступает против отмены права собственности, предлагая “использовать сто других способов для того, чтобы увеличить национальное достояние, например, законы о побочных наследниках или дарениях, причем, исключительно с целью улучшения положения людей. Полная общность будет применяться только по отношению к поколению, подготовленному к ней воспитанием”³⁶.

По характеру сделанных возражений нетрудно понять, что критика Кабе адресовалась тем коммунистам, которые были сторонниками вооруженного переворота в целях немедленного установления строя общности. Известно, что подобные планы вынашивал Пийо. В заключительной речи на бельвийском банкете он прямо заявил: “...общность, единственное средство к излечению человечества от всех недугов бесспорно осуществима не через тысячу лет, не через сто лет, а сегодня, даже в это мгновение”³⁷. Еще раньше, в брошюре “Ни дворцов, ни хижин”, он в завуалированной форме высказался за насильственный способ осуществления общности: “Этот великий акт не допускает никаких полумер”³⁸. А в “Истории равных”, незаконченном произведении, своего рода утопии, описывающей народ, “который существовал на протяжении пяти тысяч лет, не зная ни бога и дьявола, ни *рая* и *ада*, ни *королей* и *каст*, ни *великих* и *малых*, ни *богатых* и *бедных*, ни *палачей* и *преступников*”, Пийо собирался показать, что только “окончательная революция поставила его... в условия строя общности”. “Сколько потрясений, — восклицал автор, характеризуя исторический путь вымышленного народа, — сколько схваток, сколько бесплодных попыток, сколько опасных опытов ему довелось испытать, сколько пота, сколько слез, сколько крови он пролил, прежде чем добился того, что нашел организацию, которая давала удовлетворение потребностям всех и подавляла дурные наклонности каждого!”³⁹

С не меньшей уверенностью можно предположить, что критика Кабе адресовалась также тайным коммунистическим обществам, проявлявшим активность в 1840 г. Наиболее значительным среди них было Общество трудящихся-эгалитариев, членом которого, кстати, тоже являлся Пийо. По данным А.Р. Иоаннисяна⁴⁰, оно возникло на развалинах Общества времен года, разгромленного полицией после неудачной попытки поднять восстание 12–13 мая 1839 г. в Париже. Согласно воззванию “К трудящимся-эгалитариям. Кредо нового руководства”, подготовленному в первой половине 1840 г., его целью

было “реальное равенство, осуществляемое путем общности имуществ”, а средством ее достижения — насильственное ниспровержение существующего строя. В воззвании говорилось: “Мы хотим после революции установить диктатуру, чтобы осуществить наши принципы, сломить все аристократии и в результате разрушить сверху донизу все, что имеется порочного”. Общество требовало от своих членов “посвятить свое достояние и свою жизнь установлению республики, основанной на общности”.

“Я ПРЕЖДЕ ВСЕГО ДЕМОКРАТ!”

Не в последнюю очередь обращают на себя внимание в воззвании Общества трудящихся-эгалитариев резкие выпады как против “мнимых демократов, которые, не затрагивая основ общества, стремятся лишь к политической реформе”, так и против неких “завывал из числа новообращенных [коммунистов], которые используют принципы общности, чтобы возвести пьедестал своей спеси и честолюбию”. Кто эти “мнимые демократы”, догадаться не трудно. Это сторонники избирательной реформы, т.е. бывшие друзья Кабе по республиканской оппозиции. Более загадочны другие, кто туманно назван “новообращенными завывалами”. А.Р. Иоаннисян считает (и мы склонны согласиться с его мнением), что под этим тоже достаточно прозрачным определением подразумевается Кабе. Таким образом, подчеркивает историк, воззвание проводит “четкую грань между коммунистами-революционерами, с одной стороны, и республиканцами-демократами и представителями мирного икарыйского коммунизма — с другой”⁴¹.

Ниже мы постараемся доказать, что на самом деле грань между “трудящимися-эгалитариями” и Кабе пролегла по линии отношения не к революции как таковой, а к заговорщическим формам революционной борьбы. В этой связи мы предлагаем читателю вспомнить, что говорилось в предыдущей главе о взглядах Кабе на политическую революцию и социальную реформу. Пока же согласимся, что независимо от этих уточнений выпад “трудящихся-эгалитариев” против “новообращенных завывал” бесспорно свидетельствовал о натянутых отношениях между Кабе и другими коммунистами.

Интересно другое: осенью 1840 г. отнюдь не язвительные выпады против него со стороны коммунистов вызывали наибольшую озабоченность Кабе. Он сознательно шел на обострение отношений с теми из них, кто не разделял его воззрений. Более того, он считал, что открыто заявляя о разногласиях с ними, совершает “акт мужества и самоотверженности”. И конечно же он предвидел возможные последствия своих действий. “Я не закрываю глаза на то, — писал он, — что становлюсь удобной мишенью для нападок, ненависти, клеветы и, возможно, преследований. Но я не хочу никого обманыв-

³⁶ Ibid. P. 6–7

³⁷ Пийо Ж.-Ж. История равных .. С. 182

³⁸ Там же С. 89

³⁹ Там же. С. 118–119.

⁴⁰ См. Иоаннисян А.Р. Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1840 — 1841 гг. С. 11–43

⁴¹ Там же С. 42–43.

вать – ни друзей, ни врагов”⁴². По всей видимости, Кабе просто не предполагал тогда, что они могут составить ему сколько-нибудь серьезную оппозицию.

Гораздо больше тревожила Кабе враждебность, которую его оппоненты-коммунисты демонстрировали по отношению к демократам-реформистам. Тем самым они, по мнению Кабе, способствовали углублению столь беспокоившего его раскола между демократами и социалистами, буржуазией и народом. Как мы показали выше, в 1840 г. он был поглощен идеей воссоздания единства всех национальных и патриотических сил. Именно поэтому Кабе, в частности, отказался принять участие в бельвилльском банкете коммунистов. Как он писал впоследствии, “его идею подсказал именно дух противоречия, соперничества и вражды между некоторыми коммунистами и реформистами... а не обдуманная и осмысленная забота об общности...”⁴³

Своих оппонентов-коммунистов Кабе называет “нетерпеливыми, или раскольническими, коммунистами”⁴⁴. Их главное заблуждение он усматривает в том, что они слишком торопятся с осуществлением общности и отрицают необходимость “переходного порядка”, отделяющего ее от современного общества. По определению Кабе, этот “переходный порядок” должен быть не чем иным, как “демократией с тенденцией к общности”. Иными словами, это “демократия, принимающая систему возрастающего равенства и сокращающегося неравенства; демократия, уничтожающая прежде всего нищету, обеспечивающая труженику средства к существованию, каждый день улучшающая положение масс...”⁴⁵ Эту формулу – “демократия с тенденцией к общности” – Кабе фактически противопоставляет лозунгу “республики, основанной на общности”, который выдвигало Общество трудящихся-эгалитариев в качестве альтернативы существующему строю. Он считает ее достаточно емкой, чтобы объединить всех противников Июльской монархии – демократов-реформистов, социалистов и коммунистов разных направлений.

В заключение своей брошюры он еще раз кратко определяет сущность своей позиции по самому спорному для коммунистов вопросу о путях перехода к общности. “Вот как я понимаю общность, – заявляет он, – вот какой я коммунист: я хочу, чтобы общность была установлена общественным мнением; я хочу, чтобы ей предшествовал переходный порядок, в течение которого сохранялась бы собственность”. И далее следует одна из его знаменитых фраз, выражающая его приверженность демократии: “Я скорее *реформист*, чем революционер; я прежде всего *демократ*; я поддерживаю усилия всех сект⁴⁶, стремящихся к прогрессу, включая социалистов, сенсимонистов, фурьеристов и

других, но я призываю их не останавливаться на полпути”. По словам Кабе, вместе с реформистами он желал бы скорейшего проведения парламентской реформы, вместе с социалистами – создания рабочих ассоциаций, вместе с фурьеристами – учреждения большого числа фаланстеров.

Не пройдет и года, как в брошюре “Моя правильная линия” Кабе представит в развернутом виде формулу своих политико-идеологических предпочтений, лежащую в основе его стратегии борьбы за демократию и общность. “Прежде всего, – напишет он, – я *француз*, питающий братские чувства ко всем французам в противоположность иностранцам (но только в том случае, если они нападут на Францию, ибо если они не нападут, то я хочу, чтобы Франция по отношению к ним придерживалась принципов справедливости и братства); далее, я *демократ*, питающий братские чувства ко всем демократам в противоположность аристократам; затем, с реформистами я *реформист*, питающий к ним братские чувства и помогающий в проведении совместными усилиями политической реформы; затем, я *социалист*, питающий братские чувства ко всем социалистам и поддерживающий их в проведении общими усилиями социальных реформ, о содержании которых у меня с ними нет разногласий; и лишь в последнюю очередь я *коммунист*, исполненный решимости приложить все силы к тому, чтобы посредством дискуссии, внушения, убеждения добиться осуществления общности”⁴⁷.

А пока Кабе призывает демократов и коммунистов принять меры к восстановлению единства, необходимого для успеха их борьбы. К сторонникам политической реформы он обращается со словами: “Не отталкивайте, не обижайте ваших братьев по демократическим убеждениям! Лучше выслушайте их, поспорьте с ними, попытайтесь их переубедить, но в любом случае терпимо отнеситесь к их взглядам!” Коммунистам он говорит: “Будьте прежде всего демократами и реформистами! Подпишите петицию о реформе, не отказываясь от своих убеждений и теорий!” Отдельно он обращается к “нетерпеливым” коммунистам: “Избегайте всего, что могло бы повредить святому для вас делу общности! Отодвиньте в сторону все второстепенные вопросы, все то, что не является главным или неотложным и могло бы вызвать только споры и разногласия! Научитесь идти ради единства на жертвы, объединяйтесь!”⁴⁸

Те же мысли о путях перехода к общности, хотя и в более спокойном тоне, выражает Кабе и в брошюре “Мое коммунистическое кредо”. В соответствии с литературным жанром каждый ее абзац начинается со слов: “Я верю...” Кабе подтверждает в ней свою веру в то, что общность может быть осуществлена только мирными, ненасильственными методами – “силой общественного мнения, волей всей нации, с одобрения всего населения или хотя его преобладающего

⁴² Cabet E. Comment je suis communiste. P. 7–8.

⁴³ Cabet E. Toute la vérité au peuple... P. 38.

⁴⁴ Cabet E. Comment je suis communiste. P. 8.

⁴⁵ Ibid. P. 6.

⁴⁶ Кабе употребляет слово “секта” в его изначальном латинском значении (учение, школа, направление) как синоним слов “партия”, “группировка”, “течение”.

⁴⁷ Cabet E. Ma ligne droite... P. 39.

⁴⁸ Cabet E. Comment je suis communiste. P. 8.

большинства". Этого, по его мнению, достаточно; нет необходимости в насилии, поскольку на ее стороне истина, бросающаяся в глаза всякому непредвзятому человеку. "А если бы учение об общности было ложным, – резонно замечает он, – то ее вообще нельзя было бы осуществить". Отмечает он и необходимость "переходного, или подготовительного, порядка" к общности в форме "демократии со всеми вытекающими из этого последствиями".

Вместе с тем по ряду вопросов Кабе высказывает в ней суждения, идущие много дальше того, о чем говорилось в предыдущей брошюре. Так, решительно выступая в поддержку "избирательной и парламентской реформы", он определяет ее как "необходимую предпосылку" всех других благотворных преобразований. При этом он выражает пожелание, чтобы "демократы отнеслись к ней как к *средству* мирного осуществления всех социальных и политических реформ, вплоть до установления общности как конечной *цели* демократии". Впрочем, Кабе предвидит возможность и того, что "переходный порядок" будет установлен в результате не реформы, а "народной революции". Вероятностью революции мотивирует он и свой призыв к единству демократов и коммунистов. "Я верю, – пишет Кабе, – что ввиду событий, подготавливающих в Европе непредсказуемую революцию, которая или приведет к гибели всех демократических сект, или откроет широчайший простор прогрессу в направлении равенства, коммунисты, руководствуясь патриотическим самоотречением и интересами самой общности, должны пожертвовать всем необходимым ради *единства* как своих рядов, так и всех течений демократии"⁴⁹.

ПРОТИВНИК РАСКОЛОВ И ПОБОРНИК ЕДИНСТВА

Вопреки ожиданиям Кабе, его призыв к единству, не был услышан "нетерпеливыми" коммунистами. Раскол в коммунистическом движении продолжал углубляться. Это грозило окончательно похоронить его мечту о совместных действиях коммунистов с демократами, которую он лелеял со времени возвращения из ссылки. Поэтому в августе 1841 г. он прервал публикацию "Писем коммуниста реформисту об общности", преследовавших цель развеять сомнения демократов относительно коммунизма, убедить их в возможности и необходимости единства с коммунистами. Обстоятельства заставили Кабе сосредоточить внимание на положении в самом коммунистическом движении.

В очередном девятом письме, датированном 15 октября 1841 г., Кабе так объясняет читателям причины двухмесячной задержки с его публикацией: "Я отложил работу над этими письмами только потому, что вынужден был уделить время более срочному, полезному и необходимому сочинению "Моя правильная линия, или Подлинный путь спасения народа", чтобы воспрепятствовать, насколько это возможно,

новым мятежам, подготовляемым сумасшедшими или лицемерами"⁵⁰. Кабе имел в виду вооруженные восстания, подготовкой которых якобы занимались тайные общества. В частности, большую тревогу вызвало у него покушение на жизнь герцога Омальского, сына Луи-Филиппа, совершенное Кениссе 13 сентября 1841 г. Оно спровоцировало новую волну преследований против коммунистов. Критике идей, которыми руководствовались члены заговорщических организаций, и было посвящено упомянутое сочинение, датированное 28 октября 1841 г.⁵¹

Тем временем из печати вышли новые произведения коммунистической литературы, которые по ряду вопросов выражали неприемлемые для Кабе взгляды. Это были, в частности, работы А. Лаотьера "Социальный закон" и "Завтраки Пьера"⁵², Ж.-Ж. Пийо "Общность не утопия"⁵³, аббата Констана "Библия свободы"⁵⁴ и др. Далекой от его ожиданий оказалась и линия таких коммунистических газет, как "Фратерните", "Травай", "Юманитэр" и "Коммюнотэр", возникших летом 1841 г.⁵⁵ Кабе не мог оставить без внимания эти публикации и посвятил их критике несколько других полемических сочинений⁵⁶, подготовленных параллельно с работой над "Моей правильной линией".

Отношение Кабе к новым изданиям было, при всех нюансах, отрицательным. За что недруги упрекали его в стремлении к "монопольи", единоличному лидерству в коммунистическом движении. В таком объяснении есть доля истины. Кабе действительно подозревал авторов теоретических сочинений о коммунизме в стремлении конкурировать с его "Путешествием в Икарию", которое он без смущения называл "единственным произведением, дающим полное представление об общности и в этом смысле наиболее полезным"⁵⁷, а новые периодические издания рассматривал как соперников возобновленной им газете "Попюлэр", – ее первый номер вышел в марте 1841 г.

Так, Кабе прямо ставил в упрек Лаотьеру, что руководимая им газета "Фратерните" была задумана с целью отнять у "Попюлэр" подписчиков и помешать ее превращению из ежемесячного в еженедельное издание. "В ней, – писал Кабе, – нашли приют все те ее настоящие или мнимые сторонники, которые занимались только тем, что выдумывали и распускали о "Попюлэр" всякие небылицы. Вокруг нее сложилась группа коммунистов, сделавших своей профессией чтение "Попюлэр" лишь для того, чтобы выискивать в ней основания для

⁵⁰ Cabet E. 12 lettres... P. 81.

⁵¹ Cabet E. Ma ligne droite...

⁵² Lahautière B. La loi sociale. P., s. a.; Idem. Les déjeuners de Pierre. P., 1841.

⁵³ Pillot J.-I. La communauté n'est plus une utopie. P., 1841. (Рус. пер.: Пийо Ж.-Ж. Общность не утопия. С. 135–176).

⁵⁴ Constant A.-L. La Bible de la liberté. P., s. a.

⁵⁵ См.: Иоаннисян А.Р. Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1840–1841 гг.

⁵⁶ Они рассмотрены нами в след. главе.

⁵⁷ Cabet E. Ma ligne droite... P. 61.

⁴⁹ Cabet E. Mon crédo communiste. P. 12–14.

критики и насмешек". Аналогичные упреки Кабе адресовал и другим коммунистическим изданиям⁵⁸.

Но главная причина отрицательного отношения Кабе к новым публикациям заключалась в том, что они, по его мнению, не только не способствовали единению коммунистов, но, наоборот, провоцировали среди них новые расколы и размежевания. Ибо ничего более абсурдного, противного логике и здравому смыслу, чем вражда среди коммунистов, он просто не может себе представить. "Среди всех партий, — пишет он, — именно коммунистическая больше всех стремится к устранению конкуренции, соперничества и антагонизма, к восстановлению порядка, сплоченности и единства..."⁵⁹ Раскол в ее рядах он оценивает как "самое тяжкое зло, которое можно было бы причинить коммунизму"⁶⁰.

Особенно пагубной представлялась ему роль газет, конкурировавших с его "Попюлер". По разумению Кабе, *единое* коммунистическое движение и возглавлять должна была бы в качестве его высшей руководящей и идеологической инстанции *одна* газета. "...Все рабочие, — писал он, — должны быть коммунистами, а все коммунисты должны иметь лишь одно руководство, иначе говоря, одну газету." Без всякого сомнения, на эту роль он прочил свою "Попюлер", хотя и утверждал, что отнюдь не притязает "на руководство такой газетой. и был бы рад, если бы возникло другое достойное руководство, отличающееся гораздо большим рвением и смелостью...". Он даже грозился закрыть "Попюлер" в случае, если ему не удастся "преодолеть расколы" в коммунистическом движении. Но говоря о своих ближайших планах, он выражал твердое намерение реорганизовать свою газету и образовать "единое руководство", пригласив в его состав "всех авторов коммунистических и даже социалистических сочинений"⁶¹.

НЕТ ЗАГОВОРАМ И ВОССТАНИЯМ!

Кабе возмущали и упреки "некоторых товарищей" в том, что его взгляды недостаточно революционны. В брошюре "Моя правильная линия" он стремится развеять всякие сомнения по поводу его отношения к революции, которые могли возникнуть в связи с его достаточно противоречивыми высказываниями в прошлом.

Действительно, и в "Путешествии в Икарию", и в других сочинениях он не раз высказывал мысль о том, что он "скорее реформатор, чем революционер", и что он "ненавидит и осуждает насилие, мятежи, заговоры, покушения". Это полностью соответствует его убеждениям в том, что революции не только не устраняют, а, наоборот, усиливают страдания народа. "Любая революция, — пишет он, — подобна буре,

которая оставляет на своем пути бесчисленные жертвы, вырывая их главным образом из народных рядов. . Сколько из них потерпело полное поражение, а сколько еще, даже добившись успеха, обмануло надежды революционеров и не оправдало их огромные жертвы!"⁶² Четыре года тому назад он писал в "Путешествии", что если бы он держал в руке революцию, то не выпустил бы ее, даже если бы ему пришлось умереть в изгнании. Он искренне верил тогда, что "революция в существующих условиях не пошла бы на пользу народу, который нуждался больше всего в просвещении..."⁶³

Но происшедшие с тех пор события, замечает Кабе, могут внести поправку в его отношение к революции. Правительство приступило к строительству фортов вокруг столицы. По словам Кабе, осуществление этого проекта явилось бы "тяжелейшим ударом" по демократии, поскольку "пришлось бы забыть о [свободной] прессе, дискуссиях, каких-либо проявлениях общественной жизни, политических и социальных реформах, фаланстерах и любых других ассоциациях и в конечном счете — об общности". Поэтому сегодня он уже не написал бы этих слов. В условиях начавшегося наступления правительства на права и свободы граждан революция все больше представляется ему предпочтительным средством борьбы. "...Новые обстоятельства, связанные с бастилиями, — пишет Кабе, — меняют все комбинации; и хотя я враг поединков, я вышел бы на смертельный поединок, если бы это было необходимо, чтобы помешать их строительству"⁶⁴.

Впрочем, словно испугавшись собственной смелости, Кабе тотчас же замечает: "И тем не менее путь революции и насилия не кажется мне правильным..." Он считает, что не исчерпаны еще все мирные средства борьбы против бастилий. Как мало доверия ни внушает ему палата депутатов, избранная на основе высокого имущественного ценза, он продолжает надеяться, что "очевидные отныне последствия бастилий — повышение налогов, произвол и нарушения законности... беспокойство торгово-промышленных кругов, рост нищеты и недовольства, оппозиция со стороны муниципальных советов, национальной гвардии и населения, кровавые столкновения в департаментах, угроза существованию печати, суда присяжных заседателей и самой Хартии — словом, война правительства против буржуазии и пролетариев откроет, наконец, глаза депутатам... и они остановят строительство, которое означает не что иное, как посягательство на свободу".

Но главную роль в борьбе мирными средствами против бастилий должны сыграть рядовые граждане. Пусть они, по словам Кабе, "расшевелият депутатов своими петициями и обращениями, под которыми подписались бы миллионы человек (ибо никогда прежде петиции не имели бы такого решающего значения)". Кроме того, нация могла бы "выразить свою волю посредством *отказа от уплаты налогов*". Кабе

⁵⁸ Ibid P 49

⁵⁹ Ibid P 40

⁶⁰ Ibid P 36

⁶¹ Ibid P 58.

⁶² Ibid P 12-13.

⁶³ Ibid P 15

⁶⁴ Ibid

выражает надежду, что в этом случае “правительство уступило бы воле суверенной нации, бастилии исчезли бы, и печать, дискуссии, реформы, социальные вопросы снова послужили бы быстрому продвижению общества по пути мирного прогресса”. Но если правительство “проявило бы недомыслие” и отказалось бы подчиниться воле нации, то тогда... Свою мысль Кабе заканчивает многозначительным отточением⁶⁵.

Все эти соображения побуждают Кабе в довольно уклончивой форме выразить свое отношение к революции. Он заявляет: “...Я ни в малейшей мере не являюсь революционером как коммунист, я, возможно, им стану как патриот, ненавидящий бастилии, но я еще им не стал”⁶⁶.

Эту загадочную мысль Кабе подробно разъясняет далее в своей брошюре. Легче всего понять, почему он противник революции как коммунист. В своих рассуждениях на эту тему он исходит из убеждения в том, что “общность нельзя установить посредством насилия”. Для наглядности он предлагает читателям вообразить, что произошло бы, если бы коммунисты прибегли к силе для осуществления своей мечты. “Предположим, – пишет он, – что коммунисты при помощи силы добились успеха, что они совершили революцию и овладели властью. В результате немедленно возникает угроза войны с аристократией всей Европы, которая прибегнет к интервенции или угрозе интервенции. Что они будут тогда делать? Провозгласят ли они завтра общность, заставляя [население] принять ее силой? Но если в настоящее время коммунистов очень мало, то и в ближайшем будущем их будет ненамного больше. Ведь и сейчас наберется не больше 100 000 человек, кому вообще знакомо слово “общность”. Именно потому, что до сих пор на нее безудержно клеветали, извращали ее суть, обвиняли и преследовали ее как явление, внушающее страх и ужас, ее с яростью отвергнут все богачи. Ее также отвергнут в сельских местностях, в департаментах, от нее отвернется большая часть невежественного, обманутого богачами народа... Что делать тогда? Пожелают ли они применить насилие, чтобы установить общность? Но если большинство ее противников предпочтет погибнуть, то это, следовательно, приведет к гражданской войне, которая разгорится до начала внешней войны или одновременно с ней! Если коммунисты победят в гражданской войне, то они будут настолько ослаблены, что не смогут сопротивляться армиям всей Европы. Но если они даже не прибегнут к насилию, если их противники противопоставят им всего лишь *силу инерции*, откажутся платить налоги, нести военную службу...”

Кабе не считает нужным продолжать этот рассказ. Исход коммунистического эксперимента, основанного на насилии, для него и так очевиден: провал неизбежен, какова бы ни была причина. Нам, живущим в конце XX века, его прогноз любопытен тем, что Кабе фактически исключает возможность того, что революционеры прибег-

нут к террору, чтобы сломить “силу инерции” противников немедленного введения общности. Исходя из опыта революции конца XVIII в., он, очевидно, рассматривал террор как сугубо защитную меру, выполняющую консервативную функцию. Террор целесообразен против горстки аристократов, заговорщиков и предателей, которые стремятся повернуть вспять развитие общества, восстановить систему сословных привилегий и королевского произвола, отвергнутую большинством граждан. Кабе и вообразить не мог, что террору может быть подвергнуто большинство населения, хотя бы и “ради его же блага”.

Общность, по Кабе, это не только внешние формы жизни – производство, распределение, досуг и т.д. Это прежде всего система воззрений, привычек, ценностей, которым люди следуют в своей общественной деятельности и частной жизни. Так вот, утверждает он, “нельзя силой навязать мнения, убеждения, веру, доктрину”. Более того, силовыми методами и даже одной только угрозой их применения можно навечно скомпрометировать идею общности в глазах граждан. “Если бы коммунисты, – пишет он, – всего лишь выражали надежду совершить революцию, чтобы затем установить общность посредством насилия, то и тогда они приобрели бы столько врагов, внушили бы такой страх, что уже никогда не смогли бы совершить революцию с последующим установлением общности”. Поэтому важно не только отказаться от планов коммунистической революции, но даже и не упоминать о них в гипотетическом плане. “Абсолютно необходимо, – заключает Кабе, – представлять себе установление общности не иначе, как посредством дискуссии, убеждения, могущества общественного мнения, свободного и обдуманного волеизъявления нации. Чтобы люди поверили в коммунизм, нужны не угрозы и шантаж, а положительный пример, пропаганда и прозелитизм”⁶⁷.

К этой теме Кабе возвращается спустя полгода, в одиннадцатом “Письме коммуниста реформисту об общности”, датированном 12 февраля 1842 г. Он пишет, что с 1837 г., когда было окончено “Путешествие в Икарию”, он во всех своих сочинениях неизменно проводил мысль о невозможности установить общность насилием. Напрасно бы его пытались поймать на противоречиях, поскольку он “тысячу раз убежден, что было бы безумием, оставаясь в меньшинстве, пытаться навязать силой доктрину, теорию, идею или систему, особенно когда препятствием тому служат столько предрассудков, предубеждений, привычек и страстей; когда речь идет о самой крупной перемене среди когда-либо происходивших на земле, о самой глубокой реформе, о самой полной революции, о подлинном возрождении, словом, об общности”. Кабе не питает никаких иллюзий относительно того, готово ли современное общество к резким переменам, навязанным силой. “При нынешнем состоянии умов, – пишет он, – в условиях анархии мнений, расколов и раздоров, клеветы, которую демократы в ослеплении возводят на коммунистов, любые перемены, если они произойдут, не

⁶⁵ Ibid. P. 15–16.

⁶⁶ Cabet E. Ma ligne droite... P. 18.

⁶⁷ Ibid. P. 18–19.

принесут никакой пользы общности. Внезапная и чисто материальная революция могла бы даже помешать ей и задержать ее ход и успехи!”⁶⁸

Но вернемся к анализу “Моей правильной линии”. Четко определив свое отношение к планам насильственной революции, имеющей целью установление общности, Кабе переходит ко второй части проблемы. Почему он не стал революционером “как патриот, ненавидящий бастилии”? В ответ он подвергает подробному разбору методы политической борьбы, применяемые революционерами.

Решительно осуждает он покушения на жизнь и цареубийства. В прошлом, пишет он, это был надежный метод сведения счетов с врагами, которым князья пользовались против королей, придворных, аристократов и церковных иерархов. Такие акции тщательно готовились, а роль исполнителя высокопоставленные заговорщики поручали специально подобранному и обученному человеку. Но разве так были подготовлены недавние покушения на жизнь сановников Июльской монархии, совершенные большей частью в одиночку и при крайне неблагоприятных обстоятельствах? “Разве имели шансы на успех пистолетный стрелок на Пон-Руайаль, Алибо, Дармес? – вопрошает Кабе. – ...Нет, ибо все эти покушения – плод недомыслия”. Но главное все же не технические трудности, а их откровенный авантюризм. “...О какой беспечности, какой безответственности по отношению к народу они свидетельствуют! – восклицает Кабе. – Представьте себе, некий рабочий, неизбежно малоискушенный в политике и неопытный человек, одинолично берется решать вопрос о революции... А что если он ошибается? Что если революция... окажется несвоевременной?... Что если она погубит тех, кого этот незадачливый человек хотел спасти?... Когда народ гибнет, какая ему разница – от руки ли это преданного друга или заклятого врага?”⁶⁹

Проявлением легкомыслия считает Кабе и стремление некоторых коммунистов создавать запасы оружия и боеприпасов в предвидении вооруженного восстания. “Революционные идеи, – пишет он, – ...получили такое широкое распространение благодаря карлистским, бонапартистским и республиканским заговорам, что все партии готовятся к восстаниям, сражениям и гражданской войне...” Но одно дело партии аристократии и буржуазии, располагающие большими деньгами и надежными укрытиями, а другое – народная партия, у которой нет ничего. “Никогда, – утверждает Кабе, – не смогут вооружиться все рабочие или хотя бы их значительная часть”. Но даже в самом благоприятном случае им не избежать огромной опасности. Полиция “прибегнет ко всем своим уловкам (шпионажу, слежке, обольщению, подкупу, провокации, предательству)”, чтобы помешать вооружению народа. “Она будет хватать всех подряд, сажать под арест, обыскивать, бросать в тюрьмы и доводить до разорения, а затем в целях устрашения

будет трубить о раскрытии заговора”. И в итоге, заключает Кабе, “оружие и боеприпасы попадут к противнику”, а бедные рабочие будут окончательно “дезорганизованы и деморализованы”⁷⁰.

Противопоказана рабочим и любимая игра аристократов и буржуа в заговоры и тайные общества. Имея деньги, салоны, время, возможности для собраний и переписки, почему бы в самом деле не позабавиться? Но для рабочих, считает Кабе, тайные общества “почти невозможны и уж во всяком случае, не столько полезны, сколько опасны”. “Каковы итоги деятельности тех из них, о которых стало известно благодаря судебным процессам? – вопрошает Кабе. – ...Мало ли мы видели среди их членов болтунов, пьяниц, наушников, доносчиков и предателей?” И не без сарказма добавляет: “Может показаться, что их уставы, никому не известные и никем не исполняемые, для того только и написаны, чтобы оказаться в руках полиции и послужить основанием для обвинительного приговора!” Весьма язвительно он отзывается о духовно-нравственной атмосфере, царящей в тайных обществах: в них “проще простого плести небылицы, лгать, двурушничать”, они “подталкивают своих членов к необдуманным поступкам, нетерпению, поспешности, безрассудству, поскольку стоит только нескольким храбрецам собраться вместе, как они чувствуют себя многочисленными и непобедимыми”. Но печальнее всего то, что тайные общества дают полиции “предлог для запрета любых собраний и проведения домашних обысков”, а их членов “почти всегда парализует сознание собственной вины и страх быть обнаруженным и избитым в случае сопротивления”⁷¹.

Все, сказанное выше о тайных обществах, Кабе целиком относит и к вооруженным восстаниям (которые он называет мятежами), уличным манифестациям и тайным собраниям на дому. Все эти формы деятельности, по мнению Кабе, являются “ловушкой, капканом, западней” для искренних, но простодушных людей. “Полиции, – пишет он, – нет ничего проще, чем внедрить в них своих агентов... [следовательно] рядовые участники оказываются во власти провокатора, уличного мальчишки, глупца или безумца”. Несколько мягче он отзывается о публичных банкетах: они “могут принести пользу, способствуя углублению братства, заведению знакомств и обмену мнениями”. Кабе признает, что раньше он “решительно отказывался бывать на реформистских и коммунистических банкетах”, опасаясь углубления раскола между демократами и коммунистами. Но к счастью его опасения не оправдались. По его словам, “вреда от них оказалось меньше, чем я предполагал”. Тем не менее он по-прежнему скептически отзывается о бельвийском банкете коммунистов 1840 г.: о нем, по его словам, “официально сообщалось с такими преувеличениями, что это внушает тревогу”⁷².

Характеризуя нелегальную печать, Кабе по всей видимости вспом-

⁶⁸ Cabet E. 12 lettres .. P. 144.

⁶⁹ Cabet E. Ma ligne droite... P. 20–21.

⁷⁰ Ibid. P. 21–22.

⁷¹ Ibid. P. 22.

⁷² Ibid. P. 23–24.

нил о событиях Июльской революции 1830 г. Ее важным организующим центром были либеральные газеты, закрытые правительством Реставрации, но выходившие, несмотря на запрет. Порицая ее в целом за свойственный ей “дух вражды, насилия и угроз”, он тем не менее отмечает, что “при наличии способного руководства нелегальная печать в решающий момент может принести исключительно большую пользу”⁷³.

Итак, из рассуждений Кабе со всей очевидностью вытекает вывод: революция практически невозможна, заранее обречена на поражение, если народ, рабочие попытаются ее совершить, прибегая к заговорщическим, повстанческим методам борьбы. Значит ли это, что он по-прежнему остается противником революции? Как мы отмечали выше, еще в “Моем коммунистическом кредо” он предупреждал о возможности “непредсказуемой революции”. Происшедшие с тех пор события лишь укрепили его убеждение в том, что обстановка в стране чревата революцией. “Мы переживаем, – пишет Кабе, – один из тех великих кризисов, которые решают судьбу народов”⁷⁴. В другом месте он говорит: “Положение (во Франции. – А.Р.), вероятно, еще никогда прежде не было более взрывоопасным и критическим”⁷⁵. Но это его несколько не пугает. В завуалированной форме (очевидно, с оглядкой на цензуру) он даже высказывается в пользу революционного выхода из текущего политического кризиса. При этом он дает понять, что речь идет не о верхушечном перевороте, громко именуемом революцией, каких Франция и другие европейские страны насмотрелись вдоволь за последние десятилетия. Он имеет в виду народную революцию, т.е. совершаемую самим народом в единодушном стихийном порыве. “...Если бы не бастилии, – заявляет Кабе, – то я не был бы революционером. Но поскольку бастилии представляются мне величайшим несчастьем, хуже смерти, я последую за нацией, на какой бы путь она не встала”⁷⁶.

Народную революцию заранее не спланируешь, не назначишь на определенный день и час. Поэтому суeta с тайными обществами, заговорами, созданием вооруженных групп и т.д. представляются Кабе напрасной тратой времени и сил, хотя и далеко не безобидной по своим последствиям. Заговоры и изолированные восстания, подготовленные горсткой смельчаков, вредны еще и потому, что они приводят к преждевременному расходу революционной энергии народа, поддерживают готовность правительства к сопротивлению народным требованиям. “Тысячи примеров истории доказывают, – пишет Кабе, – что поспешность и несвоевременность могут все погубить... Ненавистная система непременно разоблачит себя и падет, выставив на всеобщее

обозрение свои пороки. Только наши ошибки – мятежи и покушения – придадут ей силу и спасают от гибели; она пала бы сама по себе или подверглась бы преобразованиям, если бы мятежи и покушения время от времени не поддерживали и не укрепляли ее, не придавали ей смелости. Например, мятеж, затеянный в июне несколькими гордецами или безумцами, предотвратил восстание и революцию, которые наверняка произошли бы, если бы у них хватило терпения подождать пару месяцев”⁷⁷.

Впрочем, эти мысли о готовности принять народную революцию, в случае если она разразится, Кабе высказывает лишь на первых страницах брошюры “Моя правильная линия”, далее никак их не развивая.

Как расценивать то обстоятельство, что осуждая революцию и насилие как способы борьбы за демократию и общность, Кабе все же допускал их возможность в случае, если они будут носить спонтанный характер, являться результатом стихийного, т.е. не спровоцированного, порыва самого народа?

По этому поводу в литературе высказывалось мнение о том, что не следует чрезмерно доверять публичным заявлениям Кабе, сделанным с оглядкой на далеко не праздный интерес, который проявляли к ним полиция и прокуратура. А.Б. Резников, автор главы коллективного труда, отмечая “противоречивость взглядов Кабе на значение насилия в преобразовании общества”, тем не менее считает, что имеются веские основания причислить этого социалиста к революционерам. Он аргументирует свой вывод тем, что совершенное общество в Икаррии возникло “в результате народного восстания и насильственной революции”. “Именно здесь, – пишет А.Б. Резников, – центр тяжести рассуждений Кабе о силе и насилии”. Отмечая “революционизирующее значение” многих черт коммунистической теории и пропаганды Кабе, автор кроме того утверждает: “Мирная икаррийская проповедь объективно заключала в себе и революционное содержание”⁷⁸.

С последним утверждением названного историка спорить трудно. Тем более что те полицейские чиновники, которые сто пятьдесят лет тому назад по долгу службы анализировали и оценивали значение пропагандистской деятельности Кабе, скорее всего и сами согласились бы с его мнением. В частности, в полицейском докладе, подготовленном 14 января 1848 г., говорилось: “...Утопии Кабе внушают рабочим глубокое отвращение к их статусу и положению, а также вызывают в них ненависть к иерархической организации общества, в котором им приходится жить. Подобные теории активно расшатывают общество, и какие бы предосторожности Кабе не принимал в своих сочинениях, рекомендуя своим сторонникам не прибегать к мятежам... люди, которых убеждают в том, что общественные

⁷³ Ibid. P. 24.

⁷⁴ Ibid. P. 3.

⁷⁵ Cabet E. Ma ligne droite... P. 13.

⁷⁶ Ibid. P. 15.

⁷⁷ Ibid. P. 14. Кабе имеет в виду республиканское восстание 5–6 июня 1832 г. в Париже.

⁷⁸ Международное рабочее движение: Вопросы истории и теории. М., 1976. Т. 1. С. 325.

учреждения им враждебны, весьма предрасположены к тому, чтобы стать революционерами”⁷⁹.

Но что касается первой части вопроса – где лежит центр тяжести учения Кабе о силе и насилии, – то мы бы не согласились с А.Б. Резниковым. На наш взгляд, готовность принять народную революцию свидетельствует лишь о том, что Кабе был готов примириться с неизбежностью, если и когда она произойдет. Но не более того. Провоцировать революцию, приближать ее своими действиями и тем более радоваться ее началу, предвидя все опасности и несчастья, которые она с собой несет, Кабе не мог и не хотел.

Глава 5

ПУТЬ ЛЕГАЛЬНОСТИ И ГРАЖДАНСКОГО МУЖЕСТВА

Кабе подверг критике заговорщические, повстанческие методы борьбы, которых придерживались многие коммунисты, в надежде сблизить позиции демократов-реформистов и сторонников общности. Он рассчитывал на создание широкого объединения всех оппозиционных Июльской монархии народных и демократических сил в целях проведения реформ и в перспективе – осуществления общности. При этом он не ограничился критикой, но предложил альтернативу заговорам и восстаниям, которую не всегда точно определял как “путь общественного мнения, силу инерции, оборонительную позицию”¹, “систему легальности”² или “путь гражданского мужества”³. Суть ее заключалась в отказе от противозаконных действий, выходящих за рамки легальности, в использовании только тех возможностей борьбы, которые предоставляет гражданам закон.

Но стремясь сблизить позиции демократов-реформистов и коммунистов, Кабе не заметил, как сам вступил в острейший конфликт со многими коммунистами, не разделявшими его увлечения легальными методами борьбы. По всей видимости, он не предполагал, что его воззрения вызовут стойкое неприятие в коммунистических кругах. Всю глубину политических и мировоззренческих противоречий между ним и революционными коммунистами по широкому кругу вопросов выявила лишь дискуссия по его программе мирного, демократического и легального пути борьбы за реформы и продвижение к общности. Она завершилась расколом коммунистического движения в политическом отношении на два противоборствующих течения – мирное и революционное.

КАБЕ О ГРАЖДАНСКОМ МУЖЕСТВЕ И ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

Рьяным приверженцем легальности Кабе стал не из-за страха перед возможными и даже неминуемыми преследованиями в случае нарушения законов Июльской монархии, весьма, заметим, суровых. Не он ли в молодости не раз рисковал личной свободой и безопасностью, поплатившись за свою деятельность преследованиями и ссылкой в 1834 г.? Во всяком случае, мы не находим оснований упрекать его в поли-

⁷⁹ Les Archives Nationales de France, BB¹⁸ 1451. Doss. 3598.

¹ *Cabet E* Ma ligne droite, ou le Vrai chemin du salut pour le peuple. P., 1841. P. 15.

² *Ibid.* P. 25.

³ *Ibid.* P. 26.

тической трусости. Кабе выступает за соблюдение легальности по другим, безусловно заслуживающим уважения причинам. И в борьбе за общность, переход к которой мыслился им как следствие свободного и осмысленного выбора граждан, и за политические реформы он апеллирует прежде всего к гражданской совести людей. И ее повседневным проявлением он считает соблюдение законного порядка. Попробуем проследить за ходом мысли Кабе, детально объясняющего свою политическую тактику в ряде полемических сочинений.

Как мы уже знаем, фатальную причину невезения народа в борьбе за демократию и реформы во время революций конца XVIII в. и 1830 г. Кабе усматривал в том, что в решающий момент власть имущие пользовались его политической наивностью и неопытностью в своих корыстных целях. Его возмущало, как цинично аристократия и буржуазия манипулировали народом, играя на его чувствах и настроениях. Он стремился поднять самосознание народа, разбудить в нем чувство собственного достоинства. Люди должны действовать и бороться, считал он, не повинаясь инстинкту толпы, а руководствуясь своими ясно понятыми правами и интересами. Сознывая, что привилегия образования и культуры неизбежно принадлежит власть имущим классам, он придавал большое значение политическому руководству народа со стороны преданной ему части буржуазии.

Вместе с тем, одну из важных причин неспособности народа постоять за свои интересы Кабе усматривал в том, что его волю и стремление к победе зачастую парализовало сознание юридической и этической неполноценности собственного положения по отношению к властям. Что бы он ни делал, защищая свои права, почти всегда закон и обычаи были не на его стороне, а на стороне его противников. Что и позволяло им активно прибегать к шантажу, угрозам, запугиванию как инструментам морального давления на народ. Это также делало народ игрушкой в руках ловких авантюристов, пользовавшихся отчаянием и беспомощностью народа.

Следовательно, к вопросу об использовании легальных и нелегальных методов борьбы демократами и коммунистами Кабе подходил не только с утилитарных позиций – что полезнее или действеннее, – но и с морально-этических. Его беспокоили не только непосредственные, ощутимые результаты, но и отдаленные последствия их применения, прежде всего, их обратное влияние на моральный дух и умонастроения людей, ими пользующихся. В конечном счете, вопрос для Кабе заключался в том, насколько методы борьбы за демократию и общность соответствуют целям, и, следовательно, не уведут ли они в сторону, если явным образом им противоречат.

По всей видимости, поставить этот вопрос Кабе заставили разногласия в коммунистическом движении, обнаружившиеся в начале 40-х годов. Большое впечатление на него произвели и судебные процессы над членами тайных обществ, состоявшиеся в это время⁴. Во

всяком случае, мысль о том, что противозаконные методы борьбы, при всей их кажущейся привлекательности, имеют тот решающий недостаток, что они притупляют гражданские чувства у людей, прибегающих к ним, делают их объектом политических манипуляций, вообще приучают их вести себя недостойным образом, Кабе, как нам удалось установить, впервые высказал и обосновал в брошюре “Моя правильная линия”.

Кабе утверждает в этой брошюре, что противозаконные способы борьбы, даже за правое дело, деморализуют людей, прибегающих к ним. “Если вы чувствуете себя виновным в нарушении закона, – указывает Кабе, – то вы уже не свободный и самостоятельный человек; вы стали рабом своего поступка, вас одолевает страх, что вас могут обнаружить, задержать, изобличить и осудить. Если вы являетесь членом тайного общества или участником заговора, если вы прячете оружие и боеприпасы, нелегальные газеты и запрещенные сочинения, списки и адреса, письма или любые другие материалы, на основании которых вас лично или связанных с вами лиц можно преследовать по закону, то вы уже себе не хозяин... вы будете трястись от страха... терпеть любой произвол, притеснения, беззакония, оскорбления и насилия полиции... лгать. Унизительность такого положения для вас мучительна, а народ это ведет к всеобщей деморализации, что представляет собой одно из тягчайших национальных бедствий”⁵.

Кабе полагает, что противникам правительства при любых обстоятельствах предпочтительней оставаться в рамках закона. “Все будет иначе, – убеждает он сограждан, – если вы согласитесь с необходимостью соблюдать закон об ассоциациях, собраниях и уличных шествиях, закон о владении оружием и боеприпасами; если вы откажетесь от насильственных действий, заговоров, мятежей и покушений; если вы чистосердечно и активно поддержите систему легальности, приняв решение ограничиться только законными действиями и использовать те возможности, которые вам предоставляет закон”. Он призывает сограждан: “Изучайте законы, преданно исполняйте и никогда не преступайте их! Используйте все возможности, которые они вам предоставляют, все свободы, которых они вас еще не лишили!” Вместе с тем, граждане должны требовать, чтобы правительство тоже уважало законы. В случае, если оно само их нарушит, нужно этому “сопротивляться любыми разрешенными законом мирными способами – заявлять протесты, требовать составления протокола, записывать свидетельства очевидцев, подавать иски в суд, рассказывать об этом в печати”. В особенности же нужно требовать соблюдения всех законных процедур при домашних обысках, досмотрах, конфискациях, арестах, допросах и т.д.⁶

В июне 1842 г. Кабе публикует своеобразное “Руководство гражданину, столкнувшемуся с полицией и правосудием”⁷, в котором

⁵ Ibid. P. 24–25.

⁶ Ibid. P. 25.

⁷ Cabet E. Guide du citoyen aux prises avec la police et la justice. P., 1842.

⁴ См.: Иоаннисян А.Р. Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1840–1841 гг. М., 1983. С. 124–134, 247–254 и др.

цитирует и разъясняет законы, регламентирующие общественно-политическую деятельность в Июльской монархии, а также дает подробные наставления о том, как должен вести себя законопослушный гражданин в случае, если вдруг подвергнется домашнему обыску, задержанию, аресту или конфискации имущества. В этой брошюре он подтверждает свою приверженность “пути легальности и гражданского мужества”, намеченному в “Моей правильной линии”⁸. Столь же резко он высказывается и против различных нелегальных форм политической деятельности и пропаганды, таких как тайные общества, вооруженные восстания, подпольная печать, массовые собрания на площадях и улицах, хотя бы и под благовидным предлогом банкета или похорон.

С помощью юридических выкладок Кабе доказывает, что законами Июльской монархии запрещены любые формы коллективной политической деятельности, кроме непродолжительных собраний, проводящихся нерегулярно на дому у кого-либо из граждан или в общедоступных местах, без повестки дня и постоянного состава участников с целью взаимного просвещения или совместного проведения досуга. Буржуазия, аристократия и государственные чиновники, пишет он, давно пользуются этой лазейкой в своих политических целях, ежедневно устраивая приемы, обеды и вечера, приглашая гостей, давая балы, концерты и т.д. Почему бы, считает он, демократам, реформистам и коммунистам также не собираться друг у друга или в общественных местах, чтобы “поговорить, почитать, поспорить”⁹.

Предположим, пишет Кабе, что на подобное собрание дома у кого-нибудь из граждан нагрянет полиция. Как хозяин должен себя вести в этом случае, не чувствуя за собой никакой вины? Для наглядности Кабе приводит диалог, который мог бы состояться между ним и полицейским чиновником:

“Полицейский: Именем закона, откройте!

Гражданин: (Присутствующим) Успокойтесь, ничего не бойтесь, я все улажу!... (Затем, обращаясь к незнакомцу) Кто вы такой?

Полицейский: Комиссар полиции.

Гражданин: Чем вы это докажете? (Комиссар полиции должен быть в мундире с перевязью, в противном случае гражданин может принять его за злоумышленника, пытающегося ограбить его дом, и закрыть перед ним дверь).

Комиссар: Пожалуйста!

Гражданин: Что вам угодно?

Комиссар: Разоблачить тайное общество.

Гражданин: Ваш мандат?

Комиссар: Пожалуйста.

Гражданин: Прочтите или дайте мне прочесть.

Комиссар: У вас заседание тайного общества?

Гражданин: Отнюдь нет.

Комиссар: Это собрание доказывает, что вы состоите в тайном обществе!

Гражданин: Это собрание доказывает только то, что у меня собрались друзья, а не тайное общество. У меня есть право встречаться дома со своими друзьями и друзьями друзей... В конце концов вы не судья, чтобы решать этот вопрос” и т.д. в том же духе¹⁰.

Кабе упоминает в своей брошюре и о такой своеобразной форме самообразования и досуга, как “читательские и дискуссионные курсы”, которые возникли среди парижских рабочих в начале 40-х годов. “Рабочие, – пишет он, – собирались после работы в своих мастерских или в кафе [cabaret] для совместного чтения, а затем обсуждения вопросов социальной экономики, организации труда и пр.” По данным Кабе, некоторые из этих собраний назывались “икарийскими курсами”, потому что на них читали и обсуждали “Путешествие в Икарию”. Несомненно, Кабе было лестно узнать об их существовании. Тем не менее, он считает, что “от этих курсов... гораздо больше вреда, чем пользы... Можно ли быть уверенным, что полиция или враждебные элементы не проникнут в число их членов, чтобы сеять расколы, раздоры и беспорядки?” Кабе досадует на то, что “собрания и дискуссии подобного рода, совершенно свободные в Англии, Америке и во всех других странах, пользующихся хоть какой-то свободой, по-прежнему наталкиваются на препятствия во Франции, хотя ее конституции не раз провозглашали свободу собраний...”¹¹

Приняв “систему законности”, считает Кабе, коммунисты и демократы добиться важного морального перевеса над правительством. Это существенно, поскольку материальное преимущество заведомо на стороне правительства. Не оппозиция, а правительство теперь будет прятать от общественности свои неблагоприятные дела. В то же время оппозиция сможет воспользоваться всеми выгодами гласности. С тем большим рвением, заявляет Кабе, ей будут оказывать помощь все честные граждане. “Тогда все адвокаты сочтут своим долгом и честью защищать вас в суде!”. И печать “с удвоенным мужеством и энергией” поддержит справедливое дело. Во всяком случае, Кабе обещает оппозиции самую активную поддержку “Попюлэр”.

В бесстрашном исполнении своего гражданского долга, не преступая закона, и заключается, согласно Кабе, путь легальности и гражданского мужества. В отличие от противозаконных, нелегальных способов борьбы он предполагает опору на “могущество общественного мнения и общественного сознания”.

Общественное сознание, по определению Кабе, это прежде всего “сознание общественных, главных, общенациональных дел”. От степени его развития зависит отношение людей к политике (Кабе уточняет, что “слово *политический* означает *общий для всех*”). А заинтересованность, активное участие в ней являются, по его мнению, важнейшим признаком гражданского поведения. “Остаться безразличным к политике, – страстно заявляет Кабе, – это значит передать право решать свою

⁸ Ibid. P. 2.

⁹ Ibid. P. 7–8.

¹⁰ Ibid. P. 8–9.

¹¹ Ibid. P. 10.

судьбу другим... отдаться течению, подчиниться случайности... не видеть различия между диктатурой, господством демократии или аристократии превратиться в раба, овцу, дикое животное оставаться... безразличным к собственным интересам и пренебрегать общественными интересами, вместо того, чтобы им служить”.

Это заявление Кабе бесспорно свидетельствует как о его политической пристрастности, ничего общего не имевшей с филантропической проповедью Сен-Симона или Фурье, так и о мере политизации общественной жизни во Франции вообще. Политические страсти во времена Июльской монархии были накалены до такой степени, что в представлении Кабе и многих его современников все злободневные вопросы жизни в конечном счете упирались в вопрос о власти. Они прониклись убеждением, что любое уклонение от политического выбора, продиктованное, быть может, благими намерениями, например, стремлением избежать пагубных последствий гражданской распри, расценивалось не иначе как поступок, бесчестящий гражданина.

Кабе в значительной мере разделяет это умонастроение. Он пишет: “Я больше всего восхищаюсь законом Афин, который обязывал каждого гражданина в период гражданских волнений присоединяться к той или иной партии”. Каким благом оказался бы этот обычай в настоящее время! “Если бы во Франции, – пишет Кабе, – было развито общественное сознание, то... все демократы – как коммунисты, так и реформисты – подписали бы петицию в поддержку избирательной реформы, и все – как реформисты, так и коммунисты – подписали бы петицию против бастилий”¹².

Впрочем, предвидя, в какие крайности могут впасть некоторые горячие головы, следуя его пожеланиям, Кабе предупреждает, что участие в политике предполагает и сознание гражданином ответственности за поступки, которые влияют на судьбу других людей. “Любой, – пишет он, – кто будет вмешиваться в политику, не обладая соответствующими способностями, образованием и опытом, уже по одной этой причине может считаться виновным перед своей партией”. Кабе сожалеет, что многим пока еще чуждо представление об этом: “Каждый возлагает ответственность на других; все требуют ее от министров и государственных чиновников... но никто не считает себя лично ответственным перед народом. Это пагубный обычай”¹³.

Кабе сознает, что некоторым его нетерпеливым соотечественникам путь легальности и гражданского мужества может показаться слишком долгим, окольным. Он действительно требует от идущих по нему времени и терпения. “Но на самом деле, – подчеркивает Кабе, – он кратчайший, потому что быстрее всего приведет вас к цели... Другие же пути, возможно, никогда к ней не приведут”¹⁴.

И далее Кабе намечает основные вехи того пути, по которому он призывает пойти своих сограждан. Прежде всего, нужно в полной мере

воспользоваться той единственной возможностью влиять на законодательную власть, которую Хартия предоставила гражданам, не допущенным из-за высокого имущественного ценза к избирательным урнам, – правом подачи петиций в палату депутатов. Очевидно, во время ссылки в Лондоне большое впечатление на Кабе произвела кампания чартистов по сбору подписей в поддержку “рабочей” избирательной реформы, пик которой пришелся как раз на середину 30-х годов. Почему бы не распространить опыт британских чартистов на Францию? До сих пор, пишет Кабе, “правительство и депутаты относились к праву подачи петиций с возмутительным равнодушием”, а “партии своим более чем прохладным отношением отучили от него граждан”. В его словах слышится упрек французским демократам, оказавшимся, по его мнению, неспособными с должным размахом организовать ни одну петиционную кампанию. Слышится в его словах и обида за то, что в прошлом его грубо оттолкнули организаторы комитета в поддержку избирательной реформы. Необходимо, считает он, организовать сбор подписей по крайней мере под двумя петициями – против бастилий и в поддержку избирательной реформы.

Значение избирательной реформы Кабе оценивает очень высоко. Она должна стать “первым шагом и первой ступенькой к любым мирным реформам, как политическим, так и социальным”. С целью организации сбора подписей под петицией в ее поддержку Кабе предлагает создать центральный комитет в Париже и его отделения в департаментах, которые бы объединили всех демократов. Если бы это произошло, мечтает Кабе, то “общественное сознание поднялось бы на гораздо более высокую ступень”, а “гражданское мужество получило бы гораздо больший размах и силу”.

Проведение избирательной реформы поставило бы в повестку дня “социальные вопросы”. “В настоящее время, – пишет Кабе, – все согласны с тем, что главной задачей и целью является социальная реформа, тогда как политическая реформа служит ее дополнением, средством или орудием проведения”. В подтверждение этих слов он высказывает мысль о том, что “в настоящее время все мятежи носят социальный характер”¹⁵. В свою очередь решение социальных вопросов “связано с поиском наилучшей системы организации общества”. Собственно говоря, выбор невелик. “Мир, – пишет Кабе, – разделен на две большие системы – систему аристократии, или неравенства и привилегий, и систему демократии, или равенства”. Истоки последней уходят в глубь веков. Еще христианство, церковная реформация и Французская революция пытались осуществить равенство. В последнее время возникли социальные системы Оуэна, Сен-Симона, Фурье и Бюше, которые называют еще социэтарными, а также различные системы общности. Не углубляясь в их анализ, Кабе лишь замечает,

¹² Cabet E. Ma ligne droite... P. 26–27.

¹³ Ibid. P. 27.

¹⁴ Ibid. P. 26.

¹⁵ Примечательно, что задолго до июньского восстания 1848 г., с оценкой которого мы уже знакомы, Кабе похоже оценивает и восстания 30-х годов, включая лионские 1831 и 1834 гг.

что, по его глубокому убеждению, “демократия является синонимом общности, поскольку... невозможно осуществить и организовать *демократию*, не принимая *общность*”. Сам этот новый строй он определяет как “*эгалитарную, братскую, унитарную ассоциацию*, т.е. ассоциацию, основанную на принципах равенства, братства и единения”¹⁶.

Но каковы бы ни были его личные убеждения, выбор наилучшей социальной системы безусловно принадлежит самим гражданам, общественному мнению, утверждает Кабе. Ибо ни одна революция “материально неосуществима, если ей не предшествует революция в *душах* и в *головах* людей”. А кроме того, “*мнения правят миром*”. Оба эти афоризма Кабе считает “бесспорными истинами”. Помочь гражданам сделать правильный выбор должна пропаганда, которой Кабе придает огромное, даже решающее значение¹⁷.

В апреле 1842 г. Кабе публикует специальную брошюру под красноречивым названием “Коммунистическая пропаганда: вопросы, которые следует обсудить и поддержать и которые лучше отложить в сторону”¹⁸. Исходным пунктом его рассуждений на эту тему служит уже известная нам мысль о том, что “идея, принцип, теория, доктрина, система, наука, верование не подчиняются приказам и их нельзя установить силой и насилием”. Соответственно, и общность, как некогда христианство, может быть установлена только при помощи дискуссии, могуществом общественного мнения, следовательно, – пропагандой.

Но есть “пропаганда и пропаганда”, продолжает Кабе. Она может быть “хорошей и плохой”. И самого серьезного внимания заслуживает вопрос о том, как правильно вести пропаганду общности, потому что “неумелая пропаганда может надолго задержать общность”. По мнению Кабе, следует придерживаться “двух основных правил: упрощения и концентрации, т.е. упрощать все, что представляется сложным, чтобы облегчить решение задачи, и концентрировать ресурсы и усилия, чтобы решить ее с наименьшими усилиями”¹⁹.

Первым правилом нужно руководствоваться при отборе сюжетов пропаганды. “Совершенно очевидно, – утверждает Кабе, – что пропаганду вести гораздо легче, если она касается лишь небольшого числа простых и ясных вопросов, ни у кого не вызывающих возражений”. Следуя этому правилу, он предлагает ограничиться лишь “вопросами абсолютно необходимыми, которые затрагивают само существование общности”, а остальные отложить на будущее. Так, считает он, невозможно обойти молчанием вопрос о собственности, поскольку “сохраняя индивидуальную собственность в ее нынешнем виде, нельзя перейти к общности... изменение или преобразование собственности являются главным условием существования строя

общности”. То же самое касается “вопросов равенства, братства, концентрации, новой организации труда, денег”.

Напротив, вопрос о сохранении семьи в общности, по мнению Кабе, является второстепенным и лучше его вообще не затрагивать в пропаганде. Потому что “общность может существовать в равной мере как с семьей, так и без семьи, и вопрос о том, необходимо ли отменить, или сохранить семью в общности касается лишь степени совершенства этого строя”²⁰. Второстепенными считает Кабе также вопросы религии, материализма, спиритуализма, сохранения столиц и городов. “...Все эти вопросы, – указывает он, – не будучи главными и необходимыми, всегда вызывали и еще будут вызывать бесконечные споры, и поэтому было бы безумием упоминать о них в пропаганде, рассчитанной на народ”²¹.

Второе из двух вышеназванных правил ведения пропаганды представляется Кабе настолько очевидным, что он даже не считает нужным подробно разъяснять его в своей брошюре. Он лишь заявляет: “Без единства, сплочения и взаимопомощи мы бессильны... И если концентрация нужна для установления общности, то, вероятно, она еще больше необходима на дальних подступах к ней, поскольку без концентрации ресурсов и сил об общности нечего и мечтать. Думается, эта истина вполне относится к пропаганде и газетам”²².

УЛЬТРАКОММУНИСТЫ

Несоблюдение этих правил пропаганды Кабе прежде всего и ставит в вину многим коммунистам. Из его слов выходит, что вопрос о своевременности и целесообразности пропаганды для него важнее мировоззренческих разногласий или различий в понимании общности. Но Кабе явно лукавит, потому что на страницах своих брошюр он редко упускает возможность заявить о своей точке зрения по этим вопросам, особенно, если он не согласен с позицией оппонента. И отрешивается он от мировоззренческих вопросов не без задней мысли.

Объявив непримиримую войну “писателям”, “вождям”, бросившим вызов его авторитету, Кабе не забывает об идущих за ними и верящих им простых, не искушенных в тонкостях теоретических разногласий, людях. Не случайно, многие из его полемических брошюр прямо адресованы такого рода читателям. В брошюре “Моя правильная линия” Кабе, обращаясь к “молодому рабочему Жюлю”, фактически предлагает им компромисс: единство действий на основе обоюдного признания некоторых основных принципов общности и политической тактики и отказа от полемики по остальным вопросам. Кабе предвидит, что практическая польза от такого компромисса будет не в пример больше, чем от бесконечных споров, например, о том, как конкретно

¹⁶ Ibid. P. 33.

¹⁷ Ibid. P. 34.

¹⁸ Cabet E. Propagande communiste, ou Questions à discuter et à soutenir ou à écarter. P., 1842.

¹⁹ Ibid. P. 2.

²⁰ Ibid. P. 3.

²¹ Ibid. P. 8.

²² Ibid. P. 10.

организовать общество будущего. В конечном счете, считает он, не “писатели”-теоретики, а сами граждане решат эту проблему, когда придет время.

Особенно огорчает его распыление тех скудных сил и средств, которыми фактически располагают коммунисты. Положение в коммунистической печати в начале 40-х годов он определяет одним словом: “хаос”. Трудно усомниться в точности этого определения, учитывая, что едва возникнув, коммунистические газеты набросились друг на друга едва ли не с большим ожесточением, чем на “буржуазную” печать.

Вот как это положение выглядит в изображении Кабе: «Газета “Ателье”, издаваемая далекими от коммунизма рабочими, недавно выражала радость по поводу того, что рабочие собираются основать в Париже “Юманитэр”, а в Лионе – “Травай”. Но обе газеты, едва появившись на свет, обрушились на нее с нападками. “Травай” энергично выступила против “Насьональ”, которую боготворит “Ателье”, между тем как “Ателье” объявила войну “Юманитэр”, одновременно подвергнув критике “Фратерните” и “Попюлэр”. “Юманитэр” воюет со всеми другими коммунистическими газетами. “Коммюнетэр” объявила войну “Юманитэр”. “Фратерните” ополчилась против “Попюлэр”, “Ателье” и “Юманитэр”. “Попюлэр” осуждает все эти газеты».

Кабе называет этот раскол коммунистической и демократической печати “величайшим злом, которое только могло постигнуть коммунизм”²³. Но в том, что раскол произошел, он не видит своей вины. Он считает, что лично принес большие жертвы (например, на отсрочку публикации “Путешествия в Икарию”) в интересах единства с реформистами. Готов он к компромиссам и с коммунистами. И если он, как говорят, “не проявляет терпимости и братства” по отношению к некоторым из них, на это имеются серьезные основания. “...Следует проявлять терпимость, – пишет Кабе, – к честным людям, но подобное отношение к тем, кто губит народ, свидетельствует не о терпимости, а о потворстве, не о братстве, а о бесчеловечности по отношению к народу... Именно чувства терпимости по отношению к большинству и братства – к народу заставляют меня сурово осудить действия небольшой группы лиц, упорно не желающих понять, что сея рознь, они могут все погубить”²⁴.

О происхождении конфликта с этой “группой лиц” в коммунистическом движении Кабе рассказывает в “Моей правильной линии”. Причем, чтобы избежать “неловкости” при описании щекотливых подробностей, он предпочитает говорить о себе в третьем лице, как о некоем господине N... В этом рассказе мы опустим те подробности о его деятельности и событиях во Франции в течение первых полутора лет после его возвращения из ссылки, которые либо не имеют прямого отношения к делу, либо приводились нами выше.

Публикуя в октябре 1840 г. брошюры “Какой я коммунист” и “Мое

коммунистическое кредо”, а также большой и малый проспекты будущей газеты “Попюлэр”, Кабе, как он сам признается, хотел выяснить, пользуется ли он поддержкой среди коммунистов. Результат превзошел все ожидания. Свыше 70 тыс. человек выразили желание в складчину подписаться на 2 тыс. экземпляров новой газеты. Заметим, в ту пору тиражи крупных газет редко превышали 5–7 тыс. экземпляров. Свои услуги в издании газеты предложили ему Лаотьер и Дезами, уже успевшие проявить себя в коммунистической журналистике. Обоих Кабе тотчас же назначил своими “главными помощниками”. С Лаотьером Кабе стал настолько “близок и неразлучен”, что “даже доверил ему подготовку важного труда, опубликовав его под своим и его именами”. Он также “просил обоих помощников показывать ему свои сочинения, которые они собирались публиковать самостоятельно”, что они и обещали сделать.

Каково же было огорчение Кабе, когда готовясь выпустить в марте 1841 г. первый номер “Попюлэр”, он узнал, что Лаотьер без предупреждения опубликовал свое сочинение “Социальный закон”. “...Это был весьма странный поступок, – пишет Кабе, – означавший стремление к разрыву и соперничеству”. Еще больше потрясло Кабе известие о том, что Лаотьер тайком от него готовится к изданию газеты “Фратерните”. Она действительно вышла в свет одновременно со вторым номером “Попюлэр”. В ней Лаотьер, оправдывая свой поступок, между прочим писал: “Чем больше газет будет нести [читателям коммунистическую] веру, тем больше она приобретет прозелитов”²⁵.

Кабе был крайне раздосадован случившимся. Хотя действия Лаотьера и мешали созданию “единого руководства” коммунистическим движением, тем не менее Кабе решил не отступать от своего замысла. «По опыту зная, – пишет он, – что раскол всегда губит любое дело... N... прежде всего подумал о том, что придется закрыть свою газету... Но мог ли он вопреки здравому смыслу предоставить Лаотьеру руководство коммунизмом?.. Поэтому он решил не прекращать издание “Попюлэр”»²⁶.

К глубокому сожалению Кабе, пример раскольнических действий оказался заразительным. В Лионе группа рабочих основала газету “Травай”, «редакторы которой, связанные личными отношениями с Лаотьером, приняли сторону “Фратерните” в ее споре с “Попюлэр”». Кроме того, “два десятка рабочих, имена которых никому не известны”, приступили к изданию газеты “Юманитэр”, также претендовавшей на “руководство народом”. В вожди, по мнению Кабе, метил и автор проспекта газеты “Коммюнетэр”. “По слухам”, им являлся не кто иной, как Мейер. Желание поруководить народом Кабе почувствовал и в “Библии свободы” аббата Констана.

Болезненно задевали самолюбие Кабе личные выпады, содержащиеся в этих изданиях. Он принимал их на свой счет, даже если его имя

²³ Cabet E. Ma ligne droite... P. 35–36

²⁴ Ibid. P. 39–40.

²⁵ Ibid. P. 48.

²⁶ Ibid. P. 49.

не упоминалось. Например, он и не подумал пропустить мимо ушей следующее высказывание Лаотьера: “Некоторые люди одержимы манией известности. Нет таких уловок и махинаций, оскорблений, лжи и клеветы, к которым бы они не прибегли, чтобы добиться своего. Извращая чужие слова и намерения, ругая всех без разбора, они во что бы то ни стало хотят вынудить своих противников или тех, кого они признают таковыми, ответить и назвать их по имени. Что касается нас, то мы сорвем этот мелочный, торгашеский расчет”. В ответ на эти голословные обвинения Кабе пустился в пространные рассуждения о том, кто на самом деле томится безвестностью – “юноша ли, не лишенный хороших задатков”, т.е. Лаотьер, или человек, о котором “на его беду слишком часто говорили, начиная с 1815 г.”, иными словами, сам Кабе²⁷. Столь же эмоционально отреагировал он и на обвинение “Ателье” в нескромности. В его опровержение он сослался ни больше ни меньше как на пример Робеспьера. Цитируя “Парламентскую историю Французской революции” Ф. Бюше и П. Ру, Кабе подчеркивал, что “гонители этого самоотверженного мученика, обвиненного в гордыне”, сами были “людьми посредственного ума, более чем сомнительной честности”, страдавшими к тому же “непомерной гордыней”²⁸.

Но главное, что возмущало Кабе в упомянутых изданиях, были представления об общности. Он находил их во всех отношениях “чрезвычайно опасными”, за что и подверг резкой критике, надеясь, что “когда-нибудь эту критику поставят ему в заслугу”²⁹.

Еще до публикации “Моей правильной линии” Кабе выпустил в сентябре 1841 г. две полемических брошюры, одна из которых была посвящена “Опровержению трех сочинений аббата Констана”. Ее выходу в свет, между прочим, предшествовал скандал, связанный с критическими замечаниями “Попюлэр” в адрес этого автора³⁰. Он наглядно отразил предвзятость, с которой нередко относились к Кабе его оппоненты и на которую он жаловался. Изложением своей версии событий он и начинает упомянутую брошюру.

Согласно Кабе, он с самого начала понял “вред”, который могло причинить народу и общности сочинение Констана “Библия свободы”. Однако он промолчал об этом, беспокоясь о судьбе автора, против которого власти как раз затеяли судебный процесс. Кабе молчал даже после того, как был вынесен обвинительный приговор, но оставалась возможность его обжалования. И лишь после того, как приговор вступил в законную силу, в № 5 “Попюлэр” он опубликовал свои критические замечания. На эту публикацию немедленно откликнулась “Фратерните”. “Некая коммунистическая газета, – писал в № 4 этой газеты

Лаотьер, – недавно подвергла аббата Констана резкой критике, погрешив не только против принципа братства, но и против правил приличия. Аббат Констан наказан за свои сочинения; он отбывает тюремный срок, но мы разделяем его идеалы, поэтому не в том ли состоит наш долг, чтобы выразить ему наши симпатии и утешить его?” Лаотьер обвинял Кабе ни больше ни меньше как в коварном стремлении “раздуть обвинение прокурора”. Возмущению Кабе не было предела: “...раздуть обвинение королевского прокурора! Как будто наша статья, напечатанная после вынесения приговора, могла навлечь новое наказание!” Он саркастически замечал в адрес Лаотьера: “Почему-то этот молодой журналист не думает, что сам нарушает приличия и поступает не по-братски, нападая на “Ателье”, “Юманитэр” и г-на Ламене”³¹.

Что же касается существа разногласий, то “Библия свободы” и другие сочинения Констана не понравились Кабе по двум основным причинам. Он находил, что от них “мало пользы, поскольку они не содержат ничего нового”. Автор, по его мнению, лишь попытался доказать, что Иисус Христос первым провозгласил принципы свободы, равенства, братства и общности. Но он ничего не пишет о том, что представляет собой “большая социальная, территориальная, промышленная и т.д. общность”, а главное, “осуществима ли она в настоящее время”³². На глубокомысленное суждение Констана: “До тех пор, пока собственность не будет отменена, не исчезнет на земле и рабство” – Кабе иронически замечает: “Да об этом говорят на протяжении более чем двадцати столетий! Вопрос в том, каким образом можно избавиться от этого рабства”³³.

Вместе с тем, сочинения аббата Констана показались Кабе “опасными из-за содержащегося в них призыва к насилию”. Он цитирует автора “Библии свободы”: “Бедные и голодные! Сколько вас и сколько их? Ваша жизнь – медленная и мучительная смерть, рискните ею ради быстрой и славной смерти или победы, которая изменит вашу жизнь!” – и усматривает в этих словах не что иное, как “подстрекательство к кровопролитию”. Подобные призывы, по мнению Кабе, “не нужны народу”; он и так страдает от “невыносимого угнетения и отчаянной нищеты”. Но они еще и “опасны”, потому что могут подтолкнуть народ к “крайним мерам”, пробудить в нем “нетерпение”, которое его окончательно “погубит”³⁴.

Особенно резко отзывался Кабе о призыве Констана “к беднякам: пожирайте богатей, и к рабам: режьте глотки тиранам...” Эта, по его выражению, “смесь бесчеловечного насилия с оупляющими предрасудками”³⁵ совершенно анахронична и не соответствует уровню

²⁷ Ibid. P. 52–54.

²⁸ Ibid. P. 54–56.

²⁹ Ibid. P. 51.

³⁰ Довольно тенденциозную трактовку этого скандала дал А.Р. Иоаннисян. См.: Иоаннисян А.Р. Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1840–1841 гг. М., 1983. С. 184.

³¹ Cabet E. Ma ligne droite... P. 23–24.

³² Cabet E. Réfutation de Constant. P. 5.

³³ Ibid. P. 8.

³⁴ Ibid. P. 7.

³⁵ Ibid. P. 12.

современной цивилизации. “Если бы аббат Констан, – пишет Кабе, – провозглашал свои речи во времена нашествия варваров, то он во многом был бы прав... но сегодня, в условиях нынешней организации, которая укрощает страсти людей, неправильно считать, что все богатые являются разбойниками, грабителями и убийцами, этому не поверит ни один богач или собственник, даже бедняк, если завтра он станет собственником или богачом; и такие подстрекательские и внушающие ужас речи не избавят народ от нищеты и не приведут человечество к спасению”³⁶.

Возмущенный духом насилия, которым веет от призывов аббата Констан, Кабе в сердцах бросает: “Говорят, что аббат Констан – коммунист, да и сам он, по-видимому, так себя называет, хотя провозглашает лишь принцип общности, не указывая, как ее организовать, и основывает свою общность на насилии... если бы не существовало другого способа быть коммунистом, кроме того, которого придерживается этот молодой священник, я бы немедленно перестал быть коммунистом”³⁷. Впрочем, ему известны и “другие способы”. Поэтому, обращаясь к Констану, Кабе замечает: “Мы с вами по-разному понимаем, что значит быть коммунистом! Несомненно, так! В вашем изображении общность выглядит мрачной и отталкивающей; мы же стремимся сделать ее приятной и привлекательной...”³⁸

Констана и его единомышленников Кабе называет “ультракоммунистами”. Насколько нам известно, впервые он использовал это определение в шестом “Письме коммуниста реформисту об общности”, датированном 8 июля 1841 г. Правда, тогда он лишь пояснил, что речь идет о людях, “грешащих чрезмерным рвением”³⁹. Впрочем, читатели его “Народной истории Французской Революции” могли догадаться о происхождении нового понятия. В этом сочинении Кабе называл “ультрареволюционерами” тех политиков, которые оказались в оппозиции Робеспьеру слева – “бешеных”, эбертистов и “левых” термидорианцев. О том, что “ультракоммунисты” – это “ультрареволюционеры” середины XIX в., можно догадаться и при чтении брошюры, опровергающей воззрения Констан. В ней Кабе, порицая аббата-коммуниста за склонность к насилию, как бы невзначай напоминает читателям, что “самые кровожадные термидорианцы, вроде Бийо-Варенна и Фуше, тоже были священниками”⁴⁰.

Но определения самому течению Кабе не дает и в этом сочинении. Скорее, он даже сбивает с толку читателей, вводя еще одно понятие – “цитракоммунисты”. Оно относится уже к Лаотьеру, которого Кабе критикует как “спиритуалиста, мистика и метафизика”, человека, “без конца говорящего о Боге, вере и любви”. Об “ультракоммунистах” же он говорит только то, что вместе с “цитракоммунистами” они

образовали “престраннейшую коалицию в защиту аббата Констан”⁴¹. Впрочем, по характеру “опровержений”, которые Кабе дает воззрениям Констан, вполне можно понять, что “ультракоммунисты”, по его представлению, это прежде всего сторонники насилия.

Новый элемент в истолковании Кабе этого понятия появляется в брошюре «Опровержение “Юманитэр”», также опубликованной в сентябре 1841 г.⁴² Она посвящена критике взглядов, которые выражала эта газета по вопросу о семье и браке.

Поводом к полемике послужило заявление “Юманитэр” о том, что при строе общности мужчины должны постоянно путешествовать, чтобы “осуществить самое тесное смешение рас”. Иначе говоря, газета выступала за упразднение в их нынешнем виде брака и семьи. Кабе в № 5 “Попюлэр” довольно резко возражал: “Эта идея, может быть, и верна, но мы ее считаем безумной, по крайней мере, в настоящее время”. “Юманитэр” в долгу не осталась и попыталась уличить Кабе в непоследовательности, а именно в нежелании прямо и честно признать то, что “строго логически” вытекает из принципа общности. Иначе, язвительно вопрошала она, «откуда взялось это “может быть”» в реплике Кабе? Газетная перепалка и побудила Кабе без обиняков высказаться по затронутому вопросу.

Но прежде всего Кабе пояснил, почему в “Попюлэр” он написал, что упомянутая идея, “может быть, верна”. Он поступил так отнюдь не потому, что в душе был с ней согласен и только боялся признаться в этом публично, на что, по всей видимости, и намекали авторы “Юманитэр”. Ибо, продолжал он, “во всех наших сочинениях мы всегда протестовали против тех, кто выступал за упразднение брака и семьи”. Он всего лишь хотел пощадить самолюбие авторов этой газеты, поскольку слышал, что “ее основали и редактируют *рабочие*, которых еще можно чему-то научить”⁴³.

Допустим, обращается Кабе к своим оппонентам, что благодаря упразднению семьи общность станет более совершенной. Значит ли это, продолжает он, что “упразднение семьи абсолютно необходимо для существования общности? Разве общность не могла бы сначала существовать, в течение более или менее продолжительного времени, с браком и семьей, которые можно было бы отменить впоследствии, когда все почувствуют настоятельную необходимость этого решения? ...Неужели упразднение семьи облегчит принятие общности? Не эта ли идея больше всего отпугивает противников общности? Не она ли главным образом отождествляется с развратом и безнравственностью, против которых поднимают свой мощный и грозный клич защитники морали и целомудрия? Не эта ли идея погубила сенсимонистов?...”⁴⁴

³⁶ Ibid P. 6.

³⁷ Ibid. P. 10, 12.

³⁸ Ibid. P. 32.

³⁹ Cabet E. 12 lettres... P. 41

⁴⁰ Cabet E. Réfutation de Constant... P. 12.

⁴¹ Ibid. P. 15.

⁴² Cabet E. Réfutation de l'Humanitaire (demandant l'abolition du mariage et de la famille). P., 1841.

⁴³ Ibid. P. 3–4.

⁴⁴ Ibid. P. 6.

Нам могут возразить, продолжает Кабе, что мы оспариваем всего лишь своевременность постановки вопроса о браке и семье. Но “иногда своевременность [l'opportunité] – вопрос жизни или смерти”. Он уверен, что “эта дискуссия не вела бы к нежелательным последствиям, когда бы общность уже была установлена или всеми принята, но сегодня она бесполезна, вредна и, возможно, гибельна... обсуждение вопроса об отмене семьи может задержать принятие общности и даже воспрепятствовать этому”⁴⁵.

Что касается самой сути спора – предполагает ли общность упразднение или сохранение брака и семьи, – у Кабе, оказывается, нет готовых решений. Неожиданно для читателей его утопического романа, в котором все расписано, разложено по полочкам и предreshено, он оставляет вопрос открытым. Не спешить с его решением призывает он и своих оппонентов. “Оставим это будущим поколениям, – восклицает он, – и займемся сначала и прежде всего нашими собственными делами! Будущие поколения поступят так, как сами того пожелают! Они это сделают с большим знанием дела, чем мы. Неужели вы действительно рассчитываете навязать им ваши идеи и ваши законы? Неужели вы действительно верите, что они отменят семью лишь затем, чтобы подчиниться вашему мнению?”⁴⁶

Очевидно, не рассчитывая на то, что авторы “Юманитэр” последуют его призыву, он без оговорок называет их “ультракоммунистами” и заявляет о необходимости “полного размежевания” с ними и “официального осуждения их воззрений”⁴⁷.

Только в “Моей правильной линии”, опубликованной в октябре 1841 г., Кабе впервые дает развернутую характеристику обоих названных течений в коммунизме. Впрочем, о “цитракоммунистах” он сообщает лишь то, что “они исходят из мистических идей и весьма немногочисленны”, но тем не менее “способны посеять распри и причинить зло, ибо, к сожалению, всегда легче вредить, чем приносить пользу”. Зато “ультракоммунистам” он уделит значительно больше внимания и места в своей брошюре.

“Ультракоммунисты”, по его определению, это люди, “призывающие к упразднению семьи”. Они “весьма немногочисленны”, но “причиняют огромный вред тем, что дают повод для критики коммунизма и разжигают вражду и распри”. Именно поэтому они “заслуживают упрека в том, что мешают всякому движению вперед, любым переменам к лучшему”. В сущности, утверждает Кабе, “они являются врагами народа, орудием полиции и прислужниками деспотизма”. Разумеется, “ультракоммунисты тоже призывают к единству, требуют, чтобы все присоединилось к ним и обвиняют других в стремлении к расколу”. Но как “самой малочисленной” фракции в коммунистическом движении именно им и нужно пойти на уступки ради единства. В конце

концов, не похваляются ли они сами тем, что являются “самыми передовыми”? Впрочем, считает Кабе, правильной было бы сказать, что они не “идут впереди” всех, а “забегают перед” другими, отрываясь от большинства, “подобно авангарду войска, теряющему связь с основными силами”. “Словом, – заключает Кабе, – я уверен, я убежден, что подобно тому, как эбертисты предали нашу первую революцию, ультракоммунисты предадут сегодня дело народа и общности, внося раскол в ряды коммунистов”⁴⁸.

В “Моей правильной линии” Кабе подтверждает свою прежнюю оценку “Библии свободы” Констанана, находя в ней “бесконечно опасную апологию насилия и кровопролития”⁴⁹. Не ждет он также “никакой пользы” и от газет “Юманитэр” и “Коммюнетэр” – они “уже принесли и еще принесут неисчислимый вред своими идеями материализма и упразднения семьи”. Как и раньше, он убежден в том, что “Фратерните”, которую он упрекает в отсутствии “оригинальных идей”, причинила “огромный ущерб” коммунизму⁵⁰.

Кабе пытается разобраться в причинах, которые привели к возникновению раскольнических течений в коммунизме. Примечательно, что он не обвиняет кого-либо в злом умысле, не ищет следов заговора против народа, устроенного некими темными силами. В конечном счете он усматривает эти причины в “недостатках и пороках” самого народа, проистекающих “от плохого воспитания, нищеты и угнетения”. В особенности Кабе обличает “самонадеянность и тщеславие”, свойственные многим выходцам из народа. По его мнению, отчасти это является следствием углубления раскола между буржуазией и народом, о чем он глубоко сожалеет, а отчасти – роста самосознания самого народа. “С одной стороны, – пишет он, – просвещенные люди, которые должны были бы повести за собой народ, покинули его, а с другой – сам народ приобрел похвальную привычку к самообразованию с целью овладения знаниями, необходимыми для защиты своих интересов и ведения всех дел. Более широкое распространение образования, знаний и связанное с ними чувство уверенности в собственных силах и привели к тому, что многие молодые люди и рабочие проявляют склонность к самонадеянности, безрассудству и тщеславию”⁵¹.

Как бороться с этими недостатками? Как помешать их пагубному влиянию на политику и коммунистическое движение? Во всяком случае, не формальными ограничениями или запретами. Ведь согласно убеждению Кабе, “каждый член общества имеет право и обязан заниматься общественными делами”. Единственный способ умерить непомерные амбиции отдельных лиц или групп людей, предотвратить зло, которое они могли бы причинить, Кабе усматривает в общественном контроле

⁴⁵ Ibid. P. 5.

⁴⁶ Cabet E. Réfutation de l'Humanitaire... P. 7.

⁴⁷ Ibid. P. 11–12.

⁴⁸ Cabet E. Ma ligne droite... P. 37–38.

⁴⁹ Ibid. P. 59.

⁵⁰ Ibid. P. 60.

⁵¹ Ibid. P. 61–62.

за их деятельностью. Он с тоской пишет о Древнем Риме, где “цензоры контролировали все, и каждый гражданин мог выступить с обличением другого перед лицом народа”. Но особенно поучительным ему кажется и опыт революции конца XVIII в., когда “Якобинский клуб, представляющий французскую демократию, уделял самое пристальное внимание жизни каждого из своих членов, а пресса также осуществляла самый активный надзор”. По ее примеру и сейчас “комитеты в поддержку избирательной реформы могли бы осуществлять контроль за действиями всех реформистов”. Но, к сожалению, законы Июльской монархии запрещают ассоциации и собрания граждан. “И поскольку, — заключает Кабе, — кроме печати не существует иной формы общественного контроля, я бы скорее бросил писать, чем стал бы малодушно умалчивать о тех людях, действия которых, на мой взгляд, представляют опасность для народа”⁵².

НУЖНА ЛИ КОММУНИСТАМ ПОДДЕРЖКА БУРЖУАЗИИ?

В дальнейшем Кабе ни разу не вспоминает в своей публицистике о “цитракоммунистах”. По-видимому, это связано если не с примирением Кабе и Лаотьера, то, во всяком случае, с прекращением полемики между ними после ухода того из редакции “Фратерните” в ноябре 1841 г.

Напротив, спор с “ультракоммунистами” разгорелся весной 1842 г. с новой силой. Поводом послужило столкновение Кабе с Теодором Дезами. Последний был сотрудником газеты “Попюлер” до февраля 1842 г., когда он заявил о разрыве с Кабе “в связи с теоретическими разногласиями”⁵³. А в апреле он в своем произведении “Кодекс общности”, выходявшем отдельными выпусками в течение всего 1842 г., подверг критике взгляды Кабе по вопросу о том, надо ли сохранять в условиях строя общности “систему городов и столиц”⁵⁴.

Напомним, что еще в своем утопическом романе Кабе изображал Икарию как страну по преимуществу городской цивилизации. Ее столицу Икару, огромный город, пересекают 50 больших улиц вдоль и 50 — поперек. Кроме того, имеются большая центральная площадь и два круга других площадей, расположенных по всему городу на одинаковом расстоянии друг от друга, а также набережные и бульвары. Центрами ста провинций и каждой из десяти общин, на которые они делятся, также являются города. Именно в городах сосредоточены политическая и экономическая жизнь, общественные здания, школы, больницы, храмы, магазины, мастерские, памятники архитектуры и прочие атрибуты городской культуры⁵⁵.

В “Кодексе общности” Дезами утверждал, что во втором издании “Путешествия в Икарию”, вышедшем в свет в 1842 г. уже под именем автора, Кабе изменил свою первоначальную точку зрения на города. Ему резко возражал Кабе в брошюре “Коммунистическая пропаганда”. Критически пройдясь по тем из своих оппонентов, кто “нападает на семью и брак”, Кабе, не называя Дезами по имени, писал: “Встречались и раньше молодые коммунисты, которые публично заявляли, что *города должны быть разрушены*, поскольку они являются центрами угнетения и коррупции”⁵⁶; нашелся и сегодня человек, утверждающий в печати, что, согласно некоему закону общности, *при строе общности могут быть только равные коммуны*, наподобие фаланстеров, насчитывающие около 10 000 душ, и что для существования общности совершенно необходимо разрушить все города Франции и Земли, причем, разрушить как можно скорей. Этот автор полагает, будто осуществить такие гигантские разрушения очень просто, легко и соблазнительно для сотен миллионов некоммунистов, и потому заявляет, что это *даже не подлежит обсуждению*; будто общность невозможна с сохранением столиц и городов; будто следует без колебаний, сомнений и долгих размышлений немедленно принять решение о разрушении Парижа, Бордо, Лиона и всех других городов”.

Кабе находил такие взгляды неприемлемыми ни с точки зрения пропаганды, ни по существу. Поскольку, писал он, “общность представляет собой *концентрацию*, а не дробление, мы утверждаем, что крупные города в большей мере, чем мелкие, соответствуют природе и сущности общности, потому что, чем крупнее и многочисленнее город, тем ярче, горячее и мощней очаг разума, благородных чувств, промышленности, наук и искусств...”⁵⁷. Что же касается замечаний Дезами в свой адрес, то Кабе был убежден: в его сочинениях оппонент не найдет “ни слова против системы городов”. “С точки зрения учения, — писал он, — мы голосуем за города; с точки зрения пропаганды, мы не представляем, как можно желать торжества общности, требуя разрушения городов!”⁵⁸

Не упустил он возможности бросить несколько язвительных замечаний и по поводу того, что как Дезами представлял себе роль семьи при строе общности. Опять-таки не называя своего оппонента по имени, Кабе писал: “Находятся коммунисты, которые объявляют законом общности, что каждый мужчина большую часть своего времени будет проводить на общественных собраниях, что в индивидуальном

⁵² Ibid. P. 62.

⁵³ Об обстоятельствах сближения и разрыва между Кабе и Дезами см.: Иоаннисян А Р Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1842–1847 гг. М., 1986. С. 9–13.

⁵⁴ Дезами Т Кодекс общности. М., 1956. С. 116.

⁵⁵ Cabet E Voyage en Icarie. P. 1842. P. 20–23.

⁵⁶ Очевидно, Кабе имел в виду Ф. Буонарроти, который указывал: “Существование больших городов — если не ошибаюсь — есть симптом общественного недуга и непреложный предвестник гражданских потрясений”. Излагая программу “Заговора во имя равенства”, он писал: “Не будет больше столиц, как и больших городов, страна постепенно покроеется сельскими поселениями...” См.: Буонарроти Ф Заговор во имя равенства. Т. 1. С. 311–312.

⁵⁷ Cabet E Voyage en Icarie... P. 9.

⁵⁸ Cabet E Propagande communiste .. P. 8–9.

жилище он будет нуждаться только ночью и в течение нескольких часов днем; что ему будет достаточно маленькой спальни, маленького кабинета и маленькой лаборатории... (подобно тому как монаху достаточно кельи); что женщины и дети будут жить отдельно (хотя и неизвестно, как); что каждый гражданин будет сам вести свое хозяйство (как будто нет ничего другого, более полезного для общества), а за тех, кто не захочет этим заниматься, другие граждане обязаны будут заправлять кровати, подметать пол, мыть посуду и т.д. (что означало бы их превращение в личных слуг и лакеев, тогда как в семье все работы по хозяйству могут быть поручены детям)”⁵⁹.

Излишне говорить, что Дезами был задет критикой Кабе и в очередном выпуске “Кодекса общности” обрушился на указанную брошюру. Заявив “протест” против, как он писал, содержащихся в ней “искажений, фальсификации, подмены текстов, скрытых намеков и сопоставлений”, он со своей стороны обвинял Кабе в распространении “еретических мыслей” и “лжи”⁶⁰.

Это было уже формальным объявлением войны. В июне Дезами выпустил в свет полемическую брошюру, которая не без оснований была расценена Кр. Джонсоном как “один из наиболее яростных личных выпадов в истории полемической литературы”⁶¹. Спустя месяц, в июле, Кабе опубликовал свой ответ⁶², в котором подробно разобрал едва ли не все выдвинутые против него обвинения и сам нападал на противника. В конфликт оказались втянуты третьи лица. Группа лионских коммунистов в сентябре направила Кабе и Дезами письма, в которых содержалась попытка критического рассмотрения причин разногласий⁶³. На эти письма Кабе откликнулся еще одной брошюрой⁶⁴, вносившей новые акценты в затянувшийся спор.

Отвечая на “клеветнический памфлет”, как он называет брошюру Дезами⁶⁵, Кабе следующим образом определяет наиболее важные моменты своих с ним разногласий: “...Памфлетист отвергает и фактически осуждает всю буржуазию, всех буржуа, всех депутатов без исключения, всех чиновников, всех присяжных заседателей, не находя доброго

слова ни для Лафайета, ни для Лафита, ни для кого. Он проповедует грубый материализм без каких-либо оговорок, и абсолютно отрицает личную самоотверженность. Он требует отмены семьи и отводит женщине место, более подходящее содержанию”. А в длинном перечне его обвинений в свой адрес, главным образом личных, Кабе упоминает и следующие: «проповедь союза и братства между народом и буржуазией; то, что я сказал: “я француз, затем демократ, затем реформист, затем коммунист” вместо простого: “я коммунист”»⁶⁶.

Впрочем, Кабе убежден, что речь идет не о личном конфликте, а о принципиальных разногласиях между течениями в коммунизме. Дезами, по его словам, – не просто “ничтожный клеветник”, он – “орудие в руках нескольких лиц, сговорившихся между собой”, чтобы бороться с той линией, которую он отстаивает на протяжении последних лет.

Кто его оппоненты? «Эта маленькая коалиция, – пишет Кабе, – состоит из дюжины самых отъявленных *ультракоммунистов*; это *бабувисты* и *эбертисты*, редакторы “*Фратерните*”, “*Юманитэр*” и “*Коммюнетэр*”». Почему эти люди ополчились против него? “Их ненависть, – продолжает Кабе, – вызывают прежде всего те принципы, которые я высказал в “Путешествии в Икарию” и отстаиваю в “Попюлер”; они хотят уничтожить меня, потому что я не отношусь к почитателям ни *Эбера*, ни *Бабефа* и ни за что не хотел бы им подражать; потому что я бесстрашно защищаю семью; считаю, что перейти к общности можно только благодаря мирной пропаганде, дискуссии, могуществу общественного мнения; отвергаю насилие, тайные общества, мятежи и покушения; потому что народ оказывает мне честь своим доверием, а многие рабочие среди тех, кто благодаря своим знаниям и достойному поведению пользуются наибольшим авторитетом, покинули тайные общества, чтобы последовать за мной по пути гражданского мужества, просвещения и самосовершенствования”.

Поражаясь ярости, с которой “ультракоммунисты” критикуют его воззрения, Кабе высказывает предположение: “Если уже сегодня *эти новые эбертисты* прибегают к подобным методам борьбы против такого самоотверженного человека, как я, то что бы они сделали со мной в случае революции!”⁶⁷

По одному тому, в каком порядке Кабе перечисляет вопросы, вызывавшие разногласия между ним и Дезами, можно понять, что одной из центральных тем указанной брошюры является отношение коммунистов к буржуазии. Его взгляды по этому вопросу сложились давно, еще во время лондонского изгнания. Они нашли отражение в его публицистических сочинениях 1840–1841 гг. В частности, весьма четко они изложены в шестом “Письме коммуниста реформисту об общности”, датированном июлем 1841 г. В нем Кабе заявляет: “...я хочу... опровергнуть один из самых пагубных предрассудков, а именно тот, что

⁵⁹ Ibid. P. 5–6.

⁶⁰ Дезами Т. Указ. соч. С. 223.

⁶¹ Johnson Ch. Utopian Communism in France... P. 116. Речь идет о брошюре Дезами “Клевета и политика г-на Кабе” См.: *Dézamy Th. Calomnies et politiques de M. Cabet: Réfutation par des écrits et par sa biographie.* P., 1842.

⁶² Cabet E. Toute la vérité.

⁶³ Johnson Ch. Deux lettres inédites de cinq ouvriers lyonnais a Cabet et Dézamy // *Revue d'histoire économique et sociale.* 1969. A. 47. P. 529–539.

⁶⁴ Cabet E. Utile et franche explication avec les communistes lyonnais sur des questions pratiques. P., 1842.

⁶⁵ Справедливости ради мы должны отметить, что это еще не самая резкая оценка из тех, которые дает Кабе брошюре Дезами. В частности, он пишет: “Никакая партия, никакой враг, даже сама полиция, насколько я знаю, никогда не публиковали ни против меня, ни против кого-либо еще, более злого и дьявольского памфлета: то-то полиция должна этому обрадоваться!” Ibid. P. 4.

⁶⁶ Cabet E. Toute la vérité... P. 4.

⁶⁷ Ibid. P. 6–7.

делает врагами рабочих и хозяев, пролетариев и буржуа; я хочу... показать, что нынешняя организация так же вредна для хозяев или буржуа, как и для рабочих и пролетариев; что все они в равной мере ее жертвы; и что в их общих интересах не враждовать и не воевать друг с другом, а объединиться, стать союзниками, компаньонами, братьями, чтобы ввести новую организацию труда, которая могла бы всех их сделать в равной мере счастливыми”⁶⁸.

Эту мысль и подверг критике в своей брошюре Дезами: “Грубая ошибка – считать, что для торжества общности необходима поддержка буржуазии”⁶⁹.

Слова Дезами искренне удивляют Кабе. Он, по всей видимости, и представить себе не может, что кто-то всерьез попытается оспорить столь очевидную для него истину. Он откровенно иронизирует над подобной дерзостью. “Оказывается, – восклицает он, – помощь буржуазии не нужна для торжества общности! Оказывается, пролетарии сами смогли бы установить общность, не прибегая к помощи буржуазии, следовательно, вопреки ее желанию, подавляя ее сопротивление силой, войной, торжеством, победой! Подумать только, рабочих заставляют поверить в то, что принципы системы, изобретенной пасквилянтом, и являются истинными принципами системы общности; что будто бы этих принципов достаточно, чтобы каждый из них мог выполнять любые общественные функции, в том числе и министра; что эти принципы позволяют обойтись без буржуазии; что народ не нуждается в буржуазии...”

Вместе с тем, оставив в стороне эмоции, Кабе приводит и ряд доводов в опровержение мнения Дезами. “...Я уже говорил, – пишет он, – и настаиваю на том, что желание угрожать пролетариям представляет собой грубейшую ошибку, пагубную причуду или безумие; что никогда и нигде пролетарии ничего не добивались без поддержки той части буржуазии, которая браталась с народом; что пролетарии сами не совершали и не могли совершить революций 1789, 1792 и 1830 гг.; что самые преданные народу и самые любимые им революционеры, такие как Робеспьер, Дантон, Марат, Сен-Жюст, Кутон, Бийо-Варенн, Бабеф, Буонарроти и пр., были буржуа, между тем как презренный Тальен был рабочим; что душой, головой и руководящей силой всех революций были буржуа, тогда как пролетарии – только руками; что в прерииале и флореале⁷⁰ рабочие были обмануты в своих ожиданиях, побеждены, подавлены на полстолетия потому, что они выступили не только без поддержки буржуазии, но даже против нее; что сегодня и коммунизм бы не было или же он ничего не значил бы без буржуа; что именно буржуа руководят народом в газетах и повсеместно; и что даже

сам памфлетист не является рабочим, хотя он и уверовал в то, что от него зависит спасение пролетариев”.

Поскольку народ, как мы уже знаем, его “интересует больше”, чем буржуазия, Кабе в особенности упирает на то, что сами рабочие заинтересованы в единстве с буржуазией. “Я считаю, что народ, – продолжает он, – всего лишь пустое слово, иллюзия, самообман, фантом до тех пор, пока существуют лишь отдельные личности, не объединенные руководством и дисциплиной; что без единства и сплоченности, а также без поддержки буржуазии пролетарии никогда ничего, абсолютно ничего не достигнут; что в интересах пролетариев не отталкивать от себя буржуазию недоверием и презрением, ненавистью и угрозами, но, наоборот, искать с ней союза, щадя ее самолюбие...”

Лионские коммунисты, откликнувшиеся на брошюру Кабе, расценили эти слова чуть ли не как оскорбление народу со стороны самонадеянного буржуа, каковым они и считали нашего героя. На первый взгляд, действительно, в них сквозит преклонение перед буржуазией и пренебрежение народом. Но не будем спешить с выводами. Постараемся сначала выяснить, чем мотивировал Кабе свой призыв к союзу народа и буржуазии.

Прежде всего мы хотим привлечь внимание читателей к тому обстоятельству, что во времена Кабе слова “буржуазия”, “народ”, “пролетарии” употреблялись в более расплывчатом значении, чем ныне. Это было данью древней речевой традиции⁷¹. Ими обозначались категории населения, находящиеся скорее не на противоположных, а на смежных ступенях социальной лестницы. Отвечая лионским коммунистам, Кабе, в частности, указывал: “Слово *пролетарии* я противопоставил слову *буржуа* потому, что в разговорной речи и в языке памфлета (Дезами. – А.Р.) все, кто не относится к пролетариям, называются буржуа: все избиратели, все присяжные, все национальные гвардейцы, все лавочники...”⁷²

По логике Кабе, в реальной жизни, а не в разговорной речи, народ и пролетарии не противостоят буржуазии. Вместе с ней они противостоят аристократии – как старой родовой, так и новой буржуазной. Главное, что объединяет буржуа и пролетариев, заключается, по мнению Кабе, в том, что и те и другие добывают средства к существованию личным трудом. С предельной ясностью эту мысль он выражает в брошюре, посвященной «Опровержению идей газеты “Ателье”», опубликованной в марте 1842 г. Поводом для критики послужило заявление ее редакторов, что газета издается “самими рабочими”, т.е.

⁶⁸ *Cabet E* 12 lettres... P. 41–42.

⁶⁹ *Dézamy Th* Calomnie et politique de M. Cabet... P. 4

⁷⁰ Народное восстание в Париже 20 мая 1795 г., а также арест Бабефа и других участников заговора “равных” 11 мая 1796 г. (по революционному календарю соответственно 1 прерииаля III года и 21 флореаля IV года).

⁷¹ Академический словарь французского языка Эмиля Литтре, подготовленный в середине XIX в., определяет буржуа сначала как “полноправного гражданина города”, а затем уже как “хозяина с работником”. Отмечая латинское происхождение слова народ, этот словарь приводит в качестве одного из его значений и такое: “часть нации, выделяемая по признаку политических различий. Сенат и римский народ”. Наконец, пролетарием, согласно этому же словарю, называют “в настоящее время представителя наиболее бедного класса”. См.: *Littre E* Dictionnaire de la langue française. P. 1994.

⁷² *Cabet E* Utile et franche explication... P. 16.

без участия буржуазных писателей. “Неужели, – обрушился на авторов этого заявления Кабе, – писатель не живет своим трудом, не работает в своеобразной мастерской, причем, так же долго и утомительно, как и рабочий?.. Неужели писатель не разделяет всех тягот жизни трудящихся?” То же самое, что и о писателях, считает Кабе, можно сказать и о других представителях буржуазного класса. “А мастера в цехах, – вопрошает он, – все хозяева предприятий, врачи, адвокаты и т.д., способны они или нет, достойны или недостойны наставлять массу трудящихся?” Если редакторы “Ателье” простые рабочие, как они сами о том заявляют, то непонятно, иронизирует Кабе, откуда у них берется свободное время для издания газеты, а главное, необходимые для этого знания. Даже если они действительно рабочие, то не допустимо ли предположить, вопрошает он, что «редакционный комитет “Ателье” состоит из буржуазии и аристократии рабочего класса?»⁷³

Хотелось бы отметить, что подобные представления о классах в известной мере отражали аморфность общества первой половины XIX в., еще не остывшего, не успокоившегося после потрясений, вызванных как революцией конца XVIII в., так и промышленным переворотом. Исследования показывают⁷⁴, что его структура была весьма дробной, а грани между отдельными имущественными, профессиональными и т.п. категориями населения размытыми. Во многом это объяснялось возросшей социальной мобильностью населения, способствовавшей своего рода “стиранию граней” между классами. Признаки консолидации проявлял лишь самый богатый слой буржуазии, так называемая финансовая аристократия, состав которой заметно стабилизировался в середине XIX в.

Впрочем, в своих представлениях о структуре общества Кабе на самом деле был не столь поверхностен и архаичен, как может сегодня показаться. Он довольно ясно понимал, что в зависимости от имущественных, профессиональных или иных критериев общество делится на группы или слои, границы которых далеко не всегда совпадают. В уже упомянутом нами шестом “Письме коммуниста реформисту об общности” он, например, сетует на то, что из-за несовершенства статистики он не может сообщить своим читателям, сколько во Франции “крупных, средних и мелких собственников”, с одной стороны, и “пролетариев” – с другой; сколько “праздных с прислугой” и “трудящихся”, “государственных служащих, включая военнослужащих армии и флота”, “работников искусства, лиц свободных профессий, ремесленников, вольнонаемных”, “хозяев и рабочих в каждой отрасли, специальности и

профессии”; сколько “мастерских, лавок, магазинов и пр.”; каковы “продолжительность обучения или ученичества, рабочего дня”, размеры “дохода и заработной платы”, “безработица, заболеваемость, травматизм”, “шансы на успех или неудачу предприятия”, наконец, “пропорция тех, кто процветает, живет благополучно и разорился”.

Нельзя заподозрить Кабе в желании возвеличить буржуазию и унижить народ и по более веским основаниям. Как мы уже знаем, он полагал, что буржуа отнюдь не меньше, чем пролетарии, страдают от плохой социальной организации и делал из этого вывод, что они не меньше заинтересованы в общности. Просто их страдания не столь очевидны, особенно по сравнению с пролетариями, хотя от этого не менее болезненны. В шестом “Письме коммуниста реформисту об общности” он кратко перечисляет те бедствия, которые несет хозяевам предприятий нынешняя социальная организация, обещая в будущем представить на суд читателей “исчерпывающий труд”.

Начинает Кабе с недостатков системы образования. “Хотя, – пишет он, – для детей богатых родителей существуют несколько коммерческих училищ и школ искусств и ремесел, тем не менее недостаток денег и необходимость работать с ранних лет вынуждает громадное большинство промышленников и торговцев начинать свою профессиональную деятельность, не имея достаточных знаний и опыта”. Во многом поэтому выбор ими той или иной профессии носит случайный характер. “Сколько негоциантов жалеет, что не сделали другого выбора!” – восклицает Кабе. Часто жалуются они и на нехватку денег. Многие из предпринимателей разоряются только потому, что с самого начала не располагали достаточным капиталом. И хотя “кредит мог бы возместить им нехватку капитала”, признает Кабе, – но какие проценты приходится за него платить!”

Предприниматель, успешно преодолевший эти трудности, даже не подозревает, какая опасность ждет его впереди. Это – конкуренция, которая может разорить любого добропорядочного торговца или промышленника. Достаточно лишь, пишет Кабе, чтобы по соседству с его магазином или предприятием появились другие, с лучшим выбором товаров, более совершенным производством, – как благополучию приходит конец. В условиях конкуренции, по его словам, “любое изобретение, производственный метод или новая машина могут обогатить одного... одновременно разоряя сотни других фабрикантов или негоциантов”. К тому же каждое предприятие несет тяжелое бремя разнообразных платежей – патенты, налоги, проценты и пр. Поэтому успех или неудачу предприятия предсказать невозможно. “Образование, способности, экономность, честность, – пишет Кабе, – ничто не спасает от слепого случая, который разоряет наиболее достойного и обогащает наименее достойного”.

Все это превращает коммерцию в разновидность лотереи. Причем, часто судьба предприятия зависит от внешних по отношению к нему обстоятельств. Кабе имеет в виду не только несчастные случаи, вроде пожара или наводнения, но и политические события, такие как

⁷³ Cabet E. Réfutation des doctrines de l'Atelier. P., 1842.

⁷⁴ Потемкин Ф.В. Лионские восстания 1831 и 1834 гг. М., 1937; Тарле Е.В. Рабочий класс во Франции в первые времена машинного производства. Соч. М., 1959, Т. 6; Буржуазия и Великая французская революция. М., 1989; Кожокин Е.М. Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до революции 1848 года. М., 1985; Agulhon M. Une ville ouvrière au temps du socialisme utopique. Toulon de 1815 à 1851. 2e éd. La P.-Haye, 1977; Daumard A. La bourgeoisie parisienne de 1815 à 1848. P., 1963; Tudesq A.-J. Les grands notables en France (1840–1849). 2 vol. Bordeaux, 1964; Price R. A Social History of Nineteenth-Century France. L., 1987, etc.

внезапное объявление войны или заключение мира. В особенности же чревата потрясениями для деловой жизни политическая революция. Она "разоряет всех негоциантов, которые принадлежат к лагерю победенных, и обогащает тех, кто разделяет взгляды победителей".

Опасности, подстерегающие хозяев предприятий на каждом шагу, пагубным образом влияют на их мораль. "Да и как промышленнику, – вопрошает Кабе, – перестать быть экономным, мелочным или алчным? Что удивительного в том, что он стремится к наибольшей выгоде, стараясь заплатить поменьше, купить подешевле, а продать подороже?" То, что среди предпринимателей попадаются совестливые люди, торгующие иногда в убыток себе, чтобы не причинить вреда другим, лишь подтверждает общее правило. "Сила вещей, – продолжает Кабе, – побуждает промышленника добиваться своей выгоды за чужой счет, вести втихомолку войну против всех своих сограждан, заниматься, с точки зрения морали и справедливости, настоящим воровством, хотя закон это таковым и не признает".

Кабе утверждает, что нет ничего более противного духу братства, чем нынешняя "организация промышленности". Именно ее он считает "источником подлогов, обманов, банкротств и почти всех пороков и преступлений", короче говоря, "проклятием проклятий" современного общества. Причем, все эти пороки встречаются не только среди "последних торговцев и ремесленников", но и среди "первых лиц крупной торговли и промышленности, высшей государственной службы". Они свойственны, по его мнению, "многим, слишком многим руководителям больших акционерных компаний, банкирам, капиталистам, крупным мануфактуристам и негоциантам, адвокатам, присяжным, нотариусам, биржевикам"... Из-за длины списка мы прерываем цитату.

Кабе не видит разумных препятствий тому, чтобы хозяева предприятий не прельстились общностью, которая избавила бы их от всех рисков и опасностей, грозящих им в настоящее время. Однако убеждения, привычки и пороки, привитые им существующей системой, практически исключают, чтобы они приняли общность сейчас или в обозримом будущем. Кабе считает безосновательными надежды на то, что "все богачи и все собственники в порыве братских и просвещенных чувств, руководствуясь своими подлинными интересами, согласятся передать свои состояния и владения в общее пользование". Обязательно, пишет он, "сохранится меньшинство собственников и богачей, которые образуют оппозицию" народу⁷⁵.

Как быть в этом случае? Как обеспечить необходимо мирный, ненасильственный переход к общности, "избежать любого угнетения и любого насилия, согласовать все интересы" – словом, "обогащать бедных, не обирая и не разоряя богатых"? Он уточняет свой взгляд на сущность переходного периода от демократии к общности, предлагая ввести на весь его срок раздельные "режимы" существования для "оппозиционного меньшинства" и "согласного большинства". Люди,

принадлежащие к оппозиционному меньшинству, сохранили бы до конца жизни свою собственность. При этом они пользовались бы всеми благами "представительного правления, демократии, политической реформы и постепенных социальных реформ". Кабе не исключает того, что кто-то из них стал бы в оппозицию и к демократии. Но любые выступления против нее пресекались бы как "противозаконные". Принципы общности стали бы постепенно осуществляться только по отношению к согласному большинству. В полном же объеме общность была бы установлена лишь для нового поколения людей, вполне подготовленного для нее воспитанием⁷⁶.

Если часть буржуазии враждебно настроена по отношению к демократии и общности, то это отнюдь не означает, что лозунг единства буржуазии и народа неверен. Полемизируя с газетой "Ателье", подозрительно относившейся "ко всем, кто не рабочий", Кабе призывал своих оппонентов взглянуть правде в глаза: очень часто преданные друзья народа находятся среди буржуазии, а злейшие его враги – среди рабочих. "Если большая часть буржуазии и аристократии, – писал он, – всегда враждебно относилась к пролетариям, то разве другая их часть не проявляла себя самыми искренними и преданными их друзьями? Разве не встречаем мы самых пылких и деятельных защитников трудящегося и бедняка среди врачей, ученых, адвокатов, богачей и даже дворян? Разве не являются самые знаменитые, могущественные и почитаемые благодетели человечества выходцами из этих классов? И разве можем мы сказать, что все рабочие преданы народному делу? Не встречаем ли мы и среди них те же конфликты мнений, чувств и интересов? Не правда ли, что одна часть пролетариев служит орудием угнетения и порабощения другой части?" Иными словами, Кабе высказывает примечательную мысль о том, что общество политически разделено не только по горизонтали (между классами), но и по вертикали (внутри классов). В этом он усматривает лишний довод в пользу единения буржуазии и народа, их здравомыслящих и просвещенных элементов⁷⁷.

Но Кабе выступает за единство с буржуазией не только потому, что находит у нее много общего с народом. Он верит: именно просвещенные буржуа поведут за собой народ, рабочих и пролетариев по намеченному им пути перехода к общности. Буржуа уже неоднократно играли роль народных вождей в революциях прошлого. Теперь им предстоит руководить народом в борьбе за строй совершенного равенства.

Эта мысль Кабе особенно возмущала Дезами, который, обращаясь к своему оппоненту, упрекал его в высокомерии: "Вы, по всей видимости, очень недовольны тем, что пролетарии позволили себе самостоятельно, отказавшись от руководства какого-нибудь буржуа, поднять знамя коммунизма..."

⁷⁵ Cabet E 12 lettres... P. 145.

⁷⁶ Ibid. P. 145–147.

⁷⁷ Cabet E Réfutation des doctrines de l'Atelier. P. 10.

По мнению Кабе, его оппонент, ратуя за самостоятельность пролетариев, пытается выдать желаемое за действительное. Никогда простые рабочие не смогут превзойти буржуа в знаниях, политическом опыте, красноречии. Их попытка отказаться от услуг “буржуазных писателей” может привести к непредвиденным последствиям. “Неужели, – пишет он, – несчастные пролетарии могли когда-либо отвергнуть одного буржуа, не оказавшись в руках другого? И сколько раз в прошлом они отвергали преданного и честного буржуа, только чтобы попасть в сети злокозненного и злонамеренного буржуа!”⁷⁸

Что Кабе был озабочен проблемой политического руководства рабочими со стороны просвещенных буржуа, доказывает и его выступление против газеты “Ателье”. Он оспаривал ее мнение о том, что рабочие сами, без посторонней помощи, смогут лучше отстаивать собственные интересы. В частности, его задело следующее заявление газеты: “До сих пор защитниками рабочих классов были не имеющие к ним отношения люди. Об одних мы могли бы сказать, что они поддерживали нас лишь затем, чтобы использовать нас как политический инструмент, который можно выбросить, как только он становится не нужен; о других – что они рассуждают о том, чего не знают сами”.

Возражение Кабе вызвали заключительные слова этого высказывания, в которых он усмотрел вызов “буржуазным писателям”, пекущимся о благе рабочих, в том числе и самому себе. Стараясь изъясняться просто и доходчиво, он попытался растолковать своим оппонентам, почему рабочим для защиты собственных интересов следует обращаться за помощью именно к образованным людям, писателям. Несомненно, утверждал он, каждый рабочий знает собственное положение, как никто другой. Но чтобы составить представление о положении рабочих в других отраслях или местностях, “ему пришлось бы опросить сотни своих собратьев”. Это заняло бы столько времени, потребовало бы от него таких знаний, которых у него просто нет. “Неужели, – вопрошает Кабе, – писатель не сможет провести это обследование... даже лучше него, поскольку он располагает временем и необходимым образованием”⁷⁹.

Мысль о том, что решение сложных социальных и политических вопросов рабочие должны предоставить образованным людям, Кабе выражал и в своем ответе лионским коммунистам. На их недоуменный вопрос: “Так ли уж необходимо быть ученым, чтобы открыть и обнародовать истину?” – Кабе, рискуя, как он признавался, “оскорбить всех трудящихся, всю молодежь, всех неученых”, давал утвердительный ответ. Молодой рабочий, по его словам, “несмотря на отсутствие образования, может обладать здравым смыслом и острым умом; он может сделать ценное наблюдение, узнать важный факт, высказать интересную догадку и даже совершить полезное открытие”. Но не бо-

лее того. Чтобы открыть истину, утверждал Кабе, “недостаточно обладать природным умом... необходимо, чтобы привычка к размышлению отточила и развила умственные способности”. Он считал, что, “по общему правилу, трудящиеся и молодежь мало способны к открытию истин в двух, возможно, *наиболее трудных науках – социальной и политической*”⁸⁰.

Изучение этих наук Кабе считал абсолютно необходимым для коммунистов, в особенности тех из них, кто брался рассуждать о теории общности. Еще в брошюре, опровергающей воззрения аббата Констана, он писал: “...Недостаточно принять имя коммуниста... недостаточно бросить там и сям несколько догматических фраз... Писателя-коммуниста в первую очередь отличает сознательное и углубленное исследование бедствий настоящего времени и проблем будущего; кропотливое и неустанное исследование *органических идей и фактов* (курсив мой. – А.Р.). Писатель-коммунист шагает, опираясь на науку – философию, историю и особенно статистику; он, не покладая рук, занимается популяризацией основных вопросов социальной и политической экономии: больше кого-либо он прибегает к красноречивому языку цифр”⁸¹.

Итак, мы видим, что к народу, пролетариям Кабе был суров не более, чем к буржуа, находя пороки и недостатки в обоих классах. При этом его отношение и к тем, и к другим было проникнуто заботой об их интересах. Подчеркнем – не столько о сиюминутных нуждах и потребностях пролетариев и буржуа заботился Кабе, сколько об их перспективных, или, как он говорил, “подлинных” интересах. Он вполне отдавал себе отчет в том, что в повседневной жизни имеется слишком много причин для конфликтов и разногласий между буржуа и пролетариями. Но он считал, что в долгосрочной перспективе их интересы совпадают. Именно из этих интересов он и выводил свою идею единства коммунистов с демократами, народа с буржуазией. Об этом отчетливо свидетельствуют те доводы, которые он приводил в ее обоснование. Шла ли речь о совместной борьбе буржуазии и народа против господства родовой или буржуазной аристократии, о неудобствах и страданиях, которые причиняет хозяевам предприятий существующая социальная организация, или о необходимости просвещенного руководства рабочим движением, Кабе неизменно исходил из “подлинных” интересов обоих классов, как он их понимал.

На наш взгляд, Кабе и Дезами разошлись во мнениях не столько по отношению к буржуазии – Кабе, как мы видели, тоже не очень-то доверял крупным собственникам, – а по отношению к пролетариям, в которых он при всем сочувствии их тяжелой доле не видел самостоятельной политической силы. Тем более он был далек от представления об их особой “исторической миссии”. С этой точки зрения в Кабе весьма трудно усмотреть не только предшественника марксова социализма, но

⁷⁸ Ibid. P. 39.

⁷⁹ Ibid. P. 9.

⁸⁰ Cabet E. Utile et franche explication... P. 13.

⁸¹ Cabet E. Réfutation de Constant. P. 32.

и представителя так называемого “рабочего коммунизма”, дискуссия о котором в минувшие годы велась на страницах марксистской литературы⁸².

Кабе был, несомненно, прав, когда ловил Дезами и его единомышленников, отлучавших “буржуазных” писателей от рабочего движения, на противоречии: сами-то они были в большинстве образованными буржуа. Но что ему по всей видимости претило в воззрениях оппонентов, так это их преклонение перед грубой и темной силой, которую до сих пор олицетворяли пролетарии, равно как и народные низы вообще, и которая была способна разрушить цивилизацию, с таким трудом создававшуюся для блага людей в течение столетий.

СОВРЕМЕННЫЙ КОММУНИЗМ

Кабе верил в общественный прогресс, верил в то, что “золотой век” человечества остался не в прошлом, а ждет его в будущем. Причем, он полагал, что между прошлым, настоящим и будущим существует органическая, т.е. внутренняя, естественная связь. Как мы видели, он прямо призывал коммунистов изучать “органические идеи и факты”, а среди наук подчеркивал важность истории наряду с философией и статистикой. По его мнению, переход к общности означал бы не только разрыв, но и сохранение преемственности с существующим строем, при котором складываются ее духовные и материальные предпосылки. Поэтому он высоко ценил достижения современной цивилизации, хотя и признавал, что в целом она далека от совершенства.

В одиннадцатом “Письме коммуниста реформисту об общности”, опубликованном в феврале 1842 г., он перечислил те “элементы общности, которые заключает в себе нынешнее общество”. К ним он отнес едва ли не все достижения цивилизации, начиная с коммунального хозяйства городов и кончая коллективными формами труда и досуга. “Сколько учреждений, – писал он, – были изначально задуманы как общественные или общие, исходя из соображений экономии, стремления к наибольшим или наилучшим результатам или только потому, что отдельным лицам они были бы не под силу. Я упомяну лишь об общественных памятниках, школах, церквях, театрах, дилижансах, ресторанах, кафе, всех промышленных и торговых домах...” Даже современную форму брака Кабе рассматривал как осуществление общности в масштабах одной семьи – “семейную общность”. А завершал этот перечень он примечательной мыслью о том, что уже “нынешнее общество” содержит “все основные и конституирующие принципы общности” и что стоит сделать “еще один шаг, расширить и распространить эти

принципы”, как возникнет “огромное национальное содружество на основе превращения нынешнего общества в общность”⁸³.

Пренебрежительное отношение к цивилизации, стремление упразднить то, что сам считал ее благотворными достижениями, Кабе и ставит в вину Дезами. В брошюре, посвященной критике его воззрений, он называет своего оппонента “ультракоммунистом, немедленным коммунистом, сторонником тайных обществ и насилия, стремящимся навязать общность силой, врагом семьи”⁸⁴. В обоснование этого вывода он вновь подвергает разбор взгляды Дезами о роли городов, семьи и брака в общности, прибегая к аргументам, использованным ранее в брошюре “Коммунистическая пропаганда”⁸⁵.

В связи с этими разногласиями Кабе затрагивает и вопрос о происхождении “современного коммунизма”. Делает он это отнюдь не преднамеренно. Его задел упрек Дезами в том, что он, Кабе, “ведет себя так, как будто бы является единственным основателем современного коммунизма”. “...Я никогда не претендовал, – отвечает он своему оппоненту, – и не мог претендовать на то, чтобы считать коммунизм своим изобретением, потому что и до меня были миллионы коммунистов, включая Бабефа и Буонарроти, и была написана куча работ об общности, включая сочинение Буонарроти”⁸⁶. Кроме того, Кабе не мог не отреагировать и на заявление Дезами о том, что именно бельвийский банкет коммунистов в 1840 г. открыл “новую эру”, “эру общности” в истории человечества.

В свою очередь упрекая оппонента в чрезмерном “тщеславии”, Кабе утверждает, что вопрос о первенстве не имеет принципиального значения. “Какая разница пролетариям, – пишет он, – что современный коммунизм датируется тем или иным годом и происходит от того или иного автора”. И все же он не может согласиться с мнением, будто бельвийский банкет явился поворотным рубежом в истории коммунизма. Во всяком случае, считает Кабе, этот банкет сыграл несопоставимо меньшую роль по сравнению с его утопическим романом. Ведь, пишет он, до обнародования “Путешествия в Икарию” “во Франции, в Париже, начиная с 1804 г., имелись только бабувисты и эбертисты” и лишь после появления этой книги «слова “бабувизм” и “бабувист” были отвергнуты и заменены словами “коммунизм”, “коммунист”, “коммунитарный”...” Что бы ни говорили недоброжелатели, заключает Кабе, написать такое сочинение – задача потруднее, чем организовать банкет, и поэтому “Путешествие” оказало на общественное мнение более глубокое влияние, чем бельвийский банкет или все сочинения Дезами⁸⁷.

Спустя некоторое время, Кабе возвращается к вопросу о современном коммунизме. Поводом к тому послужили сочинения либераль-

⁸² См.: Рокитянский Я.Г. Маркс и Энгельс и немецкий рабочий коммунизм // Из истории марксизма и международного рабочего движения. М., 1973. Международное рабочее движение. Вопросы истории и теории. М., 1976. Т. 1, Павленко Г.В. Вильгельм Вейтлинг. М., 1985; Hoppner J., Seidel-Hoppner W. Von Babeuf zum Blanqui. Leipzig, 1975. ⁷d. 1 etc.

⁸³ Cabet E. 12 lettres. . P. 141–144.

⁸⁴ Cabet E. Toute la vérité... P. 29.

⁸⁵ Ibid P. 62–66

⁸⁶ Ibid. P. 40.

⁸⁷ Ibid. P. 41.

ного публициста Торе, посвященные критике коммунизма. В сентябре 1842 г. Кабе публикует брошюру с опровержением взглядов этого автора, озаглавленную весьма броско: “Демократ, ставший коммунистом поневоле”. Фактически в этом сочинении он не только подводит итог своим спорам с “ультракоммунистами”, но и обозначает место своего учения как среди течений в коммунизме, так и в демократическом движении.

Кабе упрекает Торе в том, что он смешивает между собой бабуизм и коммунизм, ибо “коммунизм – это новое понятие, которое представляет собой другое учение, нежели учение Бабефа”⁸⁸. Мысль о том, что взгляды Бабефа и его последователей не тождественны современному коммунизму, Кабе проводит через всю брошюру. В частности, он решительно возражает Торе, когда тот заявляет, что будто бы “коммунисты, повинувшись логике [своего учения], неизбежно впадают в материализм, подобно своим учителям Бабефу и Марешалю”. Неупоминание о материализме, к которому, как мы уже знаем, он относился неодобрительно, возмущает Кабе в этом заявлении. Его антипатия к философскому материализму объяснялась в значительной мере неприятием вульгарной формы его выражения, включая отрицание семьи и брака. Критикуя материализм, Кабе сам стоял на позициях антропологической социологии, из которой исходили в своих представлениях об обществе и коммунисты-материалисты. Как справедливо отмечает современный исследователь Ж. Валет, Кабе, “хотя и не признавался в этом никогда... все же рассуждал подобно материалистам XVIII в., признавая влияние социальной среды на поведение людей”⁸⁹. В заявлении Торе особенно неприятной для Кабе была ссылка на Бабефа и Марешаля как на учителей современных коммунистов. Это “заблуждение” он и спешит развеять. “...Икарийские коммунисты, – пишет Кабе, – не считают своими учителями ни Бабефа, ни Марешаля, но... они изучили труды тысяч коммунистов, начиная с Сократа, Платона, Иисуса Христа, и они повинуются исключительно логике опыта и разума”⁹⁰.

Чтобы получить представление о современном коммунизме, считает Кабе, автору следовало бы ознакомиться со всеми публикациями на эту тему. Он приводит список из 36 названий книг, брошюр и газет, включая собственные работы, а также сочинения оппонентов. Начинается этот список “Историей заговора Бабефа”, принадлежащей перу Буонаротти, а заканчивается – его полемической брошюрой против Дезами, которую мы подробно разобрали выше. Если бы Торе изучил все эти публикации, продолжает Кабе, то он бы заметил, что “коммунисты разделяются на две главные категории, одна из которых принимает семью и брак, возлагая надежды на дискуссию и поддержку общественного мнения, а другая требует отмены семьи и брака, полагаясь на

материализм и силу...” К первой из этих тенденций он относит самого себя и свою газету, а также Лапоннере, Лаотьера, “Фратерните” и “Травай”; ко второй – Пийо, Дезами, Констана и “Юманитер”⁹¹.

Убедился бы Торе и в том, пишет Кабе далее, что почти все произведения коммунистической литературы, упомянутые в этом списке, содержат лишь “разрозненные идеи”, не дающие целостного представления о коммунизме. В этом отношении от них выгодно отличаются “Путешествие в Икарию” и другие сочинения Кабе, в которых “представлена позитивная, детальная, полная и доступная пониманию система общности с анализом почти всех предыдущих произведений коммунистической литературы и с опровержением всех известных возражений против нее”. Ее называют “икарийской системой, икарийским учением, икарийским коммунизмом”. Именно ее в настоящее время, считает Кабе, придерживается большинство коммунистов, о чем свидетельствуют как спонтанное возникновение “икарийских курсов”, т.е. собраний рабочих для чтения и изучения “Путешествия в Икарию”, так и широкая поддержка, которую оказывают газете “Попюлэр” “передовые демократы”.

Все сказанное позволяет Кабе утверждать, что «“Путешествие в Икарию” в большей мере, чем произведение любого другого автора, выражает то, что называют французским коммунизмом, и что когда говорят о коммунизме вообще, без уточняющих определений, то это выражение должно обозначать скорее икарийский коммунизм, чем учение газеты “Юманитэр”»⁹².

Именно поэтому Кабе не желает принять на свой счет те обвинения, которые Торе выдвигает против коммунизма. Этот автор, в частности, пишет, что коммунисты стремятся уничтожить семью и брак, требуют введения “абсолютного и математического равенства” и “единообразия”, разрушающих человеческую личность и стирающих индивидуальные различия людей, отрицают национальный суверенитет и хотят установления диктатуры, наконец, пытаются поставить пределы всякому развитию и прогрессу⁹³. Выдвинутые Торе обвинения не только не огорчают Кабе, но даже, по его словам, переполняют его “радостью, поскольку этот писатель, чтобы побороть коммунизм, вынужден извращать его суть; ошибки, на которые он делает упор в своей критике, лишь доказывают его беспомощность перед лицом правды”⁹⁴.

Истина же, по мнению Кабе, заключается в том, что икарийский коммунизм, а следовательно, по его определению, и коммунизм как таковой, без эпитетов, не имеют ничего общего с этой карикатурой. Ведь, если разобраться, что собой представляет Икария? “Это, – пишет Кабе, – не монастырь, не тихая обитель, не маленькая община

⁸⁸ Cabet E. Le démocrate devenu communiste malgré lui, ou Réfutation de la brochure de M. Thoré intitulé Du communisme en France. P., 1842. P. 2.

⁸⁹ Valette J. Utopie sociale et utopismes sociaux en France vers 1848 // 1848. Les utopismes sociaux. Utopie et action à la veille des journées de février. P., 1981. P. 72.

⁹⁰ Cabet E. Le démocrate devenu communiste. P. 9.

⁹¹ Ibid. P. 4.

⁹² Ibid. P. 5.

⁹³ Ibid. P. 8–10.

⁹⁴ Ibid. P. 1.

наподобие тех, что существовали у эссеев или моравских братьев, но огромная цивилизованная, богатая, аграрная и индустриальная общность...⁹⁵ Вопреки тому, что говорят антикоммунисты, ни о каком “деспотизме, рабстве, невежестве, огрублении нравов, упразднении семьи и скотстве” в этом обществе будущего нет и речи. В основе икарийской общности лежат принципы народного суверенитета, или “реальной демократии”; свободы, поскольку все в ней “регламентировано *законом*”, который на самом деле является выражением *общей воли*”; равенства, но “не математического и абсолютного, а пропорционального равенства, т.е. в соответствии с потребностями и возможностями, равенства прав и обязанностей”; братства, иначе говоря, “любви к ближнему, которую проповедуют Евангелие и христианство”; наконец, принцип единства, последовательно применяемый в икарийской общности ко всему – территории, собственности, нации, народу, промышленности и сельскому хозяйству⁹⁶.

Следовательно, заключает Кабе, общность в Икарии является “осуществлением всего [лучшего], что человеческий разум изобрел под именем общества, ассоциации, общественного, или общего, интереса, демократии, свободы, равенства, братства и единства”. В этой общности “получает свое предельное развитие человеческий интеллект; она допускает *изящные искусства* и все наслаждения *цивилизации* единственно в рамках разума и равенства... бесконечное использование *машин* и ставит своей целью превращение труда людей в умственный труд, в труд по созданию машин и управлению ими; она искореняет все пороки и преступления... обеспечивает *порядок и согласие*, открывая беспредельные возможности *прогресса*...”⁹⁷

Кабе готов допустить, что предложенная им система общности “далека от совершенства”. Ничего страшного. По его словам, “ее усовершенствование – это вопрос времени и будущего”. Те или иные недостатки икарийской общности вполне могут быть исправлены усилиями “философов и народа во время разработки конституции, а также будущих поколений путем ее бесконечного улучшения и усовершенствования в соответствии с новым опытом и достижениями разума”⁹⁸.

Ознакомившись с “опровержениями” Кабе на брошюру Торе, мы можем понять причины радости, охватившей его при чтении этой брошюры. Все возражения ее автора против коммунизма в точности совпадают с тем, что сам он не раз ставил в упрек “ультракоммунистам”. В этом Кабе не мог не усмотреть еще одного подтверждения правильности своей “линии” на создание привлекательного облика коммунизма, как мы бы сейчас сказали, “коммунизма с человеческим и демократическим лицом”. Но самое главное – он обнаружил определенное сходство со своими воззрениями и позитивной программы либе-

рального публициста, характеризующей его как “коммуниста поневоле”.

Кабе не может устоять перед удовольствием и не процитировать следующее высказывание Торе: “...Нам сегодня не хватает (кроме реформистов и коммунистов) третьей народной партии... которая сделает упор на требованиях интеллектуального развития народа, расширения системы общего и бесплатного государственного образования. Подобно тому, как реформисты поглощены созданием политических механизмов, а коммунисты организацией труда и распределением, эта партия займется моральным и научным воспитанием народа. В то время, как коммунисты прежде всего проповедуют равенство, а реформисты – свободу, эту третью школу будет вдохновлять главным образом братство, т.е. религиозное чувство, которое должно соединить свободу с равенством”. По мнению Торе, все действующие во Франции партии относятся к трем “политическим возрастам”. Самой старой являются консерваторы. За ними следуют либералы и коммунисты. Наконец, формируется партия “тех, кто сознает, что гигантские разрушения были необходимы лишь для того, чтобы расчистить почву для еще более грандиозного строительства, и кто участвует в этой созидательной деятельности”. Эта третья партия отвергает не только католицизм и феодализм, но и идеологию “полного отрицания”, присущую ее предшественникам. Она готовится провозгласить “новую догму в религии и новое право в политике”⁹⁹.

В рассуждениях Торе внимание Кабе привлекает прежде всего его пророчество о возникновении третьей партии, или школы, руководствующейся в своей деятельности принципом братства. Торе полагает, что этот принцип чужд коммунистам. И в этом, по мнению Кабе, заключается “самая очевидная, бесспорная и чудовищная ошибка” публициста¹⁰⁰. Ибо такая партия и школа уже существуют. “Эта новая школа, – пишет он, – представляет собой не что иное, как икарийский коммунизм”¹⁰¹.

Слова Кабе свидетельствуют о важной перемене в его политической тактике. Он явно не помышляет больше о создании “единого руководства” для всех коммунистов, о чем писал в 1840–1841 гг. За минувшее с тех пор время он не только не сумел достигнуть приемлемого соглашения с “ультракоммунистами”, разногласия с которыми переросли в открытую вражду; он кроме того убедился, что всякая близость с ними лишь бросает тень на его политическую репутацию. Поэтому Кабе склоняется к решению основать собственную партию, которую, учитывая ее идеологический характер и отсутствие в Июльской монархии законодательства о политических ассоциациях, он предпочитает называть “школой”.

Осуществление его намерений долго ждать не пришлось. Уже

⁹⁵ Cabet E. Réfutation de Thoré... P. 5.

⁹⁶ Ibid. P. 5–6.

⁹⁷ Ibid. P. 7.

⁹⁸ Ibid. P. 8.

⁹⁹ Ibid. P. 14–15.

¹⁰⁰ Ibid. P. 16.

¹⁰¹ Ibid. P. 11.

27 сентября 1842 г., спустя несколько дней после выхода в свет брошюры, посвященной критике взглядов Торе, состоялось общее собрание 135 акционеров газеты “Попюлэр”. На нем единогласно было принято решение основать движение “икарийских коммунистов”. Это движение должно было придерживаться принципов, выраженных в “Путешествии в Икарию” и других сочинениях Кабе, а именно принципов ассоциации, народного суверенитета, свободы, равенства, братства, единства, сохранения брака и семьи в общности, дискуссии и убеждения как средств “общественного возрождения”. Кабе охарактеризовал данное решение прежде всего как защитную меру против “врагов”, призванную провести четкую грань между сторонниками насилия и тайных обществ и теми, кто готов следовать за ним по пути гражданского мужества¹⁰². В “Попюлэр” он упомянул о нем как о событии “большой важности”¹⁰³.

Политическая программа Кабе, которую он разработал для икарийского движения и подробно разъяснил в десятках своих брошюр, проливает яркий свет на своеобразие этой разновидности коммунизма. Она изначально была задумана автором, чтобы преодолеть узость, односторонность чисто политической и, как он считал, непоследовательной программы либерально-республиканского движения 30-х годов. При этом он сохранил в ней многое из того, от чего не считал нужным отказываться. Это были традиционные лозунги революции конца XVIII в., принципы национального и народного суверенитета, патриотизм с оттенком революционного национализма (представлением о превосходстве Франции как родины революции и “светоча свободы” над другими странами), требование политических реформ, в первую очередь избирательной реформы и др. Особо подчеркнем такую важную особенность икарийского коммунизма, сближающего его с либерализмом первой половины XIX в., как приверженность идее нации и неприятие классовой борьбы. Как либералы, так и Кабе считали нацию политическим выражением единства тех общественных классов и сил, включая буржуазию и “народ”, которые боролись за осуществление принципов революции XVIII в.

В чем Кабе разошелся с либералами, так это прежде всего в отрицании индивидуалистических ценностей. Но он не противопоставлял общность старой общественной организации, или “системе индивидуализма”, а как бы надстраивал одну над другой. В его изображении старая общественная система естественным образом “врастала” в общность, что, впрочем, не исключало необходимости стимулировать этот процесс политическими средствами. И то обстоятельство, что Кабе первым делом ознакомил с икарийской системой своих старых политических друзей, прислав им на отзыв “Путешествие в Икарию”, говорит о многом.

Не сошелся Кабе во взглядах со старой либерально-республи-

канской партией и на роль революций. Для либералов революция конца XVIII в. была кумиром. В течение всего XIX в. они стремились подражать ей, следовать ее примеру. Правда, по мере удовлетворения своих требований отдельные либеральные группировки переходили на консервативные позиции, становились защитниками социального и политического порядка. В июле 1830 г. подобную метаморфозу претерпели доктринеры. В начале 40-х годов против революций решительно высказался и Кабе. Но не потому, что, подобно доктринерам, принял существующий порядок. На это его заставили пойти причины другого порядка, а именно его демократические убеждения, окрашенные в “народнические” тона.

Отрицательное отношение Кабе к революциям и насилию обусловило его конфликт и со многими коммунистами, не разделявшими его миролюбия. Спор Кабе с “ультракоммунистами” обнаружил глубину его демократических убеждений. Каждый новый шаг по направлению к демократии и общности он ставил в зависимость либо от согласия большинства народа, либо (когда получить формальное согласие, например, путем выборов, невозможно) активного участия народа в осуществлении перемен. Даже революцию он готов был признать только в том случае, если она будет спонтанной, т.е. истинно народной, а не заговорщической. Кабе разработал подробный план мирной, не выходящей за рамки легальности, борьбы за демократическую республику и общность.

Наличие этого плана, которого Кабе строго придерживался, который всеми силами пропагандировал и предлагал в качестве основы для объединения всех демократических сил, дает нам основание определить икарийский коммунизм Кабе как своего рода демократический коммунизм. Это такой коммунизм, который в своей практической программе (а не в заоблачных мечтаниях) исходил из признания необходимости соблюдать демократические “правила игры”.

¹⁰² Cabet E. Utile et franche explication... P. 29.

¹⁰³ Le Populaire. 1842. 9 oct. N 7.

ПРИХОЖАЯ КОММУНИЗМА

Главы XII и XIII второй части “Путешествия в Икарию” Кабе приводили в недоумение, а бывало, и служили источником заблуждений не одного читателя. Они почти целиком состоят из высказываний против нищеты, угнетения, общественного неравенства, частной собственности и т.д., принадлежащих мыслителям всех народов от глубокой древности до нового времени. Эти главы, сшитые на живую нитку из цитат, как из лоскутков, должны были, по замыслу автора, подвести читателя к выводу о том, что общность бесспорно превосходит все другие социальные системы. В уста одного из персонажей своего утопического романа Кабе вкладывает, например, такие речи: “Предположим, что сегодня, в 1836 г., Конфуций и Зороастр, Ликург и Агис, Солон и Пифагор, Сократ и Платон, Аристотель, Гракхи, Аполлоний, Плотин и Плутарх, Мор и Локк, Монтескье и Руссо, Гельвеций и Мабли, Тюрго и Кондорсе, Вашингтон, Франклин, Пейн и Дидро, Сийес и Мирабо, и пр. и пр. встали бы из могил и собрались на конгресс здесь, в Икарии, под председательством Иисуса Христа, чтобы сделать выбор между равенством и неравенством, между собственностью и общностью: можно ли сомневаться, что, видя счастье Икарии, они провозгласили бы для человеческого рода равенство и общность?”¹

Монтескье и Руссо, Тюрго и Кондорсе, Сийес и Мирабо – сторонники общности? В это трудно поверить... И тем не менее слова Кабе за чистую монету принял немецкий “истинный социалист” середины XIX в. К. Грюн, автор книги “Социальное движение во Франции и Бельгии”². За это его и высмеяли менее доверчивые и саркастичные Маркс и Энгельс в “Немецкой идеологии”³. Подивившись наивности и невежеству Грюна, всерьез отнесшегося ко “всей этой мешанине”, они дали весьма остроумное объяснение подобной неразборчивости и всеядности Кабе. Они отмечали, что, приводя “довольно беспорядочно мнения новых и старых авторитетов в пользу коммунизма”, Кабе “отнюдь не задается целью дать картину целого коммунистического движения”. Перед лицом французского буржуа, которому коммунизм представляется “какой-то подозрительной особой”, Кабе «поступает, как адвокат... Если какой-нибудь знаменитый человек случайно обронил слово против денег, против неравенства, богатства, против социальных недугов, то Кабе подхватывает это слово, просит

повторить его, делает из него символ веры данного лица, печатает его, хлопает в ладоши и с ироническим добродушием обращается к своему раздосадованному буржуа: “Послушайте, послушайте, разве он не был коммунистом?”»⁴

Эти “адвокатские” уловки Кабе могли бы только позабавить читателя, если бы речь действительно шла не более чем о его желании защитить коммунизм от подозрений и нападок. Но приводя высказывания древних и новых философов, “свидетельствующие”, по его мнению, в пользу общности, Кабе стремился не только оправдать ее в глазах общественного мнения. На наш взгляд, одновременно он ненавязчиво внушал своим читателям мысль о том, что коммунистические идеи стары как мир и все попытки связать их с каким-либо одним именем, учением или школой, независимо от достоинств и заслуг последних, заведомо не выдерживают критики.

Примечательно, что сам Кабе никогда не претендовал на оригинальность своего вклада в коммунизм, открыто признавая – и даже ставя себе это в заслугу – заимствования из разных источников. Впрочем, упрекнуть его в чрезмерной скромности мы тоже не можем. Он не раз подчеркивал превосходство своего учения над остальными теориями в том отношении, что оно не только дает наиболее полное представление об общности, но и показывает народу единственно верный “путь спасения”, т.е. способ преобразования старого строя неравенства в новый строй равенства и общности. И на этой точке зрения он стоял непоколебимо, оказывая решительный отпор любым попыткам ее опровергнуть.

Что же побудило этого гордого человека пропустить вперед себя мыслителей прошлого, уступая им честь первооткрывателей учения общности, – и это в эпоху, когда среди социальных мыслителей чуть ли не правилом хорошего тона считалось совершить какой-нибудь “переворот в науке”? Мы попытаемся доказать, что Кабе руководствовался отнюдь не альтруистическими мотивами. На этот шаг его толкнули прежде всего политические соображения, а именно стремление развенчать некоторые теории и течения в коммунизме, авторы или последователи которых как раз претендовали на оригинальность и исключительность своего теоретического вклада, и в то же время оправдать необходимость сближения коммунистов со сторонниками социалистических “школ” общественной мысли.

ПРЕДШЕСТВЕННИКИ КОММУНИЗМА

К тому времени, когда Кабе опубликовал “Путешествие в Икарию”, непререкаемым авторитетом в коммунистических кругах Франции пользовался бабувизм – учение, основанное на идеях Ф.-Н. (Гракха) Бабефа, возглавлявшего в 1795–1796 гг. “Заговор во имя равенства”⁵, и

¹ Cabet E. Le voyage en Icarie. P., 1842. P. 532–533.

² Grün K. Die soziale Bewegung in Frankreich und Belgien. Darmstadt, 1845.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 3. С. 489–534.

⁴ Там же. С. 524–525.

⁵ См.: Далин В.М. Гракх Бабеф накануне и во время Великой французской революции. М., 1963; Черткова Г.С. Гракх Бабеф во время термидорианской реакции. М., 1980.

его ближайшего сподвижника Ф. Буонарроти, опубликовавшего в 1828 г. книгу об этом заговоре⁶. Об их идеях Кабе был хорошо осведомлен. Впервые он услышал о них, очевидно, в начале 30-х годов, когда, вращаясь в кругах передовой столичной интеллигенции – демократов и республиканцев, – познакомился с самим Буонарроти, о котором с тех пор всегда отзывался с глубоким почтением. Среди его близких друзей того времени были Ш. Тест и В. д'Аржансон, воспринявшие некоторые идеи бабуизма⁷. Более внимательно Кабе ознакомился с книгой Буонарроти и работами Бабефа во второй половине 30-х годов, когда, находясь в изгнании, писал “Народную историю Французской революции” и “Путешествие в Икарию”.

Как мы показали в предыдущей главе, оба произведения свидетельствуют не только о детальном знакомстве Кабе со взглядами Бабефа и Буонарроти, но и о разногласиях с ними по некоторым вопросам учения об общности. В начале 40-х годов разногласия Кабе с последователями Бабефа – “необабувистами” переросли в острый конфликт, который завершился полным разрывом с “ультракоммунистами”, как Кабе называл революционных коммунистов-последователей Бабефа.

Можно ли утверждать, что с самого начала “икарийский коммунизм” не имел ничего общего с бабуизмом? На этот счет в историографии встречаются разные, подчас противоположные точки зрения. Ж. Прюдомо считал, что идеи Бабефа и Буонарроти оказали решающее влияние на формирование коммунистического мировоззрения Кабе. В частности, этот историк писал: «“Путешествие в Икарию” – произведение, вдохновленное преимущественно бабуизмом»⁸. По его мнению, Кабе демонстрировал свою независимость по отношению к бабуизму исключительно для того, чтобы замаскировать “бесспорную филиацию” идей между его взглядами и их учением⁹. Единственное расхождение Кабе с ним Прюдомо усматривал в отказе от насилия – такова, по его словам, была “подлинная оригинальность Кабе, который

полностью воспринял бабувистское наследие, кроме свойственного ему духа ожесточения и мстительности”¹⁰. Напротив, В.П. Волгин отрицал сколько-нибудь существенную связь между икарийским коммунизмом Кабе и коммунистическими учениями времен Великой французской революции, подчеркивая при этом враждебное отношение Кабе к бабуизму¹¹. Со своей стороны В. Зайдель-Хёпнер сближала учение Кабе с бабуизмом на том основании, что оба они исходили из опыта якобинской диктатуры 1793–1794 гг. и принадлежали к так называемой “якобинской традиции” французского утопического коммунизма¹².

Как мы видим, вопрос о том, заимствовал ли Кабе что-либо из идей Бабефа и Буонарроти, особых споров не вызывает. Едва ли не все авторы, задававшиеся этим вопросом, признают наличие заимствований, которые особенно бросаются в глаза при чтении “Путешествия в Икарию”. Нарисованные в романе картины народной революции, завершившейся установлением общности, заставляют вспомнить как о реальных событиях французской революции конца XVIII в., так и о намерении заговорщиков во главе с Бабефом поднять восстание против Директории и установить революционную диктатуру¹³. Да и сам Кабе никогда формально не отрицал влияния идей Бабефа и Буонарроти. Судя по его многочисленным высказываниям, он считал бабуизм одним из многих источников своего учения – “современного коммунизма”, как он его называл. В частности, характеризую развитие социалистических идей во второй четверти XIX в., Кабе писал: “...сенсимонизм, фурьеризм, бабуизм... подготавливают возрождение коммунизма”¹⁴.

Споры в историографии вызывает несколько иной вопрос – можно ли на основании указанных заимствований относить учение Кабе к той коммунистической традиции, родоначальником которой во Франции считается Бабеф. Если так и можно сделать по ряду признаков, то по существу это вызывает у некоторых историков серьезные возражения. Действительно, такого противника революций и насилия, как Кабе, с трудом можно представить в одном ряду с Бабефом и его единомышленниками, делавшими ставку на подобные формы борьбы. Впрочем, и сам Кабе, как мы уже знаем, решительно возражал против попыток отождествлять его учение с бабуизмом.

Но не свидетельствуют ли эти разногласия о том, что учение Кабе просто не укладывается в рамки “якобинско-бабувистской традиции”? Что оно возникло не в русле какой-нибудь одной линии развития об-

⁶ Буонарроти Ф. Заговор во имя равенства. М., 1963. Т. 1–2. Вопрос о том, подверг ли Буонарроти глубокой переработке идеи Бабефа, изучен недостаточно (см.: Дотри Ж. Бабувистская традиция после смерти Бабефа и до революции 1830 г. // Французский ежегодник, 1960. М., 1961. С. 155). Нередко “бабуизм после Бабефа” именуется в литературе “необабуизмом с целью показать отличие учения, получившего распространение в 30–40-х годах XIX в., от его первоосновы (см.: Бернштейн С. Необабувистская печать 1837–1848 гг. // Там же. С. 188–209). Вместе с тем высказывается точка зрения, что ряд новых черт революционно-коммунистического движения 40-х годов не дает оснований называть его ни бабуизмом, ни необабуизмом (см.: Иоаннисян А.Р. Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1840–1841 гг. М., 1983. С. 5). Что касается Кабе, то он употреблял слово “бабуизм” в значении, близком к тому, в каком современная историография пользуется понятием “бабувистская традиция”, отмечая различия в идеях Бабефа и Буонарроти.

⁷ Волгин В.П. Французский утопический коммунизм. М., 1979. С. 103–116; Иоаннисян А.Р. К истории французского утопического коммунизма первой половины XIX столетия. М., 1981. С. 87–90.

⁸ Prudhommeaux J. Icarie et son fondateur Etienne Cabet. P., 1907. P. 144.

⁹ Ibid. P. 67.

¹⁰ Ibid. P. 151.

¹¹ Волгин В.П. Французский утопический коммунизм... С. 180–181.

¹² Seidel-Höppner W. Zur Jakobinismusempfindung der französischen Kommunisten der dreissiger und vierziger Jahre des 19. Jahrhunderts // Universalhistorische Aspekte und Dimensionen des Jakobinismus. B., 1976.

¹³ Cabet E. Le voyage en Icarie... P. 348 et suiv.; Буонарроти Ф. Заговор во имя равенства... Т. 2. С. 245 и след.

¹⁴ Cabet E. Le salut est dans l'union: la concurrence est la ruine. P., 1845. P. 3.

щественной мысли, а на пересечении разных линий? Примечательно, что сам Кабе среди предпосылок современного коммунизма упоминал, наряду с бабувизмом, еще также сенсимонизм и фурьеризм. Кроме того, о влиянии обоих течений социалистической мысли на учение Кабе писали и некоторые современники. В частности, Энгельс, который был и участником, и историком социалистического и коммунистического движения середины XIX в., характеризуя “социальные доктрины” икарыйских коммунистов, отмечал: “Они включили в свои планы все то рациональное, что нашли у Сен-Симона и Фурье, и поэтому значительно превосходят прежних французских коммунистов”¹⁵.

Между тем вопрос об отношении Кабе к социалистическим теориям первой половины XIX в. в науке не разработан. Если в некоторых исследованиях и встречаются упоминания о влиянии идей Сен-Симона и Фурье на учение Кабе, то самого общего характера¹⁶. Вместе с тем, вряд ли можно признать убедительным мнение о том, что икарыйский коммунизм является продолжением и развитием оуэнистской теории общинного коммунизма¹⁷, несмотря на определенный интерес, который Кабе проявлял к воззрениям Оуэна. Это мнение не опирается не только на результаты исследований – их просто не существует, – но и не вытекает из наших данных.

Первоначальное представление об отношении Кабе к этим мыслителям можно составить по восторженным оценкам, которые он дал им в XIII главе второй части “Путешествия”. Причем недостаточно упомянуть о том, что Кабе приписывал Сен-Симону заслугу возрождения во Франции “идей равенства и общности”¹⁸, а планы сенсимонистов во главе с Анфантенем о создании “всемирной ассоциации, или окончательной организации человечества в целях постепенного улучшения положения народа”, расценивал как намерение фактически осуществить общность¹⁹. Со стороны Кабе это была сознательная натяжка, хотя и не случайная, как будет показано ниже. В том же духе он охарактеризовал и фурьеризм. Чего в конечном счете хотели Фурье и его ученики, писал он, так “это по существу общности с сохранением неравенства состояний, с богатыми без бедных”. По его мнению, фурье-

ристские фаланстеры были все-таки общностью, хотя и “несовершенной”²⁰.

Гораздо важнее обратить внимание на то, что Кабе с похвалой отзывался о многих принципах и положениях обеих систем, даже если они не во всем совпадали с принципами его собственной системы. В заслугу сенсимонизму он ставил такие его идеи, как всеобщность воспитания, труд по способности и для блага всех людей и каждого человека в отдельности, необходимость преобразования собственности в “социальную и общую”, вознаграждение по заслугам, стремление каждого человека равняться на лучших и подтягивать худших, отмену наследования и всяких привилегий по рождению, равенство между мужчиной и женщиной и др. Кабе с одобрением писал, что сенсимонисты создали собственную организацию, устроили общее жилище, придумали одинаковый для всех костюм, приступили к пропаганде своего учения и смогли привлечь много молодых, талантливых и богатых людей, пожертвовавших состоянием для нужд прогресса и человечества.

К фурьеристам Кабе проникся симпатией, потому что они стремились осуществить “социальную реформу посредством промышленной реформы, посредством ассоциации и замены строя разобщенности социетарным строем”. В “Путешествии” он довольно подробно изложил фурьеристский проект промышленной реформы, которая должна была привести к образованию, как он писал, “социетарных коммун”. Организованные в форме частного предприятия на паях (коммандитного общества), они эксплуатировали бы имение с огромным недвижимым и движимым капиталом, предоставляли бы своим членам кров и работу, возможность совместно питаться и вести хозяйство. Каждая такая “коммуна” насчитывала бы 1200 членов, разделенных на группы, серии и фаланги в соответствии с их призванием и вкусами. Кабе отмечал стремление фурьеристов к тому, чтобы труд был привлекателен, не противоречил склонностям каждого человека, отличался разнообразием и непродолжительностью и чтобы его облегчали, насколько возможно, машины. При этом вознаграждались бы члены коммуны не равными частями произведенного продукта, а пропорционально капиталу, труду и таланту каждого²¹.

Следы идей Сен-Симона и Фурье встречаются у Кабе на каждом шагу. Они были “работающей” частью его идейного багажа и по мере надобности пускались им в дело. Так, выступая против отмены брака и семьи при общности, как того требовали некоторые представители утопического коммунизма, он прямо ссылаясь на поучительный пример последователей Сен-Симона: “Не эта ли идея погубила сенсимонистов?”²² А в 1847 г. он, готовясь к переезду икарыйских

¹⁵ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 1. С. 532. Очевидно, словами “прежние французские коммунисты” Энгельс обозначал и бабувистов. Взгляды Энгельса о периодизации утопического социализма и коммунизма освещены в статье А. Э. Штекли «Подготовительные работы к “Анти-Дюрингу” и вопрос о начале утопического социализма» (см.: История социалистических учений, 1985. М., 1985. С. 29–44) и в его новейшей монографии. См.: Штекли А. Э. Утопии и социализм. М., 1993.

¹⁶ См.: Волгин В. П. Французский утопический коммунизм. С. 181; Зильберфарб И. И. Социальная философия Шарля Фурье и ее место в истории социалистической мысли первой половины XIX века. М., 1964. С. 246.

¹⁷ См.: Иоаннисян А. Р. Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1840–1841 гг. С. 62.

¹⁸ Cabet E. Le voyage... P. 519.

¹⁹ Ibid. P. 520–521.

²⁰ Ibid. P. 522.

²¹ Ibid. P. 519–522.

²² Cabet E. Réfutation de l'Humanitaire. P., 1841. P. 6. Г. С. Кучеренко писал, что, по мнению сенсимонистов, “равенство полов... может быть достигнуто... лишь в том случае, если человеческая плоть будет раскрепощена и обожествлена, женщина обретет

коммунистов в Техас для создания там идеального общества, вдруг возымел желание одеть их по единому образцу и объявил конкурс на “икарийский костюм”²³. Причем эту свою экспериментальную Икарию Кабе намеревался “встроить” в политико-юридическую систему США своеобразным способом, явно позаимствованным у фурьеристов, – в форме акционерной компании (общества с коллективной ответственностью членов)²⁴.

В целом Кабе гораздо чаще обращался в своих размышлениях к Фурье, чем к Сен-Симону. Отчасти это объяснялось тем, что его глубоко разочаровала эволюция сенсимонистов в начале 30-х годов. Еще в “Путешествии” Кабе резко осуждал их увлечение религией, стремление установить новое христианство, провозгласить Сен-Симона богом и т. д. “...Их новое общество, – писал он, – представляет собой церковь; все их должностные лица – священники... а правительство, хотя и выборное, является одновременно и монархией и аристократией, а точнее говоря – теократией, вооруженной абсолютной властью”. Все это, по его мнению, “противоречило философии XVIII в.”²⁵, перед которой он благоговел. Кабе, несомненно, отдавал предпочтение фурьеристским проектам промышленной, гражданской и политической реформ. Считая их более практичными, отвечающими духу времени, он тем не менее не мог не поиронизировать над Фурье, который тщетно пытался изыскать на устройство “социетарной коммуны” сначала 4 млн франков, затем 1200 тыс. и надеялся заинтересовать своим проектом правительство, обещая ему четырехкратную прибыль²⁶.

Но прежде всего фурьеристские идеи привлекали внимание Кабе потому, что основанная фурьеристами “Социетарная школа”, которую возглавлял В. Консидеран, пользовалась значительным влиянием среди мелкой буржуазии, интеллигенции, вообще в образованных слоях общества. Благодаря талантливым пропагандистам, активной издательской деятельности, нескольким печатным органам она играла заметную роль в общественно-политической жизни Франции 40-х годов²⁷. Кабе ревниво следил за успехами фурьеристов. Но вместе с тем он связывал с ними и осуществление некоторых далеко идущих замыслов.

Как мы знаем, Кабе стремился осуществить широкое объединение всех демократов, социалистов и коммунистов в борьбе сначала за политические свободы и республику, а в дальнейшем и за преобразование социального строя на принципах общности. Он считал, что идейной основой такого единства должно стать учение об общности как строе,

полноправие в любви и сможет по собственному усмотрению распоряжаться своим телом. Отсюда выводилось требование полной свободы любовных отношений” См.: Кучеренко Г.С. Сен-симонизм в общественной мысли XIX в. М., 1975. С. 123.

²³ Le Populaire. 1847. 10 oct.

²⁴ Ibid. 19 sept.

²⁵ Cabet E. Le voyage... P. 521.

²⁶ Ibid. P. 522.

²⁷ Зильберфарб И.И. Указ. соч. С. 193, 195, 206.

который способен обеспечить счастье всех людей – богатых и бедных, привилегированных и бесправных, баловней судьбы и обездоленных. Но для этого учение об общности должно быть очищено от всего, что способно внушить тревогу или недоверие какой-либо группе людей. И вместе с тем оно должно впитать новые идеи, соответствующие интересам всех демократов и новой ступени цивилизации, достигнутой благодаря прогрессу техники, культуры, общественного сознания и т. д.

Как мы уже знаем, осуществить этот замысел Кабе так и не удалось. Сначала рухнули его надежды и на соглашение с демократами-республиканцами, занявшими враждебную позицию по отношению к коммунизму. Затем он своей бурной деятельностью спровоцировал раскол в коммунистическом движении, прервав всякие отношения с “ультракоммунистами”. Именно в этих условиях Кабе стал с еще большей настойчивостью добиваться расположения фурьеристов.

Бороться за внимание конкурирующих партий, движений и “школ” Кабе, бесспорно, помогало то, что в теории коммунизма он был эклектиком. И он не стыдился в том признаться всем и каждому. Он даже с гордостью говорил, что отобрал для своего учения “все лучшее” у философов и мыслителей всех времен и народов. При этом определяющим стержнем его воззрений являлся просветительский рационализм, которым были проникнуты его суждения о природе и обществе, о прошлом и будущем человечества. Во взглядах Кабе без особого труда можно обнаружить следы и множества влияний: от “Утопии” Томаса Мора, на которую он неоднократно ссылается в “Путешествии в Икарию”, до современных ему публицистов, чьи высказывания на разные темы он с удовольствием публиковал в своих периодических изданиях, газете “Попюлер” и “Альманах икарьен” (“Икарийский альманах”). В особенности же следует отметить исключительную власть, которую имели над ним тени таких деятелей революции XVIII в., как Робеспьер и Марат. Отдельные страницы публицистики Кабе воспринимаются как цитаты из их статей и речей. Поэтому едва ли не каждый коммунист, реформист или социалист мог найти в его сочинениях нечто знакомое, приемлемое, а то и льстившее его самолюбию.

Особенно сильное влияние на его воззрения оказали бабуизм и фурьеризм. Во второй четверти XIX в. они играли большую роль именно в той сфере социального реформаторства, которую он избрал своим поприщем. Кроме того, бабуизм и фурьеризм (каждый на свой манер) были детищем революции конца XVIII в., размышления над уроками которой занимали Кабе, без преувеличения, всю сознательную жизнь. Разница заключалась лишь в том, что бабуизм непосредственно вышел из горнила революции, был ее прямым порождением, а фурьеризм возник в результате глубокого разочарования части интеллигенции не только ее итогами, но и теми методами общественных преобразований, которые она олицетворяла. Все это привлекало к ним внимание Кабе. Его в не меньшей степени вдохновляли как романтика революции, так и необходимость ее критической переоценки.

НУЖНО ЛИ ОБОЖЕСТВЛЯТЬ БАБЕФА?

Разрабатывая идейную платформу единства всех республиканцев, демократов и социалистов в борьбе за глубокие преобразования в политическом и социальном строе Франции, Кабе прежде всего должен был разобраться с наследием бабуизма.

Бабувистский заговор 90-х годов XVIII в. Кабе считал важнейшей частью революционного опыта Франции. Действительно, методы, которыми Бабеф и его единомышленники хотели установить общность, были заимствованы из арсенала Французской революции: вооруженное восстание, возглавленное сплоченной группой профессиональных революционеров; диктаторское правление, осуществляющее политику принуждения и репрессий по отношению к противникам; конфискация имущества лиц, объявленных “врагами” и др.²⁸ Многих современников и потомков они подкупали своей простотой и, как казалось, эффективностью. Некоторые участники заговора питали даже надежду, как писала Г. С. Черткова, “осуществить переворот разом, за одну ночь, произвести буквальное, физическое уничтожение всякой материальной основы ложных учреждений, так, чтобы утренняя заря осветила уже заново поделенную землю и по-новому устроенное общество”²⁹.

Кабе громко усомнился в этом, чем сразу испортил отношения с поклонниками идей Бабефа и Буонарроти в коммунистическом движении Франции начала 40-х годов. Как он сам неоднократно свидетельствовал, отрицательный отзыв в “Народной истории Французской революции” о “Заговоре во имя равенства” послужил первой ступенью в его затяжном конфликте со сторонниками бабувистского учения³⁰.

В этой книге Бабеф охарактеризован как “истинный философ”, который “посвятил свою жизнь исследованию причин пороков и преступлений” общества, а также “средств спасения страждущего человечества от этих бедствий”. “...Его самоотверженность, – пишет Кабе, – является, по нашему мнению, достаточным основанием, чтобы отвести ему видное место среди защитников человеческого рода...” Вместе с тем Кабе вопрошает: “...но можно ли по этой причине принять на веру его доктрину, считать ее образцом совершенства, обожествлять его, словом, превращать бабуизм в некую разновидность культа?”³¹ Кабе дает ясно понять, что возможен только отрицательный

ответ. Прежде всего потому, что доктрина общности не является “изобретением Бабефа”, она стара как мир. Еще древние философы и мыслители нового времени “в теории более или менее одобряли общность имуществ”, хотя и считали, что “богачи, возможно, никогда ее не допустят”, и поэтому “привыкли рассматривать ее как химеру”³².

Революция конца XVIII в., продолжает он, сделала предметом дискуссии “все вопросы, все системы, все доктрины, все социальные, и политические теории”, включая и доктрину общности³³. Прибегая к излюбленному риторическому приему, впоследствии использованному в XII и XIII главах второй части “Путешествия в Икарию”, Кабе ссылается на высказывания различных деятелей революции и ее законодательные меры, чтобы обосновать следующую мысль: “Подлинное равенство и общность, прежде чем их выдвинул Бабеф, были... доктриной самой революции, всей демократии, доктриной Робеспьера, Сен-Жюста, Бодсона и Буонарроти”. Во всяком случае, если нужно выбирать между Бабефом и Буонарроти, то Кабе отдаст предпочтение последнему, поскольку эта доктрина «в его трудах развита значительно лучше, чем в нескольких номерах “Трибюн дю пёплъ” и нескольких документах, подготовленных Бабефом и Буонарроти совместно»³⁴.

Против “персонификации” доктрины общности, ее отождествления с воззрениями Бабефа Кабе возражает и по другой причине. “Зачем, – вопрошает он, – брать в качестве символа прекраснейшей и совершеннейшей, по общему мнению, доктрины имя человека, который не столь совершенен и деятельность которого, по крайней мере... может послужить предлогом для нападок противников общности?” Кабе показывает, что среди участников заговора имелись разногласия относительно перспектив перехода к общности. Бодсон, Буонарроти, Дарте и Лепелетье признавали “невозможность немедленного введения общности” и необходимость переходного периода в целях “предварительной подготовки умов” для нее³⁵. Кабе ссылается на свидетельство Буонарроти, что “Тайная директория ожидала успеха своего начинания только от прогресса общественного мнения и от сияющего света истины”³⁶. Но заговорщики поддались нетерпению и “преждевременно” занялись подготовкой восстания, имея в виду установление общности. Ответственность за это Кабе фактически возлагает на Бабефа. Ссылаясь на известный труд Ф. Бюше и П. Ру по истории революции³⁷, он намекает на политическую близость Бабефа к крайне левым, или, как он их часто называет, “ультрареволюционным”, группировкам того времени – “бешеным” и эбертистам³⁸.

³² Ibid. P. 328.

³³ Ibid.

³⁴ Ibid. P. 331.

³⁵ Ibid. P. 304–305.

³⁶ Ibid. P. 307. Ср: Буонарроти Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 200.

³⁷ Buchez Ph., Roux P.-C. Histoire parlementaire de la Révolution française. P., 1834–1838. Т. 1–40.

³⁸ Cabet E. HPRF. Т. 4. P. 329.

²⁸ В.П. Волгин отмечал: “Бабуизм возник в обстановке революции. Бабувисты видели свою непосредственную цель в насильственном перевороте, в насильственном захвате власти. Перед их глазами прошла борьба революционного периода, они сами были не только свидетелями, но и участниками ожесточенных классовых битв” См.: Волгин В.П. Место бабуизма в истории социальных идей // Французский ежегодник, 1960. М., 1961. С. 11.

²⁹ Черткова Г.С. Указ. соч. С. 166.

³⁰ Cabet E. Ma ligne droite... P. 45; Biographie... P. 18.

³¹ Cabet E. HPRF. Т. 4. P. 327–328.

Нежелание считаться с общественным мнением в конечном счете и погубило бабувистов. Комментируя “Анализ доктрины Бабефа”, Кабе утверждает: в этом документе сказано “слишком много, чтобы не привести в ужас всю аристократию и всю буржуазию, и в то же время слишком мало, чтобы наэлектризовать народ...”³⁹ Особое значение Кабе придает тому обстоятельству, что народ в своей массе не был посвящен в планы бабувистов. Именно поэтому правительству удалось с ними легко расправиться. “Народ, — пишет Кабе, — не имевший времени ознакомиться с доктриной Бабефа, изложенной в нескольких номерах двух запрещенных и тайно распространяемых газет, народ, не сумевший понять социальную систему, которую ему толком никто не объяснил, этот народ оказался безгласным и растерянным”⁴⁰.

Из опыта бабувистского заговора Кабе извлекает тот урок, что методы борьбы за общность необходимо привести в соответствие с целью. Он считает, что Бабеф организовал по существу “обычный заговор” наподобие тех, которые преследовали цель восстаний 10 августа 1792 г., 31 мая 1793 г., 9 термидора и т. д. (называемых Кабе “революциями”). Между тем его цели были несравненно более высокими и далеко не столь понятными и “насутными” для масс⁴¹. Отмечая, что “общность, к которой стремились Бабеф и его друзья..., отнюдь не является химерой”, Кабе подчеркивает: “...мы глубоко убеждены, что меньшинство не сможет установить ее насилием; что она осуществима только могуществом общественного мнения... и что насилие могло бы не столько приблизить, сколько отдалить ее осуществление”⁴².

Еще определенной и резче свое неприятие того пути, которым Бабеф и его единомышленники хотели прийти к общности, Кабе выражает в “Путешествии”. Признавая, что они были “людьми несомненной добродетели, которые искренне... желали блага человечества”, Кабе пишет: “Но я не могу не сожалеть... о том фатальном заблуждении, которое заставляло их верить в возможность прочного установления общности посредством насилия”. Он считал, что это заблуждение бабувистов дорого обошлось французскому народу. Заговор “поверг в ужас богачей, буржуа и аристократов; именно он заставил их сплотиться для самозащиты; именно он побудил их броситься в объятия первого встречного, который оказался достаточно сильным, чтобы взять их под свое покровительство; именно он бросил их в объятия Бонапарта, как он бросил бы их в объятия Бурбонов!”⁴³

Спор Кабе с Бабефом, конечно, несводим к вопросу о насилии, хотя этот вопрос совершенно сознательно выдвигался им на первый план. Представляется, что отрицательное отношение к бабувизму отражало

иной, более трезвый подход Кабе к роли насилия в осуществлении коренного социального переворота, связанного с переходом к общности. Допуская революцию и насилие при определенных условиях, Кабе лишь отвергал веру бабувистов в них как в универсальное и быстродействующее средство разрешения общественных противоречий.

Избавиться от этой романтической веры Кабе помог не только опыт революций прошлого, которые вопреки надеждам и усилиям достойнейших людей не смогли осуществить заветный идеал. Сыграло свою роль и понимание им того, что общество представляет собой сложный “организм”, отдельные части которого, например те, что связаны с умонастроениями людей, духовными и материальными условиями жизни, производством и т. д., могут быть изменены лишь постепенно, с учетом роли преемственности в их развитии. Отсюда большое значение, которое Кабе придавал иным, лежащим вне сферы прямого политического воздействия факторам — воспитанию, общественному сознанию, общественному мнению, культурным и нравственным ценностям, производству и пр.

Существо спора Кабе с Бабефом проясняет то обстоятельство, что в ряде мест “Народной истории Французской революции” бабувизм намеренно сближается автором с требованиями “аграрного закона” (передела земель в пользу крестьянства) и других уравнилельных мер, которые во время революции выдвигали крайне левые группировки — “бешеные”, эбертисты и др.⁴⁴

Имелись ли основания для такого сближения? Еще полстолетия тому назад В.П. Волгин призывал не смешивать эгалитаризм, в основе которого лежала идея уравнилельного передела всех благ, и утопический социализм и коммунизм, связанные с идеей их обобществления. Вместе с тем он отмечал: “Признав эгалитаризм... явлением, отличным от социализма и коммунизма, мы отнюдь не намерены отрицать того бесспорного факта, что развитие того и другого ряда идей, тесно переплетаясь в постоянном взаимодействии, создавало не только чистые, но и смешанные, промежуточные формы”. Правда, тогда Волгин считал, что Бабеф дает “классический пример” эволюции отдельных мыслителей от эгалитаризма к коммунизму: “Горячий сторонник “аграрного закона”... в 1793 г., он становится к 1795 г. последовательным коммунистом”⁴⁵. Впоследствии Волгин, однако, признал наличие уравнилельной тенденции в бабувизме, подчеркивая: “Теория Бабефа насквозь пронизана идеей уравнилельного распределения”⁴⁶. Такого мнения придерживается в настоящее время значительная часть историков. Г.С. Черткова отмечает, что в настоящее время стало “почти что общим местом” характеризовать бабувизм как учение, которому присущи черты примитивной, грубой уравнилельности и аскетизма⁴⁷.

³⁹ Ibid. P. 308. “Анализ доктрины Бабефа” см.: *Буонарроти Ф* Указ соч. Т. 2. С. 139–152.

⁴⁰ *Cabet E* HPRF Т. 4. P. 321.

⁴¹ Ibid. P. 331–332.

⁴² Ibid. P. 334

⁴³ *Cabet E* Le voyage... P. 514.

⁴⁴ *Cabet E* HPRF Т. 3. P. 151, Т. 4. P. 328, etc.

⁴⁵ Статья В.П. Волгина “Социализм и эгалитаризм”, впервые опубликованная в 1928 г. См.: *Волгин В.П.* Очерки социалистических идей. М., 1975. С. 259, 288.

⁴⁶ *Волгин В.П.* Французский утопический коммунизм... С. 69.

⁴⁷ *Черткова Г.С.* Указ. соч. С. 144.

Во всяком случае, документы “Заговора во имя равенства” бесспорно свидетельствуют, что бабувисты отдавали дань эгалитаристским требованиям раздела (дележа) имущества крупных собственников⁴⁸. В частности, в проект воззвания, с которым заговорщики намеревались обратиться к французскому народу после победы восстания, были включены, по свидетельству Буонарроти, следующие положения: “отнятие у землевладельцев в пользу народа земель, обработкой которых... они пренебрегали” и “призыв к богачам добровольно уступить... народу свой избыток”⁴⁹.

Все это весьма важно для понимания причин неприятия Кабе бабувизма, ибо в его глазах не было ничего более несовместимого с учением об общности, чем требование раздела чужого имущества. “Я верю... – писал он, – что система общности представляет собой не что иное, как полную противоположность аграрному закону, грабежу, расхищению, несправедливости и угнетению”⁵⁰.

Судя по всему, в стремлении бабувистов решить задачу установления строя подлинного равенства и общности посредством принуждения и насилия по отношению к собственникам Кабе усматривал признак, говоря современным языком, грубой уравнительности⁵¹ бабувистского учения. Он считал, что попытка установить подлинное равенство путем раздела имущества богачей может привести (если удастся сломить сопротивление крупных собственников) лишь к монашескому “равенству в нищете”, которое он вместе со многими своими современниками отвергал. Цель общности – “равенство в достатке”, и достигнуть его можно было лишь благодаря созидательной деятельности и громадному приросту общественного достояния.

Отвечая на вопрос о том, как “организовать равенство”, Кабе, в частности, писал: “...аграрный закон не устранил эгоизм и, возможно, приведет лишь к тому, что называют обычно *равенством в нищете*. Чтобы установить равенство в счастье или достатке, необходимо поднять производство посредством порядка, экономии, концентрации сельскохозяйственного и индустриального имущества...”⁵² В особенности он возлагал надежды на крупное машинное производство, которое послужило бы предпосылкой безграничного удовлетворения

потребностей людей, что позволило бы в свою очередь, по выражению Кабе, “обогатить бедняков, не разграбляя и не разоряя богачей”⁵³.

Внутренняя полемика с бабувизмом по всему этому кругу вопросов отчетливо ощущается в коротеньком проспекте “Путешествия в Икарию”, опубликованном, по-видимому, одновременно с “Народной историей Французской революции”. Противопоставляя свое учение “всем прочим системам общности”, Кабе видит его превосходство в том, что, “ни в малейшей мере не шокируя нынешние нравы, нимало не нуждаясь в насилии и предоставляя возможность осуществить его постепенно, с опорой на общественное мнение, оно должно *еще больше осчастливить* нынешних счастливых и позволить *разделить с ними счастье* массе им подобных, ныне прозябающих в отчаянной нищете; оно не только не превратит общество в монашескую обитель, но и преумножит искусства, производство, наслаждения и счастье...”⁵⁴

Разумеется, Кабе был многим обязан Бабефу и Буонарроти, хотя формально он этого никогда и не признавал. Некоторые их идеи – в частности о революционной диктатуре в случае победоносной народной революции, переходном периоде к общности и др. – явились важным компонентом коммунистической системы Кабе. Как и бабувисты, он считал равенство основным принципом справедливого строя общности. Но он решительно отмежевывался от свойственных бабувизму грубоуравнительных тенденций, приверженности насильственным методам борьбы, заговорщической тактике и т.д. Идущее от бабувизма представление о необходимости политического переворота как предпосылки переворота социального он дополнил концепцией легального пути борьбы, основанной на признании верховенства закона. Наконец, он высказался за реформы как магистральный путь осуществления не только демократии, но и общности.

ИКАРИЙСКИЙ КОММУНИЗМ И СОЦИАЛИЗМ

Наименее изученный и поэтому, может быть, самый любопытный аспект взаимоотношений Кабе с бабувизмом и “ультракоммунизмом” заключается в том, что в своей борьбе против этих течений он, по всей видимости, во многом опирался на идеи Сен-Симона и Фурье. Мы пишем об этом в предположительном плане, потому что сам Кабе в этом никогда не признавался, а доказать заимствования обычно почти столь же трудно, как и их опровергнуть, тем более, что речь ни в коей мере не идет о банальном “плагиате”.

Как мы уже отмечали в предыдущей главе, в полемике с “ультракоммунистами”, выступавшими за “немедленное” введение общности, Кабе горячо отстаивал мысль о том, что следует различать

⁴⁸ Характеризуя политическую тактику бабувистов, Г.С. Черткова высказывает важную мысль, которая представляет интерес и в данной связи, о том, что Бабеф осуществил своеобразный “синтез” программных требований робеспьеристов и эбертистов (Там же. С. 200–201).

⁴⁹ Буонарроти Ф. Указ. соч. Т. 1. С. 403.

⁵⁰ Cabet E. Mon credo communiste. P., 1845. P. 14.

⁵¹ Проблема грубой уравнительности в социализме первой половины XIX в. посвящена значительная литература. См.: Кандель Е.П. Маркс и проблемы истории Союза коммунистов // Маркс-историк. М., 1968. С. 489; Кухарчук Д.В. Критика Карлом Марксом грубоуравнительного коммунизма // Вопросы истории. 1968. № 3. С. 17–27; Он же. Марксизм против мелкобуржуазного социализма. М., 1985; Суперфин Л.Г. Критика К. Марксом и Ф. Энгельсом концепции грубоуравнительного коммунизма: (Экономический аспект). М., 1975. С. 38; и др.

⁵² Cabet E. 12 lettres... P. 23; Idem. Mon credo... P. 10–11.

⁵³ Cabet E. 12 lettres... P. 145.

⁵⁴ Prospectus. P. 2–3. Экземпляр, имеющийся в Государственной общественно-политической библиотеке, переплетен с четвертым томом “Народной истории Французской революции”. См.: Cabet E. HPRF. Т. 4. P. 616 – 617.

между собой политическую революцию (или реформу), целью и содержанием которой является установление демократии, и социальный переворот, связанный с осуществлением общности. Политическая революция или реформа, утверждал он, – явления скоротечные по своей природе, тогда как социальный переворот неизбежно займет длительное время и будет проходить в несколько этапов.

Обосновывая эту идею, Кабе апеллировал в основном к здравому смыслу своих читателей. Он объяснял, что перемена в привычках и нравах людей, формах собственности, организации быта, досуга, производства и пр. представляет собой несопоставимо более сложную задачу, чем замена одной формы власти другой. Из чего следовало, что социальный переворот не может не занять значительно больше времени, потребовать больше сил и терпения, чем политическая революция или реформа. К каким аргументам еще мог прибегнуть Кабе? Не мог же он в самом деле сослаться на уроки истории, как он это делал всякий раз, когда доказывал предпочтительность пути реформ. Исторические прецеденты установления общности в его время все-таки отсутствовали.

Но если бы он хотел, он мог бы сослаться еще на авторитетные мнения Сен-Симона и Фурье, представления которых о способах, своего рода технологии преобразования общества, были похожи на его собственные. Он без сомнения с большим интересом ознакомился с ними, работая над “Путешествием в Икарию”, где поместил, как мы уже знаем, весьма доброжелательный отзыв о воззрениях обоих социалистов.

Действительно, бросается в глаза сходство не столько конкретных предложений, сколько образа мысли у всех троих. Все они представляли себе возникновение совершенного общества как процесс мирных перемен. При этом идея Сен-Симона о духовно-религиозном преображении человечества под влиянием “нового христианства” как условия перехода от метафизической стадии развития к высшей, позитивной, удивительно созвучна мысли Кабе о том, что полная общность осуществима только для нового поколения людей, подготовленного для нее воспитанием. Подобно Фурье он придавал большое значение мерам по изменению социальной и экономической структуры общества. Хотя содержание этого процесса оба понимали по-разному. Фурье связывал переход к строю гармонии с организацией ассоциаций граждан, основанных на их взаимной симпатии, – фаланг, которые должны постепенно охватить все общество. А Кабе, определяя суть перехода к полной общности, писал о постепенном “расширении национального и общего владения”, включая создание “больших ассоциаций и даже частичных общностей”⁵⁵. Оба называли и конкретные сроки осуществления их социальных проектов. Так, Фурье считал, что если организовать пробную фалангу в 1823 г., то уже в 1828 г. будет обеспечен переход к строю гармонии. Не разделяя такого оптимизма,

Кабе полагал, что для осуществления полной общности потребуется как минимум 20 лет. Во всяком случае, именно столько времени ушло на это у граждан Икарии, которые в 1792 г. приняли принцип общности и план переходного порядка сроком на 50 лет, а в 1812 г., досрочно, констатировали выполнение этой программы.

Нас не должно смущать, что Кабе не признавал заимствований у Сен-Симона и Фурье и не ссыался на их мнение в подтверждение своих выводов. Ведь точно так же он вел себя и по отношению к Бабефу. Правда, столь сурово, как о Бабефе, он об обоих социалистах не отзывался. Что, впрочем, вполне объяснимо: именно последователи Бабефа были его главными соперниками в борьбе за лидерство в коммунистическом движении. Напротив, с сенсимонистами и фурьеристами его пути до поры до времени не пересекались. Они вращались в разных общественных кругах. Кабе был демократом до мозга костей, превыше всего он ценил равенство, тогда как социалисты грешили известным аристократизмом. Кабе всецело принадлежал миру политики и журналистики, между тем как сенсимонисты поставляли также кадры науке, государственной администрации, финансам, а фурьеристы пользовались расположением литературно-художественной элиты. И апеллировали они к разным общественным слоям: Кабе – к рабочим, народным низам, социалисты – преимущественно к образованным, имущим классам. Словом, у Кабе не было прямых причин бояться конкуренции со стороны социалистов. Но и афишировать свое взаимопонимание с ними по принципиальным вопросам социальной реформы для него тоже было нежелательно. Он рисковал бы прослыть одним из их последователей и тем самым утратить доверие коммунистов, мнением которых дорожил. Поэтому ему было выгоднее отмалчиваться о том, чем и в какой мере он был обязан обоим великим социалистам.

Правда, все, что Кабе знал об учениях Сен-Симона и Фурье, он почерпнул скорее всего не из их собственных сочинений, а из современной публицистики, а также работ популяризаторов и интерпретаторов их идей. В этой связи мы должны вспомнить о главе влиятельной фурьеристской школы Викторе Консидеране, деятельность которого не могла остаться незамеченной Кабе. В 30-е годы он пропагандировал в печати взгляды, поражающие сходством с некоторыми идеями, выдвинутыми на рубеже следующего десятилетия Кабе. В частности, Консидеран подчеркивал, что фурьеризм не имеет ничего общего с революционным движением. Видя в политической борьбе, особенно революционной, лишь разрушительное начало, он считал ее бесплодной для народа.

Характеризуя сомнительные “достижения политики”, Консидеран писал в одной из своих популярных брошюр: “Боже мой, какой прок от того, что время от времени совершаются революции, государственные перевороты и реставрации, сопровождающиеся принятием новых хартий и конституций? Конституций, которые ничего не учреждают, а лишь меняют людей у власти... не способствуя подъему сельского хозяйства, промышленности, искусств и процветанию Франции; которые

⁵⁵ *Cabet E. Mon crédo communiste. P., 1840. P. 14.*

обещают порядок, свободу, справедливость и процветание Франции... но становятся причиной внутренних и внешних войн, двукратного и трехкратного роста налогов. Сколько времени, денег и крови все это нам стоит". Между тем, продолжал Консидеран, миллионы людей "обрабатывают землю как каторжники", "трудятся в мастерских как на галерах", недоедают, страдают от плохих условий жизни, рискуют в любой момент впасть в нищету. Эти миллионы людей, составляющих, по его словам, французскую нацию, "вряд ли имеют политические взгляды и вообще задумываются о политике". Политика не приносит им благосостояния, напротив, утверждал Консидеран, "чем меньше политики в общества, тем легче им дышится"⁵⁶.

Политике и революционной борьбе он противопоставлял мирную созидательную деятельность, направленную на общекультурный, научный и технический прогресс, на повышение производительности труда. "Вы видите, что Франция очень бедна, – писал Консидеран. – Вопрос прежде всего заключается в том, чтобы трудом обеспечить ее благосостояние". Он критиковал бабуизм за проповедь абсолютного равенства и насильственных методов осуществления общности. "Некоторые из вас, – обращался он к приверженцам революционной борьбы, – руководствуясь лучшими побуждениями, хотят лишь справедливо разделить и уравнивать, насколько это возможно, нищету". Он призывал также к подъему благосостояния низших классов без снижения жизненного уровня высших на основе развития крупного производства и новой организации труда. "Еще раз подчеркнем, – писал Консидеран, – нет слишком богатых людей, есть только слишком бедные. Подумаем лучше над тем, как увеличить общее богатство и справедливо распределить вновь созданные блага среди тех, кто участвовал в их создании"⁵⁷.

Не случайно Кабе, объявив себя коммунистом, сразу же предложил фурийеристам сотрудничество в борьбе за социальные реформы, проведение которых он считал важной предпосылкой общности. Обращаясь к ним в брошюре "Какой я коммунист", он писал: "Как и вы, я был бы счастлив, если бы вам были созданы благоприятные условия для устройства множества фаланстеров"⁵⁸.

Это признание тем более ценно, что в "Путешествии в Икарию" Кабе самым категорическим образом возражал против попыток создания "частичных общностей" вроде тех, которые предлагали Оуэн и его сторонники, поскольку, писал он, "польза от их успеха была бы незначительна, а вот вред от их почти неминуемого провала был бы огромен"⁵⁹. Правда, Кабе критиковал планы создания фурийеристами колоний за рубежом⁶⁰, считая, что их отъезд из Франции "лишает

народное дело большого числа защитников". Выразал он и сомнение в осуществимости этих планов: "Мы признаем шансы на успех *фурийеристского* или *коммунистического* эксперимента, особенно за рубежом, лишь при условии участия большой массы людей и, следовательно, огромных денежных ресурсов"⁶¹. Но, согласимся, подобные "критические замечания" в адрес фурийеристов принадлежат к совершенно другому жанру полемической литературы, чем энергичные "опровержения", с которыми выступал в начале 40-х годов Кабе против "ультракоммунистов".

Все это безусловно свидетельствует, что Кабе признавал если не родство, то во всяком случае идейную близость икарийского коммунизма и фурийеризма. И на этой основе он и стремился установить с фурийеристами союзнические отношения.

ФАЛАНСТЕР – ПОДГОТОВКА ОБЩНОСТИ

Первоначально все усилия Кабе склонить фурийеристов хотя бы к диалогу остались тщетными. Фурийеристы не проявляли интереса к сотрудничеству с коммунистами в целях проведения социальных и политических реформ во многом потому, что вообще отрицательно относились к партийно-политической борьбе⁶². Не последнюю роль играла и антипатия Консидерана к бабуизму, которую он распространял и на другие течения коммунистического движения.

Но в начале 40-х годов в позиции фурийеристов произошли обнадеживающие сдвиги. Консидеран не только признал необходимость политической борьбы за осуществление проектов "Социетарной школы", но и решил создать "социальную партию", которая стала бы орудием ее массовых действий. Для этого он приступил с 1843 г. к изданию ежедневной газеты "Демокраси пасифик"⁶³. Одновременно более гибкими стали и оценки коммунистического движения⁶⁴. "Манифест Социетарной школы", опубликованный в 1841 г., отмечал как положительный факт возникновение во Франции наряду с "революционным" бабуизмом и другой "разновидности коммунизма" – "мирного" (*pacifique*) икарийского коммунизма⁶⁵.

Возможность выяснить отношения предоставил фурийеристам и икарийским коммунистам инцидент, случившийся летом 1843 г. Сообщения о нем в "Попюлэр" заняли немногим более одного столбца газетной полосы. Но поскольку он выявил некоторые важные акценты во взаимоотношениях между обеими группировками, имеет смысл присмотреться к нему повнимательнее.

20 июля "Попюлэр" подвергла критике одну из брошюр Консидерана, в которой тот, не отрицая "известных различий" среди ком-

⁵⁶ Considérant V. *Débâcle de la politique en France*. P., 1836. P. 10–11.

⁵⁷ Ibid. P. 49.

⁵⁸ Cabet E. *Comment...* P. 7.

⁵⁹ Cabet E. *Le voyage...* P. 564.

⁶⁰ Об этих планах см.: Машкин М. Н. Французские социалисты и демократы и колониальный вопрос, 1830–1870. М., 1981. С. 77–139.

⁶¹ Le Populaire. 1842. 11 sept.

⁶² Зильберфарб И. И. Указ. соч. С. 178.

⁶³ Там же. С. 187, 190.

⁶⁴ Там же. С. 192.

⁶⁵ Bases de la politique positive: Manifeste de l'Ecole sociétaire fondé par Fourier. P., 1841.

мунистов, дал им в целом нелицеприятную характеристику. По его словам, они стремятся “путем революции” “уничтожить” собственность и в своей деятельности воспроизводят “демагогию, ненависть, зависть и насилие, т. е. худшую сторону философии восемнадцатого века и того политического движения, которое является ее следствием”. Осуждая заявление Консидерана, “Попюлер” не пожелала увидеть в его словах ничего, кроме непредумышленного “заблуждения”. Она и поспешила его развеять, заявив, что “в массе своей” коммунисты, громадное большинство которых (по ее словам, “сто к одному”) составляют икарийские коммунисты, “питают не больше ненависти, зависти или склонности к насилию, чем фаланстерианцы”, и в равной мере “стремятся к дискуссии, убеждению, терпимости”. По мнению “Попюлер”, серьезной причиной для разногласий между обеими “партиями” является лишь то, что “фаланстерианцы хотят *неравного* распределения продуктов, которое увековечило бы *аристократию*, а вместе с ней – ревность, зависть, вражду и распри, тогда как коммунисты требуют *равенства* и *демократии* на основе *братства*”⁶⁶.

Спустя несколько дней, 26 июля, фурийеристский журнал “Фаланж” поместил ответ на эти критические заметки, который затем перепечатала “Попюлер”⁶⁷. В нем была дана весьма лестная оценка деятельности Кабе как “самого известного коммуниста Франции”. Ему особенно ставилось в заслугу то, что он “громогласно осуждал заговоры и заговорщиков, считая их действия не только бесполезными, но и вредными для дела прогресса и освобождения трудящихся классов”. “Фаланж” с удовлетворением принимал к сведению заявление “Попюлер” о приверженности икарийских коммунистов дискуссии, убеждению и терпимости. И тем не менее он подтвердил отрицательное отношение фурийеристов к коммунизму как учению, олицетворяющему разрушительное начало в общественной жизни. Журнал писал: “Что бы ни думали лично Кабе и икарийские коммунисты, они не могут изменить того обстоятельства, что коммунизм как таковой исходит прежде всего из категорического *отрицания* огромного социального интереса (т. е. собственности. – А.Р.) и что это отрицание в конечном счете приводит к образованию партии, делающей ставку на насилие, ненависть, зависть и революцию, хотя отдельным коммунистам, таким, как Кабе и Оуэн, удается противостоять этой тенденции”.

В своем ответе “Фаланж” затронул вопрос, который поистине был камнем преткновения для Кабе и его единомышленников, – о форме согласования индивидуальных интересов с общими, или общественными. Кабе считал, что преодолеть противоречие между ними позволит только последовательное проведение во всех сферах жизни принципа равенства. Идея равенства, не только формального, юридического, но и фактического, “подлинного”, лежала в основе его представлений о справедливом строе будущего. При этом он лишь

хотел освободить эту идею от того грубого, примитивного толкования, которое давали ей прежние коммунисты, включая бабувистов. Свою миссию Кабе видел в том, чтобы полнее раскрыть гуманистическое, изначально отвечающее “природе” человека, содержание идеи равенства, прочно слить ее с идеалами братства и счастья всех людей. Путь к торжеству этого принципа в отношениях между людьми он представлял себе как преодоление “эгоизма”, “индивидуализма” и иных черт человеческого сознания и поведения, выражавших “частный” интерес. Он не мог представить себе, как это общее благо может выиграть от удовлетворения своекорыстных интересов отдельных людей. Парадоксы типа “Пороки частных лиц – блага для общества” или еще более известного, характеризующего действие “невидимой руки рынка”, были ему совершенно непонятны. На эту особенность его мировоззрения, собственно говоря, и обратили внимание фурийеристы.

Комментируя ответ “Фаланж”, газета икарийских коммунистов фактически уклонилась от спора по существу. Вместо этого “Попюлер” вновь указала фурийеристам на то, что считала крупным недостатком их учения: “...Фурийеризм пропитан духом неравенства и, следовательно, аристократизма, поскольку он проповедует неравный раздел продуктов пропорционально *капиталу, труду и таланту*, что приводит к образованию трех классов богатства и, следовательно, аристократии относительного богатства...” Напротив, учение об общности исключает возникновение такого рода “классовых” различий, ибо “общность желает во всем относительного равенства, равенства очищенного, усовершенствованного и, так сказать, освященного возвышенным и божественным принципом братства”. Примеряя принцип “равенства в соединении с братством” к обеим системам, газета икарийских коммунистов, как и следовало ожидать, признала полнейшее превосходство коммунизма над фурийеризмом.

Вслед затем “Попюлер” высказала мысль, которая могла бы показаться случайной, если бы впоследствии Кабе к ней не вернулся. Газета писала: “...мы... уверены, что фаланстер представляет собой не что иное, как прихожую общности и что все фаланстерианцы (равно, как и все демократы, республиканцы, реформисты и искренние христиане) либо являются коммунистами, сами того не подозревая, либо станут коммунистами, как только хорошо ознакомятся с общностью...” Далее, “Попюлер” выражала “страстное желание”, чтобы “все люди стали фурийеристами (или демократами, реформистами и христианами)” и чтобы возникли “один, два, три, десять самых совершенных фаланстеров”, поскольку рано или поздно они все равно “превратятся в общности”. Газета заверяла фурийеристов в том, что икарийские коммунисты не питают к ним “зависти или вражды” и, наоборот, “всегда склонны приветствовать их успехи”⁶⁸.

⁶⁶ Le Populaire. 1843. 20 juil.

⁶⁷ Ibid. 19 août.

⁶⁸ Ibid. Слово “communité” означает и “община” и “общность”. В данном случае Кабе употребляет его явно в последнем значении, рассматривая фаланстер как предпосылку “неурезанной” общности.

Мысль о том, что фаланстер является “прихожей” общности, заслуживает того, чтобы на ней остановиться. Она возникла у Кабе в связи с его размышлениями о путях перехода к совершенному строю. Как известно, он предполагал, что между демократией и общностью будет лежать длительный переходный период, в течение которого сохранялась бы “индивидуальная собственность”, но одновременно принимались бы меры для уничтожения нищеты, предоставления всем “трудящимся” средств к существованию, увеличения “национального достояния” и пр.⁶⁹ Кабе находил, что этим задачам вполне соответствовала практическая программа фурьеристов. Поэтому он выражал готовность рассматривать фурьеристский фаланстер как одну из социальных “систем” переходного периода.

Фактически Кабе попытался преодолеть барьер, который в первой половине XIX в. разделял два основных течения социально-реформаторской мысли – социализм и коммунизм. Это сейчас мы видим между ними много общего. Не так было во времена Кабе. В представлении его современников, социалисты выглядели хотя и чужаковатыми, но вполне респектабельными господами. Они выступали с обличением существующего строя и требовали проведения социальных реформ в интересах общественных низов, но при этом не покушались на основу основ – неравенство состояний и собственность. От коммунистов же веяло бунтарским духом тайных обществ и выдвигали они “плебейские”, крайние лозунги полного равенства состояний и отмены индивидуальной собственности. Революционные коммунисты большей частью сводили проблемы социального переворота к политике – задаче овладения властью, упразднения индивидуальной собственности и учреждения общности. Они презрительно отмахивались от прихотливых проектов Сен-Симона и Фурье, не видя в них никакого практического смысла. Тогда казалось, что социалисты и коммунисты говорят на разных языках и идут совершенно разными путями. Насколько нам известно, Кабе был первый, кто оценил пользу социалистических проектов с точки зрения интересов общности и отвел им определенное место в собственных планах. Очевидно, мировоззренческой предпосылкой тому послужило понимание им сложности и многомерности задач и способов социального преобразования, не сводимых к политике.

Признавая практическую ценность социалистических проектов, Кабе вместе с тем даже не попытался вникнуть в их логику. “Фаланж” не без оснований упрекал его в том, что он, критикуя фурьеризм, лишь демонстрирует свое “незнание и непонимание этой доктрины”⁷⁰. Кабе руководствовался исключительно логикой борьбы за общность и все прочее отметал как малозначащие детали. Что бы там ни говорили фурьеристы о достоинствах и преимуществах фаланстеров, для него было важно одно: фаланстер мог сыграть роль промежуточного этапа

на пути к общности, ступеньки, благодаря которой легче подняться к благодатным высотам. А там и фаланстер, как отработанный материал, будет выброшен на свалку истории вместе с другими институтами строя неравенства. Ведь проект Кабе предусматривал, что в течение переходного периода к общности будет происходить постепенное сужение сферы применения принципа неравенства и расширение – принципа равенства⁷¹.

Чем еще, как не своеобразным “коммунистическим” высокомерием и заносчивостью, можно объяснить такой, например, промах Кабе. Предлагая фурьеристам “брак по расчету”, он даже не попытался внятно объяснить им, что, собственно, они приобрели бы от такого союза. Из его немногословных рассуждений можно было понять лишь то, что им не стоит обольщаться. По мере прогресса общности они будут вынуждены признать как собственные заблуждения, так и правоту коммунистического учения.

Обмен мнениями между икарыйскими коммунистами и фурьеристами, состоявшийся летом 1843 г., не привел к установлению партнерских отношений между обеими школами, как того желал Кабе. Но обнадеживающим признаком он считал уже то, что фурьеристы продемонстрировали готовность вести с ним дискуссию.

Теоретическим прениям с фурьеристами Кабе явно предпочитал практические формы сотрудничества. В мае 1844 г. он опубликовал проект социального эксперимента по устройству “маленькой общины самоотверженных и маленькой братской колонии”⁷². Кабе прямо признавал, что идею такого эксперимента ему подсказал “Манифест Социетарной школы”. В частности, Кабе ссылаясь на сделанное в нем предложение коммунистам провести эксперимент по осуществлению общности, чтобы “доказать возможность, достоинства и превосходство этой системы социальной организации”.

Проект Кабе предусматривал, однако, не коммунистический эксперимент, а нечто совсем иное. По его замыслу, “маленькая братская колония” напоминала фурьеристский фаланстер. Это была производственно-потребительская ассоциация, члены которой – приблизительно 300 человек – принадлежали ко “всем классам общества”, жили сообща и учились “уважать и любить друг друга”. Но при этом часть из них возмещала расходы на свое содержание трудом, другие же оплачивали их, как было сказано в проекте, “на особых условиях”. Поскольку “маленькая братская колония” создавалась в юридической форме предприятия на паях (коммандитное общество), был предусмотрен и такой источник финансирования, как распространение акций. Своеобразной надстройкой над этим фаланстером в миниатюре должна была стать “маленькая община самоотверженных”, члены которой выполняли бы функции владельцев и управляющих коммандитного общества и жили бы в условиях “полной общности”. Кабе предполагал,

⁶⁹ Cabet E. Comment... P. 6–7.

⁷⁰ Le Populaire. 1843. 19 août.

⁷¹ Cabet E. 12 lettres... P. 144–150.

⁷² Подробнее об этом проекте см. главу 7.

что из 20 “общинников” 5–7 будут “богатыми и щедрыми дарителями”. Эти черты позволяют видеть в “маленькой общине самоотверженных и маленькой братской колонии” своеобразную модель преобразования общества, согласно которой фаланстеры служили бы основой и предпосылкой общности. Однако отсутствуют сведения о том, пытался ли Кабе претворить в жизнь свой проект и тем более привлечь к его осуществлению фурьеристов.

ПОПЫТКА ОБЪЯСНИТЬСЯ

Если Кабе пытался заинтересовать фурьеристов своими практическими экспериментами, то их отношение к икарыйским коммунистам все более определялось идеологическими мотивами. Об этом свидетельствуют многочисленные высказывания в фурьеристской печати середины 40-х годов, привлекавшие внимание “Попюлэр”. В них все отчетливей звучали полемические нотки, вызывавшие тревогу икарыйской газеты. Так, в одном случае “Демокраси пасифик”, отдавая должное усилиям Кабе, стремящегося, по ее словам, “привить коммунизму дух миролюбия”, писала: “Но, по нашему убеждению, несмотря на все эти благородные усилия, коммунизм ведет к войне, потому что в основе этого учения лежат равенство и отрицание собственности”. Иначе не может быть, потому что богачи никогда “не отдадут себя на разграбление”, а попытка внедрить “принцип уравнительности... неизбежно приведет к недовольству, протестам, обострению борьбы и, наконец, к войне”⁷³. В другом случае эта фурьеристская газета, одобряя практику вознаграждения заслуг перед страной дворянскими титулами, обвинила противников такого рода отличий в том, что они “скатываются к коммунизму, туманному равенству, отрицанию любой иерархии и любого порядка”⁷⁴. “Попюлэр” не прошла мимо нападок на коммунизм и в ежегоднике “Социетарной школы” “Альманах фаланстерьен”, который, в частности, так отзывался о общественном идеале коммунистов: “нелепый, возмутительный строй общности и равенства”⁷⁵.

В течение двух лет Кабе сдержанно реагировал на критику фурьеристов, ограничиваясь недоуменными репликами в “Попюлэр”. На прямое сопоставление мнений с ними по теоретическим вопросам он решился не раньше, чем разочаровался в возможности организовать сотрудничество с ними в практических делах. К этому его, несомненно, подтолкнул и бурный разрыв с демократами из газеты “Реформ”, о котором он заявил в брошюре, опубликованной в ноябре 1845 г.⁷⁶ Незадолго до появления этой брошюры, когда конфликт с реформистами уже близился к развязке, Кабе обратился через свою газету к фурьеристам с формальным предложением о дискуссии по всем вопросам доктрины.

Об официальном характере этого обращения свидетельствовало то, как оно было озаглавлено: “Коммунистическая школа – фурьеристской школе”⁷⁷. В нем прежде всего подчеркивалось, что икарыйские коммунисты всегда относились к фурьеристам “исключительно доброжелательно”, считая, что “фурьеризм является подготовкой и переходом к коммунизму”. Поэтому они искренне желали бы, чтобы “земля покрылась фаланстерами”, поскольку “впоследствии они превратятся в общности”. Далее, “Попюлэр” отмечала, что икарыйские коммунисты никогда первыми не подвергали фурьеристов нападкам, не желали чинить им препятствий в осуществлении их планов и высказывали замечания по их адресу только в порядке самозащиты. Фурьеристы же не щадили коммунистов и о “коммунистической школе” отзывались не иначе, как “с презрением и отвращением”. Особенно невыносимы стали нападки в последнее время. То, что писала о коммунизме “Демокраси пасифик” в номерах от 8 и 10 августа 1845 г., в обращении расценивалось “почти как призыв к правительствам Европы развернуть преследования”. В частности, фурьеристская газета допускала такие высказывания: “Коммунизм пролетариев приведет лишь к такой дезорганизации и анархии, которые превзойдут нынешний их уровень и сделают необходимым деспотизм”. “Попюлэр” заявляла: “... мы не можем более терпеть столь опасные нападки и мы испытываем потребность объясниться с вами”.

Разъясняя позицию икарыйских коммунистов, “Попюлэр” писала: “Мы ни в малейшей мере не стремимся к войне; оставаясь вашими естественными союзниками и братьями, мы хотим лишь выступить в свою защиту и доказать вам, что мы во многом похожи на вас...” В обращении опровергалось мнение фурьеристов, будто коммунизм представляет собой некое разрушительное начало, “отрицание”, в отличие от фурьеризма, означающего “утверждение”. Обе системы, обе “школы” являются одновременно и “отрицанием”, поскольку критикуют и отвергают нынешний строй, и “утверждением”, поскольку стремятся к созданию нового общества. Причем в части “отрицания” между фурьеризмом и коммунизмом “Попюлэр” не усматривала особых различий, за исключением разве что принципа неравенства, принимаемого первым и отвергаемого вторым.

Да и в части “утверждения” между обеими “школами” имеется “много аналогий”: обе они представляют науку, теорию, доктрину и систему; обе провозглашают ассоциацию; обе говорят о позитивной политике, математической точности, естественном притяжении, гармонии, воспитании, влечении, порядке и свободе; обе стремятся организовать труд, развивать в небывалых масштабах производство, добиться огромной экономии, уничтожить нищету, способствовать искусствам. “По всем этим вопросам, – говорилось в обращении, – между нами почти нет различий, и дискуссия, обогащенная опытом, могла бы привести нас к полному согласию”. Обе “школы” в равной мере при-

⁷³ Le Populaire. 1844. 28 sept.

⁷⁴ Ibid. Oct.

⁷⁵ Ibid. Nov.

⁷⁶ Cabet E. Le salut...

⁷⁷ Le Populaire. 1845. 16 août.

вержены мирным методам деятельности. А что касается демократии, то икарийские коммунисты даже более последовательны в соблюдении ее принципов, потому что они признают равенство, которое фурьеристы, наоборот, отвергают. “Равенство или неравенство, – подчеркивала “Попюлэр”, – таков главный вопрос, по которому между нами существуют различия и разногласия”. И разрешить этот спор могут только опыт, дискуссия и общественное мнение. В обращении выражалась надежда, что если дискуссия даже и не приведет к единству фурьеристов и коммунистов, то благодаря ей они смогут по крайней мере “идти параллельно и избегать вражды”.

В начале сентября, после некоторого раздумья, “Демокраси пасифик” перепечатала обращение “коммунистической школы” и одновременно сообщила, что Консидеран принял предложение Кабе провести дискуссию, хотя и счел необходимым отсрочить ее начало в связи с предстоявшей ему пропагандистской поездкой по Америке. Такой ответ вроде бы должен был удовлетворить Кабе. Однако комментарий, которым “Попюлэр” сопроводила это сообщение, выдавал его озабоченность тем, что дискуссия с самого начала приобретала характер непримиримой полемики⁷⁸.

“Демокраси пасифик” фактически игнорировала призыв икарийских коммунистов повременить с окончательными выводами и обвинениями до тех пор, когда можно будет подвести итоги дискуссии. Она вновь подвергла коммунизм совершенно неприемлемой для Кабе критике. Фурьеристская газета писала: “Мы никогда не утверждали, что Кабе стремится к гражданским войнам и социальным революциям; мы слишком убеждены в его искренности и человечности, чтобы предъявлять ему подобные претензии. Мы лишь имели в виду, что коммунизм, отрицая права индивидуальной собственности, а в этом отношении у него нет расхождений с другими авторами, представляет собой по существу дезорганизующее начало и что в своем развитии как принципа он логически, неумолимо ведет к социальным революциям”.

Не скрывая своего возмущения бестактностью и нетерпимостью фурьеристов, Кабе не ограничился на этот раз обычными, сдержанными по тону объяснениями и протестами. Он вернул фурьеристам брошенное ими обвинение и сделал это весьма остроумно. «Однажды достаточно авторитетный коммунист..., – писал он, – спросил одного из руководителей фурьеристской школы, как он собирается поступить с городами... и тот ответил: “С городами? Мы их разрушим!” – “Черт возьми! – воскликнул коммунист, – вот вы, какие, господа *миротворцы!*”». И чтобы у фурьеристов не оставалось сомнений в готовности икарийских коммунистов, если потребуются, дать бой, Кабе добавил: “Будьте покойны, если бы мы хотели раскритиковать фурьеризм со всеми его вакханками и другими последствиями, то нам было бы нетрудно – с фактами в руках – доказать, что в фаланстере заключена еще большая дезорганизующая сила, чем в общности”.

Такое начало не предвещало благополучного развития диалога между икарийскими коммунистами и фурьеристами. Можно ли было надеяться, что согласие последних на беспристрастное и товарищеское обсуждение всех спорных проблем было искренним? Кабе еще тогда усомнился в этом, последующие события лишь подтвердили его опасения.

Время шло, а руководители фурьеристской школы, казалось, забыли о своем обещании. Хуже того, высказывания некоторых из них свидетельствовали о желании похоронить саму идею сотрудничества с коммунистами. Так, “Попюлэр” опубликовала тревожное письмо из Лиона, автор которого делился своими впечатлениями от публичных выступлений одного из “апостолов фурьеризма”, Ж. Журне: “...он не переносит возражений против своей системы; когда ему говорят о *единении* различных социальных школ, он энергично отвергает идею такого единения, потому что только фурьеризм является *истиной и наукой*, а коммунизм представляет собой лишь *заблуждение, мечту, вздор*”⁷⁹.

Спустя год Кабе, встревоженный отсутствием какого-либо прогресса в отношениях с фурьеристами, решил напомнить им о прежней договоренности. Он напечатал в “Попюлэр” открытое письмо Консидерану, в котором просил назначить время и место встречи, а также предложил ее программу: два заседания посвящаются изложению каждой доктрины, два других – возражениям, которые одна школа может предъявить другой, и еще одно – “дискуссии о том, какой из них можно отдать предпочтение”⁸⁰.

13 сентября 1846 г. “Демокраси пасифик” подтвердила согласие фурьеристов на проведение встречи между главами обеих школ, однако заявила о невозможности организовать ее ранее второй половины ноября. Но чтобы не держать читателей и дальше в неведении относительно мнения фурьеристской школы о коммунизме, газета поместила статью с подробным анализом основных отличий между коммунизмом и социэтарной теорией. 27 сентября “Попюлэр”, перепечатавшая эту статью с пространными комментариями, расценила ее появление как начало “дискуссии в печати”⁸¹. Вчитаемся внимательно в материалы указанного номера, поскольку они дают ясное представление о позициях сторон по важнейшим вопросам идеологии (мы их цитируем по “Попюлэр”).

“Коммунизм Кабе..., – писала “Демокраси пасифик”, – отличается от социэтарной теории по трем главным пунктам: организации труда, собственности, распределению”. По первому пункту ее возражения сводились к следующему: Кабе, не постигнув “законы” организации труда, рассчитывал, что в его идеальном обществе добродетель и соревновательность восторжествуют лишь благодаря добрым советам,

⁷⁸ Далее материалы дискуссии цитируются по газете “Попюлэр”. См.: Ibid. 1845. 18 oct.

⁷⁹ Ibid 1846 28 août.

⁸⁰ Ibid

⁸¹ Ibid 27 sept

воспитанию и нравов. “Но каким образом, – вопрошала газета, – ему удастся согласовать между собой интересы и страсти?.. Каким неведомым волшебством сумеет он укротить происки эгоизма и расчеты алчности?..” На все эти вопросы у Кабе был лишь один ответ: общность, где исчезнут индивидуальная собственность, деньги и пр., устранив вместе с ними и все источники, питающие эгоизм и алчность.

По второму пункту разногласий с коммунистами “Демокраси пасифик” писала: “Кабе отрицает право собственности...” Нет, возражал ей Кабе, “мы не отрицаем право гуманной, национальной, совместной, социальной, неделимой и общей собственности”. Подобно фурьеристам, коммунисты стремятся не к уничтожению, а к реформе, совершенствованию и расширению собственности, так чтобы она служила благу всех людей. “Ваша форма собственности, – обращается Кабе к фурьеристам, – абсолютно такая же, как и у нас... вся разница между нами в том, что вы называете *коллективной* и *солидарной* ту собственность, которую мы называем *общей*; слова разные, а смысл абсолютно одинаков”.

Более существенными представлялись Кабе разногласия по третьему из названных “Демокраси пасифик” пунктов – распределению. В ее претензиях к икаррийскому коммунизму Кабе выделил несколько взаимосвязанных вопросов. Фурьеристская газета противопоставляла коммунистическому принципу “распределения, или дележа, по потребностям” следующую точку зрения: “Фаланстерианцы отдают потребностям должное, гарантируя некий минимум; но дополнением к этой мере низшего порядка служит другая – участие в производстве. Они считают вполне справедливым, что если в каком-нибудь деле Петр проявил вдвое больше таланта, чем Павел, то он и получит вдвое большее вознаграждение. Равное распределение при неравном вкладе труда, таланта и капитала болезненно ранит наше чувство справедливости и наш разум”.

В ответ на этот упрек Кабе развернул подробную аргументацию, отражающую его понимание характера взаимоотношений человека и общества. Прежде всего, отмечал он, физические способности – дело случая и с точки зрения разума не являются правом. Зато талантом человек обязан обществу, которое дает ему образование. Тем более зависят от общества возможности употребления им своего таланта. “И поскольку, – заключает Кабе, – талант и его применение принадлежат обществу, будет совершенно справедливо и разумно, если оно предоставит их человеку лишь в обмен... на единственное преимущество – питаться, одеваться и иметь кров наравне со всеми”.

Стремление икаррийских коммунистов к “ошибочному равенству” фурьеристская газета обнаруживала не только в распределении, но и “во всех других планах социальной организации, в которых постоянно прорывается тайная зависть к превосходству”. Это замечание вызывало искреннее недоумение Кабе, ибо логика рассуждений фурьеристов в данном случае была ему совершенно чужда. С наивностью глубоко верующего человека он возражал: “Коммунизм именно потому

более разумен и мудр, что он прибегает к равенству. чтобы вытравить зависть...” С такой же легкостью он опровергал и другой аргумент “Демокраси пасифик”, гласящий: “Единообразие, нивелирование привели бы к параличу и смерти”. “Нет же, нет! – горячился Кабе. – Мы докажем вам, что сад или поле не менее плодородны оттого, что в них нет засушливых высот или топких низин”.

Наконец, “Демокраси пасифик” подвергла сомнению обоснованность попыток Кабе подкрепить свой тезис о “подлинном равенстве” как основе общности авторитетом французской революции XVIII в. и ее “великих принципов” – свободы, равенства, братства. “Когда наши отцы, – писала она, – провозгласили в числе этих лозунгов равенство, они не имели в виду ничего другого, кроме упразднения сословий, отмены привилегий, права каждого стремиться к лучшей участи. В этом смысле доктрина равенства достойно венчает собой три столетия борьбы за свободомыслие и освобождение. Но входило ли в планы революции навязать всеобщее уравнивание человеческих судеб? Никогда”. Мнение фурьеристской газеты Кабе отнес к совершенно бездоказательному. Он, годы жизни посвятивший изучению истории революции, колеблемый стоял на своем: “...революция и все философы ее времени, в частности Кондорсе, стремились к *фактическому равенству*... революция положила начало движению и постепенно приближала нас к этой цели...”

Дальше можно не продолжать. Приведенные материалы достаточно полно характеризуют разногласия между икаррийскими коммунистами и фурьеристами в области социальной теории. Они касались не частных, а существенных сторон понимания того, каким критериям должен отвечать справедливый строй будущего. Если Кабе руководствовался умозрительными категориями истинности и “общего блага”, то фурьеристы исходили из конкретных потребностей и интересов отдельного человека. То, что для фурьеристов должно было стать итогом социальной реформы – “гармония”, или некий баланс интересов общества и личности, различных групп людей между собой, Кабе рассматривал лишь как исходный пункт социального переворота, призванного осуществить единство всех интересов.

Хотя Кабе придавал, очевидно, большое значение этой публикации “Попюлэр”, фурьеристы на нее не откликнулись. Поэтому в следующем номере своей газеты Кабе обратился к Консидерану с повторной просьбой назначить “день, час и место их встречи для устной дискуссии”⁸². Ответ не оставлял места для сомнений: взлелеянная Кабе надежда на эпохальное примирение двух главных школ социализма и коммунизма во Франции окончательно рухнула. Консидеран сообщил, что не возражает против личной встречи с Кабе, когда и где тот пожелает, но хотел бы провести ее без всякой помпы. Он опасался, что, по его словам, его втянут в “драку, которая... скорее преследует цель наделать побольше шума, чем просто мирный поиск истины”⁸³.

⁸² Ibid. 31 oct.

⁸³ Ibid. 27 nov.

Такой ответ “Попюлэр” расценила как “отступничество” и “неслыханное оскорбление”. И хотя икарийская газета заявила о желании избежать “войны” с фурьеристами, на самом деле с этого момента она развернула яростную полемику с “Социэтарной школой”. Подборка материалов, посвященных отношениям с фурьеристами, заняла в декабрьском номере “Попюлэр”⁸⁴ в общей сложности почти две полосы, т.е. половину всего объема. Большинство из них призвано было убедить читателя в коварстве фурьеристов, на словах соглашающихся на мирную дискуссию с икарийскими коммунистами и сопоставление обоих учений, а на деле развернувших против них клеветническую кампанию. Общую тональность опубликованных материалов выражали заголовки: “Фурьеризм нападает на коммунизм” и “Коммунизм защищается”.

В указанном номере, в частности, было помещено письмо группы икарийских коммунистов, присутствовавших в минувшем августе на заседании “Фаланстерианских курсов”. Они с возмущением поведали об оскорбительных высказываниях Консидерана против коммунизма, которым аплодировали присутствовавшие на заседании фурьеристы. Разоблачительный пафос отличал и реплику на статью “Чтобы покончить с г-ном Кабе”, опубликованную в “Демокраси пасифик” 6 декабря. “Орган фаланстерианцев – писала “Попюлэр”, – снова нападает на коммунизм, называя его *социальной опасностью*, и забывается настолько, что позволяет себе самые низкие оскорбления”. И словно смакуя подробности, она сообщала, например, что по отношению к Кабе “Демокраси пасифик” позволила себе использовать такие эпитеты, как “смешной, жалкий, гротескный, мальчишеский”, приписывая ему “зависть, невежество, злость, наивность” и пр. Саму же “Попюлэр” фурьеристская газета называла “краном, из которого текут банальности”. Все эти бесспорно оскорбительные высказывания “Попюлэр” противопоставляла более ранним и существенно более позитивным оценкам фурьеристами личности Кабе.

Показав, таким образом, что за никчемные люди, эти фаланстерианцы, и что они не достойны уважения, газета Кабе далее подвергла критике их доктрину, причем, с неожиданной стороны. “Если коммунизм,— писала “Попюлэр”,— представляет собой социальную опасность, то не меньшую опасность представляет собой и фурьеризм; поскольку в течение шести лет он собирается покрыть земной шар фаланстерами, трудно ожидать, что хотя бы клочок земли или дом останутся в полной собственности их владельца”. Следовательно, заключала “Попюлэр”, “фурьеризм является бесконечно более революционным и подрывным учением, чем коммунизм; поскольку он не только преобразует все виды собственности в течение всего шести лет, но он внезапно разрушит все города и деревни, не пощадив ни одного дома, но он уничтожит также *браки и семьи*, подчинив разум страстям”. Иными словами, с точки зрения губительных последствий

предлагаемых мер газета Кабе фактически приравняла фурьеристов к “ультракоммунистам”, сторонникам немедленного введения общности и противников городов, брака и семьи.

Со своей стороны, икарийские коммунисты, продолжала “Попюлэр”, никогда не допустили бы немедленного упразднения собственности. Они не только разрешили бы “опыты и эксперименты всем системам социальной организации”, но и помогли бы их проведению, причем, не только коммунистами, но и фаланстерианцами. И они пошли бы на это “искренне, без задних мыслей, руководствуясь общим интересом”. Если бы сторонники общности на практике доказали ее превосходство, то все граждане без всякого принуждения сами бы с готовностью поддержали ее. А вдруг, спросите вы, экспериментальным путем было бы доказано превосходство фаланстеров? В этом случае, проникновенно заявляла “Попюлэр”, “сами коммунисты... проявили бы достаточно благоразумия, чтобы, как говорится, не плевать против ветра, и непременно приняли бы фаланстер в уверенности, что он скорее обеспечит счастье им равно как и всему человечеству”.

Что и говорить, ценное признание, но, к сожалению, запоздалое. Даже если оно и было искренним, вряд ли это теперь могло повлиять на отношения между фурьеристской и икарийской школами, безнадежно испорченные.

Завершалась подборка материалов несколькими цитатами из “Трактата о домоводческо-земледельческой ассоциации” Фурье⁸⁵, призванными доказать, что это “божество” социэтарной школы “не желает в своих фаланстерах ни *братства*, ни *равенства*, предоставляя лишь безграничную *свободу* делать все, что угодно, следуя своим страстям и капризам”. Впрочем, публикуя эти цитаты, Кабе явно хотел продемонстрировать читателям свою осведомленность в вопросах фурьеристской доктрины. Он прямо намекнул на это, бросив вскользь: “...фурьеристы говорят, что мы невежды и не читали Фурье... Так пусть знают, что мы могли бы привести еще не такие цитаты... о *супружеских каникулах, вакханках* и т.д.” И не делает этого Кабе по единственной причине – “стремлению избежать окончательного разрыва и войны” с фурьеристами. Как будто газетная перепалка последних месяцев оставляла ему на это хоть какую-то надежду!

ПОЛИТИКА И СОЦИАЛИЗМ

Несмотря на то, что попытки Кабе навести “идеологические мосты” между икарийским коммунизмом и “Социэтарной школой” не увенчались успехом, они оставили след в истории общественной мысли. Диалог между коммунистами и социалистами, состоявшийся благодаря его усилиям в середине 40-х годов XIX в., означал шаг к преодолению былого отчуждения между обоими течениями общественной мысли. Он открыл глаза многим современникам на то, что у социалистов и

⁸⁴ Ibid. 25 dec.

⁸⁵ Fourier Ch. Traité de l'association domestique-agricole. P., 1822. Т. 1–2.

коммунистов немало общего, связанного с их стремлением коренным образом улучшить положение самой обездоленной части населения, народных низов. Что, впрочем, не мешало им и впредь предлагать разные пути и способы достижения этой цели.

Особенно эта история повлияла на воззрения самого руководителя икарыйских коммунистов. Дискуссия с фурьеристами (а еще раньше – и с реформистами) позволила ему уточнить представления о соотношении между политической революцией, или реформой, и социальным переворотом. В результате Кабе пришел к заключению, которое еще не так давно трудно было услышать из уст сторонника общности. Он объявил, что призванием коммунистов является роль партии, последовательно борющейся как за политические, так и социальные реформы.

Представляется далеко не случайным, что с обоснованием этого вывода Кабе выступил в том же номере “Попюлэр”, где были опубликованы полемические материалы против фурьеристов, рассмотренные нами выше. Тем самым он как бы предоставил фурьеристам возможность еще раз подумать о заманчивых перспективах сотрудничества с партией, которая провозглашая своей целью общность, но отнюдь не ограничивает ею круг задач и интересов. Вместе с социалистами она выступает за социальные реформы, а вместе с реформистами – за политические реформы.

Указанный номер “Попюлэр” открывала передовая статья, озаглавленная “Политика и социализм”⁸⁶. Определяя эти понятия, Кабе пишет, что они обозначают “один и тот же предмет, а именно поведение или интересы людей, объединенных в общество”. Но при этом между ними имеется и существенное различие: “...слово *политика* более конкретно относится к управлению обществом, а слово *социализм* – к интересам, связывающим граждан между собой”. Поэтому “*социализм* имеет более широкое значение, чем *политика*; ибо последняя всегда обозначает лишь правление и не распространяется, например, на вопросы труда или собственности, тогда как *социализм* охватывает все общество, его правление и его народ”.

Свои рассуждения Кабе на эту тему резюмирует следующим образом: “Политика является *средством*, а социализм – *целью*. Политика является *частью*, а социализм – совокупностью и *целым*. Политика не включает социализм, но социализм включает политику”.

Однако, развивая свою мысль Кабе, при всей разнице между ними, оба понятия “неотделимы” друг от друга. Иначе говоря, “хорошую политическую организацию можно создать и сохранить не иначе, как установив хорошую социальную организацию, при которой все граждане получили бы доступ к благам образования, достатка, досуга и независимости, необходимых для того, чтобы они могли пользоваться всеми своими правами, включая и право контроля за чиновниками”.

Кабе критически отзываясь о “некоторых партиях”, которые “занимаются только политикой или только социальными вопросами”. Очевидно, он имеет в виду реформистов, поглощенных преимущественно планами политической реформы, и фурьеристов, отдающих предпочтение реформе социальной. Односторонность обеих партий и должны преодолеть коммунисты. “У нас, коммунистов, – подчеркивает Кабе, – политика и социализм идут нога в ногу; причем, в свете социализма задачи политики выглядят настолько ясными, что они больше не представляют трудности”.

Дискуссия с фурьеристами оттенила своеобразие икарыйского коммунизма как учения, возникшего на пересечении нескольких различных течений общественно-политической мысли – либерализма, социализма и бабуизма. Как бы ни отрешивался Кабе от своей родословной, вряд ли можно сомневаться, что идеей общности он обязан главным образом бабувистам, с взглядами которых ознакомился еще в первой половине 30-х годов. Представление о политических реформах как предпосылке последующего перехода к общности сложилось у него под впечатлением подъема движения в поддержку избирательной реформы, организованного леволлиберальными группировками в начале 40-х годов. Наконец, сторонником постепенного продвижения к общности посредством частичных социальных реформ он стал не без влияния социалистов 30-х годов, в частности, фурьеристов. Эти идеи он положил в основу своей программы легального, мирного и демократического пути борьбы за демократию и общность.

Подобная родословная во многом объясняет и те большие надежды, которые Кабе возлагал в начале 40-х годов на единство действий реформистов, социалистов и коммунистов в борьбе за политические и социальные реформы. Он рассчитывал, что в его программе каждая из названных группировок найдет нечто, удовлетворяющее ее запросы. Однако Кабе ошибся. Самое больше, чего он достиг, – это было общественное признание его благородных устремлений и помыслов. При этом все политические группировки, к которым он обращался с предложением о партнерстве и единстве действий, нашли достаточные основания, чтобы отвергнуть его программу. Она была весьма эклектична, соединяя принципы и идеи, являвшиеся, по общему мнению, несовместимыми. Фурьеристы, единственная группировка, которая вступила с икарыйскими коммунистами в официальные контакты, как “школа со школой”, лишней раз напомнили ему об этом.

Но хотя дискуссия с фурьеристами не дала практических результатов, значение ее в развитии общественной мысли, по нашему мнению, все же нельзя недооценивать. Она привлекла внимание передовых кругов к вопросу о соотношении политики социальных реформ, частичных опытов и экспериментов, проводимых социалистами, и полного преобразования общества на принципах общности, пропагандируемого коммунистами. Фактически Кабе предпринял дерзкую попытку преодолеть отчуждение, существовавшее между социалистами и коммунистами с тех пор, как возникли оба учения.

⁸⁶ Le Populaire. 1846. 25 dec.

В этой связи вспоминается интересное наблюдение, сделанное К. Каутским и Ф. Энгельсом в совместно написанной статье “Юридический социализм”. Они отмечали принципиальное различие, существовавшее между коммунизмом и социализмом в начале XIX в. Они писали, что “первые пролетарские партийные объединения” и их “теоретические представители” стояли «всецело на юридической “правовой почве”». Лозунг юридического равенства, заимствованный из арсенала революции конца XVIII в., “они дополнили требованием общественного равенства и призвали к упразднению такого порядка, когда рабочий должен делиться своим продуктом с капиталистом или землевладельцем”. Такого рода умонастроения Каутский и Энгельс определили как “юридический способ мышления”. Но уже тогда, по их словам, “наиболее выдающиеся мыслители среди ранних социалистов – Сен-Симон, Фурье и Оуэн – почувствовали, что, оставаясь в этом вопросе на чисто юридической “правовой почве”, нельзя устранить бедствий, порожденных буржуазно-капиталистическим способом производства и, особенно, современной крупной промышленностью, и это побудило их совершенно покинуть юридически-политическую область и объявить бесплодной всякую политическую борьбу”⁸⁷.

Как нам представляется, Кабе вполне отдавал себе отчет в узости и недостаточности чисто юридического обоснования коммунизма требованием равенства. Вслед за Сен-Симоном, Фурье и другими социалистами он подчеркивал важность экономических, этических, цивилизационных, культурных предпосылок коммунизма. Поэтому политика в его воззрениях занимала гораздо меньше места, чем в учении бабуистов. Не отрицая роли реформ и революций в общественном развитии, он все же решающее значение придавал готовности самого народа, самой страны принять новые формы жизни. Поэтому он и предпринял – первым, насколько нам известно, – попытку соединить учения социализма и коммунизма в рамках единого плана преобразования современного общества в общность.

Глава 7

ЕДЕМ В ИКАРИЮ!

9 мая 1847 г. Кабе выступил в газете “Попюлэр” с призывом: “Едем в Икарию!” На него откликнулись сотни коммунистов. Начиная с февраля 1848 г. они отправлялись за океан, чтобы на Американском континенте создать идеальное общество по образцу того, которое изображено в утопическом романе Кабе “Путешествие в Икарию”. Переселенцы были полны энтузиазма. И все же в глазах многих современников эта акция, предпринятая накануне и во время революции 1848 г., походила на “бегство”¹.

Объясняя причины эмиграции, Кабе писал: “...поскольку во Франции нас преследуют, удалимся в Икарию!”² Сказано предельно ясно. Тем не менее, о мотивах этого решения до сих пор спорят историки³.

Если ограничиться лишь кругом исследований современных авторов, анализировавших этот вопрос, то можно отметить такие точки зрения. Некоторые историки, например Пьер Ангран, принимают на веру объяснение Кабе⁴. Действительно, факты как будто говорят сами за себя. В начале 1847 г. Июльская монархия усилила репрессии против оппозиционных и демократических сил, включая и движение “икарийских” коммунистов. В марте – апреле власти в судебном порядке пытались закрыть их газету. В ответ на эти действия и появилась в “Попюлэр” коротенькая заметка с обещанием вскоре открыть “великую тайну” – как “спастись” от этих преследований⁵.

Однако не все историки склонны полагаться на слово Кабе. Кр. Джонсон установил, что к 9 мая 1847 г. тот уже точно знал, что

¹ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 36. С. 319.

² Le Populaire. 1847 9 mai.

³ Эмиграционный проект Э. Кабе в той или иной мере рассматривается во многих исследованиях по истории утопического социализма середины XIX в. См.: Волгин В. П. Французский утопический коммунизм. М., 1960; Иоаннисян А. Р. Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1842–1847 гг. М., 1986; Маишкин М. Н. Французские социалисты и демократы и колониальный вопрос, 1830–1871. М., 1981; Люкс Г. Этьенн Кабэ и икарийский коммунизм. СПб., Б. г.; Prudhommeaux J. Icarie et son fondateur Etienne Cabet. P., 1907; Caron P. Cabet et l'Icarie à la fin de 1847 // Revue d'histoire moderne et contemporaine. 1907. Mai; Angrand P. Etienne Cabet et la république de 1848. P., 1948; Desroche H. Les dieux rêvés: Théisme et athéisme en Utopie. P., 1972; Johnson Ch. Utopian Communism in France: Cabet and the Icarians, 1839–1851. Ithaca; L., 1974; Hoppner J., Seidel-Hoppner W. Von Babeuf bis Blanqui. Franzosische Sozialismus und Kommunismus vor Marx. Leipzig, 1975, 1848; Les utopies sociales: Utopie et l'action à la veille des journées de février. P., 1981; Tumminelli R. Etienne Cabet e le colonne icariene negli Stati Uniti // Politico. 1985. N 1; etc.

⁴ Angrand P. Op. cit. P. 27–28.

⁵ Le Populaire. 1847 25 avr.

⁸⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. С. 497.

“Попюлэр” вне опасности⁶. По мнению историка, Кабе заставило отправиться в эмиграцию крушение его “политической стратегии”, основанной на идее единства в борьбе за справедливый строй всех сил “демократии”, включая народные массы и буржуазию. Джонсон показывает, что Кабе, убедившись в реальности противоречий между имущими и неимущими классами, не захотел встать на позицию классовой борьбы. Поэтому он и решил “удалиться в какую-нибудь пустыню, укрыться от великой дилеммы, которую поставила перед ним проблема классового антагонизма”⁷. Кабе как бы последовал примеру первоначальных христиан, уходивших в катакомбы, чтобы спасти от гонений свою веру⁸. Такой поворот его политической карьеры не должен удивлять: «...начиная с лета 1842 г. Кабе подчеркивал, что коммунизм представляет собой не что иное, как “христианство в его первоначальной чистоте”»⁹. Однако на вопрос о том, “вынашивал ли Кабе мессианские замыслы”, Джонсон категорически отвечает: “По крайней мере до 1847 г. едва ли можно принять его за ревнителя веры и тем более мессию второго пришествия. Имеются бесспорные доказательства и того, что до начала 1847 г. он решительно отвергал общинные эксперименты”¹⁰.

Сходной точки зрения придерживается Роберто Тумминелли. Он отмечает, что решение об эмиграции “имело своей предпосылкой значительную перемену во взглядах Кабе на роль буржуазии и ее отношения с пролетариатом”¹¹. Бесплодность пропаганды среди буржуазных слоев, а также пролетаризация самого “икарийского” движения лишили его надежды на успех мирных реформ. Отвергая насильственную революцию, Кабе и попытался “вырваться из пут исторически обусловленной реальности, чтобы... осуществить утопию”¹².

Однако к прямо противоположным выводам приходит Анри Дерош. Выдвигая на первый план “религиозные, а точнее, утопически-религиозные компоненты икарийского проекта”¹³, он утверждает следующее: “Его (Кабе. – А.Р.) стратегия строится на двух основаниях: осуществлении общинных экспериментов и пропаганде в целях и посредством воспитания народа”¹⁴. В обоснование своих выводов Дерош ссылается на ряд мест “Путешествия в Икарию”, не привлекавших ранее внимания исследователей. Эти, на первый взгляд, не самые главные страницы романа, важны, по мнению историка, тем, что в них произвольно отразились сокровенные мысли и чувства Кабе.

Одним из таких “ключевых”, по выражению Дероша, мест являет-

ся глава под названием “История Икара”, в которой рассказывается, при каких обстоятельствах произошло духовное прозрение простого возчика, ставшего впоследствии основателем Икарии¹⁵. Кабе пишет: “Два первых слова христианской молитвы “Отче наш” пробудили в нем убеждение, что все люди являются *братьями и равны* между собой, что все они должны бы объединиться в *единую семью и по-братски* любить друг друга и приходить друг к другу на помощь... Наконец, именно тогда, когда он заехал со своей повозкой в большой монастырь, у него впервые и возникла мысль, что все люди могли бы трудиться и жить *сообща*”. Далее Кабе рассказывает о том, что Икар стал священником и посвятил себя “спасению” человечества, непрестанно ссылаясь “на имя и слова *Иисуса Христа* в обоснование равенства, братства и даже общности имуществ”. Его деятельность навлекла на него преследования церкви и правительства, которые не могли простить ему слов, что “*Иисус Христос* был самым бесстрашным *пропагандистом* и самым отважным *революционером* в мире”¹⁶.

В “Путешествии” Дерош находит свидетельства и того, что Кабе задумывался над возможностью осуществления “Икарии” именно в Америке. Один из персонажей романа, “преподобный отец Франсис, шотландский миссионер”, обращается к почитателям общественного строя Икарии со следующим призывом: “...прежде всего, нужно организовать *пропаганду*! Прежде всего, нужно разослать новых *миссионеров*!.. Апостолы Икара, возьмем пример с апостолов Иисуса Христа!.. Покинем Икарию, чтобы обойти всю землю и проповедовать народам общность!.. Я дойду... до Северной Америки... чтобы проповедовать общность той нации, которая, вероятно, более всего походит на Икарию”¹⁷.

В работах современных исследователей четко обозначены основные проблемы изучения проекта “икарийской” эмиграции 1847 г. Вот вопросы, на которые они главным образом ищут ответ. Являлся ли этот социальный эксперимент заранее обдуманной акцией или следствием непредвиденного для Кабе стечения обстоятельств, нарушивших все его прежние замыслы? Преследовал ли он цель создания небольшой общины или ставил более масштабные задачи? Отвечал он мессианским устремлениям Кабе или же представлял собой новый тактический маневр хитроумного политика?

Чтобы внести большую ясность в спорные вопросы, мы хотели бы обратить внимание наших читателей на те стороны воззрений Кабе, которым раньше исследователи не придавали должного значения: его методу обоснования коммунистической доктрины, отношению к социальным экспериментам, оценке социальных последствий развития крупной машинной индустрии и др. Осветить их позволяют материалы публицистики Кабе, прежде всего его газеты “Попюлэр”¹⁸.

⁶ Johnson Ch. Op. cit. P. 241

⁷ Ibid. P. 235.

⁸ Ibid. P. 231.

⁹ Ibid. P. 215.

¹⁰ Ibid. P. 220.

¹¹ Tumminelli A. Op. cit. P. 69.

¹² Ibid.

¹³ Desroche H. Op. cit. P. 155.

¹⁴ Ibid. P. 177. Здесь и далее в цитатах, кроме особо оговоренных случаев, выделено в источнике.

¹⁵ Ibid. P. 169.

¹⁶ Cabet E. Le voyage en Icarie. P., 1842. P. 214–215.

¹⁷ Ibid. P. 540.

¹⁸ Автор настоящей работы пользовался микрофильмом выпусков “Попюлэр” за 1841–1847 гг., имеющегося в Государственной общественно-политической библиотеке.

Разрабатывая свою коммунистическую систему, Кабе, несомненно, задумывался над опытом общинных экспериментов в Европе и Америке, столь многочисленных в 1820–1830-х годах. Писал же он впоследствии, что мог бы “перечислить более двух десятков практических опытов создания сельскохозяйственных и промышленных колоний в виде фаланстеров или общин”¹⁹. Достоверно и то, что во второй половине 30-х годов Северная Америка привлекала его внимание. По данным Ж. Прюдомо, он “с пером в руке” читал посвященные североамериканским штатам книги таких известных авторов, как Кондорсе, М. Шевалье, А. Мюрат и А. Токвиль²⁰. Следы этих раздумий Дерош фактически и обнаружил в “Путешествии”.

Еще тогда Кабе пришел к заключению о бесперспективности отдельных общинных экспериментов. Об этом свидетельствует хотя бы его отзыв на страницах “Путешествия” об Оуэне, лишний раз опровергающий представление об “икарийском” коммунизме как французском ответвлении оуэнизма²¹. “Достойно сожаления, — пишет Кабе, — что он слишком полагался на доброту монархов и аристократов; что он довел народ до отчаяния, установив слишком короткие сроки для исполнения его чаяний, которые до сих пор так и не сбылись; и что он истратил на устройство *частичных и слишком мелких общин, не способных добиться успеха*, капитал, который, хотя и был значительным, все же оказался недостаточным для удовлетворения всех нужд образцовой общины, но который, будучи употреблен им исключительно на цели пропаганды своей доктрины, мог бы вызвать поразительные перемены в общественном мнении!”²² И уж совсем никаких сомнений на этот счет не оставляет заявление Кабе в разделе “Краткое изложение доктрины или принципов общности”. Резюмируя основные положения своей системы, он прямо осуждает “частичные общинные эксперименты, успех которых приносит слишком мало пользы, зато неудача, почти неизбежная, всегда приносит много вреда!”²³

После выхода в свет “Путешествия” Кабе оставался верен такой оценке общинных экспериментов, по крайней мере до начала 1847 г. Это убедительно показал Джонсон, собравший все — или почти все — его высказывания за указанный период²⁴. Однако Джонсон не заметил того, что одновременно Кабе выдвинул более широкое пони-

мание “экспериментального” пути к общности, не сводящееся к методу создания образцовых общин. Вряд ли можно упрекнуть историка в невнимательности. При изучении взглядов Кабе на роль и содержание социального эксперимента большую трудность представляет то обстоятельство, что он нигде не высказывал их в систематической форме. Приходится реконструировать его мысль на основе разрозненных, а нередко и противоречивых, высказываний, фактов, проектов.

Одним из таких проектов, важных, на наш взгляд, для понимания взглядов Кабе о социальных экспериментах, является план организации “маленькой общины самоотверженных”, опубликованный в 1843 г. в издаваемом Кабе “Икарийском альманахе”²⁵. Согласно этому плану, несколько “преданных человечеству” граждан — числом от 5 до 20 — должны объединиться, чтобы всецело “посвятить себя задаче излагать, разъяснять и пропагандировать коммунистическую систему в газете, журнале и сочинениях”. Предусматривалось, что они будут жить в условиях “полной общности”, зарабатывая на жизнь своим трудом. Судя по всему, Кабе был серьезно увлечен этим планом, поскольку 2 мая 1844 г. “Попюлэр” опубликовала его как переработанный и дополненный проект “маленькой общины самоотверженных и маленькой братской колонии”²⁶, вышедший в 1846 г. и отдельной брошюрой²⁷.

Кабе задумал основать эту колонию в окрестностях Парижа на “достаточно просторной территории”, пригодной для размещения до 300 человек, а также мастерских и небольшой сельскохозяйственной фермы, для разведения огорода и сада. Население колонии должно было состоять из 20 “общинников”, 20–30 человек наемного обслуживающего персонала, 100–200 “платных пансионеров”, живущих в колонии постоянно или временно, 60 “пансионеров-рабочих”, поселяющихся в колонии сроком на три месяца и личным трудом покрывающих издержки на свое содержание, 40 детей и 20 “друзей”, или “посетителей”, приглашенных провести в колонии несколько дней. Управление этой колонией, организованной наподобие коммерческой компании в юридической форме “коммандитного акционерного общества”, осуществляли бы “общинники” на правах ее собственников-компаньонов. Как предполагал Кабе, 8–10 человек среди “общинников” были бы писателями и учеными, 5–6 — “рабочими”, остальные 5–7 — “богатыми и великодушными пожертвователями, движимыми преданностью человечеству”.

Любопытно, что, противопоставляя свой проект, как явствует из его преамбулы, фурьеристскому фаланстеру, Кабе тем не менее заимствует ряд его черт. Но вопрос об отношении Кабе к фурьеристской “школе” мы уже рассмотрели. Поэтому здесь мы попытаемся ответить на лишь следующий вопрос: какие цели преследовал этот проект?

¹⁹ Le Populaire. 1844. 2 mai.

²⁰ Prudhommeaux J. Op. cit. P. 141.

²¹ Например, А. Р. Иоаннисян пишет: “...учение Кабе было мирным коммунизмом, продолжавшим и развивавшим оуэнистские теории общинного коммунизма...” См.: Иоаннисян А. Р. Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1840–1841 гг. М., 1983. С. 62).

²² Cabet E. Le voyage en Icarie. P. 519 (курсив наш. — А. Р.).

²³ Ibid. P. 564.

²⁴ Johnson Ch. Op. cit. P. 218–221.

²⁵ Almanach Icaréen... pour 1844. P. 182 — 187.

²⁶ Le Populaire. 1844. 2 mai.

²⁷ Cabet E. Petite communauté des dévoués et petite colonie fraternelle. S. 1., S. a.

Джонсон, безусловно, прав, указывая, что проектируемая Кабе колония “не рассматривалась в качестве первой из серии местных ячеек-общин, которые со временем распространятся и покроют всю Францию”²⁸. В том, что Кабе не пересмотрел своего отношения к общинным экспериментам, убеждает и его ответ на критику, которой был подвергнут в коммунистических кругах проект “маленькой общины самоотверженных и маленькой братской колонии”. 12 июля 1844 г. Кабе признал в “Попюлэр”, что его упрекали в “непоследовательности и противоречиях, поскольку до сих пор мы осуждали именно частичные эксперименты”. И далее в газете полностью приводилось письмо, направленное ему от имени членов Французского демократического общества²⁹, которые осуждали его проект в ряду других “попыток осуществления общности в миниатюре”. Критику Кабе полностью отверг, указав, что его “комбинация ни в малейшей мере не похожа ни на какую другую” и что с его стороны “нет и тени какой-либо непоследовательности или противоречия”³⁰.

И все же проект “маленькой общины самоотверженных и маленькой братской колонии” заслуживает большего внимания, чем полагал Джонсон, отмечая, что он был задуман Кабе “лишь как часть общей программы пропаганды”³¹. Он заслуживает этого потому, что отражает новый подход Кабе к проблеме социального эксперимента, в свою очередь связанный с некоторым сдвигом в его понимании “исходных принципов” коммунизма. Эту сторону воззрений Кабе важно рассмотреть подробно, поскольку она повлияла в дальнейшем на его проект эмиграции в Америку.

САМОЕ СОВЕРШЕННОЕ РАВЕНСТВО

Имея в виду теоретиков общности первой половины XIX в., Энгельс писал, что они понимают коммунизм как некую “доктрину, которая исходит из определенного теоретического принципа, как из своего ядра, и делает отсюда дальнейшие выводы”³². Это определение полностью применимо к Кабе. Исходными принципами коммунистической доктрины для него служили в первую очередь знаменитые лозунги французской революции XVIII в. Характеризуя свой путь к коммунизму, он прямо указывал: “...я принял принципы французской революции, декларацию прав, народный суверенитет, свободу, равенство, братство со всеми вытекающими из них *последствиями*”³³.

В ряду этих принципов особое значение Кабе придавал равенству, рассматривая его как основной источник и главный критерий

социальной справедливости. В брошюре “Мое коммунистическое кредо”, опубликованной в 1840 г., Кабе писал: “Я верю, что все пороки исчезнут и уступят место братству, любви, самоотверженности, если... неравенство заменить равенством”³⁴. Естественно, свою идеальную Икарию Кабе охарактеризовал как “общество, основанное на фундаменте самого совершенного равенства”³⁵.

Однако применить принципы равенства для обоснования коммунистической системы удалось Кабе не без трудностей. Об этом поведал он сам. Решив разработать “план социальной и политической организации” на основе принципа равенства, он обнаружил, что, взятый отдельно, этот принцип недостаточен, что “равенство требует расширения сельскохозяйственного и промышленного производства, экономии, порядка, толкового и продуманного распределения, которых нет, и не может быть, в настоящее время”. В итоге Кабе пришел к своего рода отрицанию равенства – “к общему воспитанию, общему труду, необходимости концентрации громадных мастерских и громадных складов, безграничному умножению машин, к эксплуатации территории сообща, распределению издержек и приобретений, словом, к общности”³⁶. Новый совершенный строй Кабе нередко называет “строем равенства и общности”³⁷, как бы пытаясь этой формулой преодолеть несоответствие исходного принципа своей доктрины ее конечному результату.

Затруднения Кабе вполне объяснимы. Требование равенства в XVIII–XIX вв. было плодотворным как лозунг устранения сословных привилегий, гражданского неравенства и прочих атрибутов старого порядка. Но все оказалось иначе, когда вслед затем стали пытаться основать на нем позитивную программу развития общества. Реальная жизнь, пронизанная противоречиями и противоположностями, не укладывалась в мерки этого принципа, предписывавшего строгое единообразие. Это и почувствовал Кабе, когда захотел показать, “каким образом можно организовать равенство в воспитании, питании, одежде, жилье, мебелировке, труде, обязанностях всякого рода, наслаждениях разного вида”³⁸. Прежде всего, он понял, что в условиях, при которых уровень материального производства был едва достаточен для того, чтобы обеспечить минимальные потребности громадного большинства населения, стремление “организовать” такое равенство практически вело к проповеди аскетизма. А это показалось Кабе неприемлемым.

Кабе по достоинству оценил новые возможности удовлетворения потребностей, которые открывало развитие крупной машинной индустрии, а вместе с ней и цивилизации в целом. Но все же он рассматривал их как желательную, но не обязательную предпосылку

²⁸ Johnson Ch. Op. cit. P. 219–220.

²⁹ Lehning A. Discussion à Londres sur le communisme Icarien // Bulletin of the International Institute of Social History. 1952. № 2.

³⁰ Le Populaire. 1844. 12 juill.

³¹ Johnson Ch. Op. cit. P. 219.

³² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 4. С. 281.

³³ Cabet E. Comment je suis communiste. 4e éd. P., 1845. P. 3.

³⁴ Cabet E. Mon crédo communiste. 4e éd. P., 1845. P. 5.

³⁵ Cabet E. Le voyage en Icarie. P. 35.

³⁶ Cabet E. Comment je suis communiste. P. 3.

³⁷ Cabet E. Mon crédo communiste. P. 9.

³⁸ Cabet E. Comment je suis communiste. P. 3.

общности. Если вдуматься, именно об этом свидетельствует его знаменитая фраза о том, что “вследствие успехов в развитии промышленности и машин *легче* осуществить общность сегодня, чем в любую предыдущую эпоху, и в индустриальной державе, чем в маленькой стране, лишенной промышленности и могущества”³⁹. Поэтому в обоснование коммунизма Кабе постоянно обращался к абстрактным принципам как выражению некой вневременной истине и справедливости.

Апеллируя к равенству, Кабе не мог избежать всех тех “нелепостей”⁴⁰, к которым приводило стремление осуществить данное требование в различных сферах жизни. Особенно много их в “Путешествии в Икарию”. На этом основании исследователи нередко причисляют Кабе к проповедникам грубой уравнительности. В частности, Л.Г. Суперфин считает, что “наиболее развернутое теоретическое выражение идеи грубоуравнительного коммунизма” получили именно в утопическом романе Кабе⁴¹.

Нельзя, однако, забывать, что сам Кабе, хотя и гордился своим произведением, не считал его окончательной истиной, не подлежащей обсуждению. Более того, при рассмотрении коммунистической доктрины он призывал различать “основные вопросы, без которых общность не может существовать”, такие, как собственность, и “второстепенные”, которые “не являются необходимым условием установления общности”. К ним он относил вопросы семьи, религии, городов и т.д. Право решать их Кабе предоставлял будущему поколению, хотя и не скрывал, что имеет по ним определенную точку зрения⁴². Наконец, сама же Л.Г. Суперфин отмечает, что в упомянутом произведении Кабе “весьма отчетливо проявились... попытки хоть в какой-то мере преодолеть социальную узость раннего коммунизма, отразить в той или иной степени процессы промышленной революции, отказ от подчеркнутой проповеди аскетизма”⁴³. По-видимому, нет большого смысла придирается к этим “нелепостям”, которых в избытке у любого создателя коммунистической или социалистической системы. Гораздо важнее представляются нам попытки Кабе преодолеть грубую уравнительность, аскетизм и пренебрежение завоеваниями цивилизации, свойственные коммунистическим теориям конца XVIII – первой половины XIX в.

Кабе выражал убеждение, что распространение и постоянное совершенствование машин ведут к такому расширению производства материальных благ и расцвету цивилизации, благодаря которому принцип равенства наполняется как бы новым содержанием. Раньше

сторонников общности, писал Кабе, пугали тем, что она не может привести к “иному равенству, чем равенство в нищете, переделать общество и людей во что-либо иное, чем в монастырь и монахов”. Отныне эти опасения лишаются оснований. При новых условиях производства “легко” установить общность, “сохраняя сегодняшним счастливым все их удовольствия, и даже делая их еще более счастливыми людьми, и обеспечивая то же благоденствие всем, кто сегодня влачит нищету”. Возросшая способность производства удовлетворять всевозможные потребности, в свою очередь, открывает перспективу мирного, ненасильственного установления справедливого строя. “С еще большим удовольствием я увидел, – делится Кабе своим открытием, – что превратить старый строй в новый строй общности можно избегая потрясений, не разоряя богачей, немедленно уничтожая нищету бедняков”⁴⁴.

Ему казалось, что достаточно найти правильную формулу применения принципа равенства, чтобы избежать грубой уравнительности. Перечисляя основные положения “икарийской” доктрины, он категорически отвергает “абсолютное равенство”, согласно которому “каждый должен получать одинаковое количество жизненных средств”. “Нет, – подчеркивает он, – равенство осуществляется *относительно* потребностей индивидов: тот, кто для насыщения нуждается в удвоенном питании, имеет право на его двойное количество, если его хватает на всех”⁴⁵.

В плодотворности такого подхода его убеждал пример Ф. Буонарроти. С этим легендарным человеком Кабе был знаком лично и, несомненно, испытал его сильное влияние⁴⁶. А он выказал мысль о том, что в условиях изобилия материальных благ принцип равенства ведет к распределению по потребностям. “Изобилие – цель всеобщего труда”, – писал Буонарроти, подчеркивая, что “при системе общности применение машин явится подлинным благом... увеличивая... изобилие необходимых и приятных предметов”⁴⁷. Им были сформулированы положения, которые спустя десяток лет почти слово в слово повторит Кабе. “...Равенство, – писал Буонарроти, – должно измеряться способностью трудящегося и потребностью потребителя...”⁴⁸. И далее: “Целью строя общности является равенство в пользовании материальными благами... а отнюдь не равенство в количестве потребляемого...”⁴⁹.

Принципу равенства Кабе, возможно, отдавал бы предпочтение и впредь, если бы в начале 40-х годов он не вступил в конфликт с представителями революционного коммунизма, такими как Констан,

³⁹ Ibid. P. 4 (курсив наш – А Р)

⁴⁰ См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 20. С. 108.

⁴¹ Суперфин Я.Г. Критика К. Марксом и Ф. Энгельсом концепции грубоуравнительного коммунизма (Экономический аспект) М., 1975. С. 38.

⁴² Cabet E. Propagande communiste, ou Questions à discuter et à soutenir ou à écarter. P., 1842. P. 8 et suiv.

⁴³ Суперфин Л.Г. Указ. соч. С. 38.

⁴⁴ Cabet E. Comment je suis communiste. P. 4.

⁴⁵ Cabet E. Le voyage en Icarie. P. 552.

⁴⁶ См. об отношении Кабе к Буонарроти в главе 6

⁴⁷ Буонарроти Ф. Заговор во имя равенства М., 1963. Т. 1. С. 299–300.

⁴⁸ Там же. С. 396.

⁴⁹ Там же. С. 397.

Пийо, Дезами, газеты “Юманитэр” и “Коммюнетэр”⁵⁰. Разногласия с ними охватывали широкий круг проблем коммунизма: способы преобразования общества, отношение к буржуазии, представления о справедливом обществе будущего и др.

Своих оппонентов Кабе обвинял в том, что они из правильных принципов выводили неверные, “крайние” следствия. Расценивая такие ошибки, как проявление “избытка” добрых намерений, Кабе называл этих революционных коммунистов “ультракоммунистами”. Он критиковал не только их заговорщическую тактику и призывы к грубому насилию до отношения к высшим классам, но и явное пренебрежение как материальными, так и духовными завоеваниями цивилизации, включая требования “отмены” семьи, ликвидации городов как очагов культуры, науки, промышленности, недооценку значения духовных и нравственных ценностей по сравнению с “материальными” интересами и т.д. Опасность такого рода воззрений Кабе видел в том, что они служат “предлогом для самых резких нападок на общность”⁵¹.

Как показывал Кабе, источником ошибок “ультракоммунистов” являлось их требование “абсолютного равенства”. Поэтому он решительно осуждал стремление к “абсолютному равенству”, “единообразие”, “разрушению личности или индивидуальности человека”, уничтожению семьи и брака и т.д.⁵²

ПРАКТИЧЕСКОЕ БРАТСТВО

В 1842 г. Кабе вместе со своими сторонниками принял название “икарийских” коммунистов. Одновременно он провозгласил главным, исходным принципом своего учения братство. Этим мерам, которые должны были символизировать полное и окончательное размежевание как с “ультракоммунистами”, так и с грубоуравнительной идеологией, Кабе придавал большое значение.

В политическом плане возникновение движения “икарийских” коммунистов было действительно важным событием. Однако теоретическое значение замены равенства братством для обоснования коммунистической доктрины Кабе преувеличивал. Даже спустя годы, в 1846 г., он подчеркивал, что братство – “самая новая, самая удивительная формула” по сравнению с равенством и свободой⁵³. Фактически же эта операция означала лишь некоторую перелицовку старой доктрины.

Принцип братства не являлся новым прежде всего для самого Кабе, который постоянно ссылался на него. Разница состояла лишь в том, что раньше ему отводилась роль “средства”, инструмента “совершенствования и счастья людей”⁵⁴. Теперь же он объявлялся “принципом и

основой” самого строя общности⁵⁵. В дальнейшем Кабе еще четче определит новый статус этого принципа в своей системе: “Если нас спросят, какова ваша наука, мы ответим: братство. Каков ваш принцип? – Братство. Какова ваша доктрина? – Братство. Какова ваша теория? – Братство. Какова ваша система? – Братство”⁵⁶. Размышляя о соотношении лозунгов свободы, равенства и братства, Кабе подчеркнет: “...из этих трех слов последнее – братство – кажется нам более предпочтительным, потому что оно выражает принцип, следствиями которого являются два других”⁵⁷.

Не был новым этот принцип и для французского коммунизма начала 40-х годов XIX в. в целом. Он постоянно звучал в триединой формуле “свобода, равенство, братство”, которую коммунисты истолковали как лозунг борьбы за социальную справедливость⁵⁸. Его активно пропагандировал А. Лаотьер, который в 1841 г. издавал газету под выразительным названием “Фратерните” (“Братство”). Он говорил, что “все люди – братья”, а целью коммунизма провозглашал осуществление братства⁵⁹. Основой новой морали “Фратерните” объявляла проповедь Христа, подчеркивая, однако, что коммунизм ставит вполне земные задачи преобразования человечества посредством братской любви⁶⁰.

Небезынтересно, что в то время Кабе тесно общался с Лаотьером. В 1840 г. они вместе опубликовали брошюру⁶¹, а когда в марте 1841 г. Кабе приступил к изданию “Попюлэр”, он, по собственному признанию, рассчитывал на Лаотьера как “одного из основных сотрудников”. Отношения у них испортились лишь публикацией “Фратерните”, появление которой Кабе расценил как попытку “конкурировать” с его газетой, выходявшей уже вторым номером. Это дало ему повод пустить в Лаотьера несколько ядовитых критических стрел⁶².

Анализ сочинений Кабе показывает, за выдвинутой им идеей о том, что справедливое общество представляет собой не что иное, как царство братства, не стояло сколько-нибудь глубокой теоретической работы. По нашим наблюдениям, ее источником было все то же “представление о социалистическом обществе, как царстве *равенства*”, которое, по меткому замечанию Энгельса, «есть одностороннее французское представление, связанное со старым лозунгом “свободы, равенства и братства”»⁶³.

Летом 1842 г. Кабе опубликовал в “Попюлэр” серию статей, в которых изложил свое понимание принципа равенства и вытекающих из

⁵⁵ Le Populaire. 1842. 11 déc.

⁵⁶ Ibid. 1844. Nov.

⁵⁷ Ibid. Déc.

⁵⁸ См.: Иоаннисян А.Р. Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1840–1841 гг. С. 77, 82, 89, 137, 187.

⁵⁹ См.: Волгин В.П. Идеи социализма и коммунизма во французских тайных обществах 1835–1837 годов // Вопр. истории. 1949. № 3. С. 75.

⁶⁰ См.: Волгин В.П. Французский утопический коммунизм. С. 181–182.

⁶¹ Cabet E., Lahaunière A. Biographie populaire de l'armée P., 1840.

⁶² Cabet E. Ma ligne droite... P. 47–49, 52–53.

⁶³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 34. С. 104.

⁵⁰ См. 5 главу нашей книги.

⁵¹ Cabet E. Ma ligne droite, ou Le vrai chemin du salut pour le peuple. P., 1841. P. 50.

⁵² Le démocrate devenu communiste malgré lui, ou Réfutation de la brochure de M. Thoré intitulée Du communisme en France. P. 1842., P. 8–10.

⁵³ 1847: Almanach Icarien. P. 170.

⁵⁴ Cabet E. Comment je suis communiste. P. 3.

него последствий. Первой из них он дал красноречивый заголовок: “Чтобы равенство не было пустым звуком!”⁶⁴ На заре человеческой истории, писал он, “почти везде царило право жизни и смерти сильного по отношению к слабому, победителя – к побежденному, господина – к рабу, государства – к гражданину, тирана – к подданному или сеньора – к крепостному, мужа – к жене, отца – к ребенку, даже заимодавца – к должнику или богача – к бедняку”. Это приводило к бесконечным войнам, насилиям, ненависти и несчастьям, от которых страдало все человечество. Люди справедливо называли это состояние варварством.

Время, однако, оказало благотворное воздействие на нравы. Иисус Христос первым поднял знамя, на котором было начертано: “Братство, равенство, свобода, единство”. С его легкой руки утвердилась истина, что все народы являются братьями и что долг каждого человека возлюбить ближнего. Фактически, считает Кабе, христиане в течение столетий руководствовались принципом братства, хотя и в религиозной форме.

Варварское завоевание разрушило это религиозное братство, и в мире снова утвердился закон ненависти и смерти, тирании и порабощения. Но пришли Лютер и Кальвин и восстановили знамя Иисуса Христа. Церковная реформация означала победу христианской морали над грубой силой. Философия XVIII в. приняла у нее эстафету и распространила на мирскую жизнь то, что реформация осуществила в религиозной. Вскоре и французская революция, вслед за революцией в североамериканских штатах, написала на своем знамени те же лозунги: “Братство, равенство, свобода, единство”.

“Тогда, – продолжает Кабе, – все короли, вся аристократия, все духовенство, все привилегированные и монополисты, все приспешники деспотизма и неравенства объявили войну братству...” Но после жестокой войны, растянувшейся на четверть века, принципы революции вошли “во все конституции и все кодексы”. “Нет, – пишет он, – такого народа, класса, гражданина, просвещенного человека, которые бы не признавали и не провозглашали этот принцип *братства*”.

Однако, братство еще далеко не стало “реальностью”. “Разве может быть братство между богачом и бедняком? – вопрошает Кабе. – Разве толстосум, который не знает, куда девать свое богатство и который остается безучастным перед лицом стольких человеческих созданий, лишенных необходимого, является их *братом*?..” Но верно будет сказать, что и бедняки не испытывают к богачам братских чувств. “Не правда ли, – вопрошает Кабе, – что этот взаимный недостаток братства является источником конкуренции, соперничества, разногласий, ненависти, насилия и катастроф? Не правда ли, что все эти социальные потрясения являются неизбежным следствием отсутствия братства? Не правда ли, что этот порочный круг нельзя

разомкнуть до тех пор, пока братство по настоящему не восторжествует в обществе?”

Кабе не видит другого пути для человечества, чем тот, который ему завещали Иисус Христос, философия XVIII в. и французская революция, а именно признать всех людей братьями и научиться вести себя соответствующим образом. “Что касается нас, – пишет он, – являющихся одновременно и демократами, и реформистами, и коммунистами, то мы выступаем за *братство* как единственный источник согласия и единения, порядка и мира, безопасности и счастья для граждан и всего общества. Мы хотим, чтобы оно перестало быть пустым звуком, а стало принципом и основой наших законов, наших учреждений и наших нравов”. Кабе призывает высшие классы “прислушаться к голосу справедливости и человечности” и понять, что “несчастные, трудящиеся, пролетарии” являются их братьями. Вместе с тем, как бы выступая от имени пролетариев, он заявляет: “Мы не делаем ни для кого исключения из принципа братства: счастливые люди тоже наши братья”.

Впрочем, он не исключает возможности того, что пороки общества опять приведут к “гражданским распрям”. В этом случае каждая партия “будет вынуждена поступать в соответствии с необходимостью”. Но даже и в этом прискорбном случае нельзя забывать, что “все люди по преимуществу братья и что братство должно распространяться на все классы и все народы”. Кабе подчеркивает: “Мы никогда не устанем повторять, что в интересах самой демократии поступать в духе братства не только к своим единомышленникам, но и к своим противникам, даже врагам и уж тем более к тем, кто является слепым и невольным орудием в их руках”.

Последняя фраза вызвала у читателей недоуменные вопросы. Чтобы рассеять их сомнения и разъяснить свои взгляды, в следующем номере “Попюлэр” Кабе публикует статью “Всеобщее братство”⁶⁵. В ней он пишет, что его призыв возлюбить своего противника и даже врага отнюдь не преследует цель “подорвать боевой дух” народа, посеять сомнение в справедливости его борьбы за свои права. “Объяснюсь с вами честно, без страха и задних мыслей”, – начинает он свою статью. Если какой-нибудь новый Полиньяк или Карл X попытаются вновь установить во Франции тиранию и народ поднимется на борьбу, защищая свои права и свободу, то начнется “война со всеми ее плачевными последствиями и горестными необходимостями, и тогда – на войне, как на войне! Тогда народ покажет, есть ли у него храбрость!” Враги поймут, что было бы лучше, если бы они не испытывали терпение народа, в котором таятся невиданный энтузиазм и неслыханная способность к самопожертвованию. Но и демократы не должны провоцировать народ на необдуманные и преждевременные выступления. Позиция Кабе такова: “Сегодня, в условиях затишья перед бурей, реформу следует предпочесть революции, следует стре-

⁶⁴ Le Populaire 1842 5 juin

⁶⁵ Ibid 3 juillet

миться к тому, чтобы угнетение и тирания никогда бы не сделали необходимой революцию, чтобы головы просвещались, чтобы сердца смягчались, чтобы отчаявшемуся в нищете труженику добровольно было отдано должное...⁶⁶

Именно поэтому, считает Кабе, сегодня “надо проповедовать и еще раз проповедовать, а в особенности практически осуществлять *братство* в отношении всех соотечественников и всех людей, даже наших противников, даже наших врагов”. Всеобщее братство, по его словам, “справедливо и оправданно” именно потому, что “все классы общества в равной мере являются жертвами отвратительной социальной организации”. С другой стороны, братство не может быть частичным, из которого икарийские коммунисты, например, исключили бы всех своих противников. Ибо, вопрошает Кабе, “разве не являются коммунист-отступник, реформист, лавочник, буржуа, солдат и национальный гвардеец людьми и детьми одной матери, следовательно, братьями?” Поэтому, утверждает Кабе, братство может быть только всеобщим или его не может быть вообще.

Подобная “мирная” проповедь не была чем-то новым в устах Кабе. Он и прежде осуждал насилие и защищал братство как принцип отношений в цивилизованном обществе. В 1840 г. он писал: “Я верю, что угроза и насилие *бессмысленны*; что коммунисты должны доказать превосходство своей доктрины терпимостью и умеренностью, доброжелательностью и братством по отношению ко всем людям и особенно тем, кто следует по пути реформ и прогресса чуть быстрее или медленнее их самих”⁶⁷.

Новым моментом в воззрениях Кабе явилась идея о необходимости не только проповедовать братство, но и на практике, в повседневной жизни следовать его предписаниям, “практиковать *братство*”, причем не только между собой или по отношению к своим друзьям, но “даже по отношению к нашим *противникам*, даже *врагам* и в особенности к слепым или вынужденным *исполнителям* их воли, по отношению к буржуазии и лавочникам, к Национальной гвардии и армии, к муниципальной гвардии и полиции, которые так часто расстреливали нас из ружей и митральез”⁶⁸.

РЕФОРМА ПРАВСТВЕННОСТИ

Идея “практиковать братство” возникла у Кабе под влиянием ряда причин. Одной из них стали обескураживающие результаты его попыток пропагандировать коммунизм среди представителей старой республиканской оппозиции Июльской монархии. Осенью 1841 г. он писал, что “газеты прежней оппозиции совершают ошибку, когда пренебрегают социальными вопросами и осуждают коммунизм. ничего о

нем не зная, и что они проявляют очевидную непоследовательность, обличая злоупотребления и бедствия, которые неумолимо требуют именно глубокой политической и социальной реформы”⁶⁹. Кабе горячо восставал против расхожих домыслов о том, что коммунисты стремятся к “насилию и грабежу”. Стараясь понять причину их возникновения, он приходил к такому выводу: “К сожалению, бабувисты и некоторые мелкие коммунистические секты (в частности, “Юманитэр”) дали повод для этого обвинения”. В том, что даже “благонамеренные люди” повторяли эту ложь, Кабе видел “одно из величайших препятствий пропаганде, росту рядов сторонников системы общности”⁷⁰.

Другой причиной появления идеи “практиковать братство” явилось увлечение социальной доктриной первоначального христианства, которое обнаруживается у Кабе не ранее 1842 г.⁷¹ В этом проявилось влияние, которое оказал на него Людвик Круликовский, мистически настроенный польский утопист, живший с 1839 г. во Франции и вращавшийся в кругах передовых социальных мыслителей⁷².

В августе 1842 г. в “Попюлэр” была опубликована первая из серии статей под общей рубрикой “Разъяснение Евангелий” (вскоре измененной на “Христианство – это общность”), подписанная Кабе и Круликовским. Последний, как иностранец, лишенный права заниматься политической деятельностью, скрывался под псевдонимом “Шарль”⁷³. Несомненно, Кабе и раньше, до встречи с Круликовским, стремился подкрепить авторитетом христианства принципы “икарийской” системы. Об этом, кстати говоря, и свидетельствуют изыскания А. Дероша. На наш взгляд, ссылки на христианство не дают оснований говорить о мистицизме Кабе. Его отношение к обоснованию коммунизма было рационалистическим. При этом Французской революции он придавал не меньшее значение, чем христианской религии, не забывая упомянуть и о просветителях. Об этом свидетельствует его многочисленные высказывания, например: “Сначала христианство, затем философия, наконец, Французская революция, их детище, провозгласили принцип *братства* основой счастья человечества”⁷⁴.

⁶⁹ Cabet E. Ma ligne droite. . P. 60.

⁷⁰ Le Populaire. 1842. 7 août.

⁷¹ Еще во второй половине 1841 г. Кабе осуждал увлечение социальным учением христианства Лаотьера, критически отзываясь о нем как о “спиритуалисте, мистике, метафизике”, “без конца рассуждающем о божестве, вере, любви”. (Cabet E. Réfutation, ou Examen de tous les écrits ou journaux contre ou sur la communauté: Réfutation des trois ouvrages de l'abbat Constant P., 1841. P. 25).

⁷² Turowski J. Utopia społeczna Ludwika Krolikowskiego. W-wa, 1960. Разумеется, нужно учитывать и стремление Кабе “откликнуться на религиозные запросы его сторонников”, которые отмечает Жак Валет, характеризуя умонастроения народных масс во Франции 40-х годов XIX в. См. Valette J. Utopie sociale et utopismes sociaux en France vers 1848 // 1848. Les utopismes sociaux. . P. 47.

⁷³ Ibid. Материалы этой рубрики вошли в кн.: Cabet E. Le vrai Christianisme suivant Jesus-Christ. P., 1846.

⁷⁴ Le Populaire. 1842. 11 déc.

⁶⁶ Ibid.

⁶⁷ Cabet E. Mon crédo communiste. P. 13.

⁶⁸ Le Populaire. 1842. 3 juill.

Из опыта христианства Кабе пытается извлечь полезные уроки. Он ищет ответ на вопрос: что позволило христианству овладеть умами людских масс? Один из уроков западает ему в душу: "...в течение веков христиане свято *практиковали* братство"⁷⁵. Публикуя в "Попюлэр" выдержки из евангельских текстов, Кабе проводит мысль, что "*призыв практиковать справедливость и милосердие является самым важным в законе (Божьем. — А Р.)* и что весь закон сводится к завету: "Возлюби своего ближнего, как самого себя"⁷⁶.

Убеждение в необходимости "практиковать братство" пришло к Кабе, когда он искал способы повышения действенности своей пропаганды. Это был метод убеждения посредством "обучения и воспитания народа". С его применением Кабе связывал надежды на разрушение ложного восприятия в обществе коммунизма и коммунистов. Он обращался к своим сторонникам: "Продолжайте каждый в отдельности и все вместе учиться, воспитывать себя нравственно, пропагандировать основополагающие доктрины общности! И тогда бесчисленные массы честных буржуа признают, что коммунизм представляет собой чистейшую мораль, возвышеннейшую религию, могущественнейшую систему обучения и воспитания человека, его совершенствования и обеспечения счастья человечества"⁷⁷.

Кабе выдвинул идею "реформы нравственности" в качестве предпосылки "политических и социальных реформ". Ее задача заключалась в том, чтобы коммунисты, "практикуя принципы справедливости, братства и разума", побуждали своих "братьев" из народа отказаться от вредных привычек и порочных наклонностей, особенно пьянства, способных бросить тень на их правое дело⁷⁸.

Эту идею он изложил в "Попюлэр" почти одновременно с проектом "маленькой общины самоотверженных и маленькой братской колонии". Это не было случайным совпадением. Названный проект был подчинен задачам данной реформы, а его целью было "практиковать братство".

Первейшим условием функционирования ассоциации должно было стать "христианское братство". Общинникам предписывалось "всеми своими сочинениями и поступками призывать все классы... практиковать истинное христианство и братство". Кабе пояснял, что в проектируемой колонии "все классы общества объединятся, чтобы... практиковать христианское братство, которое станет для них основным и постоянным законом". "Братская колония" должна была превратиться в очаг распространения "реформы нравственности" во всем обществе. В ней стали бы "завершать свое обучение и воспринимать добрые нравы" пансионеры-рабочие. Кабе радовалось то, что ежегодно колония могла пропускать по двести человек, которые затем шли бы "распространять в рабочем классе добрые примеры, принципы порядка, экономии, нрав-

ственности, братства". Кроме того, посетители и гости тоже "рассказали бы всем на свете о том, какое царство гармонии, братского согласия и пр. они увидели в отношениях между представителями всех классов"⁷⁹.

Проект Кабе не сводился к пропаганде в обычном значении данного слова. Это был замысел своеобразного социального эксперимента.

Возражая против его оценки членами Демократического общества как "частичной попытки" установления общности, Кабе воздержался от прямой полемики с ними в печати. Спор он продолжил в письме, направленном 3 июля 1844 г. члену общества, своему давнему корреспонденту Беррье-Фонтэну. Это письмо вместе с другими материалами обсуждения проекта Кабе в Лондоне было опубликовано А. Лениным⁸⁰. Оно устраняет всякие сомнения относительно характера задуманного Кабе предприятия.

Выражая "полное" согласие с оценкой попыток создания "частичной общности" как бесперспективных и признавая, что "в целом следует ограничиться пропагандой", Кабе писал: "...тем не менее, пора приступить к делу и начать с частичных попыток. Ведь частичная, но чуть более значительная попытка, которая завершится удачей сегодня, будет для пропаганды полезней, чем все книги и газеты, и ускорит наступление большой общности..." Из письма явствует, что Кабе имел в виду отнюдь не общинные эксперименты. "Неужели мой план организации маленькой общины самоотверженных и маленькой братской колонии в окрестностях Парижа можно сравнить с этими проектами? — вопрошал он. — Нет, его нельзя сравнить абсолютно ни с чем". Прямо противопоставляя свой проект попыткам организации "общности в миниатюре", Кабе объяснял, что он служит целям "реформы нравственности". "Моя маленькая община самоотверженных, — писал он, — представляет собой ассоциацию писателей, живущих сообща, чтобы вести пропаганду... что же касается маленькой братской колонии, то ее также образуют специально отобранные люди... чтобы завершить свое обучение, практиковать братство, вести пропаганду и лично служить примером после возвращения в большое общество".

Напомним читателям, что "полную общность" Кабе мыслил как строй, обладающий всеми возможностями для удовлетворения потребностей людей. И против общинных экспериментов он чаще всего выдвигал тот аргумент, что они не располагают "достаточными ресурсами"⁸¹. Но для осуществления проекта "маленькой общины самоотверженных и маленькой братской колонии" он ресурсами не располагал. Он мог опереться исключительно на чувство самоотверженности и долга своих верных единомышленников. Это обстоя-

⁷⁹ Ibid 2 mai.

⁸⁰ Lehning A. Op. cit P 103.

⁸¹ 11 сентября 1842 г. Кабе по поводу отбытия в Бразилию 125 фурьеристов писал "Мы признаем какие-то шансы на успех фурьеристских или общинных экспериментов, особенно за границей, лишь при наличии огромной массы людей и, следовательно, огромных денежных ресурсов" (Le Populaire. 1842 1 sept.)

⁷⁵ Ibid 5 juin (курсив наш — А Р.).

⁷⁶ Ibid 1 sept.

⁷⁷ Ibid 9 oct

⁷⁸ Ibid 1844. 12 juill

тельство и продиктовало ему строгую регламентацию быта участников эксперимента, связанную с отказом от обычных удобств и удовольствий, а также жесткий отбор кандидатов в ее члены, от которых требовалось отречение от личных интересов во имя цели и т. д.

Чтобы община самоотверженных “могла служить образцом, соответствовать своим принципам и вызывать доверие”, считает Кабе ее члены должны соблюдать “умеренность и простоту” во “всем, что касается материальной жизни”. С той же целью исключается и всякое разномыслие среди общинников, которые должны “иметь, насколько это возможно, одни и те же чувства и мнения”. Разумеется, для обеспечения такого рода “гармонии” требовался особый человеческий материал – “возвышенные характеры, лучшие люди (*hommes d'élite*)”. “Отвергнув все мирские удовольствия”, они были бы “защищены от любого обвинения в эгоизме, личной заинтересованности, честолюбии, тщеславии”. Как общинники, так и члены братской колонии должны были удовлетворять ряду требований: обладать “совершенной нравственностью”, питать “чувства братства и преданности к человечеству”, “сохранять согласие и гармонию” в отношениях между собой, “выполнять регламент”⁸².

Разумеется, Кабе не мог не замечать, что его проекту “маленькой общины самоотверженных и маленькой братской колонии” были свойственны черты грубой уравнительности и аскетизма, которые он обычно осуждал. Но, как известно, он осуждал их применительно к “большой общности”. В данном случае речь шла об ограниченном по масштабам эксперименте, ставившем сугубо прикладные задачи. Было заведомо известно, что его участникам предстоит нелегкая жизнь. Поэтому они и отбирались по строгим критериям соответствия условиям эксперимента. Впрочем, в отказе от “излишеств” и чрезмерных удобств Кабе и сам не видел ничего зазорного. Известно, что в личной жизни он был скорее аскетом, чем сибаритом.

Тем не менее, склонность Кабе к проведению экспериментов на людях – а о чем ином свидетельствовал суровый регламент “маленькой общины самоотверженных и маленькой братской колонии”, отнюдь не продиктованный крайней необходимостью? – отражала известный сдвиг в его сознании. У него постепенно складывалось убеждение в необходимости пересмотра общей стратегии борьбы за общность. Неудачи, которыми заканчивались до сих пор все его попытки создать широкую демократическую коалицию, способную обеспечить как политические, так и социальные реформы в направлении общности, очевидно, не прошли для него бесследно. Он решает изменить старые “правила игры” и переносит центр тяжести своей деятельности из политики в область этики. Не политическая, а нравственная реформа – вот что теперь, по его мнению, послужит предпосылкой успешного движения вперед.

Исследуя историю икарийского движения, Джонсон пришел к выводу, что оно постепенно из открытой массовой общественно-политической организации превратилось в закрытую, замкнутую на себя “секту”. Завершение этого процесса историк относит к 1846–1847 гг., а в качестве основных его предпосылок называет “растущую обособленность” и “религиозный энтузиазм” массы рядовых “икарийцев”⁸³.

На наш взгляд, события и процессы, освещенные нами выше, характеризуют начальный этап того процесса, который описал в своем исследовании Джонсон.

ПРЕДЧУВСТВИЕ “СОЦИАЛЬНОГО КАТАКЛИЗМА”

Катализатором окончательного превращения икарийского движения в секту явился экономический кризис 1846–1847 гг. Он поразил главным образом сферу ручного производства, в которой тогда была занято большинство работников промышленности. Именно эта категория населения в середине XIX в. активнее всего откликалась на социалистическую проповедь и поставляла если не кадры, то уж во всяком случае основную массу рядовых последователей социалистических учений. В частности, имеющиеся анкетные данные икарийских коммунистов свидетельствуют, что именно в сфере мелкого ручного труда была занята их основная часть⁸⁴.

Экономический кризис оказал противоречивое влияние на настроения рабочего населения. В его среде усилился политический радикализм⁸⁵, связанный с представлениями о том, что вина за ухудшение материального и морального положения рабочих в конечном счете лежит на Июльской монархии и ее правительстве. Одновременно широкие слои рабочих охватило отчаяние, обусловленное отсутствием ясных перспектив для тех из них, кто был занят в ручном производстве. Его заметно теснила крупная машинная индустрия, и остановить ее победное шествие не представлялось возможным. Все это породило в рабочей среде ожидание чуда, которое должно было принести им спасение. Одним это чудо представлялось в виде революции, способной неким мистическим образом немедленно решить копившиеся десятилетиями и веками проблемы. Самые нетерпеливые – или отчаявшиеся – готовы были поверить в еще более фантастические способы коренным образом изменить их участь. Например, в возможность порвать с этим несправедливым миром и основать его полную противоположность где-нибудь в бескрайних прериях Америки.

Кабе, как выходец из ремесленной среды, которому всегда были близки проблемы и настроения рабочих, оказался чрезвычайно восприимчив к этим переменам в их умонастроениях. То, что именно ему

⁸³ Johnson C. Op. cit. P. 214, 221, 254.

⁸⁴ Ibid. P. 156.

⁸⁵ Иоаннисян А. Р. Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1842–1847 гг. С. 226.

⁸² Le Populaire. 1844. 2 mai.

пришла в голову идея массовой эмиграции коммунистов, думается, далеко не случайно. В какой-то мере он поддался общему настроению, которое почувствовал, чуть ли не ежедневно общаясь со своими последователями, отчасти был увлечен этим потоком. Но в еще большей мере он сам способствовал распространению веры в возможность избавиться от старого общества путем эмиграции. Джонсон отмечает, что сначала появление “Истинного христианства” Кабе, а затем и его призыв к эмиграции вызвали настоящий “взрыв хилиастических ожиданий” в рабочей среде⁸⁶.

В одной из статей для “Икарийского альманаха”, написанной еще в 1842 г., Кабе отмечал “два капитальных факта, которые все подчиняют себе и все определяют, а именно: нищете и машины”. Связывая обострение нищеты с распространением машин, он вместе с тем подчеркивал, что “именно машины несут спасение, десятикратно и стократно расширяя производство... делая возможной общность, почти невозможную до сих пор...”. Свою статью Кабе завершал оптимистическим “предвидением”, что “нищета и машины рано или поздно приведут к общности”⁸⁷.

В начале 40-х годов нищета не вызывала у Кабе особой тревоги. Она представлялась ему временным, переходящим явлением. Размышляя над вопросом о том, “являются ли машины благом или бедствием”, Кабе допускал, что “каждая новая машина может принести кратковременный вред большему или меньшему числу рабочих, которых она лишает места, заменяя их труд”. Но, вместе взятые, машины не только способствуют расширению производства, но и развивают смежные отрасли промышленности, создавая новые рабочие места. В качестве примера Кабе приводил данные о техническом перевороте в парижском книгопечатании, где “25 лет тому назад” было занято 800 рабочих, обслуживавших ручные прессы, теперь же – 1000 рабочих, несмотря на появление около 200 механических прессов. При этом, подчеркивал Кабе, “до сих пор действуют 400 ручных прессов, которые обслуживают 800 рабочих и которые служат для печатания книг высшего качества, иллюстрированных изданий, обложек в т. д., так что в действительности механический пресс не уничтожил ручной, хотя и способствовал поразительному росту книгопечатания и всех смежных отраслей”⁸⁸.

Кабе довольно благодушно относился к технического прогрессу в промышленности, пока машинное и ручное производство развивались как бы параллельно, дополняя друг друга, что, между прочим, являлось одной из характерных черт экономического развития Франции в первой половине XIX в.⁸⁹ Его охватила тревога, лишь когда он обнаружил, что

машины начинают вытеснять ручное производство. В заметных масштабах это как раз начало происходить к середине 40-х годов. В 1844 г. Кабе обратил внимание на такое явление экономики, как “концентрация капитала, промышленности и торговли”, отметив ее положительные стороны. “Концентрируйте, концентрируйте, – иронизировал он над капиталистами, – и вы придете... к общности...”⁹⁰ Вместе с тем его озабоченность вызвал неизбежный спутник концентрации – разорение мелких предприятий, не способных конкурировать с крупными, и как следствие – ухудшение положение низов общества. “Работы стало меньше, жалование сократилось, масса рабочих без места, нищета растет одновременно с квартирной платой и ценами на продукты питания”, писал он о последствиях развития крупной индустрии. Учитывая размеры этого бедствия, Кабе предсказывал еще большее обострение общественных противоречий и угрозу “ужасающих катастроф”⁹¹. Чтобы почувствовать меру обеспокоенности Кабе, достаточно вчитаться в его слова: “...если не поставить плотину, преграждающую путь этому потоку несчастий, то взрыв отчаяния может привести к катастрофе, социальному катаклизму. Когда, где? Никто этого не знает, но все предчувствуют приближение катаклизма, и он будет ужасней, чем все прежние катаклизмы”⁹².

В мае 1845 г. Кабе опубликовал брошюру под характерным названием “Социальный катаклизм, или Отвратим бурю”⁹³. Она свидетельствует о том, что он окончательно склоняется к пессимистическому видению социальных последствий развития крупной индустрии. И хотя годом позже он бросает мысль о том, что “именно нищета должна обратить рабочих к коммунизму”⁹⁴, в его отношении к этой проблеме явно сквозит уныние: “Никаких надежд в будущем, моральные и физические страдания, заботы, тревоги, отчаяние...”⁹⁵.

Пессимизм Кабе имеет социальную природу. В оценке экономического положения и проблем развития он исходил из воззрений и настроений и рабочих того сектора промышленности, который стал приходить в упадок по мере подъема крупной машинной индустрии. В этой сфере производства “отношения хозяина и работника всегда обременены в... неповторимую форму личных отношений человека с человеком”⁹⁶. Она была хорошо знакома и близка Кабе. В брошюре,

⁸⁶ Johnson Ch. Op. cit. P. 259. Johnson Ch. Op. cit. P. 259.

⁸⁷ Almanach Icarien... 1843. P. 191–192.

⁸⁸ Ibid. P. 93–94.

⁸⁹ См.: Потемкин Ф. В. Промышленная революция во Франции. Т. 1–2. М., 1971; Histoire économique et sociale de la France. T. III. Vol. 1–2. P., 1976; Caron F. Histoire économique de la France, XIXe–XXe siècles. P., 1981; 2e éd. P., 1995; Asselain J. Ch. Histoire économique de la France du XVIIIe siècle à nos jours. T. 1–2. P., 1990–1984. Этому вопросу мы также посвятили несколько статей: Ревякин А. В. Революция и экономическое развитие

развитие Франции в первой половине XIX в. // Французская революция XVIII века. Экономика, политика, идеология. М., 1988; Он же. Французская индустриализация XIX в.: споры в современной западной историографии // Экономическая история: исследования, историография, полемика. М., 1992; Он же. К дискуссии о протоиндустриализации // Экономическая история: проблемы, исследования, дискуссии. М., 1993.

⁹⁰ Almanach Icarien 1845. P. 184.

⁹¹ Ibid. P. 152.

⁹² Ibid. P. 185.

⁹³ Cabet E. Le cataclysme social, ou Conjurons la tempête. P., 1845.

⁹⁴ Almanach Icarien 1847. P. 7.

⁹⁵ Cabet E. Le cataclysme social... P. 7.

⁹⁶ Кожокин Е. М. Французские рабочие: от Великой буржуазной революции до революции 1848 года. М., 1985. С. 178.

посвященной “рабочему вопросу” и опубликованной незадолго до революции 1848 г., он вкладывает в уста рабочего, уволенного своим хозяином, такую речь: “Несомненно, мой хозяин – отличный человек, он проявляет гуманность и доброту по отношению к своим рабочим; его управляющий еще месяц тому назад хотел уволить половину мастерской, но он по своей доброте к нам не позволил, и все, что он нам заплатил, обернулось для него сплошным убытком”^{96а}. Разрушение этого традиционного уклада Кабе воспринимал как крушение устоев самого общества. Характерно, что надвигающийся “социальный катаклизм” Кабе сравнивает с природными бедствиями наподобие “извержения вулкана”, “землетрясения” или “наводнения”, перед которыми человек заведомо бессилен⁹⁷.

Что предлагал Кабе? Он исходил из убеждения, что “катастрофа угрожает всем – богатым и бедным, хозяевам и работникам, привилегированным и пролетариям”, иначе говоря, “все классы и все люди в отдельности заинтересованы в том, чтобы избежать бури”. Поэтому он снова и снова подчеркивал необходимость сплочения “народа” и “буржуазии”, которое позволило бы достигнуть “единства мысли и единства действия”⁹⁸. Однако его призыв не был услышан. Как мы уже отмечали выше, в середине 40-х годов произошел разрыв Кабе с демократами из “Реформ” и социалистами из “Демократии пасифик” – двумя, может быть, самыми влиятельными группировками на левом фланге политической жизни.

Что ему оставалось делать? Покорно ждать, когда наступит ожидаемый катаклизм? Может быть, кто-нибудь другой так бы и поступил, но только не Кабе. В ожидании “катастрофы” в воззрениях Кабе происходят перемены, которые легко принять за радикализацию его взглядов. Осенью 1845 г., напомним, он публикует брошюру “Спасение в единстве, гибель в соперничестве”, специально посвященную его разногласиям с демократами из “Реформ”. В ней он предупреждает “буржуазию”, что если она и впредь “будет отталкивать” икарийских коммунистов, то они “пойдут отдельно своей дорогой”⁹⁹.

Велико искушение рассматривать это заявление Кабе как свидетельство признания им “классового антагонизма” буржуазии и рабочих. Таково мнение Джонсона¹⁰⁰. Позволим себе с ним не согласиться. Ведь для того, что идти “своим путем” рабочим недостаточно было лишиться поддержки буржуазии. Для этого им нужно было самим располагать достаточными силами. Между тем – и мы не раз это подчеркивали на страницах книги – Кабе сомневался в способности народа, рабочих, пролетариев самостоятельно бороться даже за собственное освобождение, не говоря уже обо всем обществе. Он

считал их недостаточно подготовленными к этой роли. “Довольно иллюзий! – писал он еще летом 1845 г. – Сегодня народ действительно более образован и нравствен, чем когда-либо прежде, но сколько же еще несовершенств, страстей, нетерпения, расколов!”¹⁰¹. Годом позже Кабе с горечью вопрошал: “...как могло случиться, что очень многие пролетарии еще настолько слепы, чтобы участвовать в гонениях и клевете на коммунизм?”¹⁰² Словом, у нас нет оснований считать, что в середине 40-х годов Кабе принципиально изменил свое мнение по этому вопросу.

Как нам представляется, обещание “сплотить ряды и пойти своим путем” относилось не к рабочим или народу в целом, а лишь к их “элите”, которой, согласно представлениям Кабе, являлись “икарийские” коммунисты. Именно во главе этого сравнительно организованного, идейно сплоченного и преданного своему командиру войска Кабе и хотел следовать “своей дорогой”. Но на этом пути он рисковал окончательно оторваться от народа, массы рабочих и замкнуться в кругу чисто “икарийских” забот.

ПРОЕКТ ИКАРИЙСКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Куда именно вести свою армию, Кабе тогда еще не знал. Известно, сколько времени длились бы его колебания, если бы он не угроза революции, предчувствие которой распространилось в обществе в 1846–1847 гг.

Возможность революции Кабе пугала. Но не потому, что он вообще был противником революции. Он всегда заявлял, что готов принять революцию и разделить в ней участь народа, если это будет подлинно народная, т.е. спонтанная революция, а не какой-нибудь там переворот, подготовленный заговорщиками. Не далее, как в 1845 г. он писал: “Мы не отступили бы... перед революцией, если бы нация сама провозгласила ее необходимость...”¹⁰³ Кабе боялся революции, потому что считал, что народ к ней не готов. В нем отсутствует то единодушие, тот энтузиазм, который единственно предвещает народную революцию. Оспаривая мнение своих оппонентов, он писал в сентябре 1845 г.: “...Довольно иллюзий! Нынешняя ситуация не напоминает ни одну из наших великих революций... когда имелись точки соприкосновения... напротив, сегодня мы замечаем лишь анархию в умах, расколы и нищету!”¹⁰⁴

В призыве 9 мая 1847 г. Кабе объяснял, что он отвергает революцию, ибо “революционная партия относительно слаба, безоружна, недисциплинирована, парализована расколами и анархией”. Революция недопустима, по его мнению, также потому, что “народ еще

^{96а} *Cabet E. L'ouvrier, ses misères actuelles, leurs causes et leur remède, son futur bonheur dans la Communauté, moyens de l'établir. P., 1848. P. 5.*

⁹⁷ *Cabet E. Le cataclysme social... P. 3.*

⁹⁸ *Ibid. P. 4.*

⁹⁹ *Cabet E. Le salut est dans l'union, la concurrence est la ruine. P., 1845. P. 49.*

¹⁰⁰ *Johnson Ch. Op. cit. P. 224.*

¹⁰¹ *Le Populaire... 1845. 13 juin.*

¹⁰² *Almanach Icarien. 1847. P. 4–6.*

¹⁰³ *Cabet E. Le cataclysme social... P. 5.*

¹⁰⁴ *Le Populaire. 1845. 19 sept.*

недостаточно просвещен и нравствен, чтобы добиться признания своих прав и помешать властолюбцам воспользоваться его победой". При таких обстоятельствах, утверждал Кабе, "даже в случае успеха революции ее результатами насладится не народ, а буржуазия". А поскольку революция приведет к "нарушению торговли и промышленности", то "судьба несчастных пролетариев станет, по-видимому, еще невыносимей"¹⁰⁵.

После долгих колебаний Кабе принял решение. Он противопоставил революции свой путь "спасения" обездоленных масс от надвигающейся катастрофы. Фактически это был новый социальный эксперимент, который, однако, по сравнению с проектом его прежней "практической попытки", имел куда большие масштабы и шел неизмеримо дальше в своих конечных целях. Его подсказал Кабе скорее всего не пример первоначальных христиан, а массовая трудовая эмиграция из Европы в Америку¹⁰⁶. Многочисленные упоминания о ней в икарийской прессе свидетельствуют, что Кабе относился к ней с большим вниманием. В призыве 9 мая 1847 г. он прямо ссылается на нее в обоснование своего проекта эмиграции. "В настоящее время нищета и любовь к свободе отовсюду подгоняют население к переезду в Америку. Поедем и мы!"¹⁰⁷.

Исследователи сходятся во мнении, что решение об эмиграции созрело у Кабе внезапно – "в первые месяцы 1847 г.", как пишет А. Дерош¹⁰⁸, или "в конце зимы", как уточняет Кр. Джонсон, добавляя. "...даже в марте Кабе еще колебался относительно своих намерений"¹⁰⁹. По этой причине он, видимо, и обратился за советом к Беррье-Фонтэну, ответное письмо которого от 13 апреля 1847 г. и является самым ранним документальным подтверждением проекта эмиграции¹¹⁰.

То, что к началу 1847 г. мысль об эмиграции уже крепко засела в голове Кабе, косвенно подтверждает его внезапный интерес к опыту общинных экспериментов в Америке. 30 января 1847 г. "Попюлэр" сообщила, что собирается ознакомить читателей с учением Р. Оуэна¹¹¹.

Однако ни в следующем, ни в очередных выпусках газеты это обещание не было выполнено. Можно предположить, что подобную публикацию Кабе считал несвоевременной. По-видимому, он опасался, что общественное мнение может отождествить его проект эмиграции с планами общинных экспериментов наподобие оуэнистских. Сам же он был намерен противопоставить свою эмиграцию всем "частичным попыткам" прошлого.

"Разве какая-либо эмиграция, – писал он 9 мая 1847 г., – имела

такие же шансы на успех, как икарийская, опирающаяся на паровую машину, пароходы, железные дороги, электрический телеграф и все могущество современной индустрии?" Одно из главных отличий своего проекта Кабе видел в следующем: "Это будет не малочисленная эмиграция, не крошечная частичная попытка". Он рассчитывал, что на его призыв откликнутся сразу от десяти до двадцати тысяч "икарийцев" и что "в скором времени их число достигнет ста тысяч и, возможно, миллиона". Они последуют за Кабе, чтобы под его руководством основать новый "народ", "нацию"¹¹².

Теря надежду осуществить общность в Старом Свете, Кабе не желал отступать от идеала неурезанной, большой общности, который он вынашивал на протяжении последних лет. И в день обнародования призыва к эмиграции он мог бы подтвердить слова, написанные им еще в феврале 1844 г. Иронизируя тогда над одним из критиков "икарийского" коммунизма, миссионером-иезуитом Фурнье, жившим некоторое время среди американских индейцев, Кабе очень четко выразил свое представление об "общности": "Итак, мсье, Вы сравниваете Ваших *краснокожих* с моими *икарийцами*, а леса Северной Америки – с моей *Икарией*, обновленной страной старой цивилизации, какой стали бы Франция или Англия, если преобразовать их в общность! Вы сравниваете пустыню, населенную дикарями, с общностью, которая опирается на все могущество цивилизации, науку и искусства, сельское хозяйство и индустрию, воспитание и машины!"¹¹³. Отваживаясь основать общность в "пустыне" Нового Света, Кабе рассчитывал, что необходимую ее предпосылку – цивилизацию создадут сами переселенцы.

О том, как общественное мнение откликнулось на этот призыв, можно судить по материалам "Попюлэр", которая широко публиковала наряду с заявлениями о поддержке и свидетельствами энтузиазма "икарийских" коммунистов также и критические замечания. Причем, критики воспринимали эмиграционный проект Кабе именно как очередную "частичную попытку". Это огорчало Кабе, поскольку он изо всех сил старался доказать его новизну, новаторский характер.

Первые несколько месяцев критика сводилась главным образом к двум обвинениям. Их четко сформулировал типографский рабочий Марселино Пра в письме, которое опубликовала "Попюлэр"¹¹⁴. Обращаясь к Кабе, его автор уличал руководителя икарийских коммунистов в том, что он отказался от своего прежнего мнения об ошибочности "частичных" экспериментов: "Раньше вы сами отвергали все предложения в этом духе". Критиковал он Кабе и за несвоевременность призыва к эмиграции: "Каждый чувствует приближение революции... И Вы выбрали именно этот момент, чтобы лишить Францию своих самых чистых, умных и преданных патриотов". Во многом аналогичные

¹⁰⁵ Ibid 1847 9 mai

¹⁰⁶ Машикин М Н Указ соч С 149–150

¹⁰⁷ Le Populaire 1847 9 mai

¹⁰⁸ Desroche H Des socialismes utopiques au socialisme scientifique et réciproquement // 1848 Les utopismes sociaux . P 188

¹⁰⁹ Johnson Ch Op cit P 239.

¹¹⁰ Ibid

¹¹¹ Le Populaire 1847 30 janv Последний раз до этого "Попюлэр" помещала материалы, посвященные Оуэну, лишь в 1841 г. См. Ibid 1841 20 juin, 25 juin.

¹¹² Ibid 1847 9 mai

¹¹³ Cabet E Le gant jete au communisme par un riche Jésuite P, 1844

¹¹⁴ Le Populaire 1847 4 juill (О нем см Кожокин Е М "Из истории утопического социализма во Франции в 30–40-е годы XIX в" // История социалистических учений, 1985. М., 1985 С 247–248)

обвинения предъявлял Кабе и Т. Дезами, критическую статью которого в газете “Фратерните” также перепечатала “Попюлэр”¹¹⁵.

Более обстоятельной критике подвергся призыв Кабе к эмиграции со стороны органа Союза коммунистов журнала “Коммунистиче цайт-шрифт”, единственный выпуск которого появился в сентябре 1847 г. Он содержал статью “План эмиграции гражданина Кабе”, написанную предположительно Карлом Шаппером¹¹⁶. В начале 40-х годов этот видный деятель немецкого и международного рабочего движения находился под влиянием икарийского коммунизма¹¹⁷. Высоко оценивая заслуги Кабе, Шаппер подчеркивал, что его эмиграционный проект “причинил бы величайший вред принципам коммунизма”. Его возражения в общем ничего нового не добавляли к уже прозвучавшей критике. Шаппер предупреждал, что эмиграция ослабит силы борцов за новый строй во Франции. «Если честные люди, если приверженцы лучшего будущего уедут... – писал он, – то... бедное человечество еще в течение долгих веков должно будет испытывать муки и нищету”. Шаппер подвергал сомнению возможность быстрого осуществления общности в Икарии, поскольку люди, которые последуют за Кабе, наделены всеми “недостатками” и “предрассудками” старого строя. Он предупреждал, что неудача вызовет “разочарование тысяч коммунистов” и ослабит ряды борцов за новый строй. Наконец, Шаппер предрекал последствия, к которым приведет социальный эксперимент Кабе: “...несколько сотен или тысяч человек не могут установить и сохранять общность, не превращаясь в секту...”¹¹⁸.

На все обвинения Кабе отвечал, что его предприятие не “частичный эксперимент”, вообще не мелкий эпизод, а начало “новой величественной эры в истории коммунизма”¹¹⁹. Поэтому беспочвенны обвинения в “дезертирстве”, стремлении бежать от трудностей борьбы за новый строй. “Что касается нас, икарийских коммунистов..., – писал Кабе, – то мы, бесстрашные солдаты человечества... смело выступаем на покорение новой цивилизации, которая в Икарии положит начало счастью Франции и всего мира”¹²⁰.

А по поводу сомнений в достижимости конечных целей эмиграции Кабе разъяснял, что “первые тысячи эмигрантов будут представителями элиты, убежденными икарийцами и самоотверженными людьми”. Воплощая лучшие качества будущих поколений, они смогут установить новый строй, минуя особый переходный период, “необходимый для старого общества”. Кабе подчеркивал: “Возможность того, что мы немедленно установим общность в нашей Икарии, и составляет преимущество и превосходство нашего плана”¹²¹.

Пока полемика велась на уровне общих деклараций, Кабе чувствовал себя в родной стихии. Он легко парировал доводы оппонентов, прибегая к тому или иному общему принципу или положению. Однако по мере того, как проект “икарийской” эмиграции обрастал деталями, характер полемики менялся. Критики замечали, что он все более отрывался от первоначальных намерений Кабе. Это расхождение стало очевидным после того, как в сентябре 1847 г. он обнародовал проект “общественного договора”, разработанный для будущей коммунистической “нации”¹²².

Проникнутая рационалистическими представлениями о происхождении гражданского общества, эта своеобразная конституция будущего коммунистического государства была облечена в форму “акта” о создании коммерческой компании в юридической форме “общества с коллективной ответственностью членов”. Как и раньше, Кабе прибегнул к этой уловке, чтобы “легализовать” свою Икарию, т. е. вписать ее в рамки действующего законодательства США.

Целями “общества” объявлялись “приобретение участков земли в стране с благоприятным климатом, их распашка, обработка и эксплуатация, их заселение с производством всех необходимых строительных работ, развитие на них промышленности и внешней торговли в общих интересах”. Указывалось также, что “число членов общества не ограничено и должно быть достаточно большим, чтобы образовать народ, нацию, государство”. Излагались принципы управления Икарией на этапе ее становления. Можно было предполагать, что Кабе придаст ей черты демократической республики. Однако, учитывая “трудности с подбором людей, которые были бы совершенно едиными в своих мнениях и чувствах, необходимость гармонии, единства и быстроты действий, опасность расколов, помех и проволочек”, он сделал выбор в пользу авторитарного правления.

Вся власть вручалась “единому управлению” в лице самого Кабе. Причем, ни о каких выборах не было и речи. Поддержка икарийцами проекта эмиграции приравнивалась к их согласию предоставить всю полноту власти Кабе. Закреплялись суровые условия приема в “икарийское общество”, объявленные ранее. Среди качеств, которыми должны обладать кандидаты, назывались “самоотверженность”, согласие с “общими принципами икарийской системы”, “трудолюбие”, “уравновешенность”. Обязательным условием были также “безупречная репутация” и “отказ от всякого имущества в пользу общности”¹²³. “Социальный взнос” каждого кандидата должен был составлять минимум 600 фр.¹²⁴ Этого требовал “финансовый план”, предусматривавший и другие источники поступления средств, такие, как пожертвования, складчины, займы и даже банковские кредиты.

В “общественном договоре” нетрудно обнаружить сходство с прежним проектом “маленькой общины самоотверженных и маленькой

¹¹⁵ Le Populaire. 1847. 8 juill.

¹¹⁶ Der Bund der Kommunisten: Dokumente und Materialien. B., 1970. Bd. 1. S. 1067.

¹¹⁷ См.: Михайлов М. И. История Союза коммунистов. М., 1968. С. 89.

¹¹⁸ Le Populaire. 1847. 3, 10 oct. Текст статьи на языке оригинала см.: Der Bund der Kommunisten S. 508–510.

¹¹⁹ Populaire. 1847. 9 mai.

¹²⁰ Ibid. 20 juin.

¹²¹ Ibid. 10 oct.

¹²² Ibid. 19 sept.

¹²³ Ibid. 5 sept.

¹²⁴ Ibid. 23 mai.

братской колонии”, объяснимое стремлением Кабе в обоих случаях к чрезмерной регламентации и единообразию жизнедеятельности будущей ассоциации. Это стремление явно вступало в противоречие с первоначальными намерениями самого Кабе. Именно на это обстоятельство обратили внимание осенью 1847 г. критики его эмиграционного проекта, ранее ценившие его за преданность демократическим идеалам.

Наиболее интересным образцом такой критики являлось опубликованное в “Попюлэр” письмо адвоката Жана Батиста Мильера, который представился как сторонник “икарийского” коммунизма¹²⁵. Привлекает внимание судьба этого человека. Не проявлявший до сих пор особой политической активности, Мильер в 1848 г. принял участие в революционном клубном движении, затем боролся с деспотизмом Второй империи, а в мае 1871 г. пал жертвой террора версальцев как участник Парижской Коммуны¹²⁶.

Прежде всего, Мильер возражал намерениям Кабе воспользоваться для создания строя общности юридической формой коммерческой компании. “...Я не представляю, – писал он, обращаясь к Кабе, – как Вы можете основать такой строй при помощи, законов, которые во Франции служат интересам, решительно противоположным доктринам нового мира”. Резко критиковал он и стремление Кабе сосредоточить в своих руках всю власть в Икарии. “...Ваше управление, – констатировал он, – представляет собой не что иное, как абсолютную монархию”. Мильер предостерегал, что в результате столь вольного обращения с демократическими принципами справедливое общество окажется не более чем “выродком старого строя, наследующим его пороки”.

Огромную потенциальную опасность для коммунизма усматривал Мильер в желании Кабе истолковать поддержку эмиграционного проекта как одобрение своей диктаторской власти в Икарии. “Нет, – заявляет он, – молчаливое согласие не равнозначно свободному избранию”. Лишая коммунистов права на свободное волеизъявление, Кабе ставит их перед “трудной альтернативой: или отказаться от своих планов, надежд, возможно даже веры, или подвергнуть себя опасностям предприятия, обреченного, по их мнению, на неудачу вследствие тех условий, которые были им навязаны”. Причиной возникновения этой драматической ситуации является грубейшее противоречие, в которое, по мнению Мильера, впадает Кабе, пытаясь “основать демократическое общество на принципе самоуправной власти”.

Глубокие сомнения внушала Мильеру попытка Кабе подменить вопрос о правовых основаниях справедливого управления в Икарии рассуждениями о нравственности. Согласно “общественному договору”, писал он, единственной гарантией справедливости выступает обязанность “управляющего” поступать всегда и везде в соответствии с требованиями самой высокой нравственности. Но, возражает Мильер,

“что такое обязанность, если она не подкреплена юридическими санкциями?” Его недоумение вызывает и стремление Кабе предписывать будущим согражданам нормы нравственного поведения. “...Нельзя, – замечает Мильер, – обязать кого-либо быть добродетельным; обязательная добродетель, если она вынужденна, не является добродетелью, одно противоречит другому”.

В заключение Мильер писал: “В теории Вы предложили основать социальную организацию на незыблемых догматах Евангелия, таких, как принципы равенства, братства, милосердия, словом, чисто демократическую организацию, но когда Вы перешли к делам, Вы, судя по всему, опровергли собственную доктрину. Ваш проект может организовать деспотизм, установить постоянную диктатуру, создать настоящую аристократию”.

Критика конкретных организационных решений, принятых Кабе по претворению в жизнь проекта эмиграции, поставила его в затруднительное положение. Его защита была вялой, все доводы сводились к тому, что нельзя пользоваться привычными мерками старого строя для оценки нового. Не находя ничего лучшего, Кабе возражал Мильеру, что икарийская система, “уничтожая индивидуализм, привилегии, деньги” и т.д., “рубит под корень все пороки и преступления, властолюбие и узурпацию, любую тиранию”. Он даже пытался доказать, что при “общности” единоличную власть, осуществляемую в интересах народа, нельзя противопоставлять демократии.

Среди других упреков, чаще всего раздававшихся осенью 1847 г., следует упомянуть еще один. Он касался непомерно высокого для немущих и малоимущих рабочих размера “социального взноса” – 600 фр. Многие из них это практически лишало надежды когда-либо принять участие в икарийской эмиграции¹²⁷. Кабе оправдывался тем, что “для переезда большого числа людей в Америку, для приобретения земли, припасов, орудий труда и машин нужны деньги, много денег; и если за нами последуют только бедняки, не имеющие никаких средств, то мы останемся там, где и были”. Он обещал, что в будущем, когда позволят ресурсы, можно будет “постепенно обеспечить переезд сначала тысяч, а потом и всех бедняков”. Нетерпеливым он только и мог, что посоветовать “жить экономно, немедленно отказаться от всех бесполезных расходов”, устраивать складчины и т. д.¹²⁸ Разумеется, такой совет не предотвратил разочарования части икарийских коммунистов, выплеснувшегося и на страницы “Попюлэр”.

По-видимому, Кабе догадывался, что столкнулся с затруднениями, преодолеть которые не сможет без серьезных потерь. Однако отступить было поздно. Кабе сознательно решил пройти свой путь до конца. Поэтому с осени 1847 г. он перестает обращать внимание на критику, и всю свою энергию направляет на решение, как ему казалось, более важных практических задач эмиграции.

¹²⁵ Ibid. 24 oct.

¹²⁶ Dictionnaire biographique du mouvement ouvrier français. P., 1966 Pt 1. t. 3 P. 110–120.

¹²⁷ Populaire. 1847. 17, 21 oct.

¹²⁸ Ibid. 24 nov.

Вместе с тем Кабе, очевидно, ощущал потребность в авторитетной поддержке своего проекта, подвергнувшегося резкой критике в коммунистических и демократических кругах не только Франции, но и других стран. За помощью он обращается к Роберту Оуэну. И получает от него ободряющую весточку. 11 июля 1847 г. Торнтон пишет Кабе, что Оуэн знает о проекте икарийской эмиграции, “одобряет его и позже им займется”¹²⁹. 1 августа эту новость радостно сообщила своим читателям “Попюлэр”¹³⁰. Тогда же она вдруг вспомнила, что еще в январе обещала опубликовать изложение учения Оуэна. Две недели спустя икарийская газета начала знакомить читателей с идеями английского социалиста¹³¹. А по завершении этой серии публикаций она сделала, на первый взгляд, неожиданное признание: “Не считая некоторых частных отличий, мы можем с удовлетворением констатировать, что икарийская и оуэнистская системы по важнейшим вопросам во многом аналогичны и не противоречат друг другу ни в чем существенном”¹³².

Личная встреча обоих вождей европейского социализма состоялась во время посещения Кабе Лондона 8–22 сентября. При содействии Оуэна Кабе тогда же подыскал “наиболее подходящее место” для будущей “Икарии”¹³³. Речь шла о целинных землях в штате Техас, которые ему бесплатно предложила некая американская компания по торговле недвижимостью. Единственным условием подписания контракта она выдвинула то, чтобы земли были освоены к 1 июля 1848 г.¹³⁴ Такая щедрость объясняется просто. Компания уступила Кабе лишь половину 10,5 млн акров земли, которая ей принадлежала, причем не сплошным массивом, а отдельными участками, расположенными в шахматном порядке. Остальные участки она собиралась продать позже, когда они поднимутся в цене благодаря освоению территории “икарийцами”. И хотя чересполосица явно препятствовала планам создания единой “нации”, Кабе принял предложение компании. Предчувствовал ли он тогда, что обрекает свою эмиграцию на повторение опыта создания крохотных общин?

Таким образом, проект массовой эмиграции в том виде, в каком его первоначально задумал Кабе, не выдержал столкновения с действительностью. Под напором обстоятельств его практическое воплощение все более тяготело к заурядному “общинному эксперименту”, который должна была осуществить немногочисленная группа единомышленников, верящих в свою особую миссию “освободителей человечества”.

К этому времени отчетливо обнаружилось перерождение массового общественно-политического движения, каким являлся икарийский коммунизм у своих истоков, в полурелигиозную секту, члены которой

прониклись мистической верой в своего руководителя и ждали от него чуда. Полицейский доклад 14 января 1848 г., на который мы уже выше ссылались и в достоверности которого у нас нет оснований сомневаться, также сообщает об этой перемене настроений. В докладе говорится, что авторы многочисленных писем, адресованных Кабе, “не скупятся на звучные эпитеты своему кумиру, называя его спасителем человечества, а некоторые даже доходят в своей фантазии до того, что называют его вторым мессией, продолжателем Иисуса Христа. С тех пор как Кабе решил отправиться со своими последователями в Америку, чтобы основать там большую икарийскую общность, т.е. уже приблизительно в течение года, отовсюду к нему приходит большое число писем с просьбами оказать честь и взять с собой в эмиграцию. Все эти люди стремятся скорее переселиться на девственные земли Икарии, чтобы насладиться там благами обетованной земли. Они хотят как можно быстрее покинуть гнилое общество старой Европы, в котором трудящиеся кормят своим потом и кровью богатых бездельников, не имея возможности вырваться из порочного круга нищеты и страданий”¹³⁵.

Поразительно то, что чем отчетливей обнаруживались реальные – скромные – масштабы этого предприятия, тем большим становилось увлечение его ритуальной, символической стороной. Так, в числе первоочередных мер “Попюлэр” объявила конкурс на гимн и форму одежды икарийцев¹³⁶. Организационная суeta особенно усилилась к концу 1847 г. В ноябре “Попюлэр” сообщила о создании “многочисленных комиссий”: садовников, каменщиков, плотников, столяров, механиков, портных и пр., в задачу которых входило предусмотреть “все, что может гарантировать безопасность и благосостояние отъезжающих икарийцев и обеспечить успех предприятия”¹³⁷. Чем они занимались, можно судить на примере “комиссии обувщиков”: 6 декабря она в составе 38 членов обсудила и приняла детальнейшее описание моделей обуви, которой предполагалось снабдить переселенцев в Америку¹³⁸.

Бурная подготовка к отъезду “авангарда”, назначенному первоначально на январь 1848 г., сопровождалась усилением мессианских настроений. Их подогревала “Попюлэр”. Напутствуя эмигрантов, она писала: “Ступая на палубу судна, каждый из нас... как бы воскреснет из мертвых... и в нашем новом мире, новом граде мы должны встретить лишь друзей и братьев, испытывать лишь братские чувства уважения, доверия, дружбы, доброжелательности и снисходительности, чтобы заслужить благосклонность нашей матери-Общности”¹³⁹.

Следовательно, в середине 40-х годов в политической карьере Кабе произошел крутой поворот. Потерпев неудачу в попытках объединить демократов, социалистов и коммунистов для совместной борьбы за по-

¹²⁹ La Bibliothèque Nationale de France, Papiers Cabet; Naf 18148, F. 1.

¹³⁰ Le Populaire. 1847. 1 août.

¹³¹ Ibid. 15 août.

¹³² Ibid. 12 sept.

¹³³ Ibid. 26 sept.

¹³⁴ Johnson Ch. Op. cit. P. 256.

¹³⁵ Les Archives Nationales de France, BB¹⁸ 1451. Doss. 3598.

¹³⁶ Le Populaire. 1847. 10 oct.

¹³⁷ Ibid. 7 nov.

¹³⁸ Ibid. 19 nov.

¹³⁹ Ibid. 26 déc.

литические и социальные реформы, а в перспективе – и за общность, он переменял стратегию. Теперь его главной заботой стала “реформа нравственности”, которая заключалась бы не только в улучшении нравов народа, т.е. низших классов, но и в преодолении недоверия и вражды, возникших между различными классами общества. Эта реформа требовала, чтобы в основу отношений между классами лег принцип братства.

Новая стратегия осуществления общности отражала важную перемену в воззрениях Кабе, связанную с его неожиданным – для человека рационалистического склада ума, каковым он и являлся – увлечением социальной доктриной первоначального христианства и общим повышением внимания к этическим аспектам общественных отношений. Раньше он считал, что люди будут нравственно готовиться к общности по мере осуществления политических и социальных реформ. Теперь же он пришел к выводу, что реформа нравственности должна предшествовать всем прочим реформам, будучи их необходимой предпосылкой. Кабе также изменил свое отношение к практическим экспериментам с общностью, которые раньше категорически осуждал. Он заинтересовался ими как доходчивой формой пропаганды общности и, кроме того, действенным способом осуществления реформы нравственности.

Яркое воплощение новая стратегия Кабе нашла в плане “икарийской” эмиграции в Америку, к осуществлению которого он приступил в 1847 г. Успех этого плана он прямо ставил в зависимость от участия нравственно совершенных, полностью разделяющих принципы икарийской системы, специально отобранных людей. К этому времени веру Кабе в возможность постепенного, мирного и легального, перехода к демократии, а затем и к общности поколебал экономический кризис, угрожавший, по его убеждению, “социальным катаклизмом”. Кабе попытался сделать то, что представлялось ему единственно возможным в сложившейся обстановке, – покинуть рушащееся здание старой цивилизации в Европе и переместиться вместе со своими верными последователями в Америку, чтобы основать там “коммунистическую нацию”.

Это решение означало отход Кабе от либеральных и демократических традиций общественно-политической мысли, их основополагающих ценностей. Он отказался от намерения изменить реально существующие общество и государство, отдавшись мечте создать “с чистого листа” новую цивилизацию. Как непозволительную роскошь отбросил он и элементарные нормы демократии, разработав для “коммунистической нации” деспотическую конституцию. Его можно понять – учитывая скудость наличных ресурсов, социальный эксперимент предвещал быть нелегким. Но оправдать его – вряд ли: он добровольно взвалил на себя это бремя и обрек на тяготы и лишения своих доверчивых последователей.

Глава 8

СВОБОДА ИЛИ ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА?

Революция 1848 г. нарушила планы “икарийской” эмиграции Кабе, но не застала его врасплох. С первых же дней он активно включился в политическую борьбу, встав во главе одного из демократических клубов – Центрального братского общества, объединявшего его единомышленников. Лозунги и требования, которые он провозглашал с трибуны этого клуба, заставляют нас вспомнить его программу мирного, демократического и легального пути борьбы за демократию и общность, которую он пропагандировал в начале 40-х годов¹.

Кабе выражал надежду, что победа народного восстания 22–24 февраля в Париже будет началом “великой, прекрасной и славной революции, которая принесет благо как Франции, так и всей Европе, и которая будет походить на революцию 89 года”. Именно поэтому он поддержал Временное правительство, в состав которого вошли представители демократических группировок, включая социалиста Луи Блана. Призывая его “честно следовать по пути революции”, Кабе, однако, уточнял, что ни в коем случае не собирается подталкивать его к “насилию, угнетению и террору”². Он считал, что главной задачей, стоящей перед Временным правительством, является “любой ценой” гарантировать народный суверенитет, республиканскую форму правления и демократию³. С этой целью он добивался вооружения народа путем создания национальной гвардии, законодательного обеспечения всех политических свобод, включая свободу печати, ассоциаций, собраний и публичных дискуссий, введения всеобщего прямого избирательного права, вознаграждения депутатам⁴. Что касается социальных реформ, то Кабе подчеркивал, что с их проведением не следует торопиться. “Чтобы они увенчались успехом, – говорил он, – нужно проявлять осмотрительность и не слишком торопиться”⁵.

¹ Подробнее о деятельности и воззрениях Кабе в 1848 г. см.: Иоаннисян А.П. Революция 1848 года во Франции и коммунизм. М., 1989. С. 125–128 и др., *Angrand P. Etienne Cabet et la république de 1848*. P. 1948.

² *Société fraternelle centrale*. [P., 1848]. 4-e discours du citoyen Cabet sur ce qu'il fallait faire et sur l'ajournement des élections du 22 mars. P. 7.

³ *Ibid.* 2-e discours du citoyen Cabet sur la nécessité d'éloigner les troupes et d'ajourner les élections du 13 mars. P. 14.

⁴ *Ibid.* 1-er discours du citoyen Cabet sur la garde nationale, la liberté de la presse, le droit d'association, de réunion et de discussion, les élections et le travail du 6 mars. P. 5–7, 9.

⁵ *Ibid.* P. 12.

Однако вопреки желанию Кабе с первых дней революции лозунг "организации труда" – "эта великая идея нашего времени", как сам он о нем отзывался⁶ – стал едва ли не самым популярным во Франции. Тому, несомненно, способствовала деятельность многочисленных теоретиков и пропагандистов социализма, которые в продолжение двух предшествовавших десятилетий посредством газет, популярных брошюр и книг, листовок и собраний демократических клубов, объединявших по всей стране десятки тысяч человек, на разные лады внушали французам, что современное общество устроено из рук вон плохо и что спасти людей от обнищания, экономических кризисов и социальных катаклизмов может только более совершенная организация труда⁷. Корень всех бед они видели если не в частной собственности как таковой (что характеризовало прежде всего воззрения теоретиков коммунизма, таких как Этьен Кабе), то во всяком случае в неравном доступе людей к собственности (как считали фурьеристы, Луи Блан, Жозеф Прудон). Чем они и объясняли тенденцию к чрезмерному накоплению богатства на одном социальном полюсе и распространению нищеты на другом.

Эти воззрения находили живой отклик не только среди тех людей, чье общественное положение было неустойчивым, а доходы невелики и ненадежны и над кем постоянно висел дамоклов меч нищеты, среди низов общества, занятых тяжелым и низкооплачиваемым трудом, но и среди казалось бы вполне благополучных граждан, которым обостренное чувство справедливости мешало мириться со страданиями ближнего. Представители этого поколения, мироощущение которого сформировалось под влиянием революций конца XVIII и первой половины XIX в., столь драматически изменивших облик мира и повлиявших на судьбу народов, верили, как, может быть, никто другой, в способность человеческого разума и воли творить чудеса. И когда во Франции в феврале 1848 г. свершилась революция, покончившая с Июльской монархией, это поколение романтиков, проникнутых социалистическими идеями и чаяниями, решило, что настал час исполнения заветных желаний.

Республиканское Временное правительство не могло не считаться с такими настроениями. Едва было объявлено о его создании, как оно провозгласило своей целью улучшение участи "трудящихся". И хотя само это слово кому-то могло показаться сомнительным, ибо, например, с точки зрения сенсимонистов, влиятельной школы последователей социального учения Анри де Сен-Симона, капиталисты, возглавлявшие промышленные предприятия, тоже относились к трудящимся, смысл заявления всем был предельно ясен. Правительство обещало принять меры к улучшению положения бедных, обездоленных классов.

За обещаниями последовали и конкретные дела. В течение нескольких дней были приняты следующие декреты: о сокращении продолжительности рабочего дня в Париже до 10, а в провинции – до 11 часов; о запрещении подрядных работ как формы "эксплуатации трудящихся"; о снижении цен на хлеб; о праве рабочих объединяться в ассоциации, чтобы "пользоваться законными плодами своего труда"; о предоставлении рабочим ассоциациям миллиона франков, снятого с гражданского листа свергнутого короля Луи-Филиппа; о возврате из ломбардов предметов первой необходимости (заложенных бедняками); об отмене имущественных ограничений для вступления в национальную гвардию; наконец, о гарантированном праве на труд для всех граждан. В целях осуществления этого права Временное правительство приняло решение об организации в Париже общественных работ, получивших вскоре название "национальных мастерских". Надежды в сердца людей вселяло и создание особой "правительственной комиссии для трудящихся", которой было поручено разработать конкретные меры по улучшению положения рабочих. Возглавили эту комиссию члены Временного правительства – известный социалист Луи Блан, автор нашумевшей книги "Организация труда", и рабочий Альбер, один из руководителей тайных республиканских обществ, боровшихся против Июльской монархии, участник баррикадных боев в Париже в феврале 1848 г. Они казались самыми подходящими кандидатами на эту должность. Не ставить же во главе столь ответственного дела революционера-заговорщика Огюста Бланки, чуть ли не всю сознательную жизнь проведенного в тюрьмах? Или коммуниста-реформатора" Э. Кабе, незадолго до революции, в декабре 1847 г., призывавшего своих сторонников последовать за ним в Америку, где и создать на принципах социального равенства государство "без проблем"?

Мы не собираемся здесь обсуждать деятельность Временного правительства в области социальных реформ, щедро обещанных, но большей частью оставшихся на бумаге. Хотя мы и не считаем, что наука высказала уже по этому вопросу окончательное суждение. Действия Временного правительства подверглись беспощадной критике радикально настроенными современниками, в частности К.Марксом⁸. Отрицательно оценивала их всегда и советская историография⁹. Но с дистанции в полтора столетия, прошедших после революции 1848 г., многое в них уже не кажется заведомо негодным и обреченным на провал.

Заметим только, что политику далеко идущих социальных реформ, провозглашенную Временным правительством, но оказавшуюся в силу разных причин, большей частью от него не зависящих, ему не по силам, буквально на лету подхватил принц Луи Наполеон

⁶ Ibid. 4-e discours du citoyen Cabet sur la profession de foi à exiger des candidats à l'Assemblée Nationale du 24 mars. P. 13.

⁷ 1848. Les utopismes sociaux: Utopie et action à la veille des journées de février. P., 1981.

⁸ Маркс К. Классовая борьба во Франции с 1848 по 1850 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.7; Он же. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Там же. Т. 8. С. 115–217.

⁹ Застенкер Н.Е. Революция 1848 года во Франции. М., 1848; Революции 1848–1849 гг. / Под ред В.Ф. Потемкина и А.И. Молока. М., 1952; Бендрикова Л.А. Французская историография революции 1848–1849 гг. М., 1969 и др.

Бонапарт¹⁰. В декабре 1848 г. он был избран президентом Второй республики, а спустя несколько лет провозглашен “императором французов”. В его правление был отменен оставшийся в силе на протяжении трех четвертей столетия закон Ле Шапелье 1791 г., запрещавший рабочие коалиции, а сами рабочие впервые в истории вкусили от некоторых социальных благ в виде дешевого муниципального жилья, доступного здравоохранения, пособий того или иного рода. Эта, согласно бытовавшему в советской историографии определению, “политика заигрывания с трудящимися классами”¹¹, получила поддержку со стороны Прудона, который приветствовал государственный переворот, отдавший всю полноту власти в руки принца Бонапарта, ни много ни мало как “социальную революцию”¹².

Мы хотим рассмотреть лишь споры по существу вопроса об организации труда, которые велись во Франции во второй четверти XIX в. и достигли кульминации во время революции 1848 г. В исторической литературе этим спорам, на наш взгляд, уделяется недостаточно внимания. Но хотя, что существует обширная литература, посвященная социалистическим теориям преобразования общества¹³, собственно разногласия между представителями различных школ и направлений общественно-политической мысли практически не изучены¹⁴.

Учитывая, что современники, в том числе политические писатели, экономисты и общественные деятели, придавали этому вопросу большое значение и что все многообразие высказанных мнений и подходов заключалось в огромном количестве источников, мы ни в малейшей степени не претендуем на исчерпывающее освещение этой темы.

Основные рамки этого спора определились еще в конце 30-х – середине 40-х годов XIX в., когда вышли из печати произведения политического писателя, историка и социалиста Луи Блана “Орга-

низация труда”¹⁵ и виднейшего либерального экономиста, члена Института (некоего аналога Академии наук) Шарля Дюнуае “Свобода труда”¹⁶. В этих произведениях были выражены прямо противоположные мнения по широкому кругу злободневных вопросов экономической и социальной политики. Они и сегодня воспринимаются именно в паре, несмотря на то, что сильно отличаются литературными жанрами, в которых были написаны, и своей дальнейшей судьбой.

СОЦИАЛЬНАЯ РЕФОРМА

Популярная брошюра Блана носила заведомо пропагандистский характер и была рассчитана на широкую читательскую аудиторию. За неполные десять лет, предшествовавшие революции 1848 г., она претерпела несколько переизданий. Имя ее автора, известного также своими историческими произведениями и газетной публицистикой, было у всех на устах. Хотя предлагал он всего-навсего создание при поддержке государства общественных мастерских, рассчитывая, правда, что они постепенно докажут свои экономические преимущества и заменят собой частные предприятия с их шлейфом нищеты, безработицы и дороговизны. Успеху этого плана у публики, несомненно, способствовала его кажущаяся простота и легкость исполнения, во всяком случае, по сравнению с гораздо более экстравагантными идеями А. де Сен-Симона и Ш. Фурье, непосредственных предшественников Л. Блана. Сыграло свою роль и то, что он был первым из нового поколения социальных мыслителей-реформаторов Франции 40-х годов XIX столетия, в воззрениях которых прямо или косвенно отразились реальности эпохи промышленной революции, кто открыто обнародовал свой проект в печати.

В этом программном произведении Блан выступает прежде всего как непримиримый критик экономической системы, основанной на “неограниченной конкуренции”¹⁷. От нее, по его глубокому убеждению, страдают все классы общества – и “народ”, для которого она является “системой уничтожения”, и “буржуазия”, которой она постоянно угрожает обнищанием и разорением¹⁸. Вперемешку Блан приводит в своей книге различные доказательства разрушительного влияния конкуренции на общество. Соперничество среди трудящихся за рабочие места порождает тенденцию к понижению заработной платы до уровня, обрекающего миллионы людей на полуголодное существование. Промышленность конкурирует с сельским хозяйством за рабочую силу,

¹⁰ Boilet G.-E. La doctrine sociale de Napoleon III. P., 1969.

¹¹ История Франции: В 3-томах. Т. 2. М., 1973. С. 352.

¹² Proudhon P.-J. La révolution sociale démontrée par le coup d'état. P., 1852.

¹³ Застенкер Н.Е. Прудон и Февральская революция 1848 г. // Французский Ежегодник, 1960. М., 1961; Иоаннисян А.Р. К истории французского утопического коммунизма первой половины XIX столетия. М., 1981; Он же. Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1840–1841 гг. М., 1983; Он же. Революционно-коммунистическое движение во Франции в 1842–1847 гг. М., 1986; Он же. Революция 1848 года во Франции и коммунизм. М., 1989; Павлова Е.В. Проблемы труда в утопическом социализме Ш. Фурье // Методологические проблемы истории социалистических учений, М., 1982. С. 3–11; Прошина Е.М. Бланки – политический мыслитель и революционер // Политические деятели античности, средневековья и нового времени: Индивидуальные и социально-типичные черты. Л., 1983. С. 90–96; Розанова И.Н. Л.О. Бланки о французской революции 1848 г. // Из истории буржуазных революций нового времени. М., 1985. С. 141–157; Фармонов Р.Ф. Л.О. Бланки в годы Второй республики // Французский Ежегодник, 1983. М., 1985. С. 88–99 и др.

¹⁴ Лоцакова С.А. Проблемы связи утопического социализма и буржуазной политической экономии в истории общественной мысли конца XVIII – начала XIX в. // Маркс и современная философия. М., 1983. С. 36–42; Соколова М.Н. Рейбо – историк утопического социализма // История социалистических учений. М., 1984. С. 97–118; Она же. Сюдр – историк утопического социализма // Там же. М., 1985. С. 67–80 и др.

¹⁵ Blanc L. Organisation du travail. P., 1839.

¹⁶ Dunoyer Ch. De la liberté du travail, ou simple exposé des conditions dans lesquelles les forces humaines s'exercent avec le plus de puissance. Bruxelles, 1846.

¹⁷ Здесь и далее цитаты приводятся по девятому изданию книги Блана, значительно им переработанному и дополненному, но вместе с тем и сохранившему преемственность основных идей и замыслов автора. См.: Blanc L. Organisation du travail. Neuvième édition, refondue et augmentée de chapitres nouveaux. P., 1850. P. 23.

¹⁸ Ibid. P. 24.

что приводит к массовому оттоку населения из деревень в крупные города, становящиеся рассадниками отчаянной нищеты. Способствуют обезлюдению сельской местности даже железные дороги, которые “в разумно организованном обществе представляли бы гигантский прогресс, а у нас – лишь приносят новые несчастья”¹⁹. Нищета порождает невиданный рост преступности, разрушает семью. “Одним из наиболее отвратительных результатов индустриальной системы, с которой мы боремся, является использование на фабриках детского труда”²⁰.

Блан оспаривает мнение либеральных экономистов от А. Смита до Ж.-Б. Сэя, считавших конкуренцию благом, поскольку она ведет к снижению потребительских цен. Если цены и снижаются, замечает Блан, то лишь временно и от этого потребитель не столько выигрывает, сколько проигрывает. Ведь снижение цен разоряет небогатых производителей к выгоде промышленной олигархии. Следовательно, заключает Блан, “говорить о преимуществах *дешевизны* в условиях конкуренции – признак или легкомыслия, или лицемерия. Цены остаются низкими до тех пор, пока производители борются между собой: но как только самый богатый торжествует над своими конкурентами, цены сразу повышаются. Конкуренция ведет к монополии в той же мере, в какой *дешевизна* ведет к завышению цен”²¹.

Конкурентная борьба мешает производителям правильно оценить ситуацию на рынке. Кроме того, им нужно во что бы то ни стало возместить средства, затраченные на машины, оборудование, сырье и постройки. Поэтому они стремятся постоянно увеличивать объемы производства. В условиях сокращения потребления это превращает промышленную деятельность в некую азартную игру, удача в которой целиком зависит от случая. “Да, – констатирует Блан, – конкуренция угрожает не только существованию бедных классов, но и благосостоянию среднего класса”²². Общество, устроенное таким образом, носит в себе зародыш “гражданской войны”²³.

Чтобы исправить положение, Блан предлагает осуществить систему мер, которые в совокупности означали бы подлинную “социальную революцию”, т.е. “учредили бы новый общественный порядок” – и к тому же, что он особо подчеркивает, “мирным путем”²⁴. Начать, по его мнению, необходимо с образования особого “министерства прогресса”, задача которого бы как раз состояла в том, чтобы дать импульс этой мирной революции и “проложить путь, ведущий к светлым горизонтам”. Это министерство должно располагать значительными средствами. Их можно получить, например, в результате преобразования Французского банка, главного эмиссионного и кредитного учреждения страны, в

Национальный банк (т.е. фактически его национализации). Благодаря этой мере, подчеркивает Блан, все доходы, которые до сих пор лишь увеличивали состояния горстки богатейших акционеров банка, были бы поставлены “на службу освобождения пролетариата”. Среди других источников пополнения бюджета министерства прогресса Блан называет передачу в государственные руки железных дорог и горнодобывающей промышленности, централизацию страхового дела, открытие государственных базаров и оптовых складов, наконец, добровольную помощь крупных частных жертвователей.

Все эти средства будут употреблены на устройство “общественных мастерских” (*ateliers sociaux*) в наиболее важных отраслях промышленности. Блан предвидит, что это мероприятие окажется весьма дорогостоящим. Поэтому он считает, что первоначально общественные мастерские будут немногочисленны. Регламентирующие их деятельность “уставы” должны быть обсуждены и приняты парламентом. Таким образом они приобретут силу закона. Членами этих мастерских, по мере возможности, смогут стать все рабочие, способные представить гарантии благонравия. Государство будет полностью осуществлять управление этими мастерскими в течение первого года их существования. Затем рабочие сами выберут новое руководство. Причем, когда они убедятся в преимуществах ассоциации, то охотно распространят принципы новой организации своей жизни на сферу не только труда, но также быта и досуга. Создание подобного рода ассоциаций Блан планирует прежде всего в сфере крупного производства. Но он не исключает того, что в них будут принимать и рабочих таких профессий, которые трудятся в одиночку, вне больших коллективов. “...Каждая общественная мастерская, – отмечает Блан, – могла бы состоять из рабочих различных профессий, сгруппированных вокруг крупного предприятия и образующих части единого целого, которые подчиняются одним и тем же правилам и пользуются одинаковыми преимуществами”. Членами ассоциации станут наравне с рабочими и капиталисты. Они смогут получать доход в виде процента от вложенного ими капитала. Но в прибылях от производственной деятельности ассоциации они будут участвовать лишь в качестве работников. Одна часть прибыли общественной мастерской станет распределяться среди членов ассоциации, другая пойдет на содержание стариков, больных и немощных, третья будет служить своего рода страховым фондом на тот случай, если в смежных, еще не ассоциированных отраслях промышленности внезапно разразится кризис²⁵.

Общественные мастерские будут созданы и в сельском хозяйстве. По мнению Блана, это позволит соединить все те преимущества, которыми обладают крупное производство (*grande culture*), ассоциация и “коллективная собственность” по сравнению с мелким производством и индивидуальным хозяйством²⁶. Для начала каждая сельскохозяйствен-

¹⁹ Ibid. P. 35.

²⁰ Ibid. P. 51.

²¹ Ibid. P. 58.

²² Ibid. P. 59.

²³ Ibid. P. 57.

²⁴ Ibid. P. 83.

²⁵ Ibid. P. 70–72.

²⁶ Ibid. P. 86.

ная ассоциация будет насчитывать около полусотни крестьянских семей (в среднем 250 человек) и располагать угодьями площадью в 500 гектаров. В дальнейшем их размеры могут быть увеличены. Крупный землевладелец, пожелавший вступить в ассоциацию, должен будет продать ей свое имущество: земли, инвентарь, другие предметы хозяйственного назначения. Создаваться эти ассоциации будут, как и в промышленности, при решающей финансовой поддержке государства, которое на первых порах полностью возьмет в свои руки и управление ими. Со временем работники сельскохозяйственных ассоциаций сами выберут свое руководство.

Блан полагал, что общественные мастерские в сельском хозяйстве будут в гораздо меньшей степени, чем в промышленности, подвержены влиянию привычек и нравов старого строя. Поэтому в них сразу можно будет перейти к новым коллективным (*en commun*) формам быта и досуга. Все семьи будут жить в одном большом здании, занимая отдельные помещения. Совместно они будут потреблять и плоды своего труда, хотя каждая семья сможет это сделать, будь на то ее воля, и отдельно. В любом случае именно ассоциация должна полностью обеспечивать своих членов питанием и жильем, одеждой и мебелью, или же предоставлять по их желанию соответствующий денежный эквивалент. “А чтобы удовлетворить потребности всех, – подчеркивает Блан, – необходимо будет сделать общим достоянием (*mettre en commun*) и все продукты труда”²⁷.

Социальная революция, связанная с созданием общественных мастерских, займет, как пишет Блан, “определенное” время. Ее течение он описал следующим образом. В каждой крупной отрасли промышленности, например, в машиностроении, текстильном производстве или книгопечатании, возникнет сначала только одна общественная мастерская, которая составит конкуренцию частным предприятиям. Но их борьба не будет ни слишком продолжительной, ни жесткой. Общественные мастерские легко докажут свое превосходство. Ведь их члены, будучи заинтересованы в успехе дела, станут работать быстро и добросовестно. А то, что они живут и работают вместе, позволит им сэкономить дополнительные средства. Постарается смягчить условия конкуренции и государство, например, препятствуя слишком резкому снижению отпускных цен на продукцию общественных мастерских. В итоге удастся обеспечить “плавный, без потрясений” процесс “постепенного и мирного поглощения индивидуальных мастерских общественными”. “Регулировать” этот процесс будет государство. Оно не допустит, чтобы частные предприятия разорились, и использует конкуренцию лишь для того, чтобы склонить их к соглашению с собой. “Поэтому весьма скоро мы увидим, – считает Блан, – как в каждой отрасли промышленности, где уже имеется общественная мастерская, трудящиеся и капиталисты будут стремиться перейти в нее, видя те преимущества, которые она обеспечивает своим членам”²⁸.

Когда все частные предприятия той или иной отрасли преобразуются в общественные мастерские, возникнет необходимость распространить “систему ассоциации” и на сферу отношений между ними. “Было бы абсурдно, – замечает Блан, – упразднив конкуренцию между отдельными людьми, сохранить ее между корпорациями”. Поэтому в каждой отрасли производства, в которой “государство займет господствующее положение”, возникнет “центральная мастерская, с ней будут связаны все остальные мастерские в качестве вспомогательных”²⁹. Отношения солидарности, объединяющие работников одной мастерской, будут дополнены таким образом солидарностью множества мастерских целой отрасли. В дальнейшем солидарность распространится и на отношения между различными отраслями. Они будут отчислять часть своих прибылей в распоряжение государства, которое сможет использовать эти средства для поддержки тех из них, кто столкнется с непредвиденными трудностями.

Когда все это произойдет, с ненавистной конкуренцией будет покончено навсегда. Вместе с ней исчезнут и порождаемые ею общественные пороки и бедствия. Раз не станет победителей в конкурентной борьбе – не останется и побежденных. Экономические кризисы с этого времени будут угрожать только из-за границы. Вообще, по мнению Блана, преимущества новой системы можно перечислять до бесконечности. Взять хотя бы машины, которые при нынешней системе приводят к сокращению рабочих мест и становятся смертельным оружием в конкурентной борьбе одного промышленника с другим. “В условиях конкуренции, – пишет Блан, – изобретение *новых машин* ведет к *монополии*... Иное дело при системе ассоциации и солидарности, когда будут отменены авторские свидетельства на изобретения и права на их исключительное использование. Изобретателя вознаградит государство, и его изобретение будет немедленно использовано на благо всех людей”³⁰. С исчезновением конкуренции даже торговля потеряет спекулятивный характер, а с помощью банковского кредита, который перестанет служить наживе богачей, трудящиеся будут обеспечиваться орудиями труда.

Эта “промышленная реформа”, по мысли Блана, послужит прологом “глубокой моральной революции”, связанной с коренным изменением нравов и обычаев людей. “Если в каждой сфере человеческой деятельности, – пишет он, – смогут объединиться люди, увлекаемые общими идеалами, целями, надеждами и интересами, то, скажите мне, останется ли еще в жизни место для фальсификации продуктов, подлых уловок, лжи и мошенничества, которые ежедневно отравляют жизнь каждому производителю и каждому торговцу..?” Ассоциация своим примером в один день сможет обратить в новую веру больше людей, чем все проповедники и моралисты вместе взятые в течение столетия³¹.

²⁷ Ibid. P. 78.

³⁰ Ibid. P. 80–81.

³¹ Ibid. P. 82.

²⁷ Ibid. P. 113.

²⁸ Ibid. P. 77.

Тем не менее “новый мир”, в который войдет человечество благодаря социальной революции, конечно же поначалу будет еще далек от совершенства. Как признает Блан, потребуется немало усилий, чтобы добиться в нем “полного осуществления принципа братства”. Но эта цель будет достигнута исключительно средствами просвещения, поскольку основные тому препятствия в обществе будут уже устранены³².

Да и предложенный Бланом план социальной реформы был проникнут духом примирения, терпимости и миролюбия. В доводах и рассуждениях Блана так и сквозит стремление согласовать противоположные интересы, обеспечить гармонию рынка (без конкуренции) и государственного регулирования, заработной платы и прибыли, свободы и организации. Характерно, что даже государству, которому он предоставляет инициативу создания первых общественных мастерских, в дальнейшем он отводит роль простого стрелочника. Общественная система, в том числе и экономика, функционирует как бы в автоматическом режиме, без вмешательства извне. Наконец, и в политике Блан придерживался центристских позиций, поэтому историки не без оснований считают его предтечей французского радикализма последней трети XIX в. (который ни в коем случае нельзя путать с политическим экстремизмом)³³. Короче говоря, ни потрясателем основ существующего порядка, ни тем более его ниспровергателем Луи Блана при всем желании не назовешь.

Если кому-то во Франции середины XIX в. эти идеи и казались новыми и оригинальными, то только потому, что, согласно пословице, “новое – это хорошо забытое старое”. Со времени Сен-Симона и Фурье идеалы общественного блага и ассоциации глубоко проникли в народное сознание и стали как бы его достоянием. Вместе с тем еще жива была в исторической памяти французов и старинная традиция королевского патернализма, т.е. заботы монарха о своих подданных и их насущнейших нуждах. Эта забота, в частности, выражалась в контроле за розничными ценами на основные потребительские товары, в особенности на хлеб. Кстати говоря, именно попытка министра-реформатора Тюрго в правление короля Людовика XVI ввести свободные цены на хлеб привела к народным волнениям и сильно пошатнула авторитет монархии в преддверие революции конца XVIII в. О том, насколько живучими были эти старинные традиции и обычаи в новой, послереволюционной Франции, свидетельствовало восстание лионских ткачей 1831 г. Ф.В. Потемкин в свое время показал, что к этому восстанию привела борьба рабочих за восстановление так называемого “тарифа” – системы фиксированных расценок, действовавшей в XVIII в.³⁴

Блан очень гордился простотой и ясностью своего проекта³⁵. Напротив, монументальный труд Дюнуайе на почти семистах страницах убористого текста в две колонки носил подчеркнуто академический характер, за что ему и была уготована судьба большинства научных изданий – пылиться на полках библиотек в ожидании редкого читателя. И хотя Дюнуайе ни разу не снизошел до прямой полемики с Бланом, всякий, ознакомившись с его трудом, мог понять, что основная цель его как раз заключалась в том, чтобы опровергнуть и развенчать всю систему воззрений реформаторов социалистического толка.

Впрочем, в кратеньком предисловии к своему труду, Дюнуайе заметил: “Хотя я и рассматриваю общество в целом, т.е. в совокупности всех видов его деятельности и функций, тем не менее, я должен подчеркнуть, что мой труд не имеет ничего общего с произведениями писателей, которых называют сегодня социалистами и которые стремятся втиснуть общество в искусственные формы, придать некую организацию всем видам его деятельности и тем самым подчинить их руководству из единого центра. Все знают, насколько несовместимы эти теории с моими взглядами. Ведь я принимаю общество таким, каким оно стало само по себе, в итоге саморазвития всех видов трудовой деятельности, предоставленных своей естественной независимости и объединенных только добровольными узами... Следовательно, мой труд открыто направлен против так называемых организаторских тенденций нашего времени. Он исходит из недопустимости того, чтобы публичные власти присваивали себе право ставить перед обществом какие-либо цели или организовывать его в соответствии с этими целями. В нем не признается их право вмешиваться в трудовую деятельность и деловые операции, жизненно для него важные, за исключением тех случаев, когда необходимо воспрепятствовать наказуемым действиям... он выдержан в духе верности либеральным традициям прошлого и предназначен внести вклад в ту борьбу, которая вот уже в течение многих столетий ведется за освобождение человеческой личности от противоправных действий со стороны общества и власть предержащих”.

Весьма красноречив с этой точки зрения и небольшой раздел, носящий подчеркнуто полемический характер и не вписывающийся в стилистику его сугубо научного труда. Он и озаглавлен Дюнуайе так, чтобы показать не преднамеренность, а как бы вынужденность его включения в книгу: “Постскриптум по поводу возражений, которые были выдвинуты в последнее время против режима свободной

³² Ibid. P. 83.

³³ *Louÿère L.A. Louis Blanc: His Life and His Contribution to the Rise of French Jacobin-Socialism. Evenston, 1961.*

³⁴ *Потемкин Ф.В. Лионские восстания 1831 и 1834 гг. М., 1937. С. 92–94.*

³⁵ Отметив, что каждая отрасль промышленности, в которой утвердилась “система ассоциации”, будет функционировать наподобие банкирского дома Ротшильдов, имеющего наряду с главной квартирой в Париже отделения по всему миру, причем роль государства постепенно сведется к надзору за правильным исполнением общественными мастерскими своих обязательств и общих регламентов, Блан не без тщеславия пишет: “Я не собираюсь доказывать, насколько прост этот механизм, потому что это и так очевидно”. См.: Ibid. P. 78.

конкуренции”³⁶. Критики этого режима, считает автор, весьма тенденциозно оценивают связь между благосостоянием народов и духом состязательности, конкурентной борьбы в обществе. Сначала, пишет он, нам рисуют картину экономических чудес, которые только и стали возможны благодаря свободе труда и соревнованию между трудящимися. Но затем нам доказывают, что в итоге этой конкурентной борьбы богатые становятся еще богаче, а бедные нищают все больше. Утверждают, что чем богаче и могущественней общество, тем хуже в нем живется бедноте, ибо ее численность растет пропорционально развитию промышленности. Приводят даже статистику, согласно которой соотношение между бедняками и всем населением составляет в Испании и Италии 1:30, в Турции – 1:41, в России – 1:100, тогда как в Англии, Бельгии и промышленно развитых департаментах Севера Франции достигает 1:6. Наконец, нам рисуют мрачную картину положения трудящихся классов в современном обществе, свидетельствующую об их физической и моральной деградации и призванную убедить в том, что современная цивилизация ведет к одичанию большинства населения.

Нас пытаются убедить, продолжает Дюнуайе, что несправедливый передел плодов труда, ведущий к накоплению богатства у одних и к все большему обнищанию других, является следствием конкуренции; что предприниматели, вынуждаемые конкуренцией снижать отпускную цену своих изделий, экономят на заработной плате работников; что в целях сокращения издержек они увольняют рабочих и ставят вместо них машины; что сами рабочие ввиду столь грозной конкуренции вынуждены наниматься за бесценок; что промышленность в результате всего этого стала полем смертельной битвы, и первыми ее жертвами оказываются рабочие – самые слабые, беззащитные и уязвимые. “Нет необходимости уточнять, где я прочел все эти обвинения, – пишет Дюнуайе. – Их слышишь повсюду, причем в выражениях гораздо более резких и страстных, чем те, которые я употребил выше”. И поскольку источником всех этих бедствий объявляется конкуренция, ее оценивают особенно сурово, как “режим варварства и дикости”, “анархию”, “беспорядок”, “всемирное зло” и проч.

И далее Дюнуайе дает краткую характеристику тех принципов, которые критики конкуренции хотели бы положить в основу организации общества и труда. “Я имею в виду не только известные системы Фурье, Сен-Симона и Оуэна, – пишет он. – Но авторы и менее эксцентричных сочинений предлагают защитить трудящиеся классы от опасностей, грозящих им в условиях конкуренции, и изъять их рабочие места из действия законов рынка. Они доказывают, что поскольку работа является их единственным источником существования, нельзя допускать, чтобы они теряли в заработной плате. Они исходят из убеждения в том, что каждый человек имеет право на жизнь, а следовательно, должен располагать для этого достаточными средст-

вами. Они утверждают, что общество всем им, сколько бы их ни было на свете, обязано предоставить работу, причем оплачиваемую в размере, позволяющем им сполна удовлетворять свои потребности. Наконец, они говорят, что обеспечить благосостояние трудящихся можно только, заменив *организацией* и конкуренцию – *ассоциацией*. *Ассоциация! организация!* вот ключ к загадкам нашего общества; вот волшебные слова, благодаря которым падет заклятие, лежащее на бедных классах”.

Дюнуайе не скрывает удивления, как могли, на его взгляд, столь наивные воззрения получить в обществе весьма широкое распространение: “Ведь подобное слышишь не только от мечтателей-одиночек; все это повторяют, как будто речь идет о чем-то реальном, даже люди, гордящиеся своей практической сметкой и рассудительностью. Едва ли не везде теперь можно услышать проклятия в адрес конкуренции и призывы к организации труда и всеобщей ассоциации трудящихся”. Все это, по мнению Дюнуайе, оставляет странное впечатление: “Как будто человечество, упорно шедшее в течение двух тысячелетий к освобождению труда, причем именно в интересах трудящихся классов, вдруг обнаружило, что все это время заблуждалось; как будто свобода, обретенная ценой столь продолжительных, терпеливых и болезненных усилий, оказалась на самом деле не благом, а злом, единственно приносящим несчастья именно тем, кто больше всего к ней стремился...”³⁷. Если это так, замечает Дюнуайе, то горе человечеству, которое способно совершать такие ошибки. Кто теперь поверит, что оно вообще может отдавать себе отчет в том, что делает и куда идет.

Но рано, пишет Дюнуайе, скорбеть о печальной участи человечества. Прежде всего надо разобраться, насколько обоснованы обвинения в адрес режима конкуренции, относительно которых он формулирует несколько небезынтересных замечаний. “Во-первых, – пишет он, – как ни относиться к этому режиму, нельзя не признать, что пока еще нигде в мире он по-настоящему не установлен; если он где-то и существует, то как бы в порядке исключения и в самом несовершенном виде. Во-вторых, та картина общественной жизни, которую нам рисуют, чтобы обвинения звучали убедительнее, не верна и не учитывает в должной мере наблюдающегося в настоящее время повышения общего уровня благосостояния населения, включая и наименее обеспеченные классы. В-третьих, если уж и говорить о страданиях этих классов, в той мере, в какой это соответствует действительности, то подлинные их причины остались не названными. В-четвертых, предлагаемые методы решения этой проблемы являются не более, чем словесной уверткой. Наконец, в-пятых, если и возможно законодательными мерами лечить болезни общества, то лучшее, что можно было бы сделать – это не проклипать, а учредить во всей полноте режим свободы и конкуренции”³⁸.

³⁶ Dunoyer Ch Op. cit. P. 192 et suiv.

³⁷ Ibid. P. 193

³⁸ Ibid. P. 194.

Дюнуайе обозначил таким образом одну из крайних позиций в споре об организации труда. Весьма примечательно, что именно половинчатый проект создания общественных мастерских и ему подобные стали объектом его критики. Ведь Луи Блан, с легкой руки которого лозунг организации труда пошел гулять по свету, скорее всего не может быть признан непримиримым идейным противником либерального экономиста. Он был вообще человеком соглашения, компромисса. “В рассуждениях его, – писал о Луи Блане Гейне, – царит такая умеренность, какую встречаешь только у стариков”³⁹. Было бы напрасным занятием искать в его брошюре “Организация труда” резких выпадов против частной собственности, денег, эксплуатации, которыми изобилуют масса других, современных этой книге, произведений социалистической и коммунистической литературы.

К тому времени, когда труд Дюнуайе вышел из печати, уже были известны и более радикальные теории преобразования общества, например, коммунистическая система Кабе, которая предусматривала полное упразднение не только конкуренции, но и собственности, государственное управление экономикой и социальными отношениями и т.д. То, что Дюнуайе не обратил на них внимания, во всяком случае, проигнорировал в своем труде, подвергнув критике исключительно взгляды социалистических реформаторов, говорит о многом. Во всяком случае, это свидетельствует о том, что в 40-е годы коммунизм, в отличие от социализма, еще не воспринимался либеральным общественным мнением Франции как реальная альтернатива существующему строю⁴⁰.

СОЦИАЛЬНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Компромиссный характер социальной программы Луи Блана почувствовал и человек совершенно другого темперамента и круга идей, который, на наш взгляд, как и раз и провозглашал нечто противоположное воззрениям последовательного либерала Дюнуайе, – коммунист Э. Кабе.

Строго придерживающийся своей “прямой линии” поведения в принципиальных вопросах теории⁴¹, он в то же время и сам был склонен к тактическим компромиссам с потенциальными союзниками и “попутчиками” в борьбе за осуществление идеального строя общности, ибо переход к нему он мыслил не как одномоментный, революционный переворот, но как относительно длительный процесс последовательных реформ и постепенных изменений самого общества, растянутый на

многие десятилетия. Поэтому Кабе пришлось по вкусу взгляды Блана и он быстро выделил его из массы других социалистических проповедников, притязавших на внимание публики, и еще в начале 40-х годов стал искать пути сближения с ним. Об этом свидетельствует довольно частое упоминание имени Блана в периодических изданиях Кабе газете “Попюлэр” (Le Populaire) и ежегодном “Икарийском Альманахе” (Almanach Icarien), даже цитирование отрывков из его работ. Это стоит отметить, ибо в своих изданиях Кабе четко ставил цель не столько информировать читателей о новинках политической литературы и событиях социалистического движения вообще, сколько воспитывать их в духе тех идей, которые он сам разделял или допускал. Серьезным доказательством стремления Кабе приблизить к себе Луи Блана (тот был младше его на четверть столетия) служат его попытки установить сотрудничество с газетой “Реформ”, одним из редакторов которой Луи Блан и являлся. Чем закончились эти попытки, мы уже рассказали в одной из предыдущих глав нашей книги.

Чтобы понять причины симпатии Кабе к Блану и, возможно, того влияния, которое он испытал с его стороны, мы должны сначала выяснить, что представляла собой коммунистическая антитеза либеральной концепции свободы труда. Что касается Кабе, то она нашла свое предельно краткое и ясное выражение в его брошюре “Мое коммунистическое кредо”⁴², своего рода манифесте, который он опубликовал в 1840 г., чтобы возвестить “городу и миру” об обращении в новую веру.

Самого словосочетания “организация труда” мы в этой брошюре не встретим. Эту проблему Кабе рассматривает в более широком плане – “социальной организации”, к которой относит и семью, и политику, и нацию, и конституцию, и территорию, и промышленность. Он не считает нужным подробно расписывать “пороки существующей организации” – на его взгляд, они “слишком очевидны и общеизвестны, чтобы их требовалось перечислять”. Но он не жалеет красок, показывая, как прекрасно будет организована общность. Ее достоинством он считает то, что она коренным образом улучшит положение самих людей в обществе, обеспечит справедливое распределение всевозможных благ и создаст наилучшие условия для развития промышленности.

Кабе считает, что строй общности позволит в полной мере осуществить принцип братства в отношениях между людьми. “Я верю, – пишет он, – что нация, или народ, должна составлять единую семью братьев, или единое общество, все члены которого равны в правах и обязанностях, в наслаждениях и труде”. Выводя таким образом принцип равенства из братства, он кладет его в основу организации будущего общества в целом: “Я верю, что *все братья, или члены ассоциации, должны в равной мере являться гражданами, избирателями, избираемыми*; что все они должны получать одинаковое

³⁹ Гейне Г. Лютеция // Собр. Соч.: В 10 тт. М., 1958. Т. 8. С. 103.

⁴⁰ По впечатлениям П.В. Анненкова, коммунистические теории вообще интересовали французскую общественность начала 40-х годов меньше, чем социалистические. В частности, по его словам, “Икария” Кабе, малочитаемая в самой Франции, за исключением небольшого круга мечтательных бедняков-рабочников, была популярна гораздо меньше, чем фурьеризм. См.: Анненков П.В. Литературные воспоминания. М., 1989. С. 185.

⁴¹ Cabet E. Ma ligne droite, ou le vrai chemin du salut pour le peuple. P., 1841.

⁴² Cabet E. Mon crédo communiste. P., 1840. Отсылки к страницам этой брошюры см. в тексте главы.

общее начальное образование; что все они должны быть в равной мере хорошо накормлены, одеты и обеспечены жильем; что все должны в равной мере подчиняться закону; и что все должны в равной мере трудиться” (с. 7–8).

Поскольку, как видно из этих соображений Кабе, он выводит черты общественного строя будущего из неких абстрактных принципов, взятых произвольно (“я верю”, – этими словами начинается каждый новый абзац его “Кредо”), логично с его стороны было и стремление санкционировать все эти изменения в жизни людей, о чем он мечтал, столь же абстрактными нормами права и совершенными законами. Впрочем, не будем забывать, что по образованию и профессии Кабе был юристом, и это несомненно наложило отпечаток на его личность и мышление.

Кабе предстает перед читателем сторонником безусловно демократического принципа народного суверенитета. “Я верю, – пишет он, – что суверенитет принадлежит народу и что народ осуществляет его посредством конституции и законов”. И эта конституция, по мысли Кабе, должна в обществе будущего регламентировать, вплоть до подробностей, все стороны поведения людей: “...она должна закрепить все непреложные основания общности, решая в принципе все вопросы питания, одежды, жилища, брака, семьи, воспитания, труда и т.д.”

Он воздерживается в данном произведении от каких-либо конкретных замечаний или указаний на этот счет, но не потому что уже подробно изложил свои взгляды в утопическом романе, в котором помимо описания вымышленной Икарии и ее столицы имеются главы, посвященные пище, одежде, жилищу, воспитанию, здравоохранению, публичным зрелищам и праздникам икарийцев. Кабе не делает этого по более веским соображениям. Поскольку общность – это дело относительно отдаленного будущего, то, по его мнению, бессмысленно пытаться теперь что-либо предсказать в деталях: “...в настоящее время можно что-либо предлагать лишь в качестве *примера*...” А кроме того Кабе опасается, что обсуждение вопроса о том, какие конкретно формы примет жизнь при строе общности, неизбежно приведет к “спорам, способным перерасти в распрю или вызвать какие-либо иные неблагоприятные последствия, поскольку мнение о том, что считать основами общности, не может не быть всего лишь индивидуальной точкой зрения и только сам народ решит все окончательно” (с. 8).

Подобные суждения Кабе ярко характеризуют демократическую правовую культуру Франции середины XIX в., которой было свойственно преувеличивать роль народной массы, как единственного источника права. Такие умонастроения отчасти объяснимы условиями Июльской монархии с ее цензовой избирательной системой, при которой в сущности горсточка богачей, каких-то 200–300 тыс. человек, т.е. самое большее один из 100 ее граждан, могли участвовать в выборах законодательной палаты. Таких взглядов придерживались также сторонники прямой демократии, если не античного, то во всяком случае руссоистско-якобинского образца (а Робеспьер был кумиром Кабе),

которые не замечали, не желали видеть опасности превращения неограниченной демократии в деспотизм. Примечательно, что ссылка на народ и на его демократическое право самому решать, как жить дальше, часто служила Кабе оправданием строгости или даже суровости законов при строе общности.

По мнению Кабе, конституция строя общности “должна быть выработана и одобрена всем народом”, а “законы должны выражать общую волю... они могут быть подготовлены народным представительством, избранным всеми гражданами, но... по мере возможности должны получить одобрение всего народа. Я верю, что если в соответствии с этим правилом законы будут разработаны, одобрены и поддержаны всеми, то они обязательно будут отвечать интересам всех; и что никто не может испытывать ни малейшего недовольства, исполняя законы, одобренные каждым в общих интересах” (с. 8).

Из рассуждений Кабе видно, что он мыслит общность не иначе как строй, конституция и законы которого полностью и по возможности непосредственно воплощают волю народа. Ему кажется, что он преодолевает противоречие между правом и законом, свойственное современному обществу и вызывающее у него возмущение. На самом же деле он добивается лишь того, что закон у него поглощает право. Запомним метод, посредством которого Кабе пытается разрешить глубинные, свойственные самой жизни и развитию общества противоречия. Он предлагает устранить их чисто механически, объявив, что с того момента, когда народ выразил свою волю, они как бы отменяются, отмирают сами собой. Его мистическая вера в общую волю народа поистине не знала границ.

В чем нельзя отказать Кабе, так это в последовательности. Она отчетливо проявляется в его истолковании свободы, не только политической (хотя по-видимому в небольшой мере, потому что именно политика его всегда особенно интересовала), но и в принципиальном плане: что считать свободой? То, как он ее определяет, какие пределы ей устанавливает, для нас весьма важно. Здесь обозначена его позиция по вопросу, вокруг которого и возникла дискуссия, занимающая нас в данной главе. Исходя из того, что “законы, а следовательно, разум и воля всех граждан должны урегулировать все, что касается порядка и общего счастья” при строе общности, Кабе делает вывод: “...свобода должна состоять только в возможности делать то, что не запрещено законом, и не делать того, что им не предписано” (с. 8–9).

Поистине *такая* свобода не могла быть ни чем иным, кроме воплощения воли законодателя. Кабе как будто не замечает, что собирается взвалить на плечи этого законодателя, кем бы он ни был, непосильный груз – предусмотреть и расписать все, кому чем заниматься. Во всяком случае, такое понимание свободы начисто исключает какую-либо самостоятельность и инициативу граждан. Вспомним об этом, когда перейдем к взглядам Кабе на промышленную организацию общности. Пока же отметим, что все это не мешало Кабе пребывать в уверенности, что общность бесспорно превзойдет современ-

менный строй с точки зрения полноты свободы, которой пользуются граждане. “Я верю, – пишет он, – что при строе неравенства отсутствует подлинная свобода для громадного большинства людей, не участвующих в принятии законов, но что именно общность обеспечит подлинную свободу, поскольку каждый будет подчиняться только тем правилам, необходимость которых он сам признал” (с. 9).

Опустим взгляды Кабе на брак, семью и воспитание детей при строе общности. Отметим только, что ничего оскорбительного для общественной морали того времени в них не содержалось. Кабе не требовал ни общности жен, ни упразднения брака, ни общественного воспитания детей. Но как ни парадоксально, именно этим он навлек на себя нечастые в устах его либеральных критиков упреки в непоследовательности: как можно защищать семью и одновременно требовать отмены индивидуальной собственности, основы семейного благополучия? По-видимому, отношение к семье и браку у Кабе было сугубо эмоциональным. “Я верю, – писал он, – что *жизнь в семье...* является одним из величайших наслаждений, дарованных человеку...” (с. 9).

ЕДИНОЕ ВЛАДЕНИЕ

Было бы удивительно, если бы пророк, мечтающий о детальной регламентации законами поведения людей в обществе будущего, вдруг пожелал бы предоставить им свободу выбора занятий и сфер приложения своих сил. Не мог этого сделать и Кабе. В области экономической организации строя общности он был последовательным и непреклонным сторонником централизации и государственного управления. Хотя он не употребляет слова “государство”, предпочитая различные эвфемизмы, сути дела это не меняет. Вот как он характеризует управление сельским хозяйством: “Я верю, что национальная территория должна считаться *единым владением*, безраздельно принадлежащим обществу. Я верю, что только общество или его представители должны управлять общественным, или общим, владением, давать гражданам поручения по возделыванию полей, сбору плодов, доставке в мастерские всего, что подлежит переработке для удовлетворения потребностей в питании, одежде, жилище, а также распределять все продукты и производства” (с. 10).

Аналогичную модель управления он предусматривает и для промышленности: “Я верю, что все отрасли промышленности должны считаться лишь частью *единого общественного промышленного производства*, руководимого единой волей. Я верю, что именно общество должно осуществлять разделение и определять последовательность *труда*, организовывать и размещать мастерские, распределять всех рабочих” (с. 10).

Выше было показано, как оттолкнувшись от отвлеченных принципов братства и равенства Кабе пришел к весьма своеобразному пониманию свободы, которое было равносильно ее отрицанию, а также

всеобъемлющей государственной регламентации жизни людей, таким образом, что отсутствие законодательного регулирования той или иной сферы жизни означало фактически ее упразднение. Но когда Кабе начинает говорить об экономике, в этом юристе, как ни странно, впервые пробиваются некоторые проблески экономического мышления, т.е. рассмотрения материального производства, обмена и прочего с позиций целесообразности, эффективности, выгоды. Он высоко оценивает достоинства централизованного управления сельским хозяйством, потому что “этот способ хозяйствования должен в конечном счете привести к упразднению изгородей, распахке всех пустошей, более совершенным способам обработки земли, огромной экономии и двух-, трех-, а возможно, и десятикратному росту производства” (с. 10).

Еще большие выгоды ждут людей от централизации управления промышленностью. Судя по его высказываниям, он еще на заре крупного производства вполне оценил его значение и преимущества. “Я верю, – пишет он, – что каждая *мастерская* должна относиться к определенной отрасли, объединять всех рабочих соответствующей профессии и выпускать каждое изделие огромными партиями” (с. 10).

Но особенно примечательно его отношение к промышленной революции, которая с большим скрипом началась во Франции в первой трети XIX в. Она вызвала бурные дебаты в обществе, продолжавшиеся несколько десятилетий, до тех пор, по существу, пока все французы, вплоть до самых неисправимых скептиков, убедились в необратимости перемен, происшедших под ее влиянием. В 40-е годы французское общество по отношению к ней было глубоко расколото. Меньшинство, представленное преимущественно весьма немногочисленной технической интеллигенцией, либеральными экономистами и некоторыми (тоже немногими) предпринимателями, отнеслось к ней с энтузиазмом и возлагало большие надежды на новую технику и связанные с ней перемены в производстве, на транспорте и в других сферах жизни. Большинство, включавшее самые многочисленные и респектабельные слои населения, напротив, было недовольно этими переменами, разрушавшими привычный образ жизни и ставившими под угрозу традиционные формы богатства, пути преуспевания или хотя бы средства добычи хлеба насущного. Как и в других странах мира, переживавших аналогичные потрясения, во Франции развилась своего рода машинофобия, страх перед новой техникой, который усугубляли нередкие несчастные случаи, например, железнодорожные катастрофы, с большим числом жертв. Но к этому страху у людей всегда примешивалось любопытство, которое в конечном счете победило недоверие и позволило убедиться в достоинствах и преимуществах технических достижений.

Как ни покажется странным, но Кабе, мысливший в политике, философии, праве категориями полувековой давности (он прилежно изучал историю Французской революции конца XVIII в., проникся ее героическими образами, даже воспринял образ мыслей ее вождей Робеспьера, Марата, Сен-Жюста до такой степени, что некоторые его

сентенции звучат как цитаты из их речей), оказался среди первых. Он проявил себя таким ярким приверженцем промышленной революции, или, как ее называли во Франции XIX в., “машинизма”, что некоторые историки считают его пророком не столько коммунизма, сколько современного индустриализма, т.е. системы общественных отношений, основанной на преобладании крупной индустрии, с тенденцией к унификации, стандартизации и рационализации всех сторон жизни. Но сам Кабе уповал как раз на то, что промышленная революция создаст предпосылки общности и приблизит ее установление.

Позволим себе небольшую цитату из “Икарийского Альманаха”. Крупная катастрофа, происшедшая на железных дорогах Франции летом 1842 г., вызвала у французской общественности, прессы и политических кругов острый приступ машинофобии. Эти события заставили Кабе взяться за перо и страстно высказаться в защиту новой техники. В частности, он заявил: “Железные дороги, пароходы, телеграф, машины вообще ведут к единству и братству народов. В них будущее человечества, источник процветания общества, инструмент великой гуманитарной революции”⁴³. А что касается угрозы, которой промышленная революция подвергала благосостояние, традиционный жизненный уклад и ценности все более широких слоев населения, то эти ее негативные последствия Кабе целиком относил на счет существующей общественной организации.

Все вышесказанное позволяет по достоинству оценить оптимизм Кабе, выраженный в его “Кредо” по поводу промышленной революции. “Я верю, – пишет он, – что *машины*, распространение которых при нынешней системе часто грозит гибелью беднякам, при системе общности будут нужны во все больших количествах; что все трудные, опасные, непривлекательные работы должны выполняться машинами; что все силы человеческого ума должны быть направлены на то, чтобы найти способ ограничить роль человека управлением машинами”. Мало того, что в результате этого, по словам Кабе, “труд станет *легким и приятным*”, а “все виды труда, предписанные обществом в равной мере”, будут “в равной мере пользоваться *уважением*”. Весьма важен и экономический эффект от применения большого количества машин. Кабе, в котором снова просыпается экономист, заявляет: “Я верю, что эта промышленная система позволит избежать распространенную ныне чрезмерную *занятость*, добиться громадной *экономии* и обеспечить по меньшей мере десятикратный рост *промышленного производства*” (с. 10–11).

Как помнит читатель, составной частью программы новой социальной организации, разработанной Кабе, была и система распределения благ. В ее основу также был положен принцип равенства. Он в условиях ожидаемого, благодаря промышленной революции и “десятикратному” росту производства, изобилия благ должен был обеспечить всем гражданам, по словам Кабе, “отнюдь не *равенство*

в нищете, но равенство в достатке” (с. 11). Как видно из этой формулы, Кабе не обещал “молочные реки в кисельных берегах”, не сулил полного удовлетворения всех потребностей граждан, и притом немедленно. Наоборот, из нее вытекает, что он считался с относительной ограниченностью ресурсов, которые можно было бы направить на потребление, не стопоря в то же время механизмов их расширенного воспроизводства. Словом, здесь он также поступал с оглядкой на экономическую целесообразность и обоснованность.

Выдвинутая им градация всех благ на необходимые, полезные и приятные должна была, по его мнению, разрешить противоречие между идеалом полного удовлетворения всех потребностей граждан, не выходящих, разумеется, за границы морали и закона, с наличными возможностями, хотя и постоянно расширяющимися, но все же относительно ограниченными. “Я верю, – пишет Кабе, – что прежде всего надо предоставить всем гражданам все, что *необходимо*; что затем можно будет постараться предоставить им все, что *полезно*; и что лишь после того, как все будут в равной мере обеспечены необходимым и полезным, можно непрерывно стремиться ко всему, что не более чем *приятно*, однако при условии согласия на то всех граждан, полученного законным путем, ибо равенство в пользовании благами должно всегда неукоснительно соблюдаться” (с. 11).

Социальная организация представлялась самому автору, в данном случае не побоявшемуся показаться нескромным, пределом совершенства. “Я верю, – утверждает он, – что против общности нельзя выдвинуть ни одного *возражения*, которое не составило бы труда опровергнуть, что никакая другая система не способна столь успешно решить все социальные и политические проблемы”. Можно себе представить, как читателям его брошюр в середине прошлого века вместе с ним хотелось верить, что “эта система общности, обеспечивающая всем *хорошее воспитание и достаток*, положит конец всем *раздорам, порокам, преступлениям* и установит самый совершенный *общественный порядок, спокойствие и счастье для всех граждан*”; что “при общности не может быть ни воров, ни пьяниц, ни лентяев; что тяжбы и банкротства станут при ней неизвестны; что суды, наказания, тюрьмы, жандармы и пр. будут бесполезны” (с. 11).

Но если с банкротствами все ясно, ибо проект социальной организации Кабе не предусматривает иных форм собственности, кроме государственной (номинально общественной, но управляемой уполномоченными на то лицами), а государство же по определению не может обанкротиться (по крайней мере, с последующей распродажей имущества), хотя может – и еще как! – потерять кредит, то с ворами, пьяницами и лентяями дело обстоит куда сложнее. Какие у его читателей имелись основания верить тому, что при строе общности люди поголовно предпочтут честный и, как бы мы добавили, ударный

⁴³ Almanach Icarien. 1843. P., s.a. P. 159.

труд на благо общества незаметному прозябанию, выполнению обязанностей “спустя рукава” или уклонению от их исполнения под внешне благовидным предлогом, не говоря уже о заведомо порочном поведении? Кабе предвидел такого рода вопросы и заранее заготовил на них ответы. Человек своего времени, он придавал огромное значение воспитанию, которое, по его словам, при строе общности “должно стать основой всего”. “Я верю, – пишет он, – что оно должно иметь целью физическое, нравственное и умственное совершенствование человека” (с. 9–10). Но такой ответ не мог бы удовлетворить придирчивых читателей Кабе. Они бы спросили его: а откуда взять совершенных воспитателей?

На эти и многие другие конкретные вопросы, которые задавали или могли задать Кабе его читатели и слушатели, мы, как правило, не находим в его работах столь же конкретных ответов, которые бы во всяком случае звучали убедительно. Впрочем, самого Кабе это не слишком заботило. У нас, по крайней мере, сложилось впечатление, что вопросы по поводу деталей его проекта социальной организации вызывали у него скорее досаду и недоумение, чем тревогу и озабоченность. Если он не отмахивался от них как от докуки, то был любезен ровно настолько, чтобы отослать вопрошающего к тем его общим идеям, из которых он и выводил свои конкретные предложения по частностям.

САМООТВЕРЖЕННОСТЬ И ИНТЕРЕС

Подобным же образом – от общего к частному – Кабе решал и весьма непростую проблему мотивации людей к труду – ключевую, как нам представляется, для оценки любой системы организации труда. Ведь как бы красиво они ни выглядели на бумаге, если они не предусматривали эффективных стимулов трудовой деятельности, они была обречена оставаться в лучшем случае занимательной безделицей, в худшем же – трагическим заблуждением.

Весьма простое объяснение мотивов поведения людей при строе общности мы находим в воззрениях Кабе на природу человека. “Я верю, – пишет он, – что человеку свойственны *разум, способность к совершенствованию и общению*”. И в то же время он признает, что “пока еще ничтожно мало людей, разум которых достиг такой степени развития, какой мог бы, если бы о нем заботилась хорошая социальная организация” (с. 4). Следовательно, причина всех несчастий и пороков человека – не в нем самом, а вне его, в обществе. “Я верю, – поясняет свою мысль Кабе, – что пороки человека обычно являются следствием плохой социальной и политической организации, в особенности – *неравенства*, порождающего эгоизм и безразличие, зависть и ненависть. Я верю, что все пороки исчезли бы, уступив место братству, любви и самоотверженности, если бы в социальной и политической организации неравенство заменили равенством” (с. 5).

Кабе нимало не смущают природные различия между людьми: “...различия в росте, облике, силе и т.д. отнюдь не служат препят-

ствием равенству в правах, обязанностях, счастье...” Этому мешают перегородки, искусственно созданные между собой самими людьми. “Я верю, – пишет Кабе, – что природа не разделяла своих детей на касты, классы, расы, корпорации, категории; что она не предназначала *одних* быть господами, властителями, богачами, праздными, привилегированными, свободными от каких-либо обязанностей, счастливыми, утопающими в роскоши, а *других* – рабами, подданными, бедняками, вынужденными трудиться, имеющими только обязанности, не имеющими никаких привилегий, несчастными, преследуемыми нуждой” (с. 5). И решающим доводом Кабе против такого общественного порядка служит то, что он, по его мнению, противостоит природе, т.е. противоречит закону природы: “Я верю, что все на земле создано природой для всего человеческого рода – *все для всех*; что она наделила всех одинаковыми потребностями и, следовательно, одинаковыми правами на все, необходимое для их удовлетворения; что если бы она разделила свое достояние между своими детьми, то она предоставила бы им равные доли пропорционально потребностям каждого; но что она никогда не осуществляла такого раздела; что она предоставила им все свое достояние в *общее* владение; и что она предоставила каждому равное право на землю и все ее плоды, равно как и на воздух, свет и тепло” (с. 5–6).

Почему же люди, столь щедро одаренные природой, изменили своему предназначению и установили между собой общественные различия? По мнению Кабе, единственно по недостатку воспитания и знаний: “Я верю, что это социальное и политическое неравенство возникло у всех народов лишь потому, что человеческий род первоначально был груб и исключительно невежествен”. А в настоящее время это неравенство – все его разновидности – препятствуют тому, чтобы человек мог развить и проявить свои природные задатки во всей их полноте. Причем, дело даже не в политическом неравенстве – например, между монархом и подданными, – поскольку, по словам Кабе, “история свидетельствует, что народы могут бедствовать как в республике, так и в монархии” (с. 6). Главный источник несчастий народов заключается в социальном неравенстве. “Я верю, – заявляет Кабе, – что неравенство, порождающее роскошь и господство меньшинства человеческого рода, с одной стороны, *нищету и угнетение* большинства человеческого рода – с другой, является коренной *причиной* всех пороков богачей (эгоизма, алчности, властолюбия, жадности, безразличия и бесчеловечности) и всех пороков бедняков (ревности, зависти, ненависти). Я верю, что оно также причина всех распрей и противоречий, всех смут и раздоров, всех заговоров и восстаний, всех преступлений и всех жестокостей” (с. 6).

Среди всех общественных институтов, противных природе человека, Кабе в особенности выделяет собственность. Впрочем, он готов признать, что “этот институт мог быть хорошим и полезным при условии, если бы земля была разделена между всеми людьми так, чтобы каждый имел равную долю и эта доля была бы по сути своей неотчуждаемой” (с. 7). Но все произошло как раз наоборот: “...почти

все нации ввели у себя собственность на условиях ее неравенства и отчуждаемости...” Кабе считает это “ошибкой и, может быть, самой пагубной из всех ошибок”. Согласно его мнению, “неограниченная собственность способствовала росту неравенства состояний” и по сей день “служит главной причиной возникновения богатства и нищеты, всех пороков, всех несчастий человечества”. Отсюда вывод: “Я верю, что до тех пор, пока будет сохраняться собственность, с фатальной неизбежностью останутся в основном и эти несчастья; и что кто бы ни захотел устранить эти *следствия*, тот должен прежде всего покончить с их *причиной*” (с. 7).

Значит ли это, что можно ограничиться переделом собственности в соответствии с принципом равенства – каждому равную долю? Как мы видели выше, Кабе допускает такое решение, но тем не менее его не поддерживает. Вы спросите, на каком основании? А все очень просто. “Я верю, – пишет Кабе, – что природа предназначила землю к *общему и неделимому* владению, так же как воздух, свет и тепло; что она предназначила к разделу лишь плоды и предметы, необходимые для удовлетворения потребностей каждого; что *общность благ естественна*” (с. 6–7).

Таким образом, переход народов к строю общности означал бы, по мысли Кабе, не что иное, как их возвращение к своему естественному состоянию. Известно, что даже такой смелый мыслитель, как Ж.-Ж. Руссо не дерзал об этом мечтать, считая, что цивилизация настолько глубоко въелась в сознание и нравы людей, что они уже не могут без нее обойтись, как ни пагубны ее последствия для их морали и духа. Кабе не разделял пессимизм Руссо, но тем самым он рисковал навлечь на себя обвинения в намерении уничтожить культуру. Ведь, с точки зрения весьма многих современников Кабе, что иное мог означать призыв вернуться к естественному состоянию, как не апологию первобытной дикости? Предвидя такие обвинения, он спешит пояснить, что строй общности будет “продолжением, развитием и усовершенствованием *естественного* общества посредством *разума* и *опыта*” (с. 4).

Здесь мы, проследив ход умозаключений Кабе, возвращаемся к тому, как он решает вопрос о трудовой мотивации людей. Оказывается, он никак его не решает. Более того, этого вопроса для Кабе как бы не существует вовсе. Что для него существенно, так это, с одной стороны, общество которое может быть организовано правильно (естественный строй равенства, или общности) или неправильно (строй неравенства); с другой стороны – человек с его естественными задатками. “Я верю, – пишет Кабе, – что человек, будучи от природы *общительным*, испытывает к себе подобным такие естественные чувства, как *влечение, симпатия, сочувствие, сердечность, доброта, склонность* помогать и оказывать поддержку своим братьям; что *братство, любовь и самоотверженность* являются естественными склонностями или инстинктами, которые укрепляются и развиваются

разумом и воспитанием” (с. 4–5). В обществе, организованном неправильно, природа человека искажена, все лучшие его побуждения пропадают втуне. Напротив, в обществе, устроенном в соответствии с законом природы, все его естественные задатки проявятся во всем блеске. Сами собой отомрут воровство, пьянство и нерадивость. Трудиться, не покладая рук, на благо всего общества человек будет инстинктивно, т.е. не отдавая себе в том отчет, как дает понять Кабе.

Не вдаваясь в споры европейских философов в предшествующее столетие о природе человека, которые, несомненно, наложили отпечаток на мировоззрение Кабе, заметим лишь, что подобное чисто умозрительное объяснение трудовой мотивации людей не могло бы удовлетворить серьезных экономистов. Считая себя учеными, они стремились к познанию конкретных механизмов функционирования экономики, в том числе и мотивов, побуждающих людей работать, не покладая рук, заботясь об улучшении результатов собственного труда, о последствиях своих усилий для себя лично, своих близких и всего общества. Экономическая наука в лице своих основоположников, например, французских физиократов или шотландца Адама Смита, – такое же детище Просвещения, как и нравственная философия. Поэтому либеральные экономисты первой половины XIX в. отнюдь не отрицали наличия идеальных, отвлеченных мотивов трудовой активности людей, восходящих будь то к божественной сущности человека или его природе. Вместе с тем они подчеркивали огромное значение культуры и цивилизации, наложивших глубокий отпечаток на современного человека и прививших ему интересы высшего порядка, которые нельзя свести к элементарным страстям и потребностям.

Дюнуайе, капитальный труд которого мы выше цитировали, несомненно принадлежал к числу просвещенных экономистов. Роль и значение свободы труда он рассматривает прежде всего в контексте культуры древних и новых народов – от эпохи дикости, кочевого образа жизни и рабовладения вплоть до современного ему “промышленного порядка”. Вот к какому выводу он приходит, сравнивая между собой различные этапы исторического развития человечества: “Мы не только не можем согласиться с теми упреками, которые часто бросают современной промышленной эпохе, будто бы она противоречит науке, лишена поэзии, способствует порче нравов и противоречит общественным интересам, но, напротив, мы, будучи глубоко убеждены в своей правоте, беремся смело утверждать, что именно под влиянием этого порядка и по мере того, как различные профессии очищаются от всякой примеси несправедливости, как они все более индустриализируются⁴⁴,

⁴⁴ Ш. Дюнуайе понимал под словом “индустрия” не только и не столько крупную машинную индустрию, сколько методы промышленной деятельности. Он писал: “...человек, занимающийся промышленной деятельностью, не может быть сегодня безразличен к средствам добычи своего пропитания, например, к применению насилия и обмана. Наоборот, это человек, который занят созданием полезных вещей одного рода и обеспечивающий себя, в меру своих потребностей и возможностей, полезными вещами другого рода путем честного и свободного обмена”. См.: *Dunoyer Ch. Op. cit.* P. 160.

параллельно все более совершенствуются и изящные искусства, науки, нравы, общественные отношения, а мы сами становимся все более восприимчивыми к радостям поэзии, доводам науки, моральным и общественным императивам”⁴⁵.

Но все это не мешало Дюнуайе вместе с другими экономистами либеральной школы считать, что в конечном счете мотивы трудовой деятельности людей восходят к стремлению обладать собственностью. В прошлом это стремление принимало грубые, антиобщественные формы. Промышленный порядок ввел его в цивилизованные рамки. “Этот отнюдь не знамение промышленной эпохи, — пишет Дюнуайе, — что нас охватило желание умножить наши материальные блага. Но если при промышленном порядке, равно как и при любом другом способе существования, первейшей потребностью человека является приобретение собственности, то все же не стоит об этом слишком печалиться, особенно когда она удовлетворяется почтенными средствами; поскольку собственность, в особенности же благоприобретенная, пробуждает в нас желания высшего порядка”⁴⁶.

Но как ни отличаются взгляды Кабе и Дюнуайе на мотивы трудовой деятельности — один делает ставку на *самоотверженность* людей, другой на их стремление к приобретению *собственности* — трудно не усмотреть в их теориях возможной точки пересечения. Ибо Дюнуайе не отрицает идеальных мотивов (потребностей *высшего порядка*), а Кабе стремится не то чтобы отменить собственность, а сделать ее общим достоянием. Почему, продолжая мысль Кабе (сам он об этом не рассуждал), мы не можем себя спросить, не станет ли обладание общей собственностью действенным стимулом трудовой активности? Собственно, в той или иной форме об этом же писали другие социалисты, сторонники ассоциированного труда.

На этот вопрос Дюнуайе дает ответ, достойный либерального экономиста. Он, по сути дела, объясняет, что в экономике, как и в математике, от перемены мест слагаемых сумма (богатства) не меняется. Что бы ни говорили социалисты о преимуществах общего владения собственностью и ассоциации, действительность, по мнению Дюнуайе, их опровергает: “И при порядке свободы трудящиеся классы фактически ассоциированы в той мере, в какой это допускает закон. Они получают в свое распоряжение ту долю богатства, произведенного промышленностью, которая пропорциональна авансированному ими капиталу, т.е. предоставленной ими рабочей силе. Эта доля, если ничто не мешает их свободному найму, в точности представлена их заработной платой. Если вы пожелаете это изменить, сделаете их совладельцами предприятий и предоставите им вместо заработной платы долю в прибылях, то их благосостояние от этого существенно не изменится... оно не может не соответствовать той роли, которую играет рабочая сила в создании богатства”. Поэтому идеи общего

владения собственностью и справедливого распределения прибылей, под каким бы соусом их не предлагали публике, сводятся, по мнению Дюнуайе, к одному: “ассоциируя бедных с богатыми, перераспределить собственность вторых в пользу первых”⁴⁷. То, что такая операция не даст ни реального прироста общественного богатства и даже не послужит стимулом к повышению трудовой активности, а, наоборот, снизит активность тех, чей вклад в создание нового богатства был относительно выше, нашему либеральному экономисту было совершенно очевидно.

Характеризуя идеи современных французских социалистов, выступивших со своими предложениями после Сен-Симона, Фурье и Оуэна, как “утопии”, Дюнуайе пишет: “По сути ничего нового они не сказали; они по-прежнему исходят из того, что общество ответственно за судьбу бедных классов и что оно должно обеспечить их благосостояние посредством умелой организации труда; но они благоразумно воздерживаются от того, чтобы объяснить нам, какая организация может обеспечить нам всеобщее довольство с сегодня на завтра”⁴⁸. Благие пожелания и призывы социалистов он называл просто “фразами”, достойными скорее поэтов и романистов, чем серьезных экономистов.

В противоположность социалистам, Дюнуайе выдвинул, как ему казалось, простые и “совершенно разумные” предложения, направленные на то, чтобы поскорее решить реальные социальные проблемы общества, в том числе и проблему нищеты. “Прежде всего, — пишет он, — не очевидно ли, что чем меньше таможенных барьеров между странами и профессиями...; чем меньше общенациональных и профессиональных монополий, как частных, так и государственных; чем шире станет поле конкуренции, тем больше возрастет число полезных предприятий и тем выше будет спрос на труд рабочих классов? Расширение свободы приведет к увеличению числа рабочих мест двумя путями: облегчением возможности для создания новых предприятий и в еще большей степени стимулированием энергии предпринимателей”⁴⁹.

Главный упрек, который предъявляют обычно свободе и конкуренции, заключается в том, что он ведет к несправедливому распределению плодов труда. Дюнуайе позволяет себе в том усомниться. Неужели не очевидно, вопрошает он, что чем меньше всяких монополий и привилегий, то тем меньше и возможностей тех или иных групп общества наживаться за счет других? “Неужели не очевидно, — продолжает он, — что режим свободы и конкуренции в действительности ставит всех нас в то положение, когда ничто не мешает нам реализовать наши способности, не препятствует заключению наших сделок и когда каждый может в полную меру своих сил и возможностей добиваться законными средствами поставленных целей?” Но этот же режим налагает на каждого человека и дополнительную ответственность за свои поступки. И предприниматель, и рабочий должны

⁴⁵ Ibid. P. 164.

⁴⁶ Ibid. P. 170–171.

⁴⁷ Ibid. P. 209.

⁴⁸ Ibid. P. 210.

⁴⁹ Ibid. P. 211.

соизмерять свои силы с возможностями, расходы с доходами, сберегать излишки “на черный день” и т.д. “Будучи энергичным стимулом, конкуренция, – подчеркивает Дюнуайе, – является также и мощным тормозом, и чем большее развитие она получает, тем в большей мере она требует от людей предусмотрительности”⁵⁰.

Дюнуайе видит большой недостаток всех социалистических теорий в том, что они стремятся освободить человека от всякой ответственности за свои поступки, превращают его в марионетку, послушную воле неких могущественных сил или действующую по усмотрению начальников. “Авторы наших утопий, – пишет он, – дают понять, что относятся с полным пренебрежением к человеку. Они хотят поставить его в такое экономическое положение, которое избавило бы его от добродетелей и облагодетельствовало бы всех, не налагая ни на кого ответственности. Не говорите им о целеустремленности, терпении, смелости, предусмотрительности, экономности, моральном долге. Все это, по их мнению, годится только для старого порочного общества и является его следствием, а в новом, искусно организованном, – будет совершенно излишним. Главное, по их мнению, это открыть его, изобрести его организацию, которая бы работала сама по себе и обеспечила бы счастье людей благодаря своим собственным достоинствам”⁵¹.

Трудно избавиться от впечатления, что Дюнуайе действительно задел Кабе за живое, обнажил уязвимое место его социальной теории. Но, может быть, упреки, адресованные им “авторам утопий” без разбора, покажутся несправедливыми по крайней мере по отношению к Луи Блану, который неоднократно в своей “Организации труда” подчеркивает, что работники общественных мастерских будут весьма “заинтересованы”⁵² в их процветании.

КОЛЛЕКТИВНЫЙ ИНТЕРЕС ИЛИ ТИРАНИЯ ЛОДЫРЕЙ?

В своей книге Блан прямо ставит вопрос: “Каковы будут правила распределения плодов труда в каждой общественной мастерской?” И дает на него ответ, поначалу внушающий некоторый оптимизм: “...Всегда и неизменно я видел верное решение проблемы справедливого распределения в том, чтобы сделать общим достоянием и средства труда и продукты потребления, учитывая при этом способности и потребности каждого... Но я не отрицаю, что надлежащее воспитание до сего дня было чистой привилегией, что способности каждого человека не поддаются точному измерению; что извращенная цивилизация, угнетая нас, превращает нас в себе подобных; что она, следовательно, исковеркала законы природы; что она привила нам искусственные потребности, дурные вкусы и тщеславные желания; что

если бы мы попытались преждевременно ввести систему истинной пропорциональности, то, учитывая влияние этой цивилизации, в результате оказалось бы, что слишком многие стали бы работать все меньше, а требовать все больше”⁵³.

Сделав это меткое наблюдение, разумность которого трудно оспорить, Блан достаточно неожиданно объявляет себя сторонником “равенства заработной платы, или, по крайней мере, равного раздела прибылей” на первых порах существования общественных мастерских с последующим переходом к распределению по принципу: **“каждый будет производить в соответствии со своими способностями, а потреблять в соответствии с потребностями”**⁵⁴.

Не удивительно, что именно в этой части воззрения Блана подверг резкой критике один из его самых известных оппонентов Мишель Шевалье. Либеральный экономист, сделавший в годы Второй империи блестящую карьеру министра, он отличался от многих своих коллег пристальным вниманием к так называемому социальному вопросу⁵⁵. Причину этого, очевидно, следует искать в его сенсимонистских корнях – он был учеником и последователем Сен-Симона. Во всяком случае, он проявлял заметно большую отзывчивость к нуждам социальных низов, чем его старший собрат по цеху Дюнуайе.

В августе 1844 г. Шевалье публикует в либеральной газете “Журналь де деба” пространную критическую статью о книге Блана⁵⁶. Похвально отзываясь о намерениях автора, который, по его словам, стремился “устранить пагубные последствия неограниченной конкуренции”, Шевалье тем не менее расходится с ним в конечных выводах и оценках. Сравнивая конкуренцию с садовым деревом, приносящего плоды только при надлежащем уходе за ним садовника, он так характеризует суть своих разногласий с Бланом: “Чтобы дерево лучше плодоносило, на наш взгляд, вполне достаточно осторожной и умелой рукой срезать с него лишние ветки. Радикальная школа, к которой принадлежит Луи Блан, хочет... срубить его под корень. В этом случае плодов не только не станет больше, их не будет вообще – ни для кого. И бедные, и богатые попросту умрут от голода”⁵⁷.

Но что любопытно, сам Шевалье отнюдь не склонен к живописанию прелестей конкуренции. Он прекрасно видит все ее недостатки и пороки. “Где бы она ни появлялась, – пишет он, – ей сопутствуют потрясения, катастрофы, банкротства и слезы. Сколько семей лишились из-за нее благосостояния, сколько надежд она похоронила! Сколько сбережений, собранных с таким трудом, развеялись в дым по ее милости! Сколько работающих и порядочных людей потеряли все, вплоть до своей чести! Я ни в малейшей мере этого не отрицаю и

⁵³ Ibid. P. 74–75.

⁵⁴ Ibid. P. 72.

⁵⁵ Walch J. Michel Chevalier économiste saint-simonien. 1806–1879. Lille, 1974.

⁵⁶ Она воспроизведена Бланом в девятом издании “Организации труда”, по которому и приводятся ниже следующие цитаты (Ibid. P. 186–193).

⁵⁷ Ibid. P. 188.

⁵⁰ Ibid. P. 211–212.

⁵¹ Ibid. P. 212.

⁵² Blanc L. Op. cit. P. 71, 78, 82, 86.

скорблю об этом не меньше, чем кто-либо другой”. Но ведь конкуренция является всего лишь экономическим, “индустриальным воплощением” универсального принципа свободы. А мы знаем, каким болезненным был путь человечества к завоеванию политической свободы, во имя которой были пролиты реки крови. Будем мы на этом лишь основании проклинать свободу?

Равным образом и конкуренция, считает Шевалье, не заслуживает того, чтобы на нее возлагали ответственность за ложь, преступления и насилия, творимые от ее имени. И далее он высказывает ряд небезынтересных суждений, которые ярко характеризуют его общественную позицию. “Принцип конкуренции, – утверждает он, – еще долго, если не всегда, будет законом промышленности. Все, что люди в наше время могут сделать, это не доводить его до крайности. Вообще никогда не следует чисто логическим путем выводить из того или иного принципа крайние умозаключения. Противоположные принципы следует уравнивать между собой. Таким образом, постараемся использовать любую возможность, чтобы уравновесить недостатки конкуренции. Если невозможно излечить полностью те болезни, к которым она приводит, то постараемся хотя бы облегчить наши страдания. Ради этого поступим с конкуренцией, или индустриальной свободой, так же, как мы поступили с политической свободой. Ее мы соединили с порядком, и мы добились огромного и спасительного прогресса, когда вскоре после славных дней 1830 г. мы к лозунгу свободы на нашем знамени добавили лозунг общественного порядка... Следуя этому примеру, давайте и по отношению к промышленности перестанем отрывать давящую конкуренцию от понятий ассоциации и солидарности. Спасительные и благотворные перемены не заставят себя ждать. Но упразднить конкуренцию – никогда!”⁵⁸

Определив таким образом свою позицию по коренному принципу – конкуренция? Да! Но уравновешенная ассоциацией и солидарностью, – Шевалье подвергает строгому критическому разбору взгляды Блана по вопросу о трудовой мотивации людей в обществе, где упразднена конкуренция. Они, по его мнению, сводятся в основном к двум идеям. Первая в изложении Шевалье гласит: “Человеческим обществом можно управлять преимущественно, если не единственно, посредством чувства долга”. Вторая: “Конечная цель общества – это абсолютное равенство”. Обе эти идеи Шевалье считает “радикально ошибочными”. По его мнению, Блан недооценивает решающую роль “личного – прямого и непосредственного – интереса”, который он неправомерно отождествляет со всеми осуждаемой “алчностью”. Поэтому совершенно напрасно Блан надеется на процветание своих общественных мастерских, потому что “единственным мотивом их членов как можно лучше справляться со своими обязанностями будет не личный и прямой, а коллективный и косвенный интерес”. А с устранением личного интереса реформатору неизбежно останется уповать только на

высокую сознательность работников как главный стимул их трудовой активности. Согласны мы с этим или нет, замечает Шевалье, но большинство людей руководствуется в повседневной жизни не чувством долга, а чувством своего личного права: “мысли об интересе преобладают над мыслями о жертвенности”. “Прямое и непосредственное чувство личной выгоды, – продолжает Шевалье, – является постоянно действующим побудительным мотивом; в деловом мире, сфере промышленного обмена и труда оно руководило и всегда будет руководить поступками людей. Упраздните его – и промышленность зачахнет и остановится. Без него не будет прогресса в искусстве, трудовой энергии – в работниках, жизни – в мастерских”.

Разумеется, не хлебом единым жив человек. “Закон и религия, – пишет Шевалье, – внушают людям чувство долга и прославляют жертвенность; поблагодарим их за это от всего сердца. Общество погибло бы в тот самый день, когда угасло бы чувство долга. Оно бы насквозь прогнило, если бы люди перестали преклоняться перед подвигом жертвенности и самоотречения”. Но положи руку на сердце, признаемся, что в повседневной жизни люди не склонны к жертвенным поступкам. “Ставьте памятники Цинциннату, возлагайте венки мученикам, но не надейтесь, что в своих обычных делах люди будут руководствоваться их примером”, – предостерегает Шевалье⁵⁹.

Что касается принципа равного вознаграждения, то наш экономист считает: попытка осуществить его приведет лишь к установлению “самого грубого неравенства, самой ненавистной тирании”. “Вообразите, – обращается он к своим читателям, – как в казарме, подобной той, в которой трудятся, иначе говоря, все граждане, должны по милости Луи Блана жить сообща, князь или иное первое лицо, министры, судьи самого высокого ранга, руководители предприятий, которые по своему положению обязаны повелевать людьми, едят из общего котла свой ежедневный рацион, вкушают отдых от государственных забот на общем дворе, разделяя забавы и увеселения самой пошлой публики, или размышляют о судьбах родины, об общих интересах общества, сидя в пронумерованной комнате, такой же, как и у любого гражданина, посреди грязной посуды и детского пеленок. Это не серьезно”⁶⁰.

Блан не замедлил ответить на критику Шевалье. В феврале 1845 г. его письмо было опубликовано на страницах той же “Журналь де деба”⁶¹. В нем он развил свои взгляды по вопросу о “личном интересе”, обозначив точки соприкосновения и расхождения с позицией Шевалье. Прежде всего Блан заявил, что он вполне разделяет мнение своего оппонента о том, что “личный интерес является самым энергичным и убедительным стимулом человеческой деятельности”. Но, продолжает он, – и здесь начинаются их разногласия – “конкуренция придает

⁵⁹ Ibid. P. 189.

⁶⁰ Ibid. P. 190.

⁶¹ Письмо Блана также воспроизведено в девятом издании “Организации труда”. См.: Ibid. P. 193–198.

⁵⁸ Ibid. P. 188.

личному интересу антиобщественное направление, вынуждает человека поступать вопреки чувства долга". По словам Блана, "речь идет совсем не о том, чтобы по-мальчишески отрицать важную роль личного интереса, а о том, чтобы облагородить эту силу, очистить ее и обогатить". Этого можно добиться, если "изменить общественный строй, который по своей природе делает несовместимыми личный интерес и чувство долга, и... создать основы нового строя, при котором бы каждый человек находил удовлетворение своего личного интереса в торжестве интереса общественного". Блан утверждает: "Ассоциация способна решить эту проблему. Так, в общественных мастерских... личный интерес ничем не ущемляется, поскольку каждый работник участвует в прибылях. Единственное ограничение заключается в том, что доля отдельного работника не может увеличиться без соответствующего увеличения доли всех остальных. Таким образом дух соревновательности не подавляется, а становится чище; личный интерес из повода для вражды превращается в средство достижения согласия и подготавливает братство; индивидуальный стимул остается в силе, но уже не расходится с моралью". Блан решительно не согласен с мнением Шевалье о том, что при системе ассоциации личный интерес теряет свой прямой и непосредственный характер. "Я не знаю, — пишет он, — ничего более прямого, чем интерес работника к увеличению прибылей, из которых он получает свою долю"⁶².

В разгар революции 1848 г. Шевалье посчитал нужным вернуться к этому спору. В книге своих статей и заметок под общим названием "Письма об организации труда, или исследование о главных причинах нищеты"⁶³ он уделил немало места и воззрениям Блана. К той критике, которая появилась под его пером ранее, он добавил несколько новых и небезынтересных штрихов.

Если в 1844 г. Шевалье еще мог с иронией отмахнуться от намерения Блана ввести для работников общественных мастерских равное вознаграждение за труд, как заведомо несерьезного, то в условиях демократической революции, провозгласившей одной из своих целей организацию труда, он считал своим долгом высказаться по существу вопроса, причем так, чтобы его поняли прежде всего рабочие, основная категория читателей социалистических брошюр. Истинное равенство, утверждает Шевалье в "Письмах об организации труда", заключается не в равной оплате труда, а "в равенстве возможностей социального роста для всех, кто заслуживает того благодаря своим способностям и упорным личным усилиям". Все, что предлагает Блан, на практике привело бы к "угнетению лучших натур посредственностями; активными, умных и добросовестных людей эгоистами, дураками и лодырями. И хорошенько заметьте себе, — обращается Шевалье к своим читателям, — от этой тирании страдали бы не только верхи общества: она свирепствовала бы и в мастерской... она означала

бы не что иное, как *эксплуатацию* хороших работников плохими. Хорошие рабочие, столь многочисленные в Париже, уже это понимают и не выражают восторга от этой системы"⁶⁴.

Но особенно убедителен был Шевалье в критике тезиса Блана о том, что коллективный интерес не исключает, а, наоборот, предполагает интерес личный. "Задумайтесь, — пишет Шевалье, обращаясь к своему оппоненту, — можно ли всерьез писать о прямом интересе каждого из членов ассоциации, основанной на принципе равенства, учитывая, что в каждой отрасли промышленности трудится множество людей, сотни тысяч или даже миллионы. Допустим, их всего сто тысяч. Если, усердно работая, один из них в течение года выпустит продукции на 100 франков больше, чем в среднем все остальные работники, сколько составит его доля, согласно правилам распределения в вашей системе? Одну *тысячную* франка в год, или три сантима за тридцать лет напряженной трудовой жизни. Вот все, что искусный работник получит в компенсацию за свое личное усердие! Следовательно, не толкуйте мне о личном интересе... Вы попросту разрушаете человеческую личность: вы растворяете ее в хаотическом пантеизме. Каждого из нас вы превращаете в безликий номер, как какого-нибудь каторжника"⁶⁵.

Если доводы разума все же не могут поколебать веру читателей в чудодейственные свойства проекта Блана, Шевалье советует им обратиться к опыту человечества. Он свидетельствует, что жизнеспособностью обладают лишь те ассоциации, которые основаны на принципе долга. Это армия и монастыри. Но они существуют только благодаря "железной дисциплине". "Во всех армиях и монастырях мира, — пишет Шевалье, — человеческую личность, во избежание ее бунта против грубого попрания ее прав, принуждают к пассивному повиновению... вот какую новую перспективу открывает нам Луи Блан. Рабочие, пожалуй, предпочтут нынешний социальный порядок..."⁶⁶

Дискуссия о принципах свободы и организации труда, бесспорно, выявила сильные и слабые стороны теорий, объяснявших в середине XIX в. происхождение "социального вопроса" и пути его решения. Можно долго рассуждать об их достоинствах и недостатках. Мы могли бы, например, признать весьма путанной критику социалистами Бланом и Кабе конкуренции, в особенности же противоречивыми их конкретные предложения, вытекающие из нее. Если мы согласимся с мнением Блана, что величайшим несчастьем для людей является монополия, порождаемая конкуренцией, то гораздо уместнее было бы с его стороны предложить меры, направленные на предотвращение монополий и поддержание конкуренции на приемлемом для общества уровне. Между тем он выступает за подавление конкуренции и форсированный переход к монополии, правда, государственной. Еще более надуманными представляются нам предложения Кабе, призванные упразднить всякую

⁶² Ibid. P. 194–195.

⁶³ Chevalier M. Lettres sur l'organisation du travail, ou études sur les principales causes de la misère. P., 1848.

⁶⁴ Ibid. P. 52–53.

⁶⁵ Ibid. P. 47.

⁶⁶ Ibid. P. 70.

самодеятельность и инициативу граждан, грозящие остановкой общественного развития. Их вере в благотворность государственной монополии, идет ли речь об экономике или обществе в целом, мы находим единственное оправдание. Как и многие их современники, они обожествовали народ, преклонялись перед его “общей волей” и приписывали демократическому государству, якобы непосредственно выражающему эту волю, чудодейственные свойства.

Во многих отношениях представляется ограниченной и позиция либеральных критиков социализма, в особенности таких, как Дюнуайе. Он явно заблуждался, пытаясь доказать надуманность “социального вопроса”: мол, бедные сами виноваты в том, что прозябают в нищете, не надо сразу тратить все заработанные деньги. В этом представлении сквозит недооценка разрушительных последствий действия тех стихийных сил, которые породила рыночная экономика. По сравнению с Дюнуайе гораздо взвешеннее представляется позиция Шевалье. Он считал “улучшение материального положения масс” насущнейшей задачей, предполагая добиться этого не путем передела, а преумножения богатства, не отмены, а защиты частной собственности, не подавления, а поощрения конкуренции и прямой личной заинтересованности работников в результатах своего труда. Наконец, он выступал за всемерное поощрение духа ассоциации и братства в обществе, в частности, в форме участия рабочих в прибылях предприятия при сохранении дифференцированной оплаты их труда.

Однако реальная жизнь оказалась сложнее и прихотливее теоретических споров. Никто из участников этой дискуссии в итоге не мог бы признать, что его предвидение, прогноз на будущее оправдались. Поэтому историческое значение этой дискуссии, на наш взгляд, заключалось в другом. В эпоху, когда экономический успех или неудача стали основным критерием прогресса, когда широкие слои общества вдруг осознали зависимость своего положения от таких абстрактных показателей, как темп роста экономики, курс ценных бумаг, конъюнктура рынка и пр., споры по экономическим вопросам неизбежно политизировались. Они стали важным фактором размежевания и структуризации политических сил. В данном случае они привели к размежеванию политической и социальной демократии во Франции, высказывавшихся за принципиально различные стратегии экономического развития.

Революция 1848 г. ознаменовала конец эпохи “мирного сосуществования” либерализма и социализма, характеризовавшегося теоретическими дискуссиями и взаимными призывами к разуму. Пока дискуссия о принципах совершенной организации общества носила теоретический характер, либералы достаточно благодушно относились к “безумным” идеям социалистов и коммунистов, понимая, что Июльская монархия не оставляет ни единого шанса на их осуществление. События весны и лета 1848 г. на мгновение заставили их поверить в такую возможность. С тех пор и надолго не было более последовательных и непримиримых противников социализма и коммунизма, чем либералы.

Но тем самым революция 1848 г. нанесла сокрушительный удар и по теориям *реформистского* социализма и коммунизма, вроде тех, что проповедовали Блан и Кабе. Рассчитанные изначально на широкую общественную поддержку и согласие “передовых” сил общества, не исключая, разумеется, и либералов, их программы социальных и политических реформ окончательно повисли в воздухе. Они были вынуждены отложить их осуществление надолго, если не навсегда, каждый по своему признав свое поражение: Кабе отправился в добровольную эмиграцию в Америку в надежде хоть там сделать что-нибудь для “освобождения” народа, Блан – в вынужденное изгнание в Великобританию, откуда вернулся на родину лишь в 1870 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Общественно-политические воззрения Кабе сложились во многом под влиянием споров, которые велись во французском обществе об итогах и наследии революции конца XVIII в. Он с самого начала своей политической деятельности принадлежал либеральной “партии” сторонников революции, которые считали, что она не выполнила всех стоявших перед нею задач, не принесла народу всех обещанных благ. Их объединяли как борьба против навязанного “заграницей” режима Бурбонов, так и страх перед возможной интервенцией “реакционных” монархий, объединившихся в Священный союз. Единство либералов цементировали традиционные лозунги революции “свобода, равенство, братство”, которые истолковывались главным образом как требование политических свобод, национального суверенитета (включающего равенство граждан перед законом) и солидарность с зарубежными народами, борющимися за свою свободу и суверенитет.

Июльская революция 1830 г. разрушила идиллическое единство либеральной оппозиции времен Реставрации. От старой либеральной “партии” отделились демократы, отвергавшие Июльскую монархию и требовавшие установления республики. Прежние лозунги они дополнили новым – народным суверенитетом, осуществление которого они связывали с введением всеобщего избирательного права. Демократическое движение апеллировало не к одному какому-нибудь классу или общественной группе, а ко всему народу, всей нации, за исключением разве что горстки власть имущих. Всем гражданам демократы обещали предоставить избирательные права, но беднейшим слоям дополнительно еще и провести социальные реформы, призванные улучшить их материальное положение.

После кратковременного опыта служения Июльской монархии в начале 30-х годов Кабе примкнул к республиканской оппозиции и быстро стал одним из ее общепризнанных вождей. В это время он вполне разделял все основные принципы и лозунги своей “партии” – требование политических свобод, национального суверенитета, солидарности с народами других стран, борющимися за свою свободу, народного суверенитета. Единственное увлечение республиканцев начала 30-х годов, которому он по всей видимости никогда не был подвержен, это были заговоры и восстания. Вполне принимает Кабе и идею единства буржуазии и народа в борьбе за полное осуществление идеалов и принципов революции конца XVIII в. Ни в истории революции, ни в реальной жизни он не видел оснований для их вражды и непримиримой борьбы. Подчеркивая общность и взаимосвязанность интересов бур-

жуазии и народа, Кабе вместе с тем считал, что в отличие от буржуазии народ не воспользовался теми благотворными переменами в обществе, которые произошли под влиянием революции конца XVIII в. Поэтому начиная с 30-х годов, он настаивал на необходимости проведения социальных реформ в интересах народа.

Внимание демократов к запросам и положению народа во многом объяснялось не только политическим расчетом, но и широким распространением во Франции во второй четверти XIX в. романтического умонастроения, которое отчасти выражалось в их своеобразном “народничестве”. Кабе бесспорно отдал дань этому мироощущению. Свой труд по истории революции конца XVIII в. он озаглавил “Народная история Французской революции”. В нем он с точки зрения народа попытался оценить роль различных политических и общественных сил. Свою деятельность в качестве пропагандиста коммунизма, руководителя “икарийского” движения и коммунистической общины в США он также объяснял в конечном счете заботой о нуждах народа. Его публицистика проникнута мыслью о высших интересах народа, как он их себе представлял.

Романтическое умонастроение находило выражение также в особом патриотизме французских демократов, напоминавшем революционное мессианство. Эта своеобразная форма национализма исходила из представления о том, что Франция, как родина революции, является духовным и политическим лидером человечества, оплотом свободы и носителем высших гуманитарных и демократических ценностей. Поэтому ей выпала судьба показать пример другим народам, мечтающим о свободе, а если надо, то и непосредственно помочь им в борьбе за освобождение. Во второй четверти XIX в. многие демократы были убеждены в неизбежности военного столкновения Франции с “реакционными монархиями”, которое могло завершиться либо гибелью свободы во Франции, либо ее торжеством во всем мире. Кабе разделял подобные представления, о чем свидетельствовали его заявления по поводу восстания в Польше в 1831 г. и Восточного кризиса в 1840 г.

Большое влияние на отношение Кабе к вопросу о реформах оказала также дискуссия о “социальном вопросе”, развернувшаяся во второй четверти XIX в. Связанная с глубокими социальными переменами, происходившими вследствие подъема крупной машинной индустрии, эта дискуссия привлекла внимание общественности к появлению новых форм нищеты. Очевидно, это заставило Кабе обратить внимание на различные проекты социальных реформ, которые пропагандировали в 30-е годы сенсимонисты и фурьеристы и в которых он впоследствии проявлял немалую осведомленность.

Однако размышления над уроками революции конца XVIII в., социальными последствиями “машинизма”, даже искренняя забота о благе народа, которую Кабе выражал на самых ранних этапах своей политической деятельности, отнюдь не обязательно вели к коммунизму. Тем более что ни Сен-Симон, ни Фурье, ни многие другие теоретики

социальной реформы того времени не стремились к полному упразднению частной собственности. Не случайно, по-видимому, для своего главного коммунистического произведения, “Путешествия в Икарию”, Кабе выбрал жанр романа. Это свидетельствует о том, что его коммунистическая система во многом исходила из литературных источников. Сам он упоминал “Утопию” Томаса Мора и “Историю заговора равных” Буонарроти как книги, открывшие ему глаза на истину.

Учитывая это обстоятельство, становится понятным, почему, даже перейдя от признания частной собственности к абсолютному ее отрицанию, Кабе во многом оставался верен убеждениям, которых придерживался ранее. В его мировоззрении причудливым образом соединялись либерально-демократические принципы и ценности с социалистическими и коммунистическими идеями, образуя некую иерархию. В том, что касается политики и форм борьбы за реформы и справедливый строй будущего, Кабе руководствовался принципами политической свободы, национального и народного суверенитета, братской солидарности народов, борющихся за освобождение, легального и мирного прогресса. В вопросе о социальных реформах, он скорее стоял на точке зрения социалистов, утверждавших, что нужны не мелочные улучшения, из-за которых готовы были торговаться с властью имущими политические демократы, а серьезные преобразования, фактически меняющие способ производства. Но и политические, и социальные реформы Кабе рассматривал лишь как предпосылку перехода к общности, высшей и конечной стадии развития человечества.

По существу Кабе механически соединил основные программные положения либерально-демократического движения (политических демократов), социалистов и коммунистов, хотя и пытался придать им некую видимость органического единства. В теоретическом плане его усилия дали некоторые позитивные результаты. Он относился к общности как закономерному итогу тысячелетнего развития цивилизации, как строю, усвоившему ее основные достижения в области культуры, морали, техники, индустрии, городов, семьи и т.д. Он подверг резкой критике современных себе коммунистов именно за пренебрежение достижениями цивилизации. И с точки зрения дальнейшего развития социалистической мысли эта критика оказалась плодотворной. Но в целом он не смог разрешить противоречие между индивидуальной свободой, за которую выступали либералы, и социальным равенством, которое отстаивали социалисты. Он пытался устранить его чисто механическим путем, выдвигая вместо свободы на первое место в своей иерархии общественно-политических ценностей равенство, а потом заменив оба принципа братством, якобы включающим их в себя. Но эта игра в слова, конечно, не убедила серьезных критиков.

В начале 40-х годов он выдвинул концепцию мирного, демократического и легального пути осуществления всех реформ, а в отда-

ленной перспективе и перехода к общности. Она представляла собой альтернативу как консервативной политике правящих кругов Июльской монархии, так и заговорщической тактике революционных групп, а также политике части демократов, выбравших путь сотрудничества с режимом (например, “партии” газеты “Насьональ”). Эта концепция исходила из признания ценностей либерализма, демократии и социализма, предусматривая, например, свободу политического выбора граждан, легальность, обязательное одобрение большинством граждан всех реформ и преобразований, проведение мер, направленных на выравнивание социальных различий в положении людей и пр. Сам Кабе придавал ей большое практическое значение – гораздо большее, чем собственно утопической системе, изложенной им на страницах романа “Путешествие в Икарию”, которую рассматривал как некую иллюстрацию к абстрактным принципам коммунизма.

Концепция мирного, легального и демократического пути реформ и перехода к общности позволяет нам определить воззрения Кабе как своеобразный “демократический коммунизм”. Она составляет ядро его учения, поскольку на протяжении 40-х годов (от его первых публицистических выступлений с изложением своих коммунистических взглядов до отъезда в Америку) Кабе уделял главное внимание отнюдь не вопросу о том, каким должно быть справедливое общество будущего. Он даже критиковал коммунистов за чрезмерное увлечение спорами на эту тему, призывая оставить ее на усмотрение будущих поколений, кому, как он надеялся, выпадет жить при коммунизме. Гораздо более важным он считал вопрос о том, как перейти от современного общества к коммунизму.

Однако как политик, Кабе потерпел неудачу. Программу мирного, легального и демократического пути реформ и борьбы за общность Кабе выдвинул, чтобы объединить на ее основе все демократические, социалистические и коммунистические силы в борьбе против существующего порядка. В ней каждая из этих сил должна были найти нечто, отвечающее ее интересам. Однако осуществление этой политической стратегии натолкнулось на стойкое недоверие потенциальных партнеров к Кабе и его воззрениям. Демократов и социалистов корбило от его стремления упразднить индивидуальную собственность, которую и те и другие рассматривали как важнейшую гарантию свободы и самый действенный стимул производственной деятельности людей. Революционные коммунисты осуждали Кабе за приверженность легальной борьбе и желание сотрудничать с буржуазией.

В истории общественно-политической мысли середины XIX в. воззрения Кабе занимают своеобразное место на стыке либерализма и социализма. Подобное сочетание лишь на первый взгляд кажется странным, а на самом же деле в то время к заимствованиям прибегали теоретики и политические писатели самых разных направлений. Как мы уже отмечали, политические демократы признали в конечном счете необходимость социальных реформ, тогда как аполитичные социалисты, вроде Консидерана, заинтересовались политическими реформами. Свое-

образии Кабе заключалось в том, что он предпринял, может быть, самую впечатляющую по масштабам попытку объединить на основе общей программы все патриотические, демократические и социалистические группировки, включая, разумеется, коммунистов. Но по ряду причин, отчасти нами названных выше, не сумел осилить эту задачу. Его увлечение морально-нравственными исканиями и последующая эмиграция в Америку были во многом следствием его политического фиаско.